

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2019

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Агата РЫЖОВА,
Марина ЧЕРТОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПРОЗА

Владимир Крупин. Жертва вечерняя. Рассказы
Виктор Арнаут. Два рассказа.....
Василий Феданов. Вот моя деревня. К 300-летию Кузбасса. Документальная повесть
Елена Трухан. Песни литовки. Рассказ
Дмитрий Тимофеев. Рассказы.....
Александр Казаркин. Чур меня! Главы из повести
Любовь Шалабаева. Гармония. Рассказ
Анатолий Шалин. Пустяковинки

ПОЭЗИЯ

Юрий Михайлов. Сказание о Михайле Волкове. К 300-летию Кузбасса. П о э м а
Галина Золотанина. Маленькой иконкой любоваться.....
Геннадий Морозов. Течёт Ока
Иван Волосюк. По живому пространству... ..
Александр Раевский. Радостный день

ЮБИЛЕЙ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сергей Прокопьев. В Одессу к батюшке Ионе

ОЧЕРК

Евгений Чириков. Два задания. Очерк о Вере Волошиной и её товарищах по оружию

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Вера Лаврина. Снегурок. Сибирский сказ

40 ЛЕТ ПРИТОМЬЮ

Надежда Дубровская. Два рассказа. Андрей Пятак. Марш-бросок. Рассказ .
Борис Устинов, Юлия Сычёва, Григорий Романов, Максим Веремейчик,
Анатолий Касаткин, Екатерина Краснова, Юрий Климанов, Владимир Коньков,
Юрий Дубатов, Виктор Киселёв, Галина Червова, Михаил Стрельцов,
Сергей Чернопятков, Елена Елистратова, Алексей Бурко, Виктор Кальсин,
Ирина Тюнина, Дмитрий Мурзин. Стихи. Ольга Яковлева. «...И счастливых
творческих... вибраций!». Заметки пародиста. Юлия Лавряшина. Серебрянный
ключ Донбая.....

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Александр Карманов. Отрад души.....

ЮБИЛЕЙ

Тамара Высоцкая. 30-летию Новокузнецкого городского отделения Союза художников России

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Руслана Ляшева. Литература?.. Стой неколебимо, как Россия.....

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин..... 170

Русскому писателю
Андрею Платоновичу
Платонову (Климентову) – 120 лет

(1899-1951)

ЮНОШЕ

*Где чувства мало там мысли много,
Где мысли много – там чувства нет...
Иди лишь прямо – одна дорога –
Туда, где правды сияет свет.*

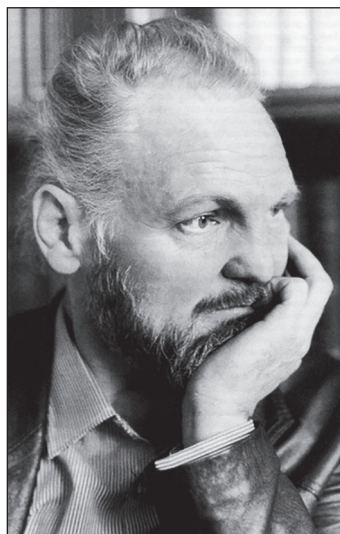
*Иди же прямо, иди же смело,
Пока ты молод и полон сил,
Чтоб сердце волей стальной горело,
Чтоб, погибая, ты победил.*

1918

Владимир
КРУПИН

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Рассказы

И кто возразит, что в прошлое заглянуть труднее, чем в будущее? В будущем одно: Страшный суд, а в прошлом всё то, что его готовило. Жил я среди грешных людей, сам грешил да ещё и себя оправдывал: все такие, даже хуже. Но уже одна эта мысль говорит, что грешнее всех был я. Адам, сваливающий вину на Еву, был грешнее Евы.

Все теперешние мои вечера соединились в один вечер: вечер моей жизни. Давай, брат, попробуем, пока есть силёнки, отвязаться от того, что вспоминается внезапно или помнится постоянно, то есть уже мешает. Пора свой дом подметать. А сколько прожито, сколько пережито! Как пелось в моряцкой песне: «Эх, сколько видано, эх, перевидало, после плаванья в тихой гавани вспомнить будет о чём». Но не получилось в старости тихой гавани. Да и перевиданное пригодится ли кому? Это же только мечтается, что чужое знание пригодится в «быстроотекущей жизни». Каждый набивает свои шишки.

ОТЕЦ В КОНЦЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Отец мой настолько переживал за всё происходящее в России, что даже не мог уже ни читать газет, ни смотреть телевизор, ни выходить на улицу. Везде, во всём он видел знаки падения страны и её насильственного разрушения. В газетах хвалят именно то, что убивает Россию, по

телевизору показывают, как это делается. Выйдешь на улицу, эта гибель уже здесь: девчонки идут в штанах, курят, парни матерятся, на ходу хлеблют из бутылок.

Обычно отец сидел у окна на кухне и молча курил.

— Пап, ты сам-то куришь много.

— Так сколько мне, сколько им? Да я и не взятку. А когда я закурил? В войну, от голода, — смотрит, как дымок утекает в форточку, провожает его взглядом, тушит сигарету, встаёт: — Волокут Россию к эшафоту, ещё только петлю накинуть. В войну было легче.

— А чем было легче?

— Сволочей и подлецов не было.

— Я уверен, что были.

— Были не были, а обязаны были поступать как все. Эх, матушка Россия! Коротко нас запрягли, крепко зауздали. Тронули шпорой под бока. Но вот тут-то мы и не поехали!

Опять закуривает. Успокаивается.

— Тут главное — ремень затянуть. А это мы можем.

— То есть не смогут нас захомутать?

Отец загадочно отвечал:

— Да где-то близко к этому.

КРУПИН Владимир Николаевич родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области в крестьянской семье. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. В 1967 году окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, Московской духовной академии, других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Лауреат Патриаршей литературной премии. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ТЫ РУССКИЙ? ЗНАЧИТ, ТЕБЕ ТЯЖЕЛЕЕ ВСЕХ

Русских, сильных, умных, самостоятельных не любят. Все же хотят быть сильными и умными. А не получается, как у русских. За что ж русским даны сила и ум? Оттого на них и клеветают, и злобствуют. Русские и такие, русские и сякие. И какая ещё нация, кроме русской, выдержала бы многовековое глумление над собой? То ли мы привыкли, то ли считаем, что так надо, и за издевательства не мстим. Это уж когда явно начинали приставать и вторгаться в русские пределы цивилизованные дикари Европы и Азии, тогда приходилось им давать по морде для образумления. И тут же их и жалеть. Кто ещё такой в мире, как русские? Жалеть врагов? Да, жалеем. Но дожалелись до того, что уже ненависть к России поселилась в ней самой. Россию ненавидят те, кому она дала приют, образование, работу. Всегда русским было труднее, чем инородцам, пробиться в жизни. Попробуй еврея в вуз не принять. И не пробуй, и без тебя примут. А русского оттолкнут и дальше пойдут. Это отпихивание я испытывал многократно. Но как русский не обижаюсь совершенно. Те, кто отпихивал, где они? Всегда ощущал я в своей судьбе некую руководящую силу. Даже и называл её строчками из стиха Бунина «Некий норд моей судьбою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: «Не то». Этот «некий норд», воцерковившись, я стал именовать Господом.

Идеологи стеклянного телепространства внедряют в умы глотателей телепищи образ России совсем не русский. Смелые, честные, жертвенные русские люди изображаются трусами, ворами, стукачами. Особенно усердствуют киношники. Особенно это раскручивается в показе советского периода. Я его свидетель, я выросал в советское время, созидался в нём как личность, и меня глубоко оскорбляет твяканье либеральных писак и либеральных радио и телекрепачей. Страдание моё в том, что ими воспитаны такие потребители журнальной, газетной, радио и телепищи, что читатели и зрители, как наркоманы, уже не могут без неё, непрерывно её глотают, кой-как переваривают и испражняются её остатками на историю Отечества.

Русские – трусы? Ну ребята. Неприступный Измаил брали, конечно, нерусские. Шестая рота псковских десантников могла уклониться от боя с бандитами, которых было многократно больше?

Русские – воры? Да где вы, в России ли вы живёте? Кто вас обирает, обкрадывает, кто придумал воровство приватизации? Лично я выросал среди селений, избы которых не знали замков. Войдёшь – хозяев нет, напьюсь воды и идёшь дальше.

Стукачи? Нет, во все времена внедрялись в русскую жизнь чужаки. Слухачи, доносчики сочиняли нужные властям сведения на того, на кого указывали. Почему же Ленин и Троцкий после захвата России торопливо заставляют еврейских комиссаров и вообще евреев брать русские фамилии, почему же убийственные декреты об уничтожении священства и русской интеллигенции подписывает русский выкrest Калинин?

Увы, не всегда у нас в первых лицах России были Александры Невские. Но не хочу и против любых властей ничего говорить. Чтоб было понятнее, спрошу, нужна ли власть? Да, нужна. Пусть плохая, но она лучше анархии. Но чтобы трястись перед ней как осинке? Ни за что. Лишаете меня должностей, привилегий. Плевать! Отлично помню, не выдумал же я, переделку многих официальных лозунгов и идеологических штампов. Сталин сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселее», тут же мгновенно пошла в разговоры переделка: «Жить стало лучше, жить стало веселее, шея стала тоньше, но зато длиннее». Конечно, не орали на площади, но в общении меж собой такие шутки были повсеместны. Или этот масонский лозунг, мечтание большевиков о мировом пожаре: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и все знали его продолжение: «...ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь!». А уж про серп и молот шутки были похлеще. «Это молот, это серп, это наш советский герб, хочешь – жни, а хочешь – куй, все равно...». Ничего не получишь. Или элегическое: «Ну зачем, скажи мне, Петя, если так живёт народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед?».

А частушки? Боже ж ты мой! В какие же, по мнению либералов, глухие времена культа личности слыхивал я и певал лихие куплеты, например: «Ленин Троцкому сказал: «Пойдем, милый, на базар, купим лошадь карию, накормим пролетарию». Или: «На бочонке я сижу, под бочонком кожа. Сталин Троцкому сказал: «Ты жидовска рожа». Кожа тут, конечно, только для рифмы. Или предсказание: «Эх, кáлина, эх, мáлина, убили Кирова, убьют и Сталина».

Воткрытую анекдоты о властях начались... да, со Сталина. И частушка была, которую, думаю, вождь знал: «Сидит Гитлер на берёзе, а берёза гнётся. Посмотри, товарищ Сталин, как он навернётся». Это из серии: «Сидит Гитлер на берёзе...», дальше, например: «...плетёт лапти языком, чтобы вшивая команда не ходила босиком». А уж про Никиту анекдоты травили по всем райкомам и обкомам. Он их и сам любил. К нему часто ходил первый председатель Союза писателей России Леонид Соболев, он перед визитом требовал у подчинённых вооружить его анекдотами: «К Никите иду, с порога спросит». Брежнев умирал под анекдоты о своём маразме. Крупская спрашивает: «Леонид Ильич, вы помните моего мужа?» – «Товарища Крупского? Ну как же, как же». А уже сменяющиеся часто Андропов, Черненко и анекдотов не заслужили. Нет, вспомнил один про Андропова. Ему докладывают: «Мы создаем камерный оркестр». – «На сколько камер?» А Ельцина и Горбачёва и без анекдотов за правителей не считали.

Соотношение личности и истории надо верить применительно к духу народа.

Недавно на Северном Кавказе один горец говорил мне: «Люблю тебя, другому не скажу. Вы – русские всегда не умеете жить и всегда вами командуют. То варяги, то монголы, то немцы, то большевики, то коммунисты, сейчас евреи. А вы хороший народ, мы вас выручим, будет большой, во всю Россию халифат».

Да уж, только халифата нам нехватало. Но кавказец точно заметил: мы не то чтоб не умеем, но не любим командовать. Даже начиная со школы. Сидишь на классном собрании и под парту лезешь, чтобы никаким звеньевым не выбрали. Но что сие означает? Когда надо – у нас и Суворовы находятся, и Ушаковы, и Нахимовы, и Денисы Давыдовы.

«ОСТАВИЛИ В РЯДАХ»

Упоминание о комнате парткома в Доме литераторов вызвало в памяти два его заседания, два персональных дела двух коммунистов: Солоухина и Окуджавы. В их членстве я совершенно не усматриваю никакого криминала, и Шолохов был в рядах, и я тут же присоединюсь. Представлять же, что членам КПСС было легче жить, – это заблуждение. Я не только был членом, но и всегда, по причине своей пассионарности, ходил в начальниках, то есть избирался в секретари, в бюро, в парткомы. Хотя и не рвал-

ся, и не высовывался, но вот это «не могу молчать» и поиск справедливости в открытой борьбе меня подводили. Приходил в новый коллектив, сидел тихонько на собраниях, читал нужную книгу или рукопись, слушал краем уха, а в какой-то момент не выдерживал и просил слова. И что? И вскоре избирался. А какие, кстати, были привилегии у нас? Ходить на субботники? Дежурить в народной дружине? Взносы платить? Ездить в самые трудные командировки? А уж что касается общественной писательской жизни, это было такое сжигание нервов, такая трата времени! А сколько врагов наживалось? Никто, например, не хочет читать скандальную рукопись, на неё уже было пять отзывов, два хороших, два плохих, а пятый – и за и против. Но есть подозрение, что хорошие отзывы писали дружки-приятели автора, а плохие – его завистники, так заявляет автор. Дают рукопись мне, клянутся, что всё будет анонимно. Но, конечно же, авторы всегда узнавали, кто о них и как отзывается. И таких случаев было много. Я всегда писал отзывы без оглядки, писал то, что думаю. Чаще всего приходилось, что называется, резать. И что, «зарезанные» меня начинали любить?

Но вернёмся к тому заседанию.

В названии рассказа использованы широко известные слова Владимира Солоухина после обсуждения его дела на парткоме. Его разбирали за публикацию рассказа «Похороны Степаниды Ивановны» в Америке, в издательстве, помню, Профера.

Владимир Алексеевич и не думал виниться.

– Рассказ Проферу я не передавал, но здесь предлагал его нескольким журналам.

О деле Солоухина больше может рассказать писатель Юрий Поляков, он им по заданию парткома занимался.

Я же был свидетелем выхода Солоухина в залу ресторана, где он, усевшись за трапезу, общился соратникам:

– Оставили в рядах.

Но стоит поведать и о другом персональном деле – о деле по провозу в нашу страну порнографической продукции членом КПСС Булатом Окуджавой. Тут все было непросто.

Известный бард, песни его поёт молодёжь, и не только. Ещё до обсуждения, пока Окуджава в коридоре ждал приглашения, секретарь парткома сокрушённо сообщил, что в райкоме уперлись и требуют для назидания прочих исключить

коммуниста за такую тяжкую провинность, что на них доводы о знаменитости не действуют: «Ну и что, что знаменит, тем более».

– Крови жаждут, – закончил сообщение секретарь, осмотрел нас тоскливым взглядом и просил секретаршу просить обсуждаемого войти в помещение парткома.

Интересно, что это тогдашнее событие, а это было событие, и очень громкое, теперь представляется мелочью: подумашь – три-четыре кассеты да журналы с похабщиной, их теперь на каждом углу кучи. Даже и восхититься можно по-этом, как далеко вперёд смотрел, боролся за либеральные ценности, чтобы каждый мог удовлетворить свои запросы. Хотя, когда зачитали список перехваченной кино-, фото- и журнальной продукции, он был внушителен. Оглашать не хотели, но пришлось. Представитель райкома, не очень-то ласково нас иногда озирающий, сказал, что полагается. Потом дали слово Окуджаве. Особенно его возмущало то, что вещи шмонали и протокол писали те же таможенники, которые выпускали из Союза.

– До этого неделю назад автографы просили. То есть какие неблагодарные оказались.

Старейший член парткома боевой лётчик Марк Галлай сокрушался и всё повторял:

- Мы вас так любим! Но зачем же это вам, а?
- Не себе вёз, просили.
- Кто? – сурово спросил представитель.
- Так, молодёжь, знакомые.

Началось обсуждение. Выступления были однотипны: «Да, нехорошо» (следующий: «очень нехорошо!»), у нас не загнивающий капитализм, но проступившийся – наш товарищ, фронтовик, поэт-песенник, с ним такое впервые, больше не повторится, мы в этом уверены, мы не можем потерять своего соратника», и всё такое соответственное.

Вообще, у меня к поэту была и своя претензия. В одном из романов он написал такую фразу: «Плоское лицо тупого вятча». Именно вятчем я и являлся, а со мною и все миллионы наследников этого древнерусского племени. Я возмущался, но среди своих, а тут мне его было жалко, хотелось поскорее закончить это мучительное для всех заседание. Вот сейчас пишу, и стало вдруг совсем неинтересно. Зачем? Тем более теперь, когда всё так давно было. Бог ему судья.

Окуджаве помогло как раз обсуждение Солоухина. Как известно, Солоухину закатили строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Но не исключили же. И этот довод убедил, кажется, представителя райкома, когда мы оговаривали степень взыскания. Уже без Окуджавы. Его просили выйти в коридор, и он там сидел, ожидая решения. Члены парткома были далеко не дети, понимали, что публикация смелого, честного рассказа о похоронах матери, когда сельский священник чуть ли не тайком отпевает великую труженицу, православную женщину и провоз порнографии – две большие разницы, всё-таки ограничились тоже строгом, тоже с занесением.

– Эх вы, – смеялся потом Солоухин, – что ж вы меня не исключили? Дали бы мне Нобеля.

ЧУДО КАК НОРМА

Кто впервые идёт на крестный ход, обязательно поражается тому, как на чистом небе, даже и не после дождя, возникает и сияет огнецветье радуги.

А кто постоянно ходит, этому не удивляется. Чудо? Да, чудо. Но это же крестный ход. Господь видит наши труды, наши молитвы слышит, посылает утешение.

А бесчисленное количество раз бывало и бывает, когда в пасмурный день берёшься читать Послания или Евангелие или становишься на акафист – и вдруг освещается пространство комнаты светлыми лучами.

И всегда явное чудо бывает, например, при освящении храма, креста, при закладке церкви. Вдруг, в добавление к окроплению, с неба падают животворные капли дождя, хотя никакого дождя не ожидалось и туч не было.

То есть всё просто напрямую говорит нам о Божием присутствии в мире, в нашей жизни, в жизни каждого из нас.

Какое же это чудо, так оно и есть: под Богом и перед Богом ходим. И нечему тут удивляться.

УПРЯМЫЙ СТАРИК

На севере вятской земли был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне жил хозяин. Он жил бобылём. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работающие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число

неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идёт по всей России. «Подумай, — говорили сыновья, — нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному».

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идёт нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! Болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять-пятнадцать километров — это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы всё будет вытоптано за одно лето. И главное — личные хозяйства. Ведь они уже будут — и стали — не при домах, а поодаль. Придётся с работы измученный, и надо ещё тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти все, что было во дворе, хлевах, сарае, всё должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предаёт их. Он затопил баню, старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканным и перемазанным своей, он пошёл на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!» Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было, керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Из всей скотины у него остались три курочки и петух, да ещё кот, да ещё пёсик, который жил в сенях. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И ещё раз приехал начальник: «Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах.

Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распахать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет».

Вот это — о кладбищах — поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идёт трактор, как хрустит и вжимается в землю крест, — нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что, если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца: «Прости, отец» — посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Пёсик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Материнская молитва со дна моря достанет — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно, за многие века подтверждена бесчисленными примерами.

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто всё так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к её сыну. Исповедать. Назвала адрес.

— А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А ещё через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Я поздоровался, говорю: «Ваша мама просила меня к вам зайти». Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла!». А на стене её фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас наве-

стить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» – «Нет, – говорю, – пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». – «А если не приду?» – «Придешь: мать просит. Это грех – родительские слова не исполнять».

И он пришёл. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

– А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого тёмный. Очень благодарил и сказала, что сын её прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам с утра пошёл по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно – умереть без покаяния, без причастия.

И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участии грешников, сделала всё, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она силой своей любви и молитвы.

ПЕТУШИНЫЕ КРИКИ

Все люди, все до единого, те, кто вышел из сельской местности, а теперь живущие в городах, вспоминают детство. Оно им снится, о нём они любят говорить. Рыбалка, река, сенокос, лыжи зимой, санки. Сияние полной луны над серебряным снежным покровом. Запах дыма от русских печей. Что говорить...

Один большой начальник особенно тосковал по петушину пению. Дети его просили купить им попугая. Он купил. Попугай оказался очень способным к обучению. Когда начальник поехал в отпуск навестить старуху-мать, то взял с собой клетку с попугаем. В деревне он поместил попугая в курятник и попугай в два дня выучился кукарекать.

И теперь он живёт в Москве и кукарекает. Вначале мешал спать, ибо по примеру сельских

своих учителей кричал на заре, и его клетку стали накрывать. Тогда он приспособился кричать днём и вечером. Так и живёт. Кому-то напоминает деревню, а кому-то евангельского петуха – алектора, который дважды успел прокричать в то время, в которое апостол Пётр трижды отрёкся от Христа.

Конечно, наш попугай, играющий роль петуха, будет кукарекать долго и обязательно переживёт своих учителей, ибо им до старости дожить не суждено.

ГРЕЧИХА

Вот одно из лучших воспоминаний о жизни.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воеет, истёртые покрышки, как босые ноги, скользят по глине.

И вдруг машина вырывается на огромное, золотое с белым, поле гречихи. И запах, который никогда не вызвать памятью обоняния, тёплый запах мёда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня.

Огромное поле белой ткани, и поперёк продёрнута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем темном лесу.

РЕКА ЛОБАНЬ

Но до чего же красива река Лобань! Просто, как девочка-подросток, играет и поёт на перекалах. А то шлепает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди тёмных елей. Или притворится испуганной и жмётся к высокому обрыву. Но вот перестаёт играть и заботливо поит корни могучего соснового бора.

Давно сел и сижу на берегу, на брёвнышке. Тихо сижу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу – к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьёт. Потом поднимает голову и стоит неподвижно, смотрит на тот берег. Колокольчик её умолкает. Конечно, он надел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней

выбегает лосёнок. Я перестаю дышать. Лосёнок лезет к маминому молочку, но лосиха отталкивает его. Лосёнок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после маминого молочка не очень ему нравится, он фыркает. Всё-таки он немного пьёт и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосёнок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на её берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный, и надо много сапогов сносить, пока дойдёшь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге – матери русских рек, потом будут её дочки: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь вливается Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идёте по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берёз и осин и вот выходите к тому брёвнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и всё. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани и будут забывать о своих делах, засмотревшись в её зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течёт по ней река Лобань.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

Я запрокидывал голову и до слёз, не мигая, глядел с земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звёзды, – чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным.

Когда вспыхивал сразу гаснущий изогнутый след звезды, он возникал так сразу, что заученное наизусть желание «Хочу, чтоб меня любила...» отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом – сердцем: «Люблю, люблю, люблю!».

Когда упадёт моя звезда, то дай бог какому-нибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на земле, проговорить заветное желание. А моя звезда постарается погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО

Много времени в детстве моём прошло на полатах. Там я спал и однажды – жуткий случай – заблудился.

Полати были слева от входа, длинные, из тёмно-скипидарных досок.

Мне понадобилось выйти. Я проснулся – темнота. Пополз, пятясь, но упёрся в загородку. Пополз вбок – стена, в другой бок – решётка. Вперёд – стена. Разогнулся и ударился головой о потолок. Слёзы покапали на бедную подстилку из чистых половиков.

Тогда ещё не было понимания, что если ты жив, то это ещё не конец, и ко мне пришёл ужас конца.

Всё уходит, всё уходит, но где-то далеко-далеко в деревянном доме с окнами в снегу в душном тепле узких, по форме гроба, полатей в непроглядной ночи ползает на коленках мальчик, который думает, что умер, и который проживёт ещё долго-долго.

ЛОДКА НАДЕЖДЫ

У рыбацких лодок нежные имена: Лена, Светлана, Ольга, Вера... Я шёл с рыбаками на вечерний вымет сетей на баркасе «Надежда» и пошутил, что с лодкой надежды ничего не может случиться.

– Сплюнь! – велел старший рыбак.

Солнце протянуло к нам красную дорогу, и на конце этой дороги волны нянчили наш баркас.

Пришли на место. Выметали сети. Отгребли, запустили мотор.

Рыбак, тяжело ступая бахилами, подошёл и сел. Помолчал.

Прожектор заката вёл нас на своём острие.

– Надежда! – сказал рыбак. – На этой «Надежде» нас мотало, думали: хватит, поели рыбки, сами рыбкам на корм пойдём.

От лодки разлетались белые усы брызг, как будто лодка отфыркивалась в обе стороны.

– А ты ничего, – одобрил он. – Выбирать пойдёшь?

– Пойду.

И вот хоть верь, хоть не верь, своей дурацкой шуткой я накликал беду. Когда на следующий день мы выбирали сети, налетел шторм.

Лодку швыряло, как котёнка. Ветер ревел так, что уничтожал крик у самых губ.

Вернув рыбу морю и отдав пучине сети, мы всё-таки выгребли. Когда, обессиленные, мы лежали на песке, и волны, всхрипывая от злости, расшатывали причал, он крикнул:

– Как?!

Я показал ладони.

– Заживёт!

Я согласился, но всё равно сказал, что имя у лодки хорошее. Он засмеялся.

– Жена моя Надя. Каприз её был. Назови, говорит, лодку, как меня, тогда выйду.

– Хорошая?

– Лодка? Сам видел.

– Жена!

– Об чём речь. Сейчас с ума сходит.

Он стащил сапоги, вылил воду и хитро посмотрел на меня:

– Хочешь, надежду покажу?

– Да.

Я подумал, что в посёлке он покажет свою жену Надежду.

– Вот!

Он показал мне свои громадные ладони, величиной в три моих.

МУСЬКА

Муська – это кошка. Она жила у соседей целых восемнадцать лет. И все восемнадцать лет притаскивала котят. И всегда этих котят соседи топили. Но Муську не выбрасывали: хорошо ловила мышей.

Муська после потери котят несколько дней жалобно мяукала, заглядывала людям в глаза, потом стихала, а вскоре хозяйка или хозяин обнаруживали, что она вновь ждёт котят, и ругали её.

Чтобы хоть как-то сохранить детей, Муська однажды окотилась в сарае, дырявом и заброшенном. Котята уже открыли глазки и взирали на окружающий их мусор, а ночью тарасились на

звёзды. Была поздняя осень. Пошёл первый снег. Муська испугалась, что котята замерзнут, и по одному перетаскала их в дом. Там спрятала под плиту в кухне. Но они же, глупые, выползли. И их утопили уже прозревшими. С горя Муська даже ушла из дому и где-то долго пропадала. Но всё же вернулась.

Хозяева надумали продавать дом. Муську решили оставить в доме: стара, куда её на новое место. Муська чувствовала их решение и всячески старалась сохранить и дом, и хозяев. Наверное, она думала, что они уезжают из-за мышей. И она особенно сильно стала на них охотиться. Приносила мышей и подкладывала хозяевам на постель, чтоб видели. Её за это били.

Утром Муську увидели мёртвой. Она лежала рядом с огромной, тоже мёртвой крысой. Обе были в крови. Крысу выкинули воронам, а Муську похоронили. Завернули в старое, ещё крепкое платье хозяйки и закопали.

Хозяйка перебирала вещи, сортировала, что взять с собой, что выкинуть, и напала на старые фотографии. Именно в этом платье, с котёнком на коленях она была сфотографирована в далёкие годы. Именно этот котёнок и стал потом кошкой Муськой.

ПЕРВОЕ СЛОВО

В доме одного батюшки появился и рос общий любимец, внук Илюша. Крепкий, весёлый, рано начал ходить, зубки прорезались вовремя, спал хорошо – золотой ребёнок. Одно было тревожно: уже полтора года – и ничего не говорил. Даже к врачу носили: может, дефект какой в голосовых связках? Нет, всё в порядке. В развитии отстаёт? Нет, и тут нельзя было тревожиться: всех узнавал, день и ночь различал, горячее с холодным не путал, игрушки складывал в ящичек. Особенно радовался огонёчку лампы. Всё, бывало, чем бы ни занимался, а на лампадку посмотрит и пальчиком покажет.

Но молчал. Упадёт, ушибётся, другой бы заплакал – Илюша молчит. Или принесут какую новую игрушку, другой бы засмеялся, радовался – Илюша и тут молчит, хотя видно – рад.

Однажды к матушке пришла её давняя институтская подруга, женщина шумная, решительная. Села напротив матушки и за полчаса всех бывших знакомых подруг и друзей обсудила-пересудила. Все, по её мнению, жили не так, жили неправильно. Только она, получалось, жила так, как надо.

Илюша играл на полу и поглядывал на эту тётю. Поглядывал и на лампаду, будто советовался с нею. И вдруг – в семье батюшки это навсегда запомнили – поднял руку, привлёк к себе внимание, показал пальчиком на тётю и громко сказал: «Кайся, кайся, кайся!».

– Да, – говорил потом батюшка, – не смог больше Илюша молчать, понял, что надо спасать заблудшую душу.

Потом думали, раз заговорил, то будет много говорить. Нет, Илюша растёт молчаливым. Хотя очень общительный, приветливый. У него незабываемый взгляд: он смотрит и будто спрашивает – не тебя, а то, что есть в тебе и тебе даже самому неведомо. О чём спрашивает? Как отвечать?

«ЭТО ЖЕ ГОНКИ»

Внуки сидят за компьютером. Внук весь в игре.

– Трах! Бах! Бах! Уничтожен!

– Кого это ты уничтожаешь?

– Соперников. Гляди! Вот мой автомобиль зелёный, вот этот, видишь, красный, надо догнать! Я его догоняю, обгоняю, я его левым бортом... Трах!

На экране красная машина вылетает за бортик, кувыркается, летит под откос. На экране надпись: «Уничтожен» и сумма очков.

– Но это же ужасно, ты убил человека.

– Дедушка, – говорит внучка, – это же гонки, тут же надо побеждать.

– А если бы это было в жизни?

– Но гонки же!

Им некогда со мной разговаривать: новая машина впереди, за поворотом. Надо догнать, надо уничтожить. Гонки же.

Нет, они меня не понимают. И не поймут. Я уже и сам ничего в этом не понимаю. И не хочу понимать.

ЛИСТ КУВШИНКИ

Человек я совершенно неприхотливый, могу есть и разнообразную китайскую или там грузинскую, японскую, арабскую пищу, или сытную русскую, а могу и вовсе на одной картошке сидеть, но вот вдруг с годами стал замечать, что мне очень безразлично, из какого я стакана пью, какой вилкой ем. Не люблю пластмассовую посуду дальних перелётов, но успокаиваю себя тем, что это, по крайней мере, гигиенично.

Возраст это, думаю я, или изыск интеллигентский? Не всё ли равно, из чего насыщаться, лишь бы насытиться. И уж тебе ли, это я себе, видевшему крайние степени голода, думать о форме, в которой питьё или пища?

Не знаю, зачем заикнулся вдруг на посуде. Красив фарфор, прекрасен хрусталь, сдержанно серебро, высокомерно золото, но, завали меня всем этим с головой, всё равно победит то лето, когда я любил библиотекаршу Валю, близорукую умную детдомовку, и тот день, когда мы шли вверх на нашей реке и хотели пить. А родники – вот они, под ногами. Я-то что, я хлопнулся на грудь, приник к ледяной влаге, потом зачерпывал её ладошкой и предлагал возлюбленной. «Нет, – сказала Валя, – я так не могу. Мне надо из чего-то».

И это «из чего-то» явилось. Я оглянулся – заводи, в которой цвели кувшинки, была под нами. Прыгнул под обрыв, прямо в ботиках и брюках брякнулся в воду, сорвал крупный лист кувшинки, вышел на берег, омыл лист в роднике, свернул его воронкой, подставил под струю, наполнил и преподнёс любимой.

Она напилась. И мы поцеловались.

Так что же такое посуда для питья и еды? Ой не знаю. Не мучайте меня. Жизнь моя прошла, но не прошёл тот день. Родники и лист кувшинки. И мы под небом.

ПОДКОВА

Кузня, как называли кузницу, была настолько заманчивым местом, что по дороге на реку мы всегда застревали у неё. Теснились у порога, глядя, как голый по пояс молотобоец изворачивается всем телом, очерчивает молотом дугу под самой крышей и ахает по наковальне.

Кузнец, худой мужик в холщовом фартуке, был незаметен, пока не приводили ковать лошадей. Старые лошади заходили в станок сами. Кузнец брал лошадь за щётку, отрывал тонкую блестящую подкову, отбрасывал её в гряду других, отработавших, чистил копыто, клал его себе на колено и прибивал новую подкову, толстую. Казалось, что лошади очень больно, но лошадь вела себя смирно, только вздрагивала.

Раз привели некованого горячего жеребца. Жеребец ударил кузнеца в грудь (но удачно – кузнец отскочил), выломал передний запор – здоровую жердь – и ускакал, звеня плохо прибитой подковой.

Пока его ловили, кузнец долго делал самокрутку. Сделал, достал щипцами из горна уголёк, прикурил.

– Дурак молодой, – сказал он, – от добра рвётся, пользы не понимает, куда он некованый? Людям на обувь подковки ставят, не то что. Верно? – весело спросил он.

Мы вздохнули. Кузнец сказал, что можно взять по подкове.

Мы взяли, и он погнал нас, потому что увидел, что ведут пойманного жеребца. Мы отошли и смотрели издали, а на следующий день снова вернулись.

– Ещё счастья захотели? – спросил кузнец.

Но мы пришли просто посмотреть. Мы так и сказали.

– Смотрите. За погляд денег не берут. Только чего без дела стоять. Давайте мехи качать.

Стукаясь лбами, мы уцепились за верёвку, потянули вниз. Горн осветился.

Это было счастье – увидеть, почувствовать и запомнить, как хрипло дышит порванный мех, как полоса железа равняется цветом с раскалёнными углями, как отлетает под ударами хрупкая окалина, как выгибает шею загнанный в станок конь, и знать, что все лошади в округе – рабочие и выездные – подкованы нашим знакомым кузнецом, мы его помощники, и он уже разрешает нам браться за молот.

Юрий
МИХАЙЛОВ

СКАЗАНИЕ О МИХАЙЛЕ ВОЛКОВЕ*

Поэма

I

Сибирь просыпается –
весна, весна...
Ветра перекрёстные
гласят о даях.
Душа откликается –
и не до сна.
Она растворяется
в просторах алых...
В казацкой осёдлости –
уют, покой.
Но сердце казацкое
зовёт куда-то,
Где утро туманное
по-над рекой,
Костёр привечающий
и дым кудлатый...
Тайга неохватная –
как океан.
Несметны сокровища
в её глубинах.
Там угли горячие
и колчедан,
Там золото и серебро,
хрусталь, рубины...
Хребтами изрезана
Сибири синь.

13

В долинах неведомых –
речная вольность.
Гуляй в полноводие
с умом – не сгинь:
Утёсы, пороги там,
шальные волны...
Как любо и весело
и жизнь ясна,
И молодость просится
в поход удалий...
Сибирь просыпается –
весна, весна...
Ветра перекрёстные
гласят о даях.

II

10 декабря 1719 года
Император Пётр
поставил автограф на указе
«Об учреждении Берг-Коллегиума
для ведения в оном дел
о рудах и минералах».
Он гласит:
«Соизволяется всем,
и каждому даётся воля,
какого б чина и достоинства ни был,
во всех местах,
как на собственных,
так и на чужих землях

*. Журнальный вариант

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович родился 9 апреля 1953 года в посёлке Разведчик Кемеровского района. Окончил Кемеровский государственный университет. Работает в Берёзовском корреспондентом газеты «Мой город». С 1993 года руководит литературной студией Центра развития творчества детей и юношества. Выпустил шесть поэтических книжек. Член Союза писателей России. Живёт в городе Берёзовском.

искать, копать, плавить,
варить и чистить
всякие металлы,
сиречь: золото, серебро, медь,
олово, свинец, железо,
также и минералов,
яко: селитра, сера, купорос, квасцы,
и всяких красок потребные
земли и камня...».

III

Из сопроводительной записки
Тобольского губернатора:
«Онй человек,
Михайло Волков
на основании указа
Императора нашего
Петра Алексеевича
определён доносителем
о найденных во всех землях,
государевых
или чьих-нибудь,
без разбору,
металлах, также и минералах.
Всем государевым
и прочим людям
оказывать ему
всякое содействие».

IV

Из записки доносителя
Михайлы Волкова,
оставленной в Тобольске:
«Я – сын казачий
Михайло Волков
волею Божьей и императора
берусь изыскивать
ради укрепления
могущества российского
любые потребные для того
минералы.
Во славу Отечества
и достоинства рода своего
готов дело исполнять,
не щадя жизни,
верю и правдою».

V

По Оби да по Томи
С Томского острога

Лодка тянется с людьми
С православным Богом.
Весла ломают гребари,
Забирая воду.
Голубой простор вдали:
Казаку – свобода!
На корме – казацкий сын,
С ним друзья, как в связке.
Только царь им господин,
Только Бог – указка.
Волков – молод, дюж, здоров,
Да и все, по сути:
Рудознатцы Костылёв,
Комаров, Инютин.
По тайге да по горам
Без тропы, ручьями
Им идти к таким местам,
Где бесценный камень,
Где рыжее руд гряда,
Хрустали – как росы,
А в песке хранит вода
Золотую россыпь.
К ним – такой тяжёлый путь...
Одолеешь, если
Бог поможет как-нибудь
Да лихая песня.

VI

Ой ты реченька-река,
Заждалася, что ли?
Без тебя кругом тоска,
А с тобою – воля!
Без тебя в суме – дыра:
Всё долги, потери,
А с тобой – добра гора:
Полно рыб и зверя.
Без тебя – глухой острог
Али лютый барин.
А с тобой – простор широк –
Жить да быть в ударе.
Без тебя – кандалный звон,
Руднекова яма,
А с тобою – крепкий сон,
Да и смерть без сраму.
Ой ты реченька-река,
Заждалася, что ли?
Без тебя кругом тоска,
А с тобою – воля!

VII

Первый день – поколобродили
По болотам, соснякам...

Разлились ручьи до одури:
 Не пройти ни здесь, ни там.
 Воды глинистые, жёлтые
 Вышли все из берегов,
 Валунами ловко ботая,
 Рвя, круша лесной покров.
 Казаки встречали разное...
 Хоть давно намётан глаз,
 Обходя размывы грязные,
 Икупались, и не раз.
 Видя, что лучами-стразами
 Иссекает день земной,
 Приостывшие, чумазые
 Поспешили в лагерь свой.
 Ну а там уже медведушка,
 Чужая, близко мужики,
 Лодку их, ворча, как дедушка,
 Драл у берега реки...
 Пару раз пальнули кремником –
 Рвякнул зверь и убежал.
 До харчей под хвойным венником
 Не добрался – Бог не дал.

XI

Друг сердечный обушок,
 За вершком возьмём вершок...
 Ух какой зрачок чудесный –
 Новый камешек – в мешок.
 Щёлк да щёлк – попить чуток...
 Шурф глубшеет – был бы толк.
 Вот ещё забавный камень,
 И блескучее, чем шёлк.
 Костылёв берёт лоток,
 Шолопает в нём песок –
 Соберутся золотишки
 В тонкий светлый волосок.
 Отдохнуть пора, браток:
 Твой совсем промок платок,
 Потом очи выедаёт,
 И мои силёнки ёк...

XII

Казаки сидят в реке –
 Сушь, жарынь тугая...
 А Михайло налегке
 Берег обегает.
 Зорко смотрит на бугры
 Да на обнаженья,
 Где природные дары –
 Божьи одолженья.

Помолясь, бери скорей
 Для благого дела...
 Верно, Богу Русь милей,
 Нету ей предела.
 Значит, нужно, не лентясь,
 Возлюбя просторы,
 Утверждать с Всевышним связь
 Здесь, где дол и горы.

XIII

«Меж камней пещера, что ли?»
 Ближе, ближе... Так и есть:
 Кем-то брошенная штольня,
 Бережок, изрытый весь...
 «Кто-то тут давно безбожно,
 Крадучись, озорничал.
 Посмотреть бы осторожно,
 Кто и что из недр качал».
 Запалил сучки Михайло
 И вошёл в немую тьму.
 Осветилась штольня вяло.
 «Ничего тут не пойму...»
 Сделал шаг, второй и третий...
 А потом пошёл смелей.
 Подстегнула кровь, как плетью.
 «Что же там – узнать скорей...»
 Вот забой – замшели камни –
 Стал рукой перебирать,
 Будто рядом под замками
 Удивительная кладь...
 Вдруг забой зашевелился,
 Штольня будто ожила,
 Свет на выходе зашился,
 Кровля села – вот дела...
 Догорели ветки – бросил...
 Тьма сдавила. «Боже ж мой,
 Вот попал, как мальчик, просто,
 Хорошо, ещё живой!
 Что же делать, отгребаться?
 Рухнет всё – и мне конец.
 Ждать... Отыщут штольню братцы.
 Всё поймут... Сиди, глупец.
 Нарушать закон негоже –
 Одному дороги нет.
 Согрешил я крепко, Боже,
 Помоги увидеть свет...»

XIV

Казакам тревожно стало:
 «Волков где?.. Куда ушёл?»

Покричали – нет Михайла,
 Берег пуст – нехорошо.
 Вдоль пошли к белёсым скалам.
 След привёл к чужим шурфам,
 Повернул к горе с обвалом –
 Ясно, Волков где-то там...
 Подбежали, завопили:
 «Жив, Михало?! Щас спасём!».
 Устье штольни закрепили
 Местным кряжистым дубьём.
 Камни выбрали сторожко,
 Чтоб другие не пошли,
 Щебень выгребли ладошкой,
 Стойки в кровлю завели.
 Вот и лаз образовался,
 Душная осела взвесь.
 Костылёв вперёд подался:
 «Эй, Михайло, где ты есть?»

XV

Волков ждал... И вот позвали
 В жизнь вернуться мужики:
 Свет спасительный в завале.
 «Жив я, братцы...» Как близки
 Солнце, травы, лес и речка.
 Устремился к ним казак.
 Обожгли камня плечи –
 Ерунда, такой пустяк...
 За протянутые руки
 Ухватившись, вышел вон.
 Вновь родился!.. Не для скуки!
 Заорал, вспугнув ворон:
 «Ой вы, други дорогие,
 Ой ты славный Божий мир!»
 И услышала стихия:
 Отразил восторг эфир.

XVIII

Снова в лодке казаки –
 Вёдро над рекой.
 Бодры первые гребки,
 И нескоро зной.
 Томь прозрачна, весела,
 Серебром волна.
 Рыба, порскнув от весла,
 Вглубь идёт, шальна.
 Лось-горбач в воде стоит,
 Смотрит на братву,
 Выводок чижей звенит,
 Режет синеву.

Видно ясно, далеко.
 Берега в сосне.
 Песня птицею легко
 Тонет в вышине.

XX

Справа – таволга в «снегу»,
 Дальше – взгорье, то ещё...
 А на левом берегу –
 Шорское становище.
 На поляне обжитой –
 С казын белоствольною
 Юрт срубных под берестой
 Полукружье вольное,
 Тропка с выходом к реке,
 В ней – долблёнки старые,
 Детки вьются на песке
 С лайкою поджарою.
 А на камне небольшом
 Спит старуха ветхая...
 Мирно здесь и хорошо –
 Сторона приветная.
 Ловят рыбу, скот пасут
 Берендеи здешние...
 Тут всегда найдут приют
 Казаки забредшие.

XXI

– Было... Видишь ли, Михайло?
 То – история родов...
 Плат шаманки буро-алый
 Весь в подпалинах, не нов.
 Волос спутанный змеится,
 Непокорен и упрям.
 А хозяйка-волшевица
 Что-то сыплет по углям.
 Молода, собой красива,
 Родовой огонь в очах,
 Но ничуть не суетлива,
 Мудрость древняя в речах.
 Смотрит зорко, видит много...
 Изменилась вдруг в лице.
 Отразилась в нём тревога:
 – Та гора – в глухом кольце.
 Не пускают духи близко –
 Не ходи туда, казак.
 Поклонился Волков низко:
 – Не пойти нельзя никак.
 У меня судьба такая:
 Службу честно исполнять

И понять, чего не знаю.
А судьбы – не миновать...

XXIII

Шаманка бубен поднимает.
И он откликнулся неспешно,
Вздохнул, как будто пробуждаясь.
Потом заговорил негромко,

....

Миров иных открылись двери.
И тотчас ожило пространство –
Услышан дробный голос бубна...
Шаманка духов призывает,
Чтобы представить человека
С душою праведного мужа
И приоткрыть живую тайну,
Что пришлый человек неволью,
Не ведая о том, коснулся
Её испытанного сердца...
Душа шаманки растворилась
В гармонии священной звуков.
И ступни почвы не касались,
Не чувствовали жарких углей.
Внимали духи откровенью
И в пламени костра стояли,
Бушующем как при рождении
Земного мира, тварей бренных...
И человек, им незнакомый,
С его тревожною судьбою
И мирным благородным сердцем,
Наполненным любовью к свету,
К всему, что создано Всевышним,
Понятным стал для них и близким.
Тому залогом стало сердце
Шаманки, признанной Ульгеном.

XXIV

Встал Михайло рано очень,
Помолился у реки
И, омыв неспешно очи,
В стан вернулся... Казаки
Бледный уголь раздували,
Волков бросил им кулан
Со вчерашней рыбой вялой
И промолвил:
– День мне дан...
Утро ясное какое,
И роса благоволит...
Всё-то видно над рекою.
А гора?.. Гора дымит...
Не судите, братья, строго,

Сам, один, взберуся к ней...
Хоть в иного верим Бога,
Шорское чутьё верней.
Тут они душою слышат,
Видят опытом своим
И всегда помогут пришлым,
Если доверяют им.
Не простой народ, мудрёный,
Черневой тайги в нём суть...
Я-то – ими очищённый:
Только мне открылся путь.
Зря не буду торопиться –
Не боитесь за меня.
Штольня снова не случится...
А вернусь на склоне дня.

XXV

Пробирается Михайло
Через лес по крутояру,
Обходя гнилой валежник
За кусты, стволы держась.
Поднимается всё выше...
Стал кончаться ельник старый,
Набежали вдруг берёзки,
Юно, весело ветвясь.
А камня порыжели,
Рассыпаться стали прахом,
Будто сильно прокалилась
Здесь песчаника гряда.
Отстегнул топор Михайло,
Оголил осинку махом,
Обтесал и сделал пику:
Без неё тут – никуда...
Пред собой долбя горельник,
Медленней пошёл он в гору,
Зоркий, как таёжный коршун,
Чуткий, как сторожкий лис...
Нос закрыв рубахой потной,
Чуть дыша – першило в горле –
Подошёл к дымам обильным
И увидел странный мыс:
Монолитный, одинокий
В сизом мареве маячит.
В трёх шагах Михайло замер...
Ветерок ему подул:
Будто кто шепнул на ухо:
«Не ступай туда, казаче».
Пикой мыс толкнул Михайло –
И раздался тяжкий гул...
«Благодарствую, Ветрило», –
Прохрипел казак спасённый.

Обошёл провал он горный,
 Вышел к пышущим углям:
 Без древес чадят камня,
 И черней они, чем ворон.
 В глубину пластом уходят,
 Их запас несметен там...
 «Вот так диво, вот так чудо!
 Жар какой – металл расплавит! –
 В удивлении великом
 на колени пал казак. –
 Про горючий этот камень
 Много сказов, много славы...
 Ты нашёл второе злато:
 Бронь России и очаг!»
 Снял Михайло мех заплечный,
 «Можно...» тихое услышал.
 Уложил в мешок степенно
 Блесткий камень вороной.
 Встал лицом к Томи и молвил:
 «Ну спасибо, всем, кто слышит!
 За заботу и подарок
 От меня – поклон земной!»

XXVI

Из журнала регистрации
 доносов рудознатцев
 в Уральской канцелярии
 Берг-коллегии:
 «Реестр руды
 № 1 – уголь каменный из Томска
 доносителя Михайлы Волкова,
 № 2 – руда железная
 из Томского уезда
 его же, Волкова».
 Резолюция на донесении:

«В том реестре номера первого
 показан уголь каменный из Томска
 доносителя Волкова,
 и о оном угле осведомить –
 невозможно ль оттуда
 водяным путём
 к заводам или рудникам
 каким промыслом
 возить и о том рапортовать».

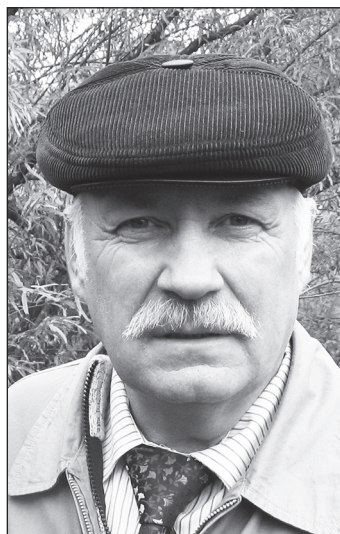
ЭПИЛОГ

Вдоль тропы вздыхали ёлки,
 Кедры вечностью дышали...
 Шёл казак Михайло Волков,
 Открывал за далью дали.
 Далеко глядел сквозь время,
 Испытания столетий.
 Знал, оценит внуков племя
 Все труды, исканья эти.
 И шаги землепроходца
 В бездне лет не канут глухо,
 Сердце доблестное солнцем
 Осветит просторы духа.
 Города в свеченье чудном
 Над рекой привольной встанут,
 Возгордятся горным, рудным,
 Трудовым высоким саном.
 Будет кузнеца России
 Меч ковать и мирный молот –
 Взгляды спрячутся косые,
 И отступит вечный холод...
 Помним подвиг твой, Михайло:
 Он – исток священный края.
 И рассвет над Томью алый,
 Как душа твоя живая...

**Виктор
АРНАУТОВ**

ДВА РАССКАЗА

К МАМЕ

I

Шесть лет тому назад я возвращался в Кемерово со своей малой Родины – Пудино. Ездил на восьмидесятилетний юбилей нашей мамы, которая так и осталась, помыкавшись по городам и весям России, там, где и появилась на свет. Досталось нашей маме хлебнуть и испить в жизни – ой как немало, и чаще всего напитков горьких да солёных. Четверых, считай, одна подняла на ноги, выучила и в люди вывела. Только поразлетелись мы все по разным местам, там и гнёзда свои посвивали, детей, её внуков, нарожали...

Да, видно, Бог за все мытарства и самопожертвования наградил её долголетием. Здоровьишко, правда, никудышное. Зато оптимизма и жизнелюбия – хватит на многих, в том числе и всех её детей, семерых внуков и (теперь уже) девятерых правнуков.

Непоседа наша мама, лишнего часа не полежит, нежась в постели.

Поднимается едва ли не с солнышком. Встаёт обычно с головокружением: давление, что ни день – сюрпризы преподносит – то скаканёт за

79

сто семьдесят, то упадёт ниже восьмидесяти. Приняв кучу таблеток, тяжело ступая больными ногами по скрипящим деревянным половицам, мама принимается за неотложные дела: прежде всего – непременно умыться и обиходить себя. Потом печь протопить сухими жаркими берёзовыми дровами, сварить кофейку (в зависимости от давления), завтрак горячий сгоношить, марафет навести в избе, отзвониться младшей дочери, живущей через три дома от неё.

К обеду мама основательно оживает, а вечером – уже и до песен с топотушками дойти может, коли гости подвернутся.

А для гостей у мамы завсегда двери не заперты. А уж коли в клуб Пудинский пригласят (что в четырёх километрах от её деревни Калиновки) – тут уж мама и вовсе что прима в театре! Без её частушек и заводных песен ни одно мероприятие не обходится. Может под настроение и рюмочку-другую крепенького пропустить. Ещё и говаривает, дескать, если в клубе побывала на празднике да домой вернулась без выигранного приза в каком конкурсе – зря и приходила туда. Любят и уважают её там...

Ни одну компанию не испортит своим присутствием наша мама, ни одно мероприятие. Слу-

АРНАУТОВ Виктор Степанович родился в 1951 году в селе Пудино Томской области. Окончил Кемеровский институт культуры. Более двадцати лет (до 1996 г.) преподавал в нём библиотечно-информационные дисциплины. Автор десяти книг прозы, изданных в Новосибирске и Кемерове, а также трёх коллективных сборников. Публиковался в журналах и альманахах: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско). Лауреат областной литературной премии «Энергия творчества» (2009) и журнала «Огни Кузбасса» (2011). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

чалось, и в профессорской среде за одним столом сживать, и среди офицеров чинов немалых, и даже писателей...

После завтрака – смотря по сезону. Зимой – со снегом, если навалит, справиться. Боже упаси, если останется неубранным в ограде и не подметённым начисто с деревянных дорожек-тротуаров. В магазин деревенский прогуляться, к дочери с зятем наведаться. По субботам – непременно баньку истопить, что стоит в ограде в пяти метрах от крылечка. И тут пока сама себя ещё обслуживает да и веничек ещё запарит свеженький – берёзовый с душицей. Вечером или в непогоду – телевизор, как теперь без него? Или книжки читает с журналами, что обычно я ей привожу – свои и моих друзей-писателей. Знает и любит она стихи моих друзей: Лёни Гержидовича, Володи Иванова, Володи Ерёменко, Бориса Бурмистрова. По несколько раз уже принималась и за мою прозу, роман-сагу Сергея Павлова, повести и рассказы Любы Скорик, Александра Ярошука, Владимира Неунывахина, Миши Кривошеина, Владимира Переводчикова...

Про лето – и говорить не стоит, работы всегда предостаточно. В огороде соток пять картошки, в огородчике – зелень всякая. Лук с чесноком едва ли не в кулак на грядках вырастают, ветки помидор ломаются от налившихся пурпурных да оранжевых плодов. Палисадник её дома с ранней весны и до белых мух яркими цветами изукрашен, как и все подоконники.

А про ягоды – и подавно: клубника-виктория, малина, смородина, ирга, облепиха, даже калина с рябиной... Мало того, ещё и в бор, через речку Чузик на лодке, если попутчики подвернутся, по чернику в сезон раза два-три выберется. А осенью – на болото, клюквы ведёрко-другое нашинговать... Потом морсы, компоты с киселями варит; раздаёт эти ягоды с вареньями, самой-то куда ей столько?

Ну и мы, дети, её не забываем. Младшая дочь Раиса с зятем Михаилом каждый день по несколько раз наведываются. Едва ли не по месяцу гостит, помогая с уборкой, обычно весной, другая дочь – Татьяна, приезжая из Красноярска. И мы с братом Володей приезжаем, подправить-подлатать домишко – то изнутри, то снаружи...

Вот и на этот раз съехались все гамузом – на её юбилей. Даже трое внуков приезжали и две правнучки. Подарков, живых цветов посреди зимы надарили – только живи на радость нам.

Застолье в мамин дом из одних только самых близких родных – за один стол не усадить. Да человек десять друзей-подружек, которых год от года становится, к сожалению, всё меньше и меньше.

Я, как обычно, на правах старшего, за тамаду. Брат – снимает на видео и фото, пока до гармошки дело не дойдёт, он и тут мастак.

А маме и присесть особо некогда: то телефон – звонки за звонками ото всюду – местные поздравляют, томищи, кемеровчане, новосибирцы, с Кубани и даже из Москвы и Питера; то на кухне суетится – как же без её указаний? То же и с сервировкой стола, да так, чтобы на нём и местечка свободного не оставалось...

К столу мама непременно принарядится в красивое и модное платье, лёгкий яркий шарфик, наденет бусы из крупного натурального жемчуга, серьги; подрумянится, распушит в причёске свои редущие, крашенные в каштановый цвет волосы, пшикнет на себя дорогими духами...

Тосты-поздравления в адрес мамы сыплются, как в телевизионных передачах для юбиляров. Я непременно прочитаю свои новые вирши в её адрес, получив одобрительные аплодисменты:

*В год голодный в сибирской России
Родилась ты весенней порой.
Нарекли тебя в честь Евдокии –
Старомодно, но всё же святой...*

Ну и так далее, в этом же духе, с поздравлениями и пожеланиями...

А родилась мама и впрямь на святую великомученицу Евдокию, 14 марта, уже здесь, в месте ссылки спецпереселенцев, в голодном 1932 году, двойней, с сестрёнкой Валей. И так-то хорошего было мало – привезли да высадили родителей, считай, на голу кочку. А тут и вовсе, через три года от цинги её мать умерла. Сестрёнку Валю и старшего брата Сашу оставили с отцом, а малолетнюю Дусю отдали в приёмщи, к дальним родственникам...

Говорим и об этом. Мама не может сдержать своих слёз, особенно когда я предлагаю помянуть её сестричку-близняшку, у той ведь тоже в этот день – день рождения. Да только, видно, её ангел-хранитель оказался не таким усердным, как у нашей мамы...

А далее – и мы, её дети, уже со своими детьми, spoём что-нибудь хором из нами же переделанного под гармошку брата, вроде этого:

*Редко, но навещаем
Уголок небольшой –
Где живёт наша мама,
Молодая душой.
Нежной, ласковой самой,
Никогда не забыть:
Мама, милая мама,
Как тебя не любить!*

Ну и далее, куплетов на шесть-семь...

День-два проскакивают почти незаметно в гомонливом окружении слетевшихся гостей (внуки аж из Красноярска на своей машине приезжали). Мама всё это время, хотя и уставшая, но счастливая и радостная... Так и светится...

Первыми уезжают на своей машине по накатанной ещё зимней дороге красноярцы, мамыны внуки – Алёша, Лена с Пашей и с правнучкой Машуткой.

Торопится и сестра Татьяна, боясь скорой распутицы. К тому же, она и приезжала сюда первая. А я с братом Володей с утра по морозцу часа по три занимаемся то уборкой снега – с крыш и из палисадника, то переносим сухие дрова из одного дровника в другой, то складываем высокие берёзовые поленицы – тяжеленные, сырые, из только что привезённых дров – на сушку...

А к обеду и после него – скорее на Чузик! К любимому с детства занятию – рыбалке! До нашего заповедного омута, куда впадает речушка Николка, от маминого дома всего-то минут семь ходьбы. Клёв на сей раз отменный! Клюют окушки, хотя и не очень крупные, но резво. Попадают и ельцы с чебаками, про ершей уж и не говорю.

Только и Володе уже пора возвращаться на работу в Красноярск – дорабатывает в службе безопасности (после инженерных должностей) до своей пенсии.

А я тяну до последнего, до самого конца марта и начала распутицы. И не приведи Господи – попасть под неё. Дороги-то у нас – аховые! Стокилометровый участок от Пудино и до самой Кёнгы, бывает, так размясят большегрузы, идущие на буровые и нефтегазовые месторождения, что окружили со всех сторон нашу малую Родину, без тягачей и не обойтись.

II

Дорогу эту строили ещё при Советах, когда только-только начали осваивать углеводородные месторождения в Томской области. Тогда же

и новый вахтовый городок Кедровый рос, будто на опаре. Хватало денег и на то, и на другое. Два новых микрорайона из панельных пятиэтажек, на пять тысяч населения, отстроили в красивом месте – в сосновом бору с брусничником – в полутора десятках километров от Пудино, поближе к Томску.

На завершение строительства дороги до Кедрового (а до него от Томска почти пятьсот вёрст) не хватило каких-то двух-трёх лет существования советской власти. И место – самое гиблое, рямно-болотистое. Вот и мыкаются теперь люди и машины с весны и по осень, застревая порой в дороге суток по двое-трое. Деньги-то на косметический ремонт дороги из области выделяют исправно, ежегодно по несколько миллионов. Да только уплывают они, как подлатанные гати в бездонное болото, неизвестно куда. Правда, в народе поговаривают, что на материке у сменяющихся едва ли не через два-три года мэров Кедрового появляются новые благоустроенные квартиры, коттеджи и даже собственные клиники...

Сколько помню себя, сюда летал из областного и районного центра Парабель (и до него – двести вёрст) самолёт, в основном – вечный труженик-тихоход Ан-2. Сюда и было-то, как в песне: «Только самолётом можно долететь». Потом недалеко от Кедрового построили новый аэропорт, с бетонным взлётно-посадочным полем, принимавший не только «кукурузники», но и самолёты посерьёзнее: Л-410, Ан-24 и Як-40. Однако с крушением Советов и с началом «строительства» «царства капитала» рухнула и малая авиация. Новый аэропорт сгорел (а скорее, сожгли умышленно). Из-за отсутствия дороги рейсы автобусов из Томска сюда не положены.

На смену самолётам пришли «маршрутки» частников. В основном вездеходы – уазики-таблетки, вмещающие в себя семь-восемь пассажиров. Только им под силу одолевать непроходимую нашу васюганско-нарымскую грязюку, особенно в распутицу.

Дотянул я в этот раз с отъездом до последнего. Ещё день-два, и маршрутки вообще не пойдут на Томск. Тогда – хочешь-нет, а кукуй до середины мая, пока не просохнет дорога, если, правда, не повезёт договориться с вахтовым вертолётном.

Днями наша снежная деревенская дорога превращалась в водянистое месиво-тюрю, а на самой трассе большегрузы уже вовсю нарезали

глубоченные глинистые колеи, под самые карданы. И лишь к утру ненадолго примораживало.

Вот и торопились проскочить по подмороженному маршрутки-уазики те самые сто километров гиблого болотистого отрезка пути.

Крайней точкой маршруток, уходящих на Томск (и даже Новосибирск, расстояние – примерно одинаковое), была наша Калиновка. Моя родня снарядила мне в дорогу тяжеленный баул-сумку, затарив домашними гостинцами. Оказавшись из Калиновки единственным пассажиром, я занял место рядом с водителем – самое удобное для моих саднящих в коленях ног. И очень радовался тому, что отъехали мы раненько, около восьми утра.

Как мог, утешил маму, путившую слезу расставания: что летом, дескать, непременно приедем с братом – перестроить покосившуюся веранду.

Километра через полтора, в Лушникове, в уазик подсели ещё парочка пассажиров, ещё столько же – в Пудино. Наше северное солнце уже презирядно оторвалось от мохнатого таёжно-лесистого горизонта. Его золотистые лучи освещали всё ещё ослепительно белые остатки зимнего снега. Под колёсами маршрутки похрустывали замёрзшие за ночь ледяные комки, хрустальными брызгами разлетаясь в стороны.

До Кедрового доехали минут за тридцать. И уже было видно, как местами вытаявшая за прежние солнечные дни и примороженная ночью почерневшая земля начинала покрываться смолянистой влажной коркой.

Мы тормознули у конечной остановки в Кедровом. Курящие вышли перекурить. Выбрался и я из кабины – дохнуть свежего воздуха и размять ноги, успевшие всё же слегка затечь. Солнце золотило оранжевые стволы стройных сосен, плотно окружавших панельные пятиэтажки второго микрорайона Кедрового. Услышал ясные и отчётливые птичьи посвисты, переходящие с пощёлкиваний на короткие трели. «Неужто уже скворцы прилетели?» – удивился я. И, как доказательство, на одной из берёзок, затесавшейся между сосен, я увидел вестников весны – парочку скворцов. Их тёмные суетливые силуэты отливали сине-зелёным перламутром. От их беспечного поведения и посвистов мне стало как-то даже радостнее.

Стоянка наша затягивалась, кто-то из пассажиров, как обычно, не торопился. А без них, записавшихся на рейс предварительно, ехать бы-

ло нельзя. Я нервно поглядывал на часы. Время убегало неумолимо быстро, а мы всё ещё никак не могли отъехать из Кедрового. Мне было куда торопиться: успеть бы на последний междугородний автобус, уходящий из Томска на Кемерово. К тому же с каждой лишней минутой тот самый гиблый участок дороги становился для нас всё более труднопроходимым.

Подошли двое опаздывающих. В салоне маршрутки оставалось всего одно незанятое место. Уазик этот был явно непригоден для дальних перевозок людей. Откидные сиденья располагались в основном по бокам. Весь задний кузовной отсек был до отказа забит багажом. Посредине салона неудобно лежало запялённое (явно ещё с лета) запасное колесо, мешая пассажирам. Но куда было деваться и кому жаловаться?

К нашей машине резво подъехал «ментовский» уазик, лихо крутанувшись и едва ли не зацепив маршрутку. Из него спешно выскочили двое полицейских – с лейтенантскими и сержантскими погонами. За ними последовала женщина лет тридцати, о которых говорят «не первой свежести». Её малиновая куртка была нараспашку, бестыже показывая грязно-засаленную бледно-дымчатую подкладку. Тёмного цвета брюки на коленках – в известковых пятнах.

На непокрытой голове вразнобой топорщились пряди свалывшихся волос. Лицо её было озабоченным, с явными признаками похмелья и бурно проведённой ночи. На губах ещё алела стёршаяся помада. Обутые на скорую руку сапоги с облупившимися носками не были даже до конца застёгнуты на молнии.

Оба полицейских и за ними женщина спешно подбежали к дверце маршрутки, отворили её на всю ширину. Заглянув внутрь, принялись сначала бегло, потом внимательнее осматривать пассажиров, вглядываясь в их лица. Этой же процедуре подвергся и я. Стало как-то не совсем уютно.

– Кого ищите? – недоумённо интересовались пассажиры.

– Кого надо, того и ищем, – хамовато отреагировал полицейский сержант.

– Нет, его здесь нету, – оценивающе бросила полицейским женщина. – Он был в шапке... Ну такой, норковой...

По салону среди пассажиров поползли слухи о том, что какой-то очередной хахаль из заезжих вахтовых буровиков-нефтяников или командировочный украл у неё деньги и смысл.

– Да какие там деньги? – возражал пожилой мужчина, видимо, знавший дамочку. – Когда они у неё водились? И откуда им взяться?

– И пили-то, поди, на его же деньги...

Пообщавшись с полицейскими, водитель нашей маршрутки что-то записал в свой блокнотик.

Так же быстро, как и подъехали, полицейские с женщиной уселись в машину, и ментовский уазик, рыкнув рванул дальше.

В нетерпении нервничать уже начинали и другие пассажиры: «Когда же отправимся, ну сколько ещё можно ждать?»

– Может, поедем уже? – настаивала пожилая женщина.

– А может, тот, кого ждём, уже уехал с кем-нибудь, – высказывал предположение другой.

К машине спешно подбежал сухощавый мужчина лет тридцати пяти.

– Ну наконец-то... – едва ли не разом отреагировали пассажиры, рассевшиеся по местам.

Мужчина был одет в тёмно-синюю куртку на синтепоне и уже изрядно потрёпанную тёмно-коричневую норковую шапку. Явно чем-то озабоченный. Он сразу же направился к водителю, который в сторонке докуривал сигарету.

– Вы на Томск? – без лишних слов и приветствий обратился он к водителю.

– Да, на Томск. Как ваша фамилия? – несколько замаявшись, водитель глянул в свою бумажку-блокнотик и, запинаясь, не очень уверенно добавил: – Си-разит-динов?

– Нет, – уклонился прямого ответа мужчина. – Командировочный я. Нужно срочно уехать...

– Нет мест, – ответил водитель. – У нас все пассажиры по предварительной записи. Уедете двенадцатичасовым. На него обычно бывают свободные места.

– Нет, мне сейчас надо, – наседали на водителя мужчины.

– Да берите вы его, и поехали уже, – настаивала женщина. – Какая вам разница, кого везти и с кого брать деньги за проезд...

– Маму в больницу положили срочно на операцию... – жаловался водителю мужчина. – Возьмите, – канючил он.

Водитель, похоже, уже и впрямь готов был взять на рейс этого подвернувшегося пассажира, вместо того, с нерусской и труднопроизносимой фамилией Сиразитдинов. Он отщёлкнул в сторону окурков сигареты и собрался было уже садиться в водительское кресло.

И тут, запыхавшись, с тяжёлым рюкзаком за спиной подбежал мужик кавказской национальности.

– Вы на Томск? Ждёте не меня? Я – Сиразитдинов...

– Где вас носило столько времени? – проявил недовольство водитель. – Все пассажиры уже давно на месте... Опаздываем с отъездом на полчаса, а дорога – сами знаете... Всё, поехали...

– Ну возьмите ещё и меня, – едва ли не хныча, умолял водителя мужчина в норковой шапке... К маме еду... В больнице она...

– Куда я вас возьму, на колесо, что ли? – отнекивался водитель.

– Да я и на колесе согласен, только бы к маме успеть до операции...

– А может, и вправду, пусть уж на колесо садится, потеснимся, – начали высказываться сердобольные пассажиры.

– К матери человек, в больницу...

– Ага, сейчас, возьму его на колесо, – иронично отреагировал водитель. И тут же начал набирать на своём мобильном номер, кому-то звоня.

– Может, диспетчеру? – сказал кто-то из пассажиров. – Разрешение просит.

– Ну да, диспетчеру. Как же... – возражали. – Ему томские гаишники такого диспетчера пропишут – мало не покажется... И какой это командировочный? У него даже нет никакой сумки...

– Ну когда поедем-то? – настаивали пассажиры. – Все уже на своих местах...

– Сейчас, сейчас. Одну минутку ещё... – отговаривался водитель маршрутки.

В это время к нам снова подкатил ментовский уазик. Видно, им-то и звонил водитель нашей маршрутки.

Командировочный, просившийся в Томск, за-нервничал, даже сделал попытку убежать. Выскочившие из уазика полицейские догнали его, подвели к женщине, выглядывающей из дверцы.

– Э тот?

– Он, он самый! – завопила женщина. – Это он украл мои деньги, да ещё и часики мои свистнул...

А мужчина в норковой шапке уже и не сопротивлялся, переходя в наступление, деланно удивляясь:

– Какие деньги? Какие часики? А на какие шиши мы гуляли с тобой?!

– Ладно, пошли, – прервали препирательства полицейские, – там разберёмся.

Задержанного посадили в машину. А мы наконец-то двинулись по направлению Томска.

– Ишь ты, придумал-то чё... – сокрушалась женщина. – К маме, говорит, в больницу надо...

– Да, измельчал народец, – поддакивали ей. – Ничего святого не осталось... Даже мать...

Мне было чем возразить.

Но я промолчал...

А к маме нашей мы так и продолжаем собираться ежегодно, то вместе, то поочередно. Иногда и по два раза в году. Вот и нынче были, отметили ей уже 86 лет...

Кемерово, 1–2 апреля 2018 г.

НИКОЛКИН СЛОВАРИК

Начат 27 июля 2011 года

Первые внуки у нас с женой появились поздно. Дети выросли и повзрослели. И мы уже изрядно подзабыли то, как они начинали ходить, учились говорить... Внуки – совсем иное. С ними будто и сам возрождаешься, открываешь мир заново. И очень любопытно наблюдать, как наполняется и изменяется словарный состав малыша. Едва ли не на глазах и каждодневно появляется в его лексике что-то новое.

Нашему первому внуку Николке немногим более годика, а точнее – на момент начала этих записей исполнилось один год и два с половиной месяца. Он очень открытый, добрый, спокойный и некапризный малыш.

Его мама, наша старшая дочь Ярослава, вышла работать на полставки, когда Николке исполнился годик. Вторую половину дня, пока Ярослава на работе, с Николкой проводит его бабушка, моя жена Людмила. Иногда, даже раза по два в день, прихожу к ним и я, час-полтора погулять с Николкой во дворах и на улице.

Живёт Николка со своей мамой Ярославой и папой Игорем в Кемерово, в районе ФПК, в двухкомнатной квартире на шестом этаже, в двух остановках от нашего дома.

Гулять Николка очень любит и, наверное, делал бы это всё время, если бы не нужно было кушать, спать, играть дома с любимыми игрушками, листать свои многочисленные книжки, ну и ещё если бы и у нас было время гулять с ним постоянно, а погода располагала к этому. Правда, погода его почему-то беспокоит меньше всего.

Говорить Николка начал довольно рано, кажется, ещё до того, как стал ходить, а свой первый самостоятельный шаг к мобильному телефону он сделал в десять с половиной месяцев.

Первым членораздельно произнесённым им месяцев в шесть словом было слово «Алё». Когда его мама услышала это, то у неё непроизвольно вырвалось в ответ: «Слушаю вас».

Потом, как обычно бывает у большинства детей, он стал произносить слова «мама́», «баба́», «папа́», но как-то на французский манер, с ударением на последнем слоге. И вообще, до сих пор многие слова он произносит именно так, а потому я в шутку иногда называю его нашим Французом.

Меня он стал называть позднее, наверное, потому, что общался с ним я всё же меньше, чем родители и бабушка. До сих пор он зовёт меня «дедя».

А ещё у него сейчас выработалась устойчивая зависимая связь между словами «гулять» и «дедя». Если ему дома говорят: «пойдём гулять», он тут же произносит: «дедя».

Кроме того, с именем «дедя» у него связано ещё одно слово «мамия», что в переводе на нормальный язык означает «малина». Почему? Да потому что, возвращаясь со своей дачи, я непременно приношу малины и кладу ему в рот по одной спелой сочной и ароматной ягодке. Съев ягоду, Николка тут произносит: «Ися», что означает «ещё давай».

Вскоре он начинает пытаться составить уже целое предложение. Не так давно мы услышали от него следующее – в виде тонально повышающегося выражения-вопроса: «Деда адаху мамия?», которое расшифровали как: «Деда поедет на дачу и привезёт малины?».

Иногда на машине его родители приезжают с ним на нашу дачу. И, когда он слышит от них, что поедет на дачу, он тут же говорит: «Адаху мамия», что в переводе означает: «Едем на дачу кушать малину».

До сего времени у Николки выросло только пять зубов. Толком жевать он пока ещё не научился. Сегодня я впервые принёс ему с дачи стручки гороха. Расщепляю стручки, вынимаю горошину, кладу ему в рот, называю это «горох», говорю: «Жуй горох». Он мусолит горошины, перекатывая их на дёснах, повторяет: «О-ох» – и выплёвывает. Не понравилось, стало быть. Я через некоторое время повторяю это уже на прогулке. Он снова мусолит горошины и никак не хочет проглатывать их, хотя принесённую «мамию» ел с удовольствием. А когда я по просьбе его мамы закрыл бидончик крышкой, он пытался отвинтить и снять крышку, требуя: «Ися мамию!».

Подходит время приёма пищи, и ему говорят, что пора это делать, он произносит: «Ку-си, ку-си».

Многие слова, которые он пытается повторить за кем-либо из нас, со временем трансформируются, меняют свою транскрипцию. Так, например, собаку он называет то «абака», то «аба». Зато нашего той-пуделька Сьюзи он называет не собакой, а по кличке – «Сюзи» или «Сизи».

Машины сначала он называл то «маси», то «масина», теперь почему-то стал произносить «масимба», а свои прогулочные ботиночки – «батимба». За такие неологизмы и я стал называть его в том же тоне: «Колямба». Кажется, ему это не очень нравится...

С месяц назад мама научила Николку называть себя по полному имени – Николай. На вопрос, как тебя зовут, он гордо и отчётливо произносит «Акайя», либо «Какаяя».

На прогулках я учу его различать цвета, чаще всего по окраске цветков или легковых машин. Он повторяет иногда очень даже правильно и отчётливо: «белый», «синий», «красный». А на мои вопросы: «Где синяя (красная, чёрная, зелёная, белая, чёрная) машина?» – показывает пальчиком на машину нужного цвета.

С ранней весны, когда стали появляться первые цветочки – желтые одуванчики, мы на прогулках обращали на них его внимание: что это цветы и какие они красивые. Цветы он до сих пор почему-то называет «и-ы», а слово «красиво» – «асива».

День ото дня на рябинах всё сильнее наливаются и пурпурнее окрашиваются гроздья, которые в этом году очень яркие. Мы подходим с ним к рябине, я пригибаю к нему ветку с гроздьями, а он тянется ручонкой к грозди, гладит её и уже говорит мне: «Агадя», что означает «ягода».

Во дворах и сквериках можно нередко встретить разросшиеся кусты лопухов с их многочисленными липучими зеленовато-сиреневыми шариками-цветками. Мы срываем эти шарики, и я бросаю их ему на одежду или на бандану. Своими усиками шарики цепляются и прилипают к одежде, а я называю их липучками. Николка повторяет за мною: «Пуки-липуки».

В скверике соседнего двора кто-то из жильцов из цельного дерева вырубил и вырезал изо-

бражение совы, в мой рост, даже выше. Иногда Николка начинает проявлять недовольство, что его отрывают на прогулку от мамы или бабы, но стоит мне сказать, что пойдём посмотреть сову, он тут же успокаивается и повторяет: «Ава́», опять же с ударением на последнем слого.

Мы подходим к сове. Я спрашиваю у него: «Где у совы глазки, клюв, ушки, крылья, лапки, голова?» Он охотно показывает их мне, касаясь своей ручонкой. Слово «голова» он научился говорить рано и произносит его то «авава», то «гавава». Потом я поднимаю его и сажаю сове на голову. Он непомерно счастлив, проявляет свой восторг, держится одной ручкой за левое крыло, поднятое вверх (её правое крыло опущено и прижато к телу). Он смотрит на меня сверху вниз. А после того как несколько раз упал дома при родителях и стал понимать опасность высоты, подолгу оставаться на голове совы боится и просится спустить его.

В этом же скверике обосновалась бездомная рыже-белая кошка. Она постоянно тут, либо лежит, греясь на солнышке, либо прячется под кустами сирени, рябины и другими садовыми кустарниками. Уже на подходе к этому скверу Николка наряду с совой вспоминает и о кошке, неоднократно произнося слово «кися». Если её не видно, я начинаю её выманывать: «Кыс-кыс-кыс». Николка повторяет за мною: «Ки-ся-а, ки-ся-а». Из кустов появляется кошка, бежит к нам, трётся боками о наши ноги, выгибая спинку и поднимая хвост. Мы что-нибудь даём ей из еды, а Николка гладит кошку, всё повторяя и повторяя своё «ки-ся-а, ки-ся-а...».

Наши прогулки невозможны без качания Николки на качелях. Качаться на них он любит больше всего. И называет качели и качания на них одним словом: «Кага». И никаким другим словом не хочет, хотя может вдруг за мною очень отчётливо повторить: «Зайдём в магазин?».

Повторять за взрослыми он может по своему усмотрению, желанию и настроению. Иногда не упростишься сказать что-нибудь, а порой не оставишь его. Тогда я называю его: «Болтун, болтун, болтун». Он повторяет за мною «Мбату, мбату, мбату».

17 августа 2011 года

Неделю Николка с мамой жили у нас дома. Я гулял с ним по два раза ежедневно. Учу его на-

зывать себя, бабушку, папу и маму по имени. Николка повторяет: «Деда Итя, дядя Итя», потом чётко произносит: «дедя Витя». Любимую бабушку Люду он частенько пытается называть «бабуля», правда, почему-то опять на свой манер, у него получается «бабия». Отца называет «папа Игор», а вот с именем мамы сложнее, пока выговаривает не очень внятно.

Николка уже научился различать разные виды машин: легковые, грузовые и даже автобус с троллейбусом. Легковые он называет «масина» или «масимба», грузовые – «гузовик», «азавик», «газавик». Поразительно, но он из легковых выделяет даже джипы, называя «зип» либо «дзип». Автобус он произносит почти чётко: «атобус», «атёбус». Сложнее с троллейбусом.

Сегодня во время утренней часовой прогулки несколько раз принимался дождик. «Кап-кап» – звук дождика Николка произносит наоборот: «Пак-пак». Потом это трансформировалось в «бавк-бак».

Очень часто вечером, когда приходит с работы его мама, внук болтает без умолку, при этом не заботясь о том, что у него получается. Приходится только догадываться, что он говорит и о чём хочет сказать. Я ему в ответ: «Переведи!»

31 августа 2011 года

В прошлое воскресенье Николку крестили в маленькой церквушке. Во время этой процедуры, пока священник читал что положено, Николке стало скучно, и он принялся корчить рожицы. Меня с Ярославой разобрал такой смех, что пришлось нам выскочить даже из крестильни, чтобы просмеяться.

Бабушка поднесла его к иконе Божией матери. Николка тут же: «Богоёдица». Довольно хорошо произносит слова «церковь» и «крестик». Крёстные у него – друзья Ярославы – Вадим Каркачёв и Наташа Костицына. Учили его говорить «лёля».

Сегодня ездили с ним в парк на троллейбусе. Он всю дорогу твердил «толейбус», «едем а толебусе». Приходим в парк уже в третий или четвёртый раз. Там стоит паровозик в виде клумбы с цветами. Николка, едва увидев его, восторженно: «Паявозик!».

Бабушку стал называть по-всякому – то «бабуля», то «бабулька», совсем реже – «бабия».

Купили ему кубики-азбуку. Он уже находит кубики с буквами «а», «о» и своей буквой – «н». Показываю ему и буквы бабушки и мою: «л» и «в».

2 сентября 2011 года

В лексиконе Николки появилось новое слово: «тиньганик». Дома он настойчиво требовал у родителей этот самый «тиньганик». «Что это? – спрашивают его. – Покажи». В ответ лишь раздражительно: «Тиньганик!». Ярослава звонит нам, спрашивает: «Может, хоть вы знаете, что такое «тиньганик»? Я с бабушкой Людой в полном недоумении. Она даже перерыла толковые словари и словари иностранных слов, а вдруг да встречается там этот самый тиньганик. Грешным делом подумала, уж не из прошлой ли какой жизни у него зацепился этот тиньганик? Нет, нигде ничего, даже намёка нет. Я подумал, может, он конфеты-леденцы так называет, которые я ему втихаря иногда даю. Нет, и не это. Их он довольно отчётливо называет «ка-амелька». Три дня ломали родители головы, да и мы с бабушкой тоже над этим тиньгаником. А потом выяснилось, что тиньгаником он называет почему-то пластмассовый треугольник-пирамидку, которую нужно вставить в соответствующее отверстие пластмассовой же машинки-грузовичка...

После крещения бабушка стала учить Николку говорить «Господи, помилуй» и «аминь». Ученик оказался весьма прилежным и способным. Уже вполне отчётливо произносит «господи, помилуй» и «аминь». А сегодня едем в парк гулять на троллейбусе, он на весь салон, громко и ясно: «Амины!». И так – раз пять-семь подряд, вызывая удивление и улыбки у пассажиров и кондукторши.

12 сентября 2011 года

Николке уже годик и четыре месяца.

С каждым днём словарный запас его увеличивается. Повторяет очень много из того, что называем мы. Однако он продолжает упорно называть отдельные предметы и вещи так, как называл их месяц-два назад.

Из таких слов: «печебо, песебо» – печенье, «кассия» – картошка.

Недавно прокатились с ним на трамвае. Он хорошо усвоил, что это такое. Но слово «трамвай» выговаривает чаще без согласной «р», получается у него «тамвай», «поедем а тамвае». А вообще больше всего из общественного транспорта он предпочитает троллейбус. Наверное, слово это ему чем-то понравилось больше, чем «автобус» и даже «трамвай». «Поедем а толебусе», «толебус», «тролебус», «толейбус...» – не

сходит у него с уст, когда мы с ним собираемся идти гулять.

Стал хитрить, видя, как мы потешается над ним. Спрашиваю в очередной раз:

- Как дедушку зовут?
- Баба Витя, – отвечает.
- Как, как? – смеюсь я. – Деда Витя?
- Баба Итя, – повторяет он и тоже смеётся.

26 сентября 2011 года

После выходных не виделся с Николкой два дня. После обеда поехали с ним на троллейбусе в парк. А до этого он немного приболел. Бабушка Люда наказала нам, чтобы долго не гуляли. Погода ещё хорошая, день довольно тёплый. Вот мы и загулялись, потом долго не могли уехать на автобусе или троллейбусе.

Пока ехали назад, я ему раза два-три сказал и повторил:

- Ох и попадёт нам от бабули. Будет ругаться. Приезжаем домой. Нас встречает бабушка. Николка ей:
- Будет ругаться. Будешь ругаться?
- Та, разумеется, расплылась в улыбке:
- Не буду, успокойся.

4 ноября 2011 года

Николка уже многое может повторять, самостоятельно говорить и осмысливать происходящее.

С неделю назад бабушка укладывает его спать. Он не хочет.

- Она ему:
- Тогда я тебе больше ничего дарить не буду.
- Он ей:
- Подарки кончились?

В выходные звонит бабушка им домой по телефону. Никто не берёт трубку. Тогда Николка снимает трубку и несёт матери:

- Звонит. Говори.

Играем с ним дома в прятки. Я захожу в туалет и закрываю там дверь.

Он ходит ищет по квартире. Потом подходит к туалетной двери и зовёт:

- Деда, дедуля, деляля...

Выпал снег. Внук очень радуется на улице при виде снега и снеговиков.

- Снеговик, лепить, – зовёт он меня на улицу.

Ездим с ним на набережную Искитимки, в парк «Антошка». Там очень много голубей и совсем ручных диких уток.

Ставлю его на парашют, утки прямо в полуметре от него. Он – в восторге.

- Кря, кря! – громко имитирует их голоса.

Проходим мимо танка, что стоит в Парке Победы. Я ему показываю на танк и говорю:

- Танк, танк.

Он повторяет это слово. Потом тянет меня за руку и говорит:

- Танк не едет. Пойдём посмотреть танк.

Гуляем с Николкой по городу. Подходим к ларьку с овощами и фруктами. Мне вспоминается частушка, я её тут же, облагораживая, громко проговариваю:

*Помидоры-огурцы – это тоже овощи,
Баба едет на такси, дед на скорой помощи.*

Через несколько дней приходит домой жена, говорит мне:

- Знаешь, что Николка выдал матери? – и тут же сама добавляет: – Баба едет на такси, дед на скорой помощи.

Ярослава спрашивает его:

- Кто тебя этому научил?

Он отвечает:

- Баба...
- Твоя работа? – спрашивает жена.
- Я смеюсь, соглашаясь...

Николка плохо завтракает. Не ест манную кашу, отворачивается от ложки, говорит:

- Неть.

Я обещаю ему карамельку, если он съест пару ложек каши. Он нехотя съедает. Потом напоминает мне:

- Деда, каламельку давать...

Родители запрещают Николке есть конфеты и сладкое. Нам наказывают ничего ему не давать. Мы с женой втихаря даём ему: то карамельку, то кусочек шоколадки.

Я наказываю ему, чтобы он не говорил маме с папой про карамельки.

Едва домой заходят родители, Николка тут же:

- Деда давал каламельку. Баба давала соколадку и каку-то сипучку (карамельку-шипучку).

У меня всегда есть заготовки конфет. Николка уже знает, что за них его и меня будут ругать. Но всё равно он нет-нет да и выпросит. Я даю ему конфету или карамельку. Он, засунув конфету в рот, тут же бежит к бабе и говорит ей: «Баба, иди лугай деда, он мне карамельку дал...».

Бабушку Николка любит больше, чем меня. Называет её ласково – то «бабуля», то «бабуленька». А тут что-то рассердился на неё и после «бабуленьки», отвернувшись, произнёс: «Бабка Людка!». Никто его этому, разумеется, не учил...

Сейчас Николка с родителями и младшей сестрёнкой Алёной живёт на Лесной Поляне. Прошлой осенью как-то мы гуляли с ним там в замечательном парке. И я предложил ему поиграть в рифмы слов. И из всего этого стали вырисовываться подобию стихов.

*Если время к осени –
В небе меньше просины...*

*Облака там белые
Или тучки серые.
Часто дождик моросит,
Он дорожки оросит,
И траву поблекшую,
И цветы отцветшие...*

К этому времени Николка уже окончил второй класс. На вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» – вполне осознанно отвечает: «Журналистом». Я ему говорю, что уже сейчас надо учиться писать – писать о том, что видишь вокруг себя, что чувствуешь, какие мысли приходят к тебе в голову и прочее. А ещё мы с бабушкой пообещали взять его в ближайшее время в турпоездку за границу. И у меня возникла идея: вместе там делать ежедневные дневниковые записи. А вернувшись из поездки, оформить их в виде «записок» кемеровских туристов и издать небольшой книжечкой. Вот и проверю его на трудолюбие и журналистскую пригодность...

Галина
ЗОЛОТАИНА

МАЛЕНЬКОЙ ИКОНКОЙ ЛЮБОВАТЬСЯ...

* * *

Как хорошо быть дома – и одной! –
И космы банной шапочкой скрывая,
Собою любоваться, попивая
Из чашки кофе – бразильянский зной!
Кто в садике, кто в школе, кто в трудах,
А я филоню, то есть тунеяжу,
Спихнув забот безрадостных поклажу
И не блуждая в прожитых годах.
Включу негромко Фаусто Папетти,
На стол журнальный ножки умещу,
Ну может быть, чуть-чуть и погрущу,
Но это пусть останется в секрете!

* * *

Не надо начинать с начала жизнь!
Ну хорошо, хотя б – не ежедневно...
Ведь ты же не лягушечья царица –
Ведь ты ж из заурядных Василис!

С утра по плану чуть пографомань,
К обеду погуляй для аппетита,
Часам к пяти закончи сарафан,
Должна ж вещица к лету быть дошита.

День заверши без всяческих затей,
Прочти «Уединенное», зевая.
Оставь в покое внуков и детей.
Ты умница, ты девочка большая!

* * *

Улица Красный Лог обветшала,
Там дома похожи на домовины,
И спуск к ней безлюден, и кошек мало –
Да их совсем здесь, гляжу, не видно!..

А Лог-то Красный, а красных тю-тю.
И кто теперь помнит, что здесь, в низине,
Расстрел людей был, зверский до жути,
Как в крови и теперь все ветки калины.

Чем закончить, какой здесь следует вывод?
А такой, что убили людишек зря-тко,
Как и раньше, после дождя здесь лывы
Да свет с тенью вечно играют в прятки.

* * *

Давай же о хорошем, о хорошем –
О синих зимних сумерках, о прошлом,
Когда снималось платье второпях
В чужом дому, где были мы в гостях.

Там что-то начиналось выше страсти,
И это было нежностью – вот, здрастье!
Дожили, дочитались, докатились,
Вошли друг в друга, перевоплотились.

Потом придёт весна, и будет лето,
И осень. А потом конец сюжета.
Февраль – и всё. На кладбище пороша...
Ширь на Чудское озеро похожа...

* * *

Встанешь на краю порога,
И увидится восток,
А подвинешься немного
На другой конец порога –
Запад видится чуток.

Пишешь строчку на листочке
Или клавишей стучишь
В своём тихом закуточке,
Всё равно дойдёшь до точки:
Постоишь – не устоишь,
Вслед за солнцем улетишь!

* * *

Не закливайся на точке – она мала.
Лучше по прямой продолжай свой путь.
И не думай на ночь, не хмурь чела,
А читай стихи, просто – чьи-нибудь.

А придёт пора огород копать,
Так бери лопату – иди копай.
Ты ещё не слишком старая, мать,
И успеешь ещё собрать урожай.

Мы ещё попьём чайку и чего-нибудь,
По базару ходим и по острию,
А что жизнь проходит – так в этом суть,
Чтобы сладость узнать на самом краю.

* * *

Разве есть ещё такие песни
И стихи ещё такие, а?
Чтобы на душе исчезла плесень
И на сердце растворилась ржа?

Ну, конечно, есть такие песни,
И стихи такие тоже есть,
Потому что не было б их если,
Слишком заскорузло было б здесь!

Пой, дружище, голосом негромким,
Неустанно ниточку тяни.
Сзади предки, спереди потомки,
Посередке мы с тобой. Одни.

* * *

А что вчера было? Ведь было же что-то!
Прогулка по парку и чтение книги,
Усталые дворники тянут вериги –
Лопаты и грабли... и капельки пота.

А парк, он пока что безлиствен, прозрачен,
И аттракционы пусты и ненужны.
Закрыты все кассы, и мелкие лужи
Пробует лапка трёхпалая грачья.

И небо такой синевую пригоже,
Что слышится нежное ангелов пенье,
И жаждет душа красоты, обновленья,
И кажется мир этот церковью Божьей.

* * *

Какое счастье быть двенадцати годов,
Неприспособленной, боящейся грозы,
Когда кромешный двоечник Седов
Коснётся пальцем правой железы,
Которую и грудью-то назвать нельзя,
А так – на ровном месте бугорком.
Когда забыв о тайном умысле гвоздя,
Напорешься опять заштопанным чулком
На этот гвоздь, торчащий из скамьи...
А дома – зашивать чулок в сортире,
Чтоб не сказали, что бюджет семьи
Я вечно уменьшаю, то есть тырю.
Какое счастье с бабушкой ругаться
О том, что бога не было и нет,
Но маленькой иконкой любоваться,
И знать, что от неё исходит свет...

* * *

Господи Боже, чего только я не свершала!
По ночам взывала, во тьму бежала –
хотела к себе,
А мне отвечалось: «Хотелка не выросла,
бе-бе-бе!»

Я и теперь, как замшелая дура, о всех пекусь,
Только меня всё чаще Комарик кусь-кусь:
Такой затейник. «Пойдёшь, – грит, – за меня,
Муха?»

А я ему отвечаю: «Офонарел совсем?
Я ж – старуха».
А он опять зовёт: «Пойдём, покажу тебе
сабельку».
Что ты со мной творишь, я ж становлюсь
слабенька!

А у меня дела, заботы, дети, нужда, привычки,
А он мне: «Гляди, синички уже взяли спички...»

И оторвал он меня от тверди, и мы полетели,
И мы с ним смеялись и делали, что хотели!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НА ЗАКАТЕ

Спи, мой тихий, спи, мой мальчик...

А. Ахматова

*Мы ложимся ровно в десять,
Чуть пропел сверчок.
Спи, мой мальчик, спи мой ветер,
Спи, мой старичок.*

*У фланелевой тельняшки
Якорь на груди,
Спи, несносный старикашка, –
В море не ходи!*

*Там акулы-каракулы,
Льды и айсберга́,
У пиратов в шерсти скулы
И одна нога.*

*Ровно в шесть сверчок замолкнет
И наступит день.
Просыпайся, старый волк мой,
Просыпайся, пень!*

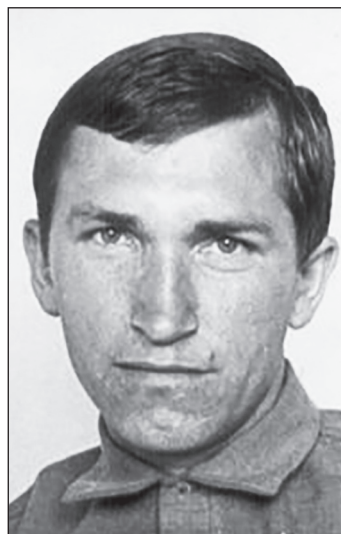
*Мы пойдём с тобой кататься
В лодочке опять,
Будем петь и целоваться,
Руки распускать...*

Василий ФЕДАНОВ

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Документальная повесть

Из восьмидесяти прожитых мною лет половину провёл в городе Киселёвске. Ему в основном посвящается повесть. А ещё деревне Афонино, с которой и начинался город Киселёвск.

ПАРИЖ – ПЕТЕРБУРГ – АФОНИНО (Пролог)

1845 год. В Париже выходит книга «Путешествие в Восточный Алтай и пограничные места с Китаем».

Её автор Петр Александрович Чихачёв – выдающийся русский учёный, географ, геолог, картограф, почётный член Петербургской Академии Наук.

Чиновник особых поручений при... министре финансов – такова была его официальная должность на то время.

Это был необыкновенный человек с необычайной любознательностью. Обладая обширными знаниями в области географии, геологии и картографии, он интересовался, кроме того, астрономией, палеонтологией, эмбриологией и кристаллографией.

А ещё, чтобы пополнить свои знания, уезжал в Германию учиться в Горной академии.

И вот именно он за три года до издания книги по поручению Николая Первого организовал и возглавил экспедицию в Восточный Алтай и пограничные с Китаем места.

Российский император поставил перед Петром Чихачёвым две очень важные задачи.

Первая. На основании образцов растительных ископаемых, взятых ранее в окрестностях сибирской деревни Афонино и хранящихся в Императорском горном институте г. Петербурга, определить границы угольного месторождения.

И вторая, не менее важная задача, – уточнить до сих пор не обозначенные пограничные территории с большим соседом Китаем.

1842 год. Состав экспедиции, организованной молодым, тридцатитрёхлетним Петром Чихачёвым, был довольно внушительным. В неё входили топограф, горный специалист, промывальщик, лекарь, толмач (переводчик), носильщики, охрана и даже художник. Всего около пятидесяти человек.

Но прежде чем отправиться в столь далёкое и нелегкое путешествие, Чихачёв, естественно, по рекомендации российского императора посетил Петербургский горный институт, где ознакомился с находящимися там образцами растительных ископаемых, обнаруженных возле деревни Афонино в далёкой Сибири.

Вот как автор книги, изданной в Париже, описывает тот момент, когда их караван приближался к намеченной и долгожданной цели – деревне Афонино, где ему, Петру Чихачёву, не терпелось посетить её окрестности: «Для того чтобы отпра-

ФЕДАНОВ Василий Степанович родился 1 октября 1939 года в селе Сарабалык Новосибирской области. Окончил технологический институт в Красноярске. Автор шести сборников стихов и прозы, трёх сценариев. Публиковался в областных газетах: «Кузнецкий край» и «Кузбасс», журналах: «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Наш современник», альманахе «Горицвет» и коллективных сборниках. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

виться в деревню Афонино, находящуюся в 125 верстах от Кузнецка, мы двинулись вдоль Абы и, пройдя деревню Узатку (г. Прокопьевск), мы вскоре прибыли в Афонино (Киселёвск)».

Добравшись до заветной цели, Пётр Чихачёв вместе с помощниками стал скрупулёзно изучать афонинские окрестности. Его они интересовали ещё и тем, что ископаемые материалы состояли из рыхлого песчаника, содержащего обломки каменного угля.

Далее путь экспедиции лежал в сторону Салаирских рудников. И везде Пётр Чихачёв собирал образцы каменного угля, которые впоследствии передал в Париже на исследование в химическую лабораторию, где дали высокую оценку его качеству...

Через восемь лет, в 1850 году, около деревни Афонино началась незначительная добыча угля из мелких штолен для нужд Томского железодобывающего завода. Через четырнадцать лет, в 1864 году, добыча прекратилась с закрытием завода.

Только в тридцатые годы прошлого столетия началось невиданное по масштабам строительство шахт, и как раз в том районе, отмеченном Петром Чихачёвым как Кузнецкий угольный бассейн.

А что же Афонино? В конце девятнадцатого века здесь появилась Петропавловская церковь, превратившая деревню в село. А когда весной 1941 года наша семья поселилась в Афонино, это уже был промышленный угольный посёлок.

Сохранилась и Петропавловская церковь, где в 1951 году венчались моя старшая сестра Полина с мужем Михаилом.

Помню то венчание и как служитель церкви держал короны над их головами. Они прожили долгую, более пятидесяти лет, совместную непростую жизнь и похоронены (царство им небесное) в городе Кургане.

Кстати, Полина с Михаилом работали (она недолго, до производственной травмы) на шахте «Краснокаменная», расположенной в поселке Афонино.

Возвращаясь к чихачёвской экспедиции, следует отметить, что он, Пётр Александрович Чихачёв, блестяще справился с поставленными заданиями и положил на стол российскому императору Николаю Первому не только карту с начертанными границами Кузнецкого угольного бассейна, но и обозначил границу с Китаем, которую не сразу, а всё-таки через несколько лет признали китайцы...

Недавно в ближайшем супермаркете купил три коробка спичек для хозяйственных нужд. Дома с немалым удивлением обнаружил, что на них изображён в цветном виде Чингисхан. С каких это пор он стал национальным героем для руководства спичечной фабрики, расположенной на территории России?

Я не предлагаю этому спичечному руководству разместить на коробке портрет Петра Чихачёва. Уверен, что в крае есть достаточно достойных земляков, прославивших местность.

Но имя Петра Александровича Чихачёва должно быть увековечено на территории Кузбасса.

Во-первых, в городе Киселёвске, где в деревне Афонино (будущий Киселёвск) экспедиция Чихачёва изучала найденные пласты каменного угля в 1842 году.

И было бы правомерно присвоить его имя Киселёвскому горному техникуму, которому в 2022 году исполнится семьдесят пять лет. Ведь он настоящая кузница горняцких кадров.

Во-вторых, столица Кузбасса, город Кемерово, несомненно заслуживает стать местом для памятника Петру Александровичу Чихачёву, определившему контуры Кузнецкого угольного бассейна и назвавшего его крупнейшим в мире по запасам чёрного золота.

ИЗ ШКОЛЫ В ШКОЛУ

Два года в Новосибирской области был неурожай. Наша семья жила в сельской местности и, чтобы не умереть с голоду, отец завербовался на одну из кузбасских шахт.

Так, весной 1941 года мы оказались в посёлке Афонино города Киселевска, где уже было десять шахт. Только в Афонино их было три.

Сначала жили в землянке, а потом, в 1942 году, когда на фронте дела стали совсем плохи и отца призвали в армию, хотя в семье оставалось пятеро детей, нам выделили квартиру в одном из двенадцати бараков около Четвёртой шахты, где работал отец.

Большую часть посёлка, где мы жили, составляли бараки. Они уходили от Четвёртой и Шестой шахт в четыре ряда, обнимаемых с двух сторон железнодорожными ветками. По ним круглые сутки вывозили уголь, а назад возвращались вагоны или порожняком, или гружёные рудостойками. Весной и осенью да и во время летних проливных дождей стояла непролазная грязь и, чтобы в ней не утонули работники шахт, были

проложены многокилометровые деревянные тротуары.

Белый снег в нашем посёлке Афонино видели редко и только в тот день, когда он выпадал. Уже на следующий он становился сначала серым, а потом и чёрным от угольной пыли. Оттого и весна приходила рано, едва начинало припекать солнце.

В этих бараках жили трудящиеся ближайших шахт, то есть пролетариат, и неспроста улица, на которой располагались бараки, носила имя великого пролетарского писателя Максима Горького.

Как мы выжили – трудно представить! Ведь старшей из нас, Полине, было всего двенадцать лет! Ей пришлось насовсем бросить школу и помогать маме.

Спасло то, что осенью 1943 года отец вернулся с фронта инвалидом и устроился работать в пожарную часть на мизерную зарплату.

Зима. Шахтёрский посёлок Афонино. Мимо бараков в сторону «финских» домов пронесётся кошёвка, запряжённая статным жеребцом. Это начальник шахты едет на обед. Её руководство живёт в специальных, «финских» домах на два хозяина. Осенью 1946 года я пошёл в первый класс школы, расположенной напротив этих домов. И со мной в классе учился Митька, один из трёх сыновей начальника шахты. Мне было интересно, что же ест его отец в обед? Чем питаются жители бараков, я знал, так как наша семья жила в одном из них. И когда мы уже через пару недель все в классе перезнакомились, я отвёл Митьку в сторонку и поинтересовался, чем его отца кормят в обед. Он не стал выпендриваться и рассказал, что папка его очень любит борщ со сметаной, а на второе обязательно мясо или котлеты с гарниром. Митька помолчал немного, соображая, видимо, стоит ли об этом говорить. И всё-таки не выдержал и выдал тайну, что перед тем как папка приступает к поеданию борща, мамка ему наливает полстакана водки. Для аппетита, добавил Митька...

Мне, тогдашнему первоклашке, непонятно было, отчего у начальника шахты портился аппетит. И лишь спустя тридцать лет, наевшись досыта руководящей работы, я понял причины испорченного аппетита Митькиного папки.

Это могли быть «неприятности» на работе: аварии, взрывы, невыполнение плана, смертельные случаи и следовавшие за этим «оргвыводы» парторганов, когда можно было лишиться не только аппетита или работы, но и жизни.

Когда я окончил первый класс в семилетней школе № 3, несколько учеников, в том числе и меня, перевели в другую, под номером 13, так как Третья школа была переполнена.

Тринадцатая школа, четырёхлетка, находилась у дороги, между шахтами Четвёртой и Пятой, и располагалась в небольшом деревянном доме. В ней было печное отопление. В небольшом зале, где мы бегали на перемене, стоял бачок с водой, а рядом, на табурете, кружка на цепи, куда набирали воду, открыв краник бачка, чтобы напиться.

Туалет – на улице. Помню нашу учительницу Анну Петровну, немного похожую на певицу Валентину Толкунову...

Это было зимой 1949 года. Я учился в третьем классе. Уже заканчивал делать домашние уроки, когда почтальон принёс письмо. Мама достала рубль, отдала его почтальону, так как письмо было без марки, передала письмо мне, чтобы я его прочитал. Мама с папашей (так звали мы в семье отца), которые были в это время дома, оба малограмотные. Оно было из Сарabalыка Новосибирской области от сестры отца. Сестра передавала приветы от своих домочадцев, спрашивала, как у нас дела, какие новости.

Мама, выслушав, сказала:

– Вася, вот и ты и напиши.

Я удивлённо посмотрел: «Да я ж ни разу не писал писем!»

Помню тот день. Мама, как всегда, стояла у плиты, варила суп-кулеш. Этот суп варится с добавлением пшёнки, а заправляется поджаренным луком и кусочками сала. Запах супа-кулеша я помню до сих пор.

– А как начинать письмо? – спросил я родителей.

Мама говорит:

– А как в том письме, что получили, так и пиши: «Добрый день, весёлый час, пишу письмо и жду от вас».

– А дальше?

– Ну напиши, что у нас всё хорошо, дети все учатся, а старшая Полина пошла работать на шахту, на участок транспорта, а папаша валенки подшивает всем соседям, кто просит. Более нет новостей.

– А заканчивать письмо как?

– Вася, ну ты посмотри, как твоя тётка пишет.

– Ждём ответа, как соловей лета.

Так я начал писать письма и пишу до сих пор. Люблю получать их. Но получать письма можно тогда, когда ты их пишешь.

...Мы еще оканчивали второй класс, когда возле деревянного здания административно-бытового комбината Четвёртой шахты, недалеко от барака, в котором мы жили, начали огораживать будущую строительную площадку высоким глухим деревянным забором. На четырёх его углах возвели наблюдательные вышки.

Из рассказов взрослых мы, пацаны, уже знали, что будут строить новое двухэтажное здание административно-бытового комбината. И что строить его будут военнопленные немцы.

Их по утрам стали привозить на американских автомобилях-студебеккерах, крытых брезентом, у задних бортов которых сидели по два автоматчика с овчарками. Заехав на строительную площадку, эти автоматчики занимали места на угловых сторожевых вышках.

Здание бытового комбината немцы строили из шлакоблоков, изготавливаемых здесь же, на стройке. И за два года здание было построено.

А в освободившееся старое здание (длинное, деревянное) завезли парты, повесили классные доски. Так получилась школа-семилетка. Ей присвоили номер 25.

И в пятый класс я пошёл учиться в неё. В ней же по окончании седьмого класса нас настигла печальная весть о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина...

*Год полсотни третий –
Некролог в газете:
«Умер Коба-Сталин».
Все народы встали!*

Встали и мы – ученики. Нас выстроили в длинном полутёмном коридоре. Директор школы Николай Васильевич Хохлов сказал краткую речь и сообщил о кончине вождя. Некоторые учительницы плакали.

...Когда немецкие военнопленные закончили строительство бытового комбината, их больше не привозили, а заменили пленными японцами, которые стали строить более мелкие объекты на шахтной территории, но уже не из шлакоблоков, а из привозимого кирпича, произведённого на Афонинском кирзаводе.

Помню их, японцев, марширующих в небольших строевых колоннах, сопровождаемых нашими охранниками.

К японцам отношение было совсем не строгое. Им даже отвели место в гардеробной шахтовой мойки, где они мылись после работы.

Военнопленные японцы привнесли часть своей национальной культуры в наш быт. Чтобы

не ходить в мойке по грязному бетонному полу, они изготовили из деревянных отходов местной лесопилки сандалии с брезентовыми ремешками. Брезент они добывали из отходов транспортной ленты, раздирая её на слои щипцами. Сегодня подобную обувь называют сланцами.

Долгое время и после отбытия японцев их изобретением пользовались не только шахтёры, но и мы, «нешахтёры», когда нам по субботам разрешалось мыться в мойке.

Позже появились отечественные резиновые сланцы...

Первого сентября 1953 года мой путь лежал уже в настоящую среднюю школу № 16, расположенную в трёх километрах от барака, где мы жили, и находящуюся в самом центре посёлка Афонино, где ещё можно было встретить старинные рубленые дома с тесовыми крышами и резными ставнями – остатками старой деревни Афонино.

И если от Шестнадцатой школы, в которой мне предстояло завершить среднее образование, пройти вниз по дороге и немного подняться на начинающийся холм, то на нём и стоит до сих пор действующая Петропавловская церковь. В неё и привела мама меня, восьмилетнего, летом 1948 года, где меня, втихую от советской власти, крестили.

35

*Афонинская церковь святых Петра и Павла,
открытие которой состоялось в 1882 году*

А выше церкви, метров через пятьсот, среди берёз и осин, располагается территория большого афонинского кладбища. Там, на старых захоронениях, ограды, кресты и памятники настолько потемнели от впитавшейся в них угольной пыли, что их нельзя ни отмыть, ни оттереть мылом и порошком.

И немудрено – ведь все последние годы советской власти да и теперешние начальные, «несоветские», уголь в Киселёвске добывали практически в черте старого города, а особенно в посёлке Афонино. Достаётся городу и от действующей обогатительной фабрики, от пыли которой рядом расположенные огороды чёрные круглый год.

А потому чуть в стороне строится новый город Киселёвск, в районе железнодорожной станции Красный Камень. И зона отдыха стала поближе. Она располагается по обоим берегам реки Чумыш.

В новом городе возведён прекрасный храм во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница».

12 октября 2003 года на его освящение ждали патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, но он заболел. И освещать новый киселёвский храм прилетел сегодняшний патриарх, а в то время митрополит Кирилл. Свою приветственную речь он закончил словами: «Вы все должны быть в Кузбассе одной православной семьёй».

ПАПАША

Мама долго прятала от нас, детей, фотографию отца, привезённую с фронта. Впервые я увидел её только в тринадцать лет, когда в сумке, где хранились семейные документы, искал свидетельство о рождении, затребованное школой.

Фотокарточка была небольшой. На ней – стриженная голова, печальные, наполненные смертельной болью глаза и нос. Нижней части лица не было. Её снесло осколком. Наверно, хирурги санитарного батальона попросили военного фотографа оставить отцу на память то, что было у него с лицом до того, как они собрали его.

Папаша долечивался после медсанбата в Красноярском военном госпитале. Позже, окончив школу, я поеду в этот город учиться, чтобы увидеть тот госпиталь.

Челюсть с искусственными зубами цеплять было не за что, и мама варила папаше супы и каши. Хлеб он всегда крошил и размачивал в супе, чтобы легче было глотать.

У отца, выходца из большой крестьянской семьи, были золотые руки, умеющие делать всё. Он был и плотником, и сапожником. Папаша готовил дратву для подшивки валенок. Это был побочный заработок. Основная работа отца – рядовой боец в пожарной части. Ему каждую осень и в начале зимы приносили изношенные валенки, а он подшивал к ним подошвы. Делал он это так мастерски, что заказчики не узнавали свои старые валенки и цокали языками.

Сначала он готовил дратву. В косяк окна двухкомнатной квартиры барака, где мы жили, был вбит большой гвоздь, на который папаша натягивал нитки. Если заказчик приносил тонкие, то он делал дратву из шести ниток, а если толстые – из трёх. Он набрасывал нитку на гвоздь и отходил до двери, а это было расстояние метра три, а потом накидывал следующую. И куском вара начинал драить их, пока не получалась крепкая чёрно-смолянистая дратва. Затем начал делать из наколотой щепы маленькие деревянные гвоздики длиной десять-двенадцать миллиметров.

А ещё он просил заказчика принести старые валенки, из голенищ которых делал подошвы. Если голенища были тонкие, то он их делал в два слоя, предварительно прошив в несколько рядов. У него было специальное шило с крючком, с помощью которого и прошивалась подошва к валенку.

Изюминкой папашиного сапожного творчества было изготовление каблучка на заднюю часть подошвы. Когда он оказывался простяжённым и пришитым к подошве, начиналось самое главное – крепление его окончательно теми маленькими деревянными гвоздиками. Для чего? Да чтобы дольше не истирался!

Когда в нашем хозяйстве появилась корова, она вдоволь была обеспечена и сеном, и теплым стойлом. В обмен на заботу она давала столько много молока, что даже для такой немаленькой семьи его хватало. Появились творог, сметана, масло.

КОСТЯ, ВЕРА И ГРАФ КАРАМБОЛЬ

Костя Самоваров появился в первом классе с начала третьей четверти, после зимних каникул. Их семью поселили в угловой квартире на первом этаже нашего барака. У Кости была сестра Вера, лет на восемь старше его, и бородастый отец, как позже выяснилось, отличный куз-

нец. Отца звали Григорием, но Костя почему-то называл его дедушкой, а Вера папой. Ходили слухи, что их семья была репрессирована. Они раньше жили где-то в таёжном посёлке Красноярского края, где и умерла Костина мама.

У Григория с устройством на работу проблем не было. С Костей мы быстро сдружились и часто бегали после уроков в шахтёрскую кузницу. Отец баловал сына, у которого частенько водились карманные деньги. Однажды Костя принёс в класс портфель, который вместо учебников и тетрадей был заполнен самодельными сахарными цветными петушками на палочках. Ими в то время бойко торговали тётки на базарах. Естественно, уроки были сорваны, и учительница отравила Костю домой за отцом.

Вечером почти все ребяташки, живущие в бараке, пропадали у них. Отец-кузнец, сильно устававший на горячей работе, спал за занавеской, а мы, прилепившись к раскалённой печке и разинув рты, слушали Веру. Электричества в те годы ещё не было. Рассказчица она была необыкновенная. Героем её повествования был граф Карамболь, чем-то смахивающий своими похождениями на графа Монте-Кристо. Все, приходящие к Самоваровым мальчишки и девчонки, по очереди приносили с собой мытую картошку. Тот, кто вечером дежурил, готовил чугунную дверку печки к жарке картофеля. Когда печка от горящего угля раскалялась, внутреннюю сторону чугунной дверки мокрой тряпкой оттирали от гари и на неё накладывали нарезанный кружочками картофель. Они моментально прилипали к дверке, дверца закрывалась и через мгновение еда готова. Это было объеденье – чипсы по современному.

Вериним талантом рассказчицы я восхищаюсь до сих пор. Про графа Карамболя она рассказывала ежедневно и всю зиму до самой весны. Где была правда, а где она присочиняла, нам, малолеткам, не читавшим этой книги, было не понять.

С Костей вместе проучились до весны 1953 года. Пятого марта, в день смерти Сталина, быстро вывесили траурные флаги. Мы ещё не знали, что вождь умер. Кто-то в классе, увидев в окне траурный флаг на соседнем административном здании, вслух спросил: «А по какому поводу его вывесили?». Костя моментально сказал, что на pewno, кобыла на конном дворе сдохла.

Сразу же вызвали Костиного отца в школу. Он в то время уже сильно болел, и у него не выдержало сердце.

Вера в те годы уже дома почти не жила, связавшись с какими-то хулиганами. Костя уехал из Киселёвска, его забрал дядя. Больше я его не видел.

ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

Иосиф Виссарионович не был жадным человеком. Он милостиво разрешал своему советскому народу называть колхозы и заводы, фабрики и города, корабли и пароходы не только своим, но и именами преданных ему соратников. Угольный Киселёвский трест после войны носил звание наркома Лазаря Моисеевича Кагановича.

Ещё весной 1956 года перед выпускными экзаменами наша классная руководительница Валентина Андреевна Черепанова со своим мужем учителем географии Фёдором Фёдоровичем свозили нас на экскурсию в город Сталинск (ныне Новокузнецк) на металлургический комбинат с прицелом на то, что кто-нибудь выберет профессию сталевара. Действительно, несколько выпускников так и сделали. У меня же после пребывания в огнедышащем цехе такого желания не появилось. Но не захотелось становиться и шахтёром. В нашей семье их было уже предостаточно. Братья Николай и Алексей, сестра Полина, зять Михаил, жены братьев Валентина и Зинаида – все уже работали на шахте. Как потом окажется, что и Иван, муж второй сестры Наташи, тоже шахтёр. Посчитал, что Лазарь Моисеевич не обидится, если я не пойду по их стопам.

Мы с пятью одноклассниками решили ехать в Красноярск и поступать в Лесотехнический институт. Я и не думал тогда, что уже через три месяца свижусь там с живым Кагановичем.

Под списками поступивших в институт висело объявление: «1-го сентября – все на сельхозработы!». Урожай зерновых в том далёком 1956 году выдался в Красноярском крае отменным. Мы, студенты, работали наравне с селянами в две смены. Работал я копнителе. Пыль, колкая солома, неимоверно тяжёлая работа для шестнадцатилетнего подростка, к концу смены сил почти не оставалось.

Награждать край орденом Ленина за сверхвысокий урожай приехал сам Лазарь Моисеевич, член Политбюро, член ЦК КПСС и так далее и тому подобное. Красная площадь Красноярска, где проходил вечером митинг, заполнилась до отказа. Высокий московский гость выступал с балкона Дома советов. На нём было серое паль-

то с серым каракулевым воротником и серая каракулевая же шапка.

Ещё долго, почти до Нового года, его фотографии стояли в витринах центральных магазинов по проспекту Сталина.

Но уже весной 1957 года Лазарь Моисеевич был снят со всех постов за участие в антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шипилова.

РУДОЛЬФ ПЛЮКФЕЛЬДЕР

Толя Шабалов, однокурсник, посмотрел на меня недоверчиво и как... на сумасшедшего. А я всего-то и сказал ему, что Рудик ежедневно пробегал по тротуару мимо нашего барака на тренировки, а иногда и останавливался как раз напротив наших окон. Над нами проживали брат с сестрой Ваня и Рая Кошкины: Ваня, небольшой плотный крепыш, чуть заикающийся, со своим дружком Лёшей Вахониным занимались в тяжелоатлетической секции, располагавшейся рядом в общежитии. Иногда Лёша ночевал у друга. Рудик ждал, когда друзья спустятся, и они вместе шли поднимать тяжести.

Об этом я и рассказал (мы учились на втором курсе Красноярского технологического института) Анатолию, внимательно следившему за чемпионатом СССР по тяжёлой атлетике, проходившему в Москве в 1958 году, где Рудольф впервые стал первым в стране.

Спасла меня газета «Труд», опубликовавшая огромную статью о новом чемпионе, где Рудольф рассказал, что начинал он свои первые занятия в маленьком сибирском шахтёрском городе Киселёвске.

НИКИТА ХРУЩЁВ

Он прилетал в Красноярск из Пекина, где первого октября 1959 года праздновали десятилетие образования Китайской Народной Республики. Естественно, краевые власти к визиту стали готовиться заранее. Мы, студенты, со всеми красноярцами мыли и подметали улицы города. Красили высокие деревянные свеженькие заборы, скрывающие неприглядные места по пути предполагаемого следования Никиты Сергеевича.

Как же хотелось увидеть его живьём, тогда ещё в зените славы.

Как назло, в день визита моросил нудный дождик. Несмотря на непогоду, весь путь движения кортежа был заполнен людьми. Хрущёв ехал в

правительственном чёрном лимузине, где даже стёкла были закрыты. Всё, что я успел запомнить, это улыбку на его лице и бородавку.

На второй день состоялся многотысячный митинг на территории комбайнового завода. Потом долго ходили слухи, что одну старушку затоптали при этом.

И лишь спустя сорок лет мир узнал, что Никита Сергеевич прилетал в Красноярск совсем не комбайны смотреть. Краевое партийное начальство показывало московскому гостю уникальный завод, вырубленный в скале на правом берегу Енисея. Пирамида Хеопса – игрушка по сравнению с этим гениальным сооружением. Продукция завода – оружейный плутоний. Долгое время этот сверхсекретный объект назывался по-разному: почтовый ящик «Девятка», Красноярск-26. Сегодня он известен как Железногорск.

ДЕД МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Весна 1961 года. Я пропадал в институтской библиотеке, собирая материал для дипломной работы.

В один из таких дней пришла телеграмма из дома. В ней два слова: «Умер дед».

Он появился в нашей семье, когда я уже стал студентом. Михаил Леонтьевич, дед по отцовской линии, оставшись один, не захотел жить в деревне у дочерей, запросился к сыну Степану. Так он оказался в Киселёвске, Дед был сухоньким и светленьким, чем-то похожий на Александра Васильевича Суворова. У нас с ним были очень короткие встречи, потому что я приезжал только на каникулы, причём летом у нас была ежегодная длительная производственная практика.

Приехал домой утром в день похорон деда. Светило яркое солнце, от земли шло испарение. Брат Николай попросил меня сделать надпись на деревянном кресте. Нашёл в ящике комода увеличительное стекло. На прислоненный к завалинке барака крест падал солнечный свет и выжигать на нём буквы было нетрудно. Я водил горячим лучиком по написанным карандашом буквам и думал, что никакой дождь не смоет их, пока не сгниет крест.

Осталось подписать дату рождения. Нашли паспорт деда и подали мне. Я открыл его и обомлел. Михаил Леонтьевич родился в... год отмены крепостного права в России, в 1861 году!

Прожив сто лет, он до последних дней каждую субботу ходил в баню к внучке Полине, жившей в частном доме. Её муж Михаил до сих пор

вспоминает, что дед, попарившись, не отказывался от «положенных» ста граммов и, чуть захмелев, тоненьким голоском всегда запевал одну и ту же песню:

*Красно солнышко взошло,
Месяц закатился...*

Когда в 1995 году на Афонинском кладбище хоронили старшего брата Николая, то в тот же день заменили подгнивший крест и на могиле деда.

ЮРИЙ ГОНЧАРОВ

Это ему, Юрию Гончарову, руководителю любительской киностудии из Киселёвска, вручал в Москве приз за первое место известнейший в мире советский кинорежиссёр Григорий Рошаль. Знаменитый автор фильмов «Петербургская ночь», «Мусоргский», «Хождение по мукам» был председателем конкурсной комиссии любительских фильмов. И таких наград у Юрия Ивановича было не счесть. Ведь всего им снято более ста восьмидесяти фильмов, два из которых по моим сценариям...

Киностудия располагалась в левом крыле первого этажа Дома техники. Она по праву стала называться народной. В ней всегда было многолюдно, там собирались творческие люди Киселёвска, там мы и познакомились. Закономерно, что героями фильмов Юрия Гончарова были шахтёры и машиностроители.

В конце семидесятых годов, когда мебельная фабрика вошла в число лучших предприятий города, руководитель киностудии предложил мне снять фильм о мебельщиках. Мне, тогда работавшему главным инженером, хотелось показать роль рационализаторов в техническом перевооружении производства. Я написал короткий сценарий, и двадцатиминутный фильм стал своеобразным и для многих удивительным подарком к двадцатипятилетию фабрики.

В те годы в стране главенствовал знаменитый лозунг генсека Леонида Ильича Брежнева: «Экономика должна быть экономной». ЦК партии принуждал все парторганизации включиться в борьбу за экономию сырья и материалов, снижение себестоимости продукции.

Так родился на этой почве второй (и так же 20-минутный) фильм «Что нам стоит стол построить?», который мы показали на проходившем в Киселёвске областном совете директоров

объединения «Кемеровомебель». Присутствовавшему на нём важному партийному боссу из обкома КПСС фильм так понравился, что он «приказал» продемонстрировать его на областном телевидении, что Юрий Иванович и сделал.

Сегодня гончаровской киностудии в Киселёвске не стало. Новые времена, новые песни, новые фильмы. Сейчас востребованы фильмы про «братков», олигархов и сериалы-пустышки с закадровым идиотским смехом. Делать такие фильмы у Юрия Ивановича руки не приспособлены.

МАРИЯ УЛЬЯНОВА И МИХАИЛ КАЛАШНИКОВ

Это был 1970 год. Страна только что пышно отпраздновала 100-летие со дня рождения вождя революции, но праздничное настроение у страны продолжалось. Ей, стране, дико повезло. В Тюменской области рекой лилась нефть. Новые скважины открывались чуть ли не ежедневно. В страну потекли нефтерубли, а в Тюменском крае чуть ли не ежемесячно рождались герои. Герои Соцтруда.

В Тюменской области рождались новые города...

Тогда руководство Союза журналистов придумало удивительную командировку для коллектива сибиряков, чтобы они, увидев эту новую жизнь тюменцев, о которой уже слагали песни, рассказали о ней в своих газетах. На Новосибирском речном вокзале нас, счастливых, разместили в уютных каютах великолепного, белоснежного теплохода, на борту которого красовались большие золочёные буквы: «Михаил Калашников».

Нам предстояло путешествие вниз по Оби и встреча с героями-нефтяниками.

Распорядок дня, пока мы шли на теплоходе по Оби, был таков: до шестнадцати ноль-ноль нам читали лекции, а потом свободное «плавающее» время. Лекторами были ветераны, зубры журналистики из центральных газет и факультета журналистики МГУ. На первом же занятии мы избрали старосту группы, огромную и громкоголосую Анну Ивановну.

После занятий в нашем распоряжении оказались не только прибрежные красоты, но и теплоходский буфет, где продавались в розлив армянский коньяк и дефицитнейшее по тем временам пиво, да какое! Чешское в миниатюрных бутылочках по триста тридцать граммов! Коньяк нам был не по карману, его употребляли лекторы-москвичи, а на пиво, слава богу, командиро-

вочных хватило. Благо, что вяленая, сушёная, копчёная рыба была на берегу, куда иногда причаливал наш «Михаил Калашников».

После второго причаливания все журналисты невольно обратили внимание, что один из членов их группы заметно веселее их. Это был ветеран-журналист Пётр Петрович из небольшого сибирского городка Ю. Как потом окажется, он обладал большим командировочным опытом и прихватил с собою пару бутылок водки «Столичная».

И прежде чем идти в буфет за чешским пивом, П. П. в каюте принимал стопарик водочки. К вечеру нашего путешествия теплоход «Михаил Калашников» в третий раз пристал к берегу. Мы высыпали на сушу, где стали дегустировать и запастись вяленой рыбёшкой. Через минут пять недалеко от нас причалил теплоход, точная копия нашего. Разница была лишь в названии. Клон назывался женским именем – «Мария Ульянова»*.

Советский Союз закупал их в Германской Демократической Республике. Подобные теплоходы ходили по Волге и по всем сибирским рекам.

Пётр Петрович после тройного захода в свою каюту был уже «хорош» и, набрав закуски к пиву, поднялся по трапу не на своего «Михаила Калашникова», а на чужую «Марию Ульянову». Их нельзя было не спутать!

Посадку нашу объявили раньше. Староста Анна Ивановна, пересчитав нас по головам, одного, естественно, не досчиталась и задёргалась. Её лицо налилось кровью, и тут ей кто-то подсказал, что «недостающее звено», а именно П. П., просматривается на палубе соседнего теплохода. Анна Ивановна, буквально выхватив рупор у члена экипажа теплохода, во всю глотку заорала-завизжала: «Пётр Петрович! Немедленно слазь с «Марии Ульяновой!». Пётр Петрович, будучи в хорошем расположении духа, спокойно хрумкая рыбёшкой, любовался красивейшим закатом солнца. А Анна Ивановна, ещё более свирепея, на всю прибрежную территорию орала охрипшим голосом: «Пётр Петрович! Срочно слезай с «Марии Ульяновой!!!» Это звучало так сексуально, что пассажиры обоих теплоходов падали навзничь от хохота, а некоторых на «Михаиле Калашникове» успели схватить, чтобы они не перевалились через борт. Кто-то из сердобольных журналистов с разрешения нашего капитана поднялся на «Марию Ульянову» и привёл Петра Петровича на родное судно...

Анну Ивановну ещё долго трясло. А успокоившись, она тут же создала комиссию, которая нагрянула в каюту «перебежчика» и конфисковала остатки «Столичной». В последний день командировки водка была торжественно возвращена её владельцу, который не стал её употреблять втихаря, а поделился с коллегами.

С планом командировки мы справились. Встречались с руководителями области и героями-нефтяниками. Были одними из первых пассажиров в поезде Тюмень – Тобольск, посетили музеи области.

Возвратившись из той удивительно-интереснейшей и незабываемой командировки, я разразился двухсерийным очерком «Тюменский меридиан», который был отмечен на летучке редакции киселёвской газеты «В бой за уголь»...

Летом прошлого года по радио России услышал удивительную новость – по Енисею совершает круизные поездки теплоход «Михаил Калашников». Неужели тот? Тридцать три года ходит!

ВАЛЕРА ЗУБАРЕВ

Да, именно так – Валера – я называл его все сорок четыре года знакомства и дружбы с ним. А он меня звал Васей...

70

Мы познакомились в комсомольском возрасте, когда я работал заворгом в Киселёвском горкоме комсомола, а Валера мастером и избранным секретарём комсомольской организации в профтехучилище № 47, готовящим рабочие кадры для шахт города. Он приводил учащихся для приёма в комсомол на заседания бюро ГК ВЛКСМ.

Там же, в училище, Валера получил первую получку.

*О, эти первые недели!
Давай-ка, парень, не дремли...
Не понимал я, как хрустели
В руках у матери рубли.
Когда, чертя на промокашке,
Ворча за что-то на отца,
Перебирала мать бумажки,
Хрустела ими без конца.
Но вот она, моя получка
За первый настоящий труд!
За мной весёлая толкучка,
Из рук выпархивает хруст.
И душно так, и так неловко,
Глаза... Усмешки на губах...
Хрустели в первый раз рублёвки,
Как будто уголь на губах.*

*. Родная сестра В. И. Ленина.

В училище он проработал около года... А потом, в 1968 году, почти одновременно (я чуть раньше) мы оказались в городской газете «В бой за уголь». Я – потому что у меня закончился комсомольский возраст, а Валере нужна была преддипломная практика, так как он оканчивал учёбу на филологическом факультете Новокузнецкого пединститута.

Мы оба работали в промышленно-транспортном отделе, где Валера проявил себя как автор с образным литературным языком.

Вечерний путь после работы в редакции мы проходили пешком. Сначала вниз по улице Феликса Дзержинского, минуя Томский железнодорожный переезд, до дома родителей Валеры. Их квартира располагалась на первом этаже двухэтажного дома, рядом с горным техникумом, где преподавал его отчим Михаил Трофимович Зубарев, о котором он напишет (сборник стихов «Час пик», 1988 год).

*Так чем же ты
Дух мой вскормил
И послевоенное тельце,
Что я полюбил этот мир,
Такой разобщённый и тесный?*

Мама, Наталья Ивановна, звонившая сыну, иногда говорила: «А вы с Васей заходите – я пирожки как раз настряпала». И мы заходили. Это были удивительно вкусные пирожки! С картошкой, капустой, мясом. К ним подавался татарский чай. Это чай, заправленный молоком. Потом Валера тепло прощался с родителями (он жил отдельно), и мы уходили.

Валера шёл на автобусную остановку, а я к своему, через квартал, дому. Я навсегда запомнил, как Валера в такие моменты, часто оглядываясь, махал маме рукой...

Во второй своей книжке – «Магнитное поле», вышедшей в 1974 году, он напишет пронзительные строки:

*Когда мне мать прощально машет,
Как будто крестит из окна,
И, забываясь, будто манит...
Во мне какая-то вина.
Одно во мне, как искра в труте:
Ведь если даже я стежу
тропинку к маме,
Я, по сути,
всё дальше, дальше ухожу...*

А иногда мы с ним заходили к нам, где, устроившись на кухне и приняв по «соточке», разговаривали о жизни, а я просил Валеру почитать стихи.

И вот однажды он начал читать свое недавно созданное стихотворение:

*Пройду по селу, что шёлк постелю.
Бойки девушки, словно присказки.
Точно сказочки, мудры бабоньки.*

Он читал медленно, в стиле рэп:

*Да рубаха моя не плисова ль
И порточки мои ль не бархатны,
Сапоги мои не сафьяновы?*

Я не удержался. Достал из шкафа гармонь и стал ему подыгрывать. Это так понравилось Валере, что в своей первой книжке «Говорил со мною ветер...», вышедшей в 1970 году, это стихотворение он посвятил мне.

Все три года моей работы в газете запомнились ещё тем, что при ней очень плодотворно действовала литературная группа, руководимая самобытным поэтом Александром Алфёровым. В той группе заметными были поэты: слесарь-наладчик шахты имени Вахрушева Валерий Фесенко, механик Тайбинской автобазы Виталий Писарев, сам руководитель группы редактор многотиражной газеты «За уголь» Александр Алфёров и, конечно, Валерий Зубарев. Заметным явлением для литгруппы стал выход первой книжки В. Зубарева «Говорил со мною ветер...». Усилил литературную группу и переехавший из Белова молодой Володя Ширяев.

Летом 1971 года я вернулся на мебельную фабрику, а бразды правления промышленно-транспортным отделом газеты передал Валере. Я с головой ушёл в работу, и года три мы редко виделись с ним, тем более что он стал собкором газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску, переехав жить в Прокопьевск.

В те далёкие советские годы, когда ещё и не знали, что такое бронированные входные двери, большинство владельцев квартир утепляли входную дверь. Технология утепления была простая: дверь снимали с навесов, прокладывали слой ваты, укрывали дерматином, который прибивали декорированными гвоздиками. Но своеобразность той поры в том, что это было время сплошного дефицита! Гвоздиков декоративных у Валеры, задумавшего утеплить дверь получен-

ной квартиры, не оказалось. Он звонит мне: «Вася, подскажи, как дерматин закрепить?» Я и подсказал ему – использовать обыкновенный гвоздик и канцелярскую кнопку. Валера воспользовался моим советом – так и родилось стихотворение «Творец».

*Я обиваю двери дерматином...
С тоскою о гвозде декоративном.
Я гвоздики обычные беру,
Их в кнопки канцелярские вставляю,
Свою жену смекалкой удивляю,
Чем приобщаю к миру и добру.
А между тем успех мой незаконный,
За ним не я, а мебельщик знакомый...*

В 1976 году, когда проходили Дни советской литературы в Кузбассе, Киселёвск принимал одного из известных советских поэтов Кайсына Кулиева. В редакции газеты «В бой за уголь» собралась литгруппа, где все её члены читали стихи, и Кайсын особо выделил Валерия Зубарева.

Тот «исторический» номер киселёвской газеты «В бой за уголь» от 3 декабря 1977 года я храню до сих пор. Его четвёртая полоса была полностью посвящена Валерию Зубареву в связи со знаменательным событием – принятием нашего земляка в члены Союза писателей СССР! Здесь же его фотография и подборка стихов.

Наши встречи с Валерой стали постоянными после моего перевода в столицу Кузбасса, в объединение «Кемеровомебель». Именно в этот год у Валеры вышел третий сборник стихов «Мыслящий огонь». О нём стоит сказать особо, так как этот сборник, где у автора отмечалось острое чувство современности, был удостоен похвал не только у нас в стране, но и за рубежом. Сборник стал достоянием фондов библиотеки Конгресса США и Гарвардского университета.

Сборник «Мыслящий огонь» дорог мне ещё и автографом Валеры: «Моим самым дорогим Федановым, которых люблю... и по которым всегда тоскую. Блудный друг Валерий Зубарев». 16.11.81 г.

«Почему проступает меж строк, что художник всегда одинок? – спрашивает себя поэт и отвечает: Потому, что он любит, как Бог: сотворит... и опять одинок».

Но Валера был не одинок. К нему, в его рабочий кабинет, шли за помощью молодые и не очень молодые литераторы, в которой он никому не отказывал.

Первомайская демонстрация. Слева Василий Феданов, справа Валерий Зубарев. В центре – Незнакомка. г. Киселёвск, 1969 г.

С 1987 по 2003 год он возглавлял Кемеровскую областную организацию писателей России. Это было непростое, наитруднейшее время не только для Кузбасса, но и всей страны.

Вот так описывает Валера то время:

*Чем старше, тем сильнее люблю Отчизну,
И круг друзей, и круговую тризну,
Где каждый другу друг и брату брат.
И каждый невинный виноват.
И эта покаянная вина
Тебя ещё не раз спасёт, страна...*

А вот себя он не спас. С его уходом из жизни поэтическое поле нашего края стало беднее и менее плодородно.

Последние годы жизни он заведовал отделом прозы редакции журнала «Огни Кузбасса».

...Мы постоянно звонили друг другу вечерами, если, например, я неделю не бывал в Доме литераторов. В ту субботу я позвонил, так как накануне, в пятницу, Валера мне показался немного простывшим. Он долго не брал трубку.

– Вася, я простыл. Вот отлежусь и приду в норму.

– Валера, может тебе лекарство привезти?

– Не надо, у меня всё есть, – сказал он.

А в понедельник Валера не вышел на работу.

НИКОЛАЙ АГЕЕВ

«Я всегда занят делом», – сообщил он мне в одном из писем, написанном в 2012 году, когда автору письма Николаю Константиновичу Агееву было уже... 87 лет!

В начале войны Коле шёл шестнадцатый год. Ему всё-таки досталось навоеваться два с половиной года на Прибалтийском и Ленинградском фронтах связистом в артиллерийском полку, за что и был удостоен двух медалей и ордена. Домой он вернулся лишь в 1951 году.

Вся жизнь Николая Константиновича связана с работой в Киселёвской газете «В бой за уголь», где он был сначала литсотрудником, а с 1959 года редактором.

Мы познакомились в 1966 году, когда я работал заворгом в горкоме комсомола и мне предложили возглавить на общественных началах молодёжную редакцию по выпуску комсомольских номеров (раз в месяц) газеты «В бой за уголь».

Мы, комсомольцы, были в водовороте молодёжных дел, знали, как и чем живёт молодёжь. Выпуски газеты под рубрикой «Юноше, обдумывающему житьё» имели ошеломительный успех не только в городе, но и во всём Кузбассе.

Когда у меня истёк комсомольский срок, Николай Константинович пригласил в газету возглавить промышленно-транспортный отдел.

Я ему благодарен за то, как он помог мне освоить нелёгкую журналистскую науку...

Николай Константинович редактировал «В бой за уголь» тридцать лет. Возглавлял её умело, творчески, за что неоднократно признавался лауреатом журналистики Кузбасса, стал заслуженным работником культуры РСФСР, награждён орденом «Знак Почёта», а газета «В бой за уголь» в 1983 году в связи с 50-летним юбилеем была награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Плодотворно работая в газете и досконально зная обо всех событиях, происходящих в городе (Н. К. Агеев был членом бюро горкома партии), он задумал написать книгу о родном городе и стал искать первые номера газеты, выходящей с 1933 года, но обнаружил лишь её подшивки с 1945 года. Как оказалось, все газеты тех лет хранились в кладовой типографии и сгорели во время пожара вместе с типографской конюшней. Пришлось ему ехать в Москву, где в архиве библиотеки им. Ленина, находящемся в Химках, обнаружили копии первых номеров. Николай Константинович долго их изучал и конспектиро-

вал, что и помогло ему написать книгу «Киселёвск», вышедшую в 1972 году.

18 октября 1972 года он подарил мне эту книгу с автографом: «Василию Феданову – романтику в душе, мебельщику на деле». В то время я работал главным инженером мебельной фабрики...

Когда он ещё писал книгу о Киселёвске, то запросил библиотеку ленинку, чтобы она засняла на киноплёнку все номера газеты «В бой за уголь» и прислала. Но за это надо было заплатить. Спонсор был найден, и присланная киноплёнка хранится в Киселёвском краеведческом музее.

Николай Константинович провёл огромную изыскательскую работу, чтобы увековечить память о знаменитых киселевчанах, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны. Так и появилась его вторая книга «Солдатская память», вышедшая в 2001 году, в год 65-летия Киселёвска.

После ухода на пенсию Николай Константинович поселился со своей женой Валентиной Петровной в Нижней Ельцовке – микрорайоне Академгородка Новосибирской области.

Все последующие годы мы, хоть и нечасто, вели переписку, изредка звонили друг другу. Привожу отрывки из некоторых его писем.

73

Недавно написал статью в «Киселёвские вести» под названием «Мы помним тебя, Иван Черных!». 16 декабря исполнилось 65 лет его подвигу.

В последнее время занимаюсь созданием музея в местной школе. Дело хлопотное. Просто, если уж ты пошёл в газетчики, позабудь о покое.

Ваш Н. Агеев. 15.12.06 г.

...2 апреля участвовал в Международной журналистской конференции в г. Новосибирске «Журналистика – категория нравственная». Много было речей и правильных, только далека теперь пресса от жизни. Герои её – преступники, миллиардеры, звёзды шоу-бизнеса <...> Доволен, что познакомился с известным журналистом и писателем Василием Песковым.

В конце мая ожидаем в гости старшую дочь Наташу, а 19 июня отметим с Валентиной Петровной 55-летие нашей свадьбы.

Ваш Н. Агеев. 28.04.08 г.

*Дорогой коллега Василий Степанович!
Большое спасибо тебе за замечательную книгу «Территория совести». Я порадовался за*

тебя, за твой творческий рост, за твою глубокую философию жизни и мысли.

Ваш Н. Агеев. 26.10.09 г.

Недавно был на творческой конференции по случаю 140-летия В. И. Ленина, где мне вручили памятную медаль «140 лет В. И. Ленину». А до этого получил медаль «65 лет Победы». Как говорится: солдат спит, а служба идёт.

Ваш Н. Агеев. 27.04.10 г.

...Когда не стало большого сибирского поэта Валерия Зубарева, мы, писатели Кузбасса, обратились с письмом к депутатам Киселёвска с просьбой дать согласие на присвоение одной из библиотек города его имени, мотивируя тем, что становление Валерия Зубарева как поэта происходило именно в Киселёвске.

Депутаты довольно прохладно отнеслись к нашей просьбе, оправдываясь тем, что мало знают о нём.

Тогда я обратился к Николаю Константиновичу, почётному гражданину Киселёвска, попросил помочь нам реализовать нашу просьбу.

Он откликнулся, хоть и не сразу.

Всю зиму проболел, лежал в госпитале ветеранов Великой Отечественной войны, но сейчас-то я хотел больше говорить не о себе, а о скорби по кончине Валерия Зубарева. Ведь он начинал свою творческую и журналистскую деятельность на моих глазах в редакции газеты «В бой за уголь». Это был добрый, внимательный товарищ, хороший человек. Горькая, очень горькая потеря.

Сегодня я наконец-то дозвонился до председателя Киселёвского горсовета Игуменьева Владимира Борисовича и попросил его присвоить Киселёвской городской библиотеке имя поэта Валерия Зубарева. Он, по-моему, не знал такого, обещал посоветоваться с зав. отделом культуры Виктором Максимовичем Алифиренко.

Ваш Н. Агеев. 02.04.13 г.

Получив это письмо, я позвонил Николаю Константиновичу и сказал, что для ускорения дела неплохо бы ему написать статью о Валере в газету «Киселёвские вести». 29 августа 2013 года, когда В. Зубареву исполнилось бы 70 лет, статья «А мы тоскуем по его стихам» вышла! Статья прекрасная и пронзительная.

До «непонятливых» киселёвских депутатов наконец-то дошло, они сделали шаг навстречу, пока неполный шаг. Дали согласие на создание в городской библиотеке уголка-музея В. Зубарева.

Что ж, и на том спасибо! Подождём, когда уже избранные киселёвские депутаты окончательно выполнят нашу просьбу.

Ещё отрывки из писем Николая Константиновича.

...Мы порадовались присоединению Крыма к России. Долгожданное событие. Наконец-то ликвидировано хрущёвское самоуправство!

К праздникам нас приглашают на торжественные мероприятия, фотографируют, берут интервью. В общем, не забывают.

Ваш Н. Агеев. 25.04.14 г.

Большое тебе спасибо за статью Анатолия Шестака о Валерии Зубареве. Замечательная, добрая, тёплая. Он заслужил всем своим трудом и поэзией глубокой благодарности.

Что о себе? Стал хуже ходить и видеть. Сказывается возраст, ведь нынче стукнет 90. Это что-то значит.

Ваш Н. Агеев. 22.04.15 г.

Накануне его 90-летия я нашёл фотографию, где он моложе лет на сорок! Увеличил до формата А4 и, вложив её в конверт, отправил в Нижнюю Ельцовку, что в Академгородке Новосибирска, со своим посвящением.

*Мы вместе с Вами в бой за уголь
Ходили, не жалея сил.
Никто не прятался за угол –
Не ныл, не плакал, не просил!*

*И город знал – его газета
Киселевчан не подведёт.
Случилось что-то, случилось где-то –
Читатель завтра в ней прочтёт.*

*И что в итоге мы имеем:
Была газета всем пример,
И был редактор Н. Агеев
Одним из лучших в СССР!*

*Ваш ученик
член Союза писателей России
Василий Феданов
г. Кемерово, 19 декабря 2015 г.*

По последним письмам я с горечью замечал, что почерк его стремительно ухудшался, слабе-

ла рука, и летом 2017 года Николая Константиновича не стало...

Но я успел ему ещё при жизни сказать слова благодарности за его участие в моей судьбе.

ПРОЩАНИЕ С БУКВАРЁМ

Старшая из моих двух внучек, Катя, пошла нынче в первый класс.

Занимается Катя в первую смену, и уже около полудня я, внезапно ставший пенсионером, встречаю её на выходе из школы, помогая внучке осваивать новый маршрут.

Сначала заходим к Кате домой, где она переодевается, а потом идём к нам в гости. Идём не спеша от улицы Волгоградской вниз по проспекту Ленина до бульвара Строителей. Идём и переводим витринные рекламы с английского. Это своеобразная практика, ведь у Кати ввели урок английского языка.

Тех знаний, что я получил когда-то в школе, пока хватает. И это несмотря на то, что в те далёкие времена мы познакомились с английским языком только в пятом классе. А может быть, я бы не смог сегодня помочь внучке, не будь в киселёвской шестнадцатой школе превосходного учителя английского — Аркадия Васильевича Жукова, интеллигентнейшего и очень элегантного человека.

— Катя, тебе очень повезло, что уже в семь лет начинаешь изучать английский язык, — говорю я.

— Ты что, дед, удивляешься? Недавно Настя похвасталась, что и у них начались занятия английского. И она уже знает несколько слов.

Насте три года, она младшая сестра Кати.

— Вань! Тунь! — похвалилась Настя своими навыками в английском.

А надо было «уан», «ту» (один, два). Услышав от Насти эти англо-китайские слова, её родители и сестра начали громко хохотать.

В очередной раз встретив Катю, я заметил, что она чем-то озабочена.

— Дед, — сказала она, — у меня проблема. Через неделю в нашем классе будет праздник «Прощание с букварём». И мне поручили выступить на нём. Надо стихи сочинить.

И мы с внучкой сочинили по принципу «Что вижу, о том и пою»:

*Настя в кресле сидит,
Катя стоит и поёт.
Дед ей слова говорит,
Бабушка булки печёт.*

Пение сопровождалось беспорядочной и бурной игрой попеременно Кати или Насти на детской пластмассовой гитаре, где вместо струн натянута леска...

— Дед, а когда ты учился в школе, у вас было прощание с букварём? — вдруг спросила меня Катя.

Я остановился на миг, не зная, что ей ответить.

— Кать, это было полвека назад, и я уже не могу вспомнить.

— Сколько это — полвека?

— Давай считать вместе. В школу я пошёл сразу после войны, в 1946 году, а окончил первый класс в 1947-м. Выходит, пятьдесят лет прошло.

...Тот послевоенный букварь я помню до сих пор. Он был старенький, так как достался мне по наследству от старшей сестры Наташи. В нашей семье было пятеро детей, я — самый младший. Как учились по тому букварю Полина, Николай и Алексей, я не знаю, но вот как его штудировала Наташа, забыть нельзя. Она зубрила домашние задания так неистово и долго, что я, не учась ещё в школе, букварь выучил наизусть. А потому учёба в школе давалась легко. Придя домой и быстро справившись с домашними заданиями, я бежал на улицу.

Игр было полно: в войну, зоску, чику, пристенок, дорожку. Последние три игры — на деньги (на копейки, естественно). Сегодняшние ребята и не представляют, что это за игры!

Например, что такое зоска? Отрезается кусочек от старого полушубка (незаметно от родителей), к нему проволокой привязывается плоский свинцовый кружочек. Когда зоской играют внутренней стороной лодыжки ноги, то она взлетает вверх, как парашют. Побеждает в игре тот, кто больше всего продержится, не уронив зоску.

Были у нас чемпионы, доводившие счёт подбросов до тысячи. Особым шиком считалось, когда игрок использовал обе ноги с перебросом зоски за спину и возвращал её, не уронив при этом.

Потом в кинотеатре начали крутить изумительный трофейный фильм «Тарзан». Вот тогда-то игодились копейки, выигранные в пристенок, чику или дорожку. Пока «Тарзана» не увезли, мы, пацаны, ежедневно ходили на него смотреть, выдерживая неимоверную давку, чтобы попасть внутрь кинотеатра. Потом, вечерами, мы вопили благими голосами на всю округу, под-

ражая Тарзану, когда он зазывал к себе своих друзей-зверей.

У нас, послевоенных мальчишек, был свой кодекс чести. Если кто-то из друзей хотел убедить, что ты не врешь и не подведешь, то должен был услышать от тебя такие слова: «Не вру, гадом буду!». После таких слов ты обязан был расшибиться в доску, а выполнить обещание. Это было равносильно индейской клятве на крови.

Это я помнил, а вот о букваре ничего особенного не припоминалось. Когда мы закончили его изучение, то сдали книжки учительнице Анне Ивановне. Свой букварь я тоже сдал, потому что дома передавать его было уже некому.

Родившийся в 1945 году мой младший брат Митя умер, не прожив и года.

А по нашим букварям ещё несколько лет учились другие ребята до полного износа учебников. Время было трудное...

— Дед! — прервала мои воспоминания Катя. — Так ты придумаешь стихотворение на наш праздник?

— Попробую, — ответил я, сомневаясь в душе, что оно им подойдёт.

Дня через три, встретив в очередной раз внуку, я передал ей свой вариант «Прощания с букварём».

*И министры, и артисты,
Космонавты, альпинисты,
И футбольный клуб «Заря»
Начинали с букваря.
Был он как отец и мать,
Научил меня читать...
И клянусь я, гадам буду,
Но букварь я не забуду!*

Так я, наконец-то, пятьдесят лет спустя простился со своим букварём.

А тем временем уже заканчивался 1997 год. По сути, шло завершение двадцатого века. Века непростого, очень непростого во всех отношениях. А впереди уже маячил век двадцать первый. Каким он будет?

Об этом не знали ни в Париже, ни в Санкт-Петербурге, ни тем более в далёком, но близком для меня сибирском посёлке Афонино. Да что в Афонино? Каким будет двадцать первый век, не знал никто на планете Земля!

**Геннадий
МОРОЗОВ**
ТЕЧЁТ ОКА

* * *

Засинела вода, засверкала в зелёных озёрах,
На тропе полевой уплотнилась полдневная
пыль.
И слышалось мне, как от птичьих дневных
разговоров
Стал нежнее шуршать шелковистый
приокский ковыль.
За сухие суглинки схватились корнями растенья,
Хрящеватое ухо подставил под солнце лопух. 77
Под глубинной водой оживают, как рыбы,
каменья...
Укрепи, о природа, характер мой, волю и дух!
Животворной росой окропи, тальниковая ветка,
Вон осочина блещет, как остро наточенный
меч.
В пересвисте ветров слышу голос
воинственных предков,
Их победные клики, державную русскую речь.
Слышу звоны щитов! Злых кочевников конница
смята!
Наши стрелы летят супротив половецкой
стреле.
А со звонниц гремят колокольные гулы набата.
И распятый Христос проступает в дымящейся
мгле.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ

Когда прольются с небосвода
Луны холодные лучи,
Светясь, речные вспыхнут воды,
Искрясь, блеснёт роса в ночи.
И этот свет зеленоватый,
Заоблачный и неземной,
От нас относит прочь куда-то
Вселенной отзвук потайной.
А тот, кто видел в свете этом
Реку, луга, поля и лес, –
Тот хоть на миг, но был... поэтом,
Счастливец дива и чудес...
Я тоже был им! Падал косо
Зелёный луч... Была видна
Не только зыбь речного плёса,
Но рябь ракушечного дна.
И майской ночью серебристой,
Отбросив сетчатую тень,
Мягка и млечно-шелковиста
К нам льнула белая сирень.
Её пахучестью объятый,
Я клялся сдуру, сгоряча
В любви, конечно! Спешны клятвы
При свете лунного луча.

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич родился 10 сентября 1941 года в городе Касимове Рязанской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтический семинар Дмитрия Ковалёва. А после его кончины – семинар Владимира Цыбина. Совершил несколько экспедиционных поездок в Сибирь, Якутию, Эвенкию, Карелию и на Кольский полуостров. Работал редактором художественной литературы в Ленинграде в издательстве «Лениздат». Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Нева», «Невский альманах», «Второй Петербург», «Юность», «Огни Кузбасса», «Родная Кубань» и других. Лауреат литературных премий журналов «Огонёк», «Молодая гвардия», «Наш современник». Член Союза писателей СССР (1977) и России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Зелёный луч, в оконце брызги
И озари моё жильё,
Являя мне и прелесть жизни
И как бы... призрачность её.

* * *

Борису Штоколову

...О, как сердечно, вольно и красиво
Поёт певец! Лицо – просветлено...
Не так ли просветляется Россия,
Преображенья ждущая давно,
Где столько лет коварством и обманом
Страшит нас жалкий рыночный урод.
И ядовитым, дьявольским дурманом
Зомбируют доверчивый народ.
Как ласково к смертельному порогу
Ведут его продажных душ ловцы!
Нет-нет, не мафия укажет нам дорогу,
А только – Бог! И русские певцы.
Да, путь России, верю, вдохновенен,
Хоть он сейчас над бездною завис...
Её от бед стихом спасёт Есенин,
Поддержит песней Штоколов Борис.
Ведомая сквозь муки Проведеньем,
Сотрёт слезу с прекрасного лица...
И одарит, Святая, озареньем
Великого и малого певца.

ТЕЧЁТ ОКА...

Михаилу Аникину

Течёт Ока... Вода сверкает
И пенится у берегов...
А свет небесный озаряет
Грядущим лиловым облаком.
Как я люблю воды сверканье
В апрельских сумерках, когда
Небес вечернее мерцанье
Ещё сквозит в кристаллах льда!

Крутятся, толкаясь, блещут льдины,
Плывут, цепляя берега...
Влажны овражные ложбины.
Шагнёшь – и вязнет в них нога.
Но я – стою! Куда идти мне?!
Кругом сплошная непролазь.
Ах, то ли дело месяц зимний –
Февраль! Ему, ему дивясь,
Я шёл к реке... Она искрилась,
Замёрзшая... И вся в снегу.
Пыльца метельная светилась
На том и этом берегу.
И несмотря на лютый холод,
На затяжную в теле дрожь –
Я счастлив был! К тому же – молод!
Читатель, ты меня поймёшь,
Когда узнаешь, что родиться
Мне довелось на Оке...
Её вода, лучась, стремится
Отдать себя... другой реке,
Она вольётся в русло Волги,
Прильнёт, ласкаясь, к берегам,
Над коими легко и вольно
Парит крикливых чаек гам.
Как поплавки, волна качает
Лодчоночки... Закат багров,
А небо к водам припадает
У самой кромки берегов.
И зыбкому внимая звуку,
И ощущая дрожь ветвей,
Настроен я – не на разлуку –
С рекой... Прохладой овей,
Живая окская водица!
Тобой, плескучей, осветлится
Береговой песчаный свей...
Ока, ответь мне поскорей:
Зачем река к реке струится,
Пытаясь слиться и сдружиться...
...Зачем не так всё у людей?!

**Елена
ТРУХАН**

ПЕСНИ ЛИТОВКИ

Рассказ

Крепко спится летним утром в деревне! Ух, как богатырски спится! Ни отчаянное кукареканье молодого кочета, ни глухое мычание коров, отправляющихся на выпас, позвякивая боталами, ни лай дворового пса, ни гомон лесных птиц – ничто не может потревожить детский здоровый сон! Звуки, как сигналы из космоса, безнадежно пытаются прорваться сквозь непроницаемую прозрачную стену сновидений, но, так и не преодолев её, тонут в объятиях утренних июльских грёз, угасают в благодатной тишине и прохладе деревенского рубленого дома.

Мы с братом ещё мерно сопим в своих кроватках, а отец, чуть солнце взошло, встаёт косить. На нём – шахтёрское обмундирование: застиранная белая исподняя рубаша с небольшими прорезами, тёмные плотные брюки со стёганным поясом, подбитые двойными заплатами на коленях и ягодицах, и, конечно, резиновые сапоги. А как без них? Сапоги хоть и не дают ногам дышать, но надёжно защищают от случайных порезов и укусов змей. Их голенища всегда вывернуты наизнанку, иначе никак не вместить в стандартный размер отцовские могучие икры, на одной из которых – застарелый шрам.

Я точно знаю, что под чёрной резиной – мягкие байковые портянки. Их одним махом, по солдатски выверенно отец обернул вокруг каж-

дой ступни. Этот нехитрый набор движений я видела сотни раз, но никогда не подозревала, насколько родным, но безвозвратно утерянным и далёким окажется он спустя тридцать лет...

Вторая пара портянок – про запас; висит себе на заборе, готовясь к вечернему покосу. Им ещё предстоит скопить и уплотнить в шероховатые валики пыль и травяную труху, семена таёжных растений, отцовский пот и даже мелких улиток. Но ноги при этом останутся поразительно чистыми! И когда косарь, с трудом освободив их от духоты и волглости резинового плена, ступит по мягкой траве, они будут казаться мраморно-розовыми, почти новорожденными...

На голову отца, когда-то черноволосую и кудрявую, надвинут по самые веки хлопчатобумажный платок. Точнее, большой кусок старой простыни. Сперва и не различишь, кто там косит: мужик или баба? Ткань полностью обволакивает его голову, короткую мощную шею и «медвежьи» плечи, защищает от мелкого гнуса. Но, когда во время работы плат съедет или полностью пропитается отцовским потом, мошка всё-таки доберётся до обнажённых мест и изъест шею и лицо так, что они опухнут и нелепо заплывут, покроются мелкими капельками крови.

«Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик!» – слышу я сквозь сон монотонный звук и

ТРУХАН Елена Дмитриевна родилась в городе Новокузнецке Кемеровской области. Окончила филологический факультет Томского государственного университета. Пишет прозу, публицистику, литературную критику. Публиковалась в кузбасской и центральной периодике, коллективных сборниках. Лауреат областных литературных конкурсов, поощрена региональными наградами. Работает заместителем директора по научной работе в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). Живёт в Новокузнецке.

представляю, как грузная коренастая фигура отца размеренно и плавно ступает по косогору. Впереди него, изгибаясь и звеня, словно дирижерская палочка, летает ловкая литовка: «Лелло-ли!» Движения косаря пышут мощью и той молодецкой силой-удалью, которая присуща русским богатырям и которой, кажется, не могут противостоять даже природные стихии. Он идёт медленно и тяжело, увлекая за собой крупные охапки, отвоёвывая свободное пространство у разбушевавшегося разнотравья. Каждый шаг, словно выдох и вдох: «Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик!». Просторы деревенского покоса раздвигаются, повинувшись размашистой поступи отца и грозному требованию литовки, и непокорная трава вперемешку с луговыми цветами с поклоном рушится к ногам богатыря.

Крепко стоит он на косогоре, будто Илья Муромец, вросший в землю. И верится, что через него проходит та незримая ось, на которой держится всё: и жизнь на земле, и просторы Вселенной.

«Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик!» – поёт коса, повинувшись дирижёру разнотравья. За утро ей предстоит сыграть героическую рабочую симфонию: на доброй половине покоса сложить грубые, одиночно растущие травы в плотные и ровные волны.

Э-э-эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! Пот струйками стекает по лицу и спине, рубаха промокла насквозь, хоть выжимай, но богатырь-дирижёр не обращает на это никакого внимания. Он захвачен делом, ему нипочём ни застилающие глаза солёные капли, ни колющие семена, забивающиеся под рубаху, ни облако гнуса.

«Вжи-и-и-ик! Вжи-и-и-ик!» – проступает сквозь сон звук отцовской литовки. Я ощущаю его сладкое монотонное баюканье; он не пробуждает, а напротив, все глубже вовлекает меня в пучину сна...

Чудится, воткнул богатырь в землю-матушку свою литую помощницу, гикнул-кликнул – и стал пред ним конь вороной, красоты невиданной, силы неслыханной!

Гриву и хвост ветер кудрявит; пышными, ядовито-смоляными волнами льются они по телу. Кожа на солнце синим цветом отлиывает. Оком – чёрным жемчугом – косит; ноздри в огромные воронки раздувает.

Хочет конь косточки застоявшиеся поразмять, копытом мощным бьёт в нетерпении. Из-под него искры огненные сыплются, а из ноздрей уже пар валит!..

Прыгнул Илья Муромец в седло, взвился под самые облака – и поскакал меж громов и молний в седые дали, за высокие горы укрощать Соловья-Разбойника...

Вот и солнце входит в зенит. Теперь никакой работы! Полпокоса лежит побеждённым, остывает после смертельной схватки.

«Карр-р-р!» – вещает об исходе гигантской битвы невесть откуда взявшийся растрёпанный старый ворон. Вцепился когтями в обомшелый от времени и дождей забор, вжал голову в плечи, нахохлился, взирает на поле брани... Словно исторг из себя слова великого стародавнего пророчества – и сам себе не поверил, окаменел от ужаса, не может и слова молвить.

А отец весел! «Коси, коса, пока роса. Роса – долой, и мы домой!» – приговаривает он, проводя по стальному лезвию брезентовой рукавицей. Ловко вскидывает инструмент на плечо и направляется к крыльцу: литовку пора подточить!

Он садится с молотком к самодельной наковаленке, приложенной на высохшем еловом пне. Начинает отбивать косу – ещё больше расплюсчивать её острый край, вытягивая по всей длине подзатупившееся в неравной битве с травой стальное полотно. Звонкие удары, похожие на перезвоны небольших колоколов, разлетаются по всему переулку, далёким эхом убегают к реке, отдаются за горой: «Вста-вай! Вста-вай! Вста-вай!».

Какой уж тут сон?!

– О! Спящая царевна очнулась! – улыбается отец, подытоживая заточку литовки мелкозернистым камнем-наждаком.

Я смотрю на него, украшенного бисеринками пота, разгорячённого работой, но довольного, на острое отточенное лезвие, на котором играет солнечный луч, и не перестаю удивляться: каким чудом ему, городскому жителю, удалось сохранить деревенские знания и умения? В воспоминаниях ли, в мышечной памяти, в генетической сокровищнице крестьянского русского рода? И ведь делает всё толково, добротнo, «на века»...

В прошлом году, помнится, рукоять от литовки рассыпалась – новую смастерил из молодого ивового стволика: аккуратно ножом обстрогал, удалил лишнее посередине, перегнул, крепко замотал бечевой пружинящую гибкую древесину. Вновь запела литовка! Новоявленную рукоятку от родной не отличишь! Прочно сидит в пазике, сияет, как и само жёлтое древко, отшлифованное до блеска отцовскими руками.

– Эх! На острую косу много сенокосу! – щёлкает отец по отточенному лезвию, как точку ставит.

Литовка его – дело особое. К ней не подходи! Она всегда в отдаленье, на теневой стороне дома. Стоит, будто часовой на посту, прислонившись к почерневшим от времени венцам. Посмотришь – сразу не разглядишь: уж больно ловко скрывается она за разросшимся кустом красной бузины. А он будто создан для того, чтобы неприятным запахом цветков и листьев отпугивать чужих, укрывать инструмент от неумелых рук, вредливых мыслей и шального взгляда.

«Ли-тов-ка», – протяжно перебираю я внезапно раскрывшиеся звуки. Даже в имени её – песня. В ней одновременно переливаются упругие, натянутые на разрыв, гитарные струны, церковный колокол и литавры: «Ле-ло-ли!».

«Ли-тов-ка... Почему такое название? Или это её национальность? – размышляла я. – Наверное, только в Литве литовки делают, потому и литовкой она зовётся. Видать, мастера там знатные, руки золотые». И мне представлялся озорной праздничный танец литовских умельцев в милых шапочках и национальных костюмах, в дивно украшенных ручной вышивкой жилетах, льняных поясах и передниках. Прямо на поляне они втыкали в землю острые литовки и лихо кружили своих подруг возле каких-то глиняных горшков, расписных тарелок, ваз, плетней, янтарных бус, сырных головок, ещё чего-то невообразимого...

Позднее я догадалась, что дело вовсе не в Литве. Литая она, литовка. Отлита из прочной стали. И стало вдруг пусто и грустно от нахлынувшей прозы жизни...

Всякий, кто дорос, спеши на сенокос! Скоро и нам всей семьей, как только солнце просушит верхний слой травы, браться за деревянные грабли и вилы, ворошить-взбивать ароматные волны. А там и до сбора сена, до метания стогов, до самодельных брезентовых волокуш и жердей – рукой подать! Пока же можно немного расслабиться, вдоволь насытиться запахом свежескошенной травы, подступающей сыростью вечера и вновь послушать вечерние песни неутомимой литовки...

Я люблю выходить на усталый, успокаивающийся от палящего зноя и будничных хлопот, скошенный луг. В пёстром простеньком платице, в шлёпках на босу ногу. Острые срезы травы покалывают стопы. Немного тревожно: вдруг наступишь на змею? Или жук неожиданно приземлится на неприкрытое тело? Страх прикоснуться к неизвестному будоражит, но внутренний голос мягко воркует: «Ты же ненадолго! Всего на полчаса...».

Как же здорово взобраться на самую вершину кособора и провожать солнце, потихонечку скатывающееся за зелёные пирамиды гор! Глядеть на его рыжие отблески, жмурить глаза и размеренно качать головой из стороны в сторону, вызывая к игре озорные радужные зайчики! Секунда – и они уже заискрились, ожили на ресницах, сложившись затейливой мозаикой калейдоскопа.

Люблю идти вслед за отцом, осторожно переступая через стройные травяные волны, чтобы ненароком не нарушить их. А ещё – аккуратно вынимать из скошенных валков цветы, не успевшие понуро опустить любопытные головки, вкушать их дикий, волнующий, до помутнения в голове, аромат, плести венки и составлять букеты.

Люблю наблюдать, как дворняга-пёс, лениво развалившийся на крыльце, вдруг, завидев меня, потянется, зевнёт, отряхнёт шерсть и трусцой поплетётся в мою сторону. И вот уже он окончательно ожил: виляет хвостом, носится по лугу с помокревшим носом! То мышшь почует, то птичку, то зайчонка приметит, то ежа. Как найдёт – зовёт хозяев звонким призывным лаем. Смешно подпрыгивает, застывая в воздухе знаком вопроса, истово роет глубокие норы, рвёт зубами коренья, фырчит. И, вконец опьянев от восторга, прилива незнакомых звуков и запахов, норовит попасть под косу.

Отец одаривает барбоса крепким словом. Но, приметив меня поблизости, приветливо машет рукавицей:

– Иди скорее сюда! Смотри, что тут!

И я, заинтригованная его очередной находкой, пугая кузнечиков, опасно пробираюсь по колкому лугу.

У отца всегда припасены для нас настоящие природные чудеса. Он словно их достает из брезентовой рукавицы! С воодушевлением, как ребёнок, исследует мир, радуется маленьким открытиям и щедро дарит их близким. Приступая к косьбе, ведёт себя предельно осторожно: боится выкосить гнездо мелкой пташки, обнажить чью-либо норку, поранить незадачливую лягушку. Аккуратно обходит земляные муравейники, «живые» кусты и кочки. Подчас в дальней части покоса остаются целые обитаемые острова. Мы точно знаем: на этих нетронутых околках кто-то живёт. Может, неведомая нам пичуга, у которой в кладке – небольшие пестренькие яички, или её соседка, пестующая свои голубенькие. А может, осиный рой! У каждого – своя семья, особое гнездо, где с большим трудом организован и скрыт от посторонних глаз целый мир, разорять который мы не вправе.

На этот раз отец заприметил пару особенных серо-голубых мотыльков. Они порхали, часто-часто перебирая крылышками, над ещё не скошенными розовыми звёздами кукушкиного цвета. Я долго следила за их торопливым полётом, слушала, как шелестит покоряемая ударами литовки трава...

– Па-а-ап, а па-а-ап! Сказку расскажи! Только страшную! – клянчим мы с братом, как только стемнело.

– Про то, как бабка Яга своих пленников в подполье держала да кашей из кожных струпов кормила...

– Не-е-ет! Пусть лучше про Соловья-Разбойника расскажет! Как Илья Муромец ему глаз стрелой – раз! – и выбил! А потом скрутил в бараний рог – и в мешок!.. Или лучше про смерть Святогора в дубовом гробу с цепями.

– Ну-у-у! Это уже слышали! Пусть новую расскажет!

– Новую?.. Тогда быстро под одеяла! – командует отец. – Расскажу вам про коня Ильи Муромца.

– А она страшная?

– Ещё бы!.. – почти шёпотом, жутковато выдыхает он.

Тусклый свет керосиновой лампы выхватывает лишь уголок комнаты, преломляется в мутном, с утратами амальгамы, старинном зеркале, оставшемся от старых хозяев. Гигантские тени подрагивают на пустых белёных стенах деревенского дома. Слышно, как во тьме поскрипывает сорванная ветром ставня. Кажется, кто-то страшный уже заглядывает в окно через кисею занавески. В голову лезут разные мысли, почему-то вспоминается ворон: сидит ли он на дряхлом заборе при луне?

Мы вжимаемся в матрасы и замираем под байковыми одеяльцами...

Давным-давно это было. Так давно, что начнёшь считать – не досчитаешься, начнёшь вспоминать – всего не упомнишь.

Жил на белом свете славный богатырь Илья Муромец. И было ему в ту пору пять годов. Только выглядел Илюшечка на все десять, ибо сила в нём кипела богатырская. Пойдёт, бывалочь, на улицу с ребяtnей позабавиться, силушкой немеряной померяться – и двенадцатилетних, и старше на лопатки уложит.

И всё бы хорошо, только не было у Ильи коня ему под стать. А что за богатырь без коня?

Прознал он как-то, что в конюшнях стольного князя Владимира Красно Солнышко жеребец родился красоты невиданной да силы неслыханной. Сам вороной масти, хвост и грива кудрявые, длинные, аж до земли достают, чёрные, как ядовитая смола. Кожа на солнце синим цветом горит; ноздри в огромные воронки раздуваются. Зубы крупные, что жемчуг заморский. Око – омут озёрный; тёмное, всевидящее. Копыта – что столбы каменные. А по силе нет ему равных: три горы легко передвинет!

Шла молва, будто бы власть над конём получит тот, кто из хвоста его волоски выдернет да хлыстик-плёточку сделает.

И вздумалось Илюшечке умыкнуть Воронку из княжеских конюшен. Завладеть им путём нечестным, воровским. Выгадал Муромец времечко, пробрался через лаз в заборе на конный двор. Видит – кони княжеские у яслей свежешенное сенцо жуют, а в отдалении Воронку водичку тянет из золотого корыта.

Подкрался к нему сзади незаметно Илюшечка, ухватил прядь из хвоста и... как дёрнет со всей силушки!

Конь от неожиданности на дыбы взметнулся. А как понял, кто обидчик его, в погоню бросился. От ярости искры из-под копыт сыплются, пена у рта. Илюшечка метнулся через двор. Не успел в лаз прошмыгнуть, как Воронку зубами несколько дубовых досок разом ухватил! А вместе с ними – часть ноги, икру богатырскую.

«Ничего, – думал Илюшечка. – Главное – хлыстик при мне! А нога до свадьбы заживёт!».

Но недолго богатырь радовался. Хоть и добыл он конский волос, смастерил хлыстик-плёточку, никакой власти она над Воронком не имела, ибо добыто было всё нечестным путём.

А нога Ильи Муромца с той поры гнить стала...

Оказалось, слюна конская ядовитой была. К лекарям, бабкам-ведуньям, ворожеям, знахарям – к кому только ни обращались. Никто не в силах был богатырю помочь. Одно твердили: это урок ему – никогда не бери чужого!

Так и обезножил Илья, стал из года в год дома сиднем сидеть...

– А теперь – спать!..

Узорчатый регулятор керосинки привычно скрипнул под рукою отца, и комната утонула во тьме...

2015 – июнь 2019 года
г. Новокузнецк

Дмитрий ТИМОФЕЕВ

РАССКАЗЫ

ГОЛЫЙ ДИРЕКТОР

С сожалением признаю, что у всех моих соотечественников в крови есть необоснованный пиетет перед начальством и иностранцами. Иностранцев мы любим с петровских времён, в богоизбранность местного руководства поверили ещё раньше. Так и живём. Даже в ресторане, с рюмкой в руке, директор нашей компании для нас царь-батюшка. А самый заурядный грузчик из какого-нибудь Бристоля – увлекательный собеседник, достойный отдельного сюжета в новостях.

Иностранцев я давно уважать перестал, а вот раболепство перед своим и чужим руководством выжечь из сердца пока так и не получилось. Вижу директора шахты – и чуть не на цыпочки перед ним становлюсь, руки дрожат, пульс учащается.

И начальство, как назло, редко даёт усомниться в своей особости. Слухов всегда много, но лично я ни разу не видел, как большой руководитель напивается при всех до непотребного состояния, домогается женщин или, признавая свою ошибку, перед кем-нибудь извиняется.

ТИМОФЕЕВ Дмитрий Игоревич родился 16 марта 1989 года в городе Кемерово. В 2006 году окончил гуманитарную гимназию и поступил на исторический факультет Кемеровского государственного университета. Искренний интерес к истории не помешал играть в КВН, редактировать факультетскую газету и сменить десяток разных работ: от официанта и менеджера по рекламе до турагента и учителя истории. После окончания вуза стал работать экскурсоводом в музее «Красная Горка». Позже устроился работать техническим переводчиком. Всё это время Дмитрий активно путешествовал как по служебной необходимости, так и по собственному желанию. Посетил шахты Казахстана и ледники Исландии, банановые плантации Кубы и революционную ЛНР. Интерес к литературе проявился ещё в школе, когда Дмитрий начал переводить с английского на русский стихи малоизвестных авторов и писать заметки в школьную газету. В дальнейшем Дмитрий не изменял малым формам и по настоящее время продолжает писать короткие юмористические стишки, заметки и рассказы.

Я всегда надеялся, что с опытом мои рабские привычки уступят место здоровому деловому этикету. Верил, что демократия победит хотя бы в моей отдельно взятой голове и я смогу спокойно и без заискивания разговаривать хоть с президентом. Но время идёт, а в отношениях между мной и боссами разных рангов ничего не меняется. Прямо скажем, надежды почти не осталось.

53 Как-то раз после смены я снимал грязную одежду в директорской гардеробной. Злой, уставший, голодный.

Я ещё даже не снял сапоги, как за мной зашли двое мужчин около сорока. Первым был главный инженер, а вот второго я ни разу не видел. Я поздоровался с главным инженером. Он поздоровался со мной.

И вдруг второй спросил:

– А вы почему переодеваетесь в директорской гардеробной?

– Потому что мне предоставили здесь шкафчик, – нехитро ответил я.

– И кто вам его предоставил?

– Гардеробщица.

– Разберёмся.

Мой ответ нечем было крыть. Настолько он был прост и непобедим. Разобраться с гардеробщицей – утопия. Поэтому я абсолютно не переживал за своё место в директорской гардеробной. Будь это хоть сам директор шахты, он ничего не смог бы сделать.

– Хорошо, – бесстрашно заявил я, решив поставить точку в нашем разговоре. Но точку ставить было рано.

– Я – Александр Владимирович, новый директор этой шахты.

– Приятно познакомиться. Я – Алексей из отдела внедрения инноваций.

Вот так я превратился из победителя спора за директорскую гардеробную в человека без отчества. Но и это было ещё не всё.

– Алексей, зайдите ко мне в пятницу после планёрки. Надо будет как-то поближе познакомиться, обсудить детали нашей дальнейшей работы.

– Хорошо. Обязательно зайду.

Я совсем сдался и даже снимать сапоги стал медленнее.

Директор уже разделся в соседней комнате и ушёл в душ, а я только стягивал подштанники. Было обидно в очередной раз проиграть своей слабости. Я думал, что можно было исправить в нашем разговоре и как стоит вести себя в пятницу. Я пытался представить, кто из моих знакомых мог повести себя более дерзко и хитро. Я переживал за судьбу русского народа, который всю жизнь страдает под гнётом самодуров-руководителей. На пару секунд я даже перестал раздеваться, сел на скамейку и просто завис, смотря в одну точку. Потом встал, на автомате взял мочалку, мыло, шампунь, полотенце и пошёл в душевую, где стоял абсолютно голый намыленный директор.

К такому зрелищу я совсем не был готов. Это был первый голый директор в моей жизни. Выглядел он уверенно. Наверняка директоров готовят к таким ситуациям на президентской программе по подготовке руководящих кадров. Директор смотрел на меня невозмутимо, как молодой жираф. Я же был, скорее, смущённым сурикатом, который не совсем понимает, что происходит.

– Здравствуйте, Александр, – сказал я.

Он тоже поздоровался.

В пятницу наше общение тоже не задалось.

С тех пор в душе я с директорами шахт не разговариваю.

ШАХТА им. С. ДАЛИ

В прошлом году я работал на очень необычной шахте. Можно сказать, сюрреалистичной. Шахта располагалась за полярным кругом, что уже довольно необычно. Она была вписана в прекрасную живописную тундру, в которую до этого был вписан уродливый серый город. В зависимости от точки зрения, ты обнаруживал себя в загадочных исландских лавовых полях или на прозаичных бетонных развалинах ГУЛАГа.

С наступлением полярного дня диссонанс между уродливым и прекрасным только усиливался. Июньской ночью ты мог бегать на лыжах по сугробам в поисках полярных куропаток или участвовать в пьяной драке перед входом в единственный ночной клуб «Без тормозов».

Дома выглядели ужасно, но не менее интересно. Половина окон была выбита, так как люди стали уезжать из города ещё лет тридцать назад. Четверть окон имела нормальный человеческий вид, как в любой цивилизованной точке планеты. И, наконец, последняя четверть была заклеена фольгой или другим светонепроницаемым материалом. Ведь даже коренные жители Заполярья так и не научились пять месяцев в году спать ночью при дневном свете.

Больше всего от такого климата страдали киргизы, которые в огромных количествах ехали сюда работать на шахтах.

Непосредственно с нами киргизы не работали, зато каждый день с нами в одной клетке спускался карлик. Я так и не узнал, на каком участке он трудится и какую работу выполняет. Честно говоря, постеснялся спросить.

Зато кто работает директором шахты, спрашивать не пришлось. Савелева Александра Николаевна. Миниатюрная женщина лет сорока. Миниатюрная она была не как карлик, но значительно худее и чуть ниже, чем среднестатистическая россиянка. Александра Николаевна из всех украшений носила только обручальное кольцо. В отличие от начальника второго участка, который носил два массивных перстня на разных руках и серьгу в левом ухе.

Ещё на шахте работали два немца. Учёные. Консультировали местных геологов. Немцы так же, как и все, ходили в шахту, работали, мылись, иногда ругались. Ходили слухи, что однажды на выходных они напились и поругались с кем-то из местных так, что их переводчика чуть не посадили в тюрьму за оскорбление чувств верующих.

Наша бригада на шахте выделялась исключительно своей заурядностью. Мы выполняли нехитрую работу, ели нехитрую еду...

Правда, в одну из пятниц, распаковывая на общем столе тормозки, мы удивились тому, что там увидели. Я абсолютно без задней мысли взял с собой шпроты и оливки. Просто дома из еды остались только консервы, и я поленился идти в магазин. Ваня принёс мидии в масле и половину багета. «В магазине другого хлеба не было», – оправдывался Ваня. Саша из своего пакета достал два кусочка сыра: дорблю и камамбера. Он давно хотел их попробовать. Последним подошёл Толик, он робко извинился и выложил на стол два огромных грейпфрута. Грейпфрутам Толика мы удивились меньше всего. Он всегда был странным.

Только я начал открывать консервы, как к нам подошёл карлик и попросил ключ на двадцать четыре. Мне лень было лезть за ключом в грязный ящик с инструментами, поэтому я любезно предложил ему мидии. Он не стал отказываться. Мне больше всего понравился камамбер, карлику – оливки, Ване – дорблю, Толику – грейпфруты. А Саша любил экспериментировать, так что ему понравилось всё.

Позавтракав, мы отработали смену как обычно и поднялись на поверхность. И тогда со мной случилось самое примечательное событие: мне на электронную почту пришли обратные билеты домой. Моя командировка на Крайнем Севере была закончена. Это был единственный раз, когда я улетел из Заполярья.

1 066

После субботней пьянки на следующую неделю у меня осталось 1 066 рублей до пятничного аванса. Вот список трат, совершённых мной в период с 18 по 23 мая.

18 мая

21 рубль – булка белого хлеба. Хлеб сытный. Его можно есть при любых обстоятельствах. Обожаю хлеб.

37 рублей – пиво «Жигулёвское» живое. Спасительный эликсир.

9 рублей – плавленый сырок «Витязь». Потру его в макароны.

19 мая

21 рубль – проезд на работу. Может, на работе получится занять у кого-нибудь денег.

115 рублей – сигареты «Мальборо».

21 рубль – проезд с работы.

100 рублей – скинул на телефон.

20 мая

21 рубль – проезд на работу.

21 рубль – проезд с работы.

47 рублей – йогурт со вкусом клубники. Надо же будет чем-то завтракать.

35 рублей – три сосиски. Пожарю с картошкой.

19 рублей – две упаковки лапши быстрого приготовления. На всякий случай.

21 мая

21 рубль – проезд на работу.

402 рубля – счёт в кафе: 99 рублей – большой американо. Подаётся с кусочком шоколада. Дешевле в меню только хлеб. 159 рублей – средний латте. 20 рублей – крошка тёртого шоколада. Кажется, кто-то пойдёт завтра с работы пешком. 124 рубля – пирожное «Гастингс». На вид просто бисквит с кремом.

Это финансовая катастрофа. Катя оказалась прозорливее, чем я думал.

До аванса у меня осталось 197 рублей.

22 мая

18 рублей – проезд на работу. Вышел пораньше. Поехал на автобусе.

50 рублей – дал Кате на шариковую ручку, потому что у неё с собой не было наличных. Сдачу она, конечно, могла бы и сразу отдать. Хорошо ещё, что у меня 50 рублей одной бумажкой было.

15 рублей – полбулки белого хлеба. Хлеб дома кончился как-то быстро.

10 рублей – пучок колбы. Выгодно сторговался с одной бабушкой, потому что она уже собиралась уходить. С лапшой будет самое то.

23 мая

18 рублей – проезд на работу.

61 рубль – килька в томатном соусе. Решил себя побаловать.

ВЛАДИМИР

Наряд на смену был один и тот же уже несколько дней. И все этому были только рады. Бурение шло без осложнений, быстро, задорно, иногда даже с песнями (в зависимости от смены).

Владимиру, как и всем, такое положение вещей нравилось. Тем более он только что повысил свой разряд, а вместе с ним и авторитет среди сослуживцев. Теперь он не просто кидал штанги, но и иногда стоял за рычагами станка, что было физически легче, хотя со штангами у него всё получалось ловчее. Так играючи он управлялся с двадцатикилограммовыми труба-

ми, одним махом закидывая их в зажимной патрон станка, что ему даже прозвище дали соответствующее.

Бурение шло хорошими темпами и уже к середине смены Владимир с напарником Котянном приблизились к концу скважины. Каждая штанга залетала минут за пять. Оставалось двенадцать метров, девять, шесть – и вот скважина добурена, нужно только промыть её и можно поднимать буровой снаряд.

Владимир включил промывку и сел с напарником перекусить.

– Ну что, поедим – и подъём? – завёл разговор Владимир.

– Ага, только в этот раз давай по очереди.

– Само собой, я один восемьсот метров не подниму, – сказал Владимир и улыбнулся. На самом деле он лукавил. Бывало, и больше тысячи метров за смену поднимал, а это триста тридцать четыре штанги, между прочим.

Чтобы удобнее было укладывать штанги, Владимир смыл с трапов всю грязь и потоптался на них, чтоб не скользить. После этого он посыпал их песком на всякий случай. Перчатки у него были неновые, так что их не жалко. Напарник справил малую нужду в ближайшей сбойке и примерно часа за два до конца смены начался подъём.

За рычагами стоять было интересно, но настоящей страстью Владимира было кидать штанги. Каждое его движение было идеально отточено, как у профессионального спортсмена. Если бы подъём штанг стал олимпийским видом спорта – наш герой наверняка бы стал в нём чемпионом, а потом и президентом федерации. Об обращении со штангами Владимир знал всё. Как их лучше смазывать, чтобы расходовать меньше смазки (но она при этом не смывалась), как закидывать штангу на стеллаж, где удобнее писать порядковый номер и какой мел для этого лучше подходит. В вопросах штанг ему не было равных.

Котян уверенно стоял за рычагами, хотя иногда и путался. Не из-за недостатка опыта, а из-за того, что хотел побыстрее закончить работу, чтобы взять на следующий день отгул. Но выходило у него всё равно довольно ловко. Он как будто играл на пианино: отъехал зажимом, закрыл штангодержатель, раскрутил штанги, открыл вращатель, проехал вперёд, закрыл вращатель, и всё по новой.

Темп взяли хороший: сорок – сорок пять секунд на штангу. Не рекорд, конечно, но и уста-

вать раньше времени никто не хотел. Тем более что у Владимира на завтра по графику стоял выходной. В его планах было выспаться, приготовить плов, а вечером сходить с женой в кино.

Все мелочи, о которых Владимир так предусмотрительно позаботился, сэкономили его силы и время. Благодаря чистым трапам, посыпанным песком, сапоги не скользили, и он уверенно шагал от стеллажа к станку и обратно. Старые перчатки позволяли не беспокоиться о возможности посадить занозу или просто замарать руки в масле и смазке. Даже сам стеллаж со штангами был расположен так удобно, что Владимир мог совершать минимум движений, перенося штангу и складывая её к уже поднятым.

Стоило только Котяну проехать зажимным патроном место соединения штанг, Владимир тут же брал её в руки, располагаясь к станку вполборота делал шаг назад и закидывал штангу на стеллаж. Каждый раз несложный алгоритм заканчивался победным звуком падения стали на сталь, который был почти неслышен для Котяна из-за шума станка, но ласкал слух Владимира.

После семидесяти штанг Котян предложил поменяться. Теперь Владимир стоял за ручками, а его напарник занялся физическим трудом. У Котяна всё выходило не так красиво, хотя на первый взгляд это и не бросалось в глаза. Ему приходилось делать два шага к стеллажу вместо одного, так как он был ниже и руки у него были короче. Котян часто не мог ухватить штангу с первого раза, так как его перчатки скользили, но и Владимир не торопился с раскручиванием штанг, так как немного волновался из-за своей неопытности и помнил высокую цену ошибки. Одно неверное движение – и он в лучшем случае повредит штангу ценой тридцать тысяч рублей, а в худшем – потеряет оборудования на несколько миллионов. На глубине шестьсот метров потерять инструмент – врагу не пожелаешь.

Котян немного вспотел и запыхался, но всё ещё выглядел бодрым и весёлым.

– Сколько время? – спросил он.

– Десять почти. Ещё час до конца смены.

– Блин, мы же так не успеем.

– Куда не успеем? На дизель?

– Подъём сделать не успеем.

– А зачем нам с подъёмом успевать? У нас наряд был «бурение». Мы и так с опережением плана идём.

– Мне Галя обещал отгул завтра, если подъём за смену закончим.

– А чё ж ты сразу не сказал?! Могли бы с самого начала поторопиться, а вот теперь уже точно не успеем.

– Давай на дизель попозже пойдём.

– Ага, а если опоздаем?

– Попросим проходчиков, чтоб задержали.

– А зачем тебе отгул-то завтра?

– Я девушку на свидание в кино пригласил.

Давно к ней клинья подбиваю, и она тут согласилась, а у меня завтра четвёртая смена стоит. Ну я у Галиева просил отгул, он ни в какую. Потом помолчал, посмеялся своим гадким смехом скрипучим и говорит: если подъём сделаю, могу завтра не выходить, он прогул не поставит.

– Интересные вы, ребята. Подъём они делают! А меня не хотел спросить?

– Да я думал, и так успеем с тобой. Ты же лучший помбур на участке.

После этих слов Владимир разъединил последнюю пару штанг и остановился. Котян испугался, что его сейчас будут бить. Владимир хоть и работал на участке не так давно, был старше и здоровее его.

Но вместо ударов на молодого татарина посыпались дельные советы:

– Так, поднимай тогда последние десять штанг и потом становись за рычаги, а я на штанги. И так до конца. При подъёме смотри на рычаги. Друг с другом не разговариваем. Не пьём. Не ссым. Не останавливаемся.

Слова вылетали из Владимира, как из автомата, но для Котяна они звучали как музыка. На все предложения он сказал «да» и поднял свои крайние десять штанг на одном дыхании. Потом напарники поменялись.

Перед тем как начать подъём, Владимир снял свою шапку, ставшую за шесть месяцев работы на шахте легендарной. Обычно шахтёры носили тонкие подшлемники, чтобы каска не натирала голову и зимой не мёрзли уши, но Владимиру подшлемника было мало. Он взял армейскую ушанку, аккуратно отрезал у нее уши, чтобы не мешали, жена прострочила края на машинке – и шапка была готова. Каска на ней смотрелась нелепо и поначалу на участке над Владимиром посмеивались, но через какое-то время она стала чем-то вроде священного Грааля участка ПРТБ. Шапка даже пропадала из раздевалки на один день, но то ли у вора проснулась совесть, то ли кто-то надевал её на особо важную смену и надеялся, что ушанка без ушей принесёт ему удачу. Шапка была хороша для всего,

но не для подъёма двухсот штанг. В ней Владимир бы просто спарился.

Пока Вова вешал шапку на проволоку и надевал каску обратно, Котян уже разъединил очередную штангу и был готов продолжить подъём.

Новый темп, взятый Владимиром, был значительно выше предыдущего. Теперь на каждую штангу уходило секунд двадцать пять – тридцать. Захват, поворот, бросок; захват, поворот, бросок. Теперь он свёл свои движения до абсолютного минимума.

Чтобы не заикливаться на штангах, Владимир стал напевать в голове песни Игоря Николаева. Сначала «Поздравляю» и «Прости и отпусти», потом пошли более весёлые песни вроде «Как ты прекрасна» и «Выпьем за любовь». Когда знакомые песни кончились, он стал мысленно готовить завтрашний плов: варил рис, обжаривал лук с морковкой, предварительно купив на рынке куркумы и барбариса. Барбарис найти будет непросто. У нас в краях это редкость.

Иногда Котян бессвязными криками вроде «Эх» и «Твою дивизию» возвращал Владимира из мира поп-музыки и кулинарии к подъёму штанг. И снова захват, поворот, бросок; захват, поворот, бросок. Трапы снова стали скользкими ещё сорок штанг назад. Жалко, что у станка не было опилок. Их рассыпать гораздо приятнее, чем песок. И сапоги потом отмывать легче.

– Стоп!

– А?!

– СТОП! – уже криком кричал Владимир.

Котян заглушил станок. Шум плавно стих.

– Что случилось?

– Проходчики идут. Поговорить надо с ними.

В штреке замелькали фонари проходчиков, и Владимир стал кричать уже в их сторону.

– Э, мужики! Вы на дизель идёте?

– Да!

– Задержите его, если что. У нас просто подъём сегодня. До конца смены надо успеть.

– Ага. Стахановцы, блин! Вы тут рекордные планы выполняете, а мы из-за этого должны домой опаздывать. А потом ещё нам на участке будут рассказывать, какие вы молодцы и какие мы отсталые. Давайте не выпендривайтесь и пошли вместе на дизель.

– Я тебе говорю, подъём у нас!

Владимир понимал, что разжалобить проходчиков историей про Котяна и девушку, к которой он подбивал клинья, не получится, а сам Котян в этот разговор даже не думал лезть, потому

что испытывал необъяснимый трепет перед проходчиками. Они и зарабатывали больше, и выглядели здоровее, казалось, даже насвай* у них был вкуснее, чем на других участках.

Владимир подождал, пока пройдут проходчики, и спросил Котяна:

– Сколько времени осталось?

– Минут двадцать до отъезда дизеля.

– Ну если до него бежать, то у нас ещё минут пятнадцать есть.

– Слушай, а если передать на участок, что мы закончили подъём? В первую смену же Мстислав на станок пойдёт. Попросим, чтоб он подъём закончил. Если что – я ему даже проствалюсь.

– Ага. Ты чё, не знаешь его? Он и подъём не сделает, и тебя сдаст на участке. Сколько ещё штанг осталось?

– Штанг пятьдесят.

На самом деле Котян периодически сбивался со счёта, отвлекаясь на мысли о том, что он наденет завтра в кино. Главным вопросом было: стоит ли надевать галстук или это уже слишком. В итоге он подозревал, что в скважине не меньше шестидесяти штанг, но специально скинул их количество до более-менее приемлемого. Он понимал, что больше пятидесяти штанг поднять до конца смены нереально, Владимир в любой момент может всё бросить и пойти на дизель вместе с проходчиками.

– Если сейчас пятьдесят штанг поднимать, то на дизель не бежать, а лететь придётся.

– Вов, если до конца смены успеем, я на дизель не то что полечу – я ещё и тебя на руках понесу.

Владимир уже очень устал, но не хотел показывать вида. Сегодня в его планы не входило разрушить свой героический ореол короля подъёма. И они продолжили раскручивать штанги. Движения были уже не такими отточенными. Небольшая пауза на разговоры не помогла восстановить силы, а скорее наоборот – расслабила. Захват, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, бросок, толчок штанги; захват, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, ещё шаг, бросок, толчок штанги; захват, перехват штанги поудобнее, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, бросок, заталкивание новой штанги к остальным. На этот раз Владимир уже ни на что

не отвлекался. На песни Игоря Николаева не осталось сил. Теперь он внимательно считал штанги. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Казалось, уже слышен звук заходящегося дизеля. Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать. Ноги разъезжались на скользких трапах. При приёме каждой штанги Владимиру казалось, что он вот-вот потеряет равновесие и упадёт. Двенадцать, тринадцать, медь...

– Чёрт! Котян, ты как считал?!

Владимир изо всех сил пытался выглядеть злым, но на самом деле он был просто счастлив. Они дошли до медных штанг, а это значит – подъём окончен.

Котян замешкался, не зная, как ему реагировать.

– Глуши станок и побежали на дизель!

Заглушив станок, убрав инструменты в ящик и закрыв его, напарники быстро поняли, что бежать особо никуда не нужно. Фонари проходчиков были ещё видны впереди, а значит, дизель ещё даже не собирался никуда ехать.

Владимир и Котян догнали проходчиков, когда те уже садились в дизель. Они молча залезли следом и промолчали так до самого подъёма на поверхность. Слова тут были не нужны. Оба были довольны собой и друг-другом. Оба гордились проделанной работой. Пробурили восемьдесят четыре метра и подняли почти восемьсот. Такое дело нельзя было не отметить.

Только в ламповой Владимир разрушил торжественное молчание.

– Ну что, ты проставляешься.

– Пряма щас?

– А что, проблемы какие-то?

– Давай тогда у тебя дома.

Владимир не стал спрашивать, почему Котян не хочет пить у себя дома. Не хотел случайно наступить на больное, да это было и не важно. Ведь уже через пятьдесят три минуты напарники выпили первую рюмку водки. Оба понимали ценность следующего выходного дня. Его хотелось провести с максимальной пользой, поэтому уже через сто двадцать пять минут Владимир и Котян омерзительно пьяные мирно лежали на полу. Владимир спал рядом с Котяном не потому, что у него дома не было софы или раскладушки для гостей, а из солидарности, так как жена запрещала спать на новом дорогом диване всякому пьяному элементу. А свою жену Владимир любил и правила, установленные ею, уважал.

* Насвай – вид некурительного табачного изделия, традиционный для Центральной Азии.

Иван
ВОЛОСЮК

ПО ЖИВОМУ ПРОСТРАНСТВУ...

* * *

По живому пространству, где фосфор
оставляет чахоточный след,
я прошёл невесомо и просто,
без знамён, без потерь, без побед.

Там о смерти ни слова – не каркай:
ворон ворона не заклюёт!
На какие военные карты
нанесут этот пеший поход?

Я ходил по холмам и пригоркам
(хочешь смерти – так быть посему),
но ни корки теперь, ни полкорки
я с чужого стола не возьму.

* * *

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили – дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатались кувырком.

А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам,
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем. И хвалу богам

весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

* * *

Я дна достиг. Живущим в междуречье
Кривого и Казённого Торца
чужое солнце обжигает плечи.
И падает душистая пыльца
из каждого открытого цветка,
как старая побелка с потолка.

* * *

Нарушена оптика в капле росы,
а город ногами затоптан,
и входит шаманство в движенья осы
из тёмных времён допотопных.

И так до Христа без царя в голове
(какие там яти и еры!),
я только учился ходить по земле,
а думал вернуться в пещеры.

Из речи согласный вытравливал звук,
оставив гуленье сплошное,
я снова младенчески видел вокруг
съедобное или смешное.

На празднике жизни сдвигают столы
и форм переходных не кажут,
о том, что забуду спросить у пчелы,
она мне сама не расскажет...

59

ВОЛОСЮК Иван Иванович родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Москва», «Новая юность», «Юность», «Новый берег», «Интерпоэзия». Участник ряда форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, фестивалей Фонда СЭИП на Украине и в Беларуси. Дипломант XV Международного литературного Волошинского конкурса. Живёт в Донецке, пишет региональные обзоры для «Года литературы».

* * *

Давай о смерти ни гугу,
кто был не прав – война поправит,
мой голос внутренний картавит,
и я по снегу, как могу,
иду домой.

Но медленней ползёт улитка,
чем я (во сне) туда иду.
Что, если это не молитва,
а так – губами шевелю,
о ангел мой?

Хоть стены там тепла не держат,
есть только стулья и кровать...
Из человека выпал стержень,
и больше нечего ломать.

ОСЕНЬ

Журнальный вариант

1

Всё не так, как раньше мне казалось,
Бог с тобой, прохожий, я в порядке.
Солнечная осень состоялась,
но потом на деле оказалось –
вариант журнальный, то есть краткий.

Хвойный лес, куда с тобой вернёмся,
где не пахнет минами-грибами,
хвоя отфильтровывает солнце,
и оно тебя теперь коснётся
липкими, душистыми лучами.

Музыка нетканная возникла –
я отсюда слышу её гомон.
Бог с тобой, прохожий, я привыкну,
за меня ещё попросят выкуп
и получают деньги по-любому.

2

Я рифмую «всхлип»...
Б. Рыжий

Жили-были, кончилась Москва...
Как тебе понравится такое?
Стынет сад, и листья со стола
ты сметаешь тёплой рукою.

Я живу под небом молодым
и боюсь проснуться онемевшим,
ну и что, что я рифмую «дым», –
горечи не больше и не меньше.

* * *

Остался вымпел на Луне,
где нет следов собак и кошек,
где Армстронг выпил в тишине,
где небо в беленький горошек.

Тем, кто не прыгал с гаражей,
поможет мягкая посадка.
За домом в девять этажей –
овраг, подстанция, посадка.

Попробуй небо обогреть,
оно не даст тебе свалиться,
бывает проще умереть,
чем из «Фейсбука» удалиться.

* * *

Николаю Давыдову

Забудь Ульяновск, от «Венца» до «Шипра»
полтыщи метров, около того,
названия эти содержали шифры,
я все их разобрал до одного,
но в поезде оставил свой блокнот,
где цифры, знаки, потаённый код.

Я выяснил, зачем копали землю,
что прятали внутри библиотек,
зачем везли не каждого отдельно,
но всем один приобрели билет.

И в кукольном музее Гончарова
я сделал вид, что мне опять хреново,
отстал от всех и тяжело дышал.

И, счастье ощущая в полной мере,
я молча растворился в атмосфере,
как будто не всерьёз существовал.

* * *

Андрею Фамицкому

Это сон, глубокий, мирный сон,
укачало в поезде – бывает,
не было пространства – был вагон.
Я внутри, меня слегка качает.

Носят чай, но подстаканник пуст,
вечность знает жажду, но другую,
и белья почти неслышный хруст
заглушает музыку люблю.

Вещь такую пишешь пять минут,
а потом три дня её вмещаешь.
Мы уходим к свету, там нас ждут,
но кормить в пути не обещают.

**Александр
КАЗАРКИН**

ЧУР МЕНЯ!

Главы из повести

МЛАДОЕ ПЛЕМЯ НЕЗНАКОМОЕ

Ни души в коридоре, как не бывало столетнего потока. Шаги от стен отскакивают: пол выложили плиткой, схоронили дерево, и звуки уже из совсем другой жизни. Тень стигийская скользит одиноко – последняя в пустом проходе. И два буддийских колокола у дверей музея: ждут не дождутся последних дней. Истину утюжили здесь пошагово, топотали по ней ватагами, поколения заложили ступени лестницы. Похоже-но-потоптано, прошли мы тут потоками... Портретная галерея на обеих стенах, анфилада мудрых. Брезгливо взирают отцы-основатели на расхристанных преемников: при них-то всё было чинно, разлинованно. Но мычанье за дверью было и тогда: «Орно, орнамус, орнатус». Наши слева. Первокурсники латынь проходят. Опоздал, кругом вовсю занятия. Не встретил бы кто знакомый – донесут как пить дать, пиши объяснительную...

Ага, вот эта аудитория. Слава Богу, не разбежались, шумят у двери. Пропущу их первыми, извиняться сразу не буду... Раздеваются, как в замедленном кино, тюльку тянут – не готовы.

– Добрый день. Прошу садиться. Кто отсутствует? Шестеро?! Ничего себе, четверть группы!.. Что было задано? Селифонтов?

– Наземные ритуалы.

– Замечательно! Сходу новый жанр открываем. Так или нет, Еропкин?

– Эти, как их, полевые причты.

– Тоже броско. О чём рассуждать будем, не ведаем. Итак, сильный пол опять не в теме. Посмотрим, что скажет прекрасный. Кто готов?

А может, неправильно так, унижение для пареванов? Их двое, и так им не уютно. У Селифонтова взгляд всегда осоловелый, а Еропкин осовело крутит лохматой головой. Не научены шевелить плавниками.

67

Две руки взлетело. Слон и Моська, неразделимые, как сиамские близнецы. Ведущая в паре Латыпова, меньшая. Одета небедно, не как Гусельникова, двухметровая подружка. Сахарная головка или нет, фарфоровая. С небольшим татарским раскосом – четвертинка, наверно, ордынской крови. Под глазами опять тёмные круги. Какой же самум закрутил тебя, дурочка, по перелучкам? Здесь же родилась, в Иштане где-нибудь или в Тохтамышеве. Отвечает хорошо, а в глаза не смотрит. Стыд жив ещё, выходит.

Котёнок вспомнился: ходил туда-сюда по забегаловке. Кафешка не из самых дешёвых, одни лица кавказской национальности горгочут за столами. Она здесь в одиночестве, без подружки сидит, явно не впервой зашла. Котёнок подбежал прямо к ней и потёрся об её ноги. Один из детей гор толкнул другого в бок локтем: «Смотры – русский дэвушка-хорёк». Взглянула на меня, узнала и юркнула в туалет...

– Что, всего-то двое? Какой же тогда семинар? Календарные обряды были на прошлой

КАЗАРКИН Александр Петрович родился в 1941 году в деревне Дресвянка Новосибирской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Первые книги издал в Кемерове. Живёт в Томске.

лекции. Начнём от истоков. Первый вопрос: кто такие Ярила и Кострома?

Молчанье – мертвее мёртвого, буддийская отрешённость. Что та тема, что другая – до фонаря нам, до разбитого.

– Тогда попробуйте охарактеризовать Перуна и Волоса. Кто из них больше влиял на земледельца, а кто на скотовода?.. Та-ак, обнуление коллективное. Хотите на самостоятельное изучение? Что ж, пожалуйста. Так надо было идти на заочное.

Не расшевелишь, они в своей эпохе. Не потомуки они предкам своим, по барабану им прошлое. От чего так, от сытости? Горе подстегнёт интерес когда-нибудь? А пока – не втолкаешь...

– Если так, займёмся следующей темой. У нас отставание от графика. Магия медицинская и любовная, это вам интересней будет. Присушки и отсушки, эротические заклички. Актуально в вашем возрасте. Как определить вот такой вид поэзии:

*Не будь голенаста,
А будь пузаста,
Не будь красна,
А будь вкусна.*

– Похабная, наверно?

– Шкодливая? Дразнильная?

– Это крестьянский идеал? Фи, грубый!

– Это про капусту, не про девушку. Порох на губах – ритуальный смех...

– В старой деревне на этот счёт было строго. Если девушка согрешила до замужества, ворота дёгтем мазали, ей даже косы заплетать запрещалось. Это знак позора: опростоволосилась – пусть все видят. Посвящение было в половую жизнь, особый обряд. Практическая магия.

– Чё, на виду у всех?

Ого, взблеснули глазки.

– Нет, не на виду. Парней и девиц посвящали по-разному. Я вижу, про любовные привороты тоже вам неинтересно.

Ну, духи ушли, а гормоны-то остались. Предки предками, а кривая жизни – кого куда ведёт. Кривая – ди курве... Думают: линия жизни сама вывезет куда надо. Скандалы, психопатия. А дети – спасают они или топят? И что к старости? Картошка уродилась, дочь вроде устала от замужеств, внучка в школу пошла. Пройден круг, куррикулум витэ. Нет, Латыпова в преподы пойдёт ненадолго, не сдюжить ей там. Сожрёт ба-

бья коллегия, красивым мстит она за собственную серость.

Нет, видно, ничем не расшевелишь. Разве что попсой, хрипом-дёргом. Тоже шаманизм, нулевой, правда, а съел частушку в деревне. Да кто частушку пожалеет...

– Тогда пойдём от литературы, начнём с примеров. «Поэзия заговоров и заклинаний» – это чьё? Кто-нибудь помнит? Автор известный, в школе прошли. Никто не узнаёт? А ну-ка: «Заплачешь ты, что некого любить». Это он же. Тоже нет... Не знаете...

Не предвидят клина ни с какой стороны. А если войдёт он в голову – ни молиться, ни каяться не смогут. А ты, а сам-то? Нужна молитва, а не идёт ведь...

– Не выстраиваются у нас связи с литературой. Тогда попробуем дразнилки, карнавальное слово. Как вы считаете, можно их спеть на эстраде?

– Бабок на эстраде кто слушать будет? Никто и не пойдёт.

– Да почему бабки? Как раз девки пели. Значит, не пойдёт на эстраде? Да, нет любви к народной песне.

– Почему нет, песни мы любим. Кто их не любит?

– Так назовите, что любите.

– «К чёрту эту любовь». – Селифонтов.

– «Эскадрон моих мыслей шальных». – это Еропкин.

– «О боже, какой мужчина!» – Латыпова.

– «Поцелуй меня везде, я же взрослая уже». – Гусельникова.

– «Любовь-наркоз», «Тату на твоём теле», «Ты не слышишь меня, я не слышу тебя». – Потоп, обвал, конца теперь не будет.

– Вот видите, песен-то и не знаете. Эрзац-квас, визготня одна, души-то нет. Песню нельзя смоделировать, как и любовь. А с точки зрения науки это важно. Почему? Всё начиналось с заклинаний. Например, обращение к домовому – бытовое заклинание.

– Домовой – который рассыльный? По квартирам приходит?

– Нет-нет, дедушка домовый был домашний дух. Ночью ходит, покряхтывает, поскрипывает.

– Полтергейст, что ли? Так и сказали бы, а то не понять.

– Итак, заклинательную сторону поэзии, её мы услышали. «Пришёл к Дуне батюшка» – это свёрнутый обряд.

– Зачем поп до свадьбы?

– Батюшка – это отец. И матушка – не попадя и не игуменья...

С таким капиталом пришли они – продукция школы. Три года тняи из болота, а потом они пойдут в тот же мир, откуда вытянули их. А у тебя самого, у всех деревенских?..

– А ведьмы, они парней правда зомбировали? Молодых?

– Могли. Вдовство – медицинское внушение. Кто верил – действовало... Это магия. Обратите внимание, как строилась заклчка – всё наоборот: *«Встану я, раб Божий, не помоляся, не умывшись, не благословясь, пойду не в ворота, а в подворотню. Стану я на закат лицом, на восток хребтом»*. Почему так? Потому что дух блуда признавался нечистым. Любовь как помешательство.

Тут автокомментарий напрашивается. В нашей-то деревне как оно было? Там-то уж всё по правде, близкой к скотской.

– У нас бабушка знала эти кантри-фолк-музик: *«На крутой бережок»* и всяко разное. Я говорю: «Он же глина, этот бережок. Как он может быть крутым-то?»

Да, слишком далёким стал берег, недоступным. А если попробовать по их фене, через сленг? Непедагогично. А, была не была.

– Тогда давайте ближе к современности. Вот что на дискотеках говорят?

Радостно подсказывают – совсем другие лица, не сонливые. Что делает актуальная магия!

– На дискотеке, там, конечно. Только нынче торчков полно, а с ними по чесноку бесполезняк, их же клинит.

– Один так ваще всем девчонкам козявил одну и ту же фишку, а сам оказался перечник.

– У моего братана кент был такой мармыга: «Табло всем могу начистить!», а самого качает всю дорогу. Колбасит по полной. Потом два амбала ему хорошо по репе настучали, перестал наезжать.

– Да там если кто лохматит бабушку, мзги точняк стрясут.

– А про жизнь-то что там говорят? Есть хорошие присловья?

– *«Переход от тёлки к тётке – и вся ваша лайф»*. – Ай да Еропкин! Отличился. Хотя, конечно, постфольклор, не сам изобрёл.

– Вот это в точку: *«Мелькнули твои молодые годы, живые помертвеют чувства»*... А этого классика узнаете? Тоже никто?

– А чё тут интересного?

Ну вот и подытожила Латыпова... Главное – поняли друг друга. А песен, их уже не будет... Выходят они с единственной ориентацией – половой. Университет скорее помешает жить, помочь – нет, не поможет.

Какая заклчка самая верная? *«Матушка быстра река, моешь ты, полощешь круты берега, сплочи с меня все страхи-переполохи, смой с меня озёвы, сглазы и уроки»*. Сглазы – ключевое слово, все ведь сглаженные.

– Ну что же, будем считать тему пройденной. Вопросов, как всегда, нет? Тема следующего занятия: «Сказки. Классификация, сюжеты, типы-характеры»... Всего доброго, до встречи.

Не сорвалось занятие-то? Доносить не станут, хотя случаи бывали. И Блок не достал их, нет, не достал. Уходят разочарованные: чего-то другого ждали. Не за старьём шли сюда: фольклорист чё-нибудь сбцаает, зачем же ещё этот предмет.

А ничё – коснулся старого, как дома побывал. Смотри-ка, девы-близнецы выходят с улыбка-ми посвящённых. Что-то взяли и уносят. А преподы считают: не влезает в них, не втолкаешь. Нет, не так уж и темно всё. Если смотреть не со стороны...

63

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Конференц-зал – место словесных парадов. Цела советская закуска: активные уже расселись по краям, центр заполняют сонливые. Былые баталии диалектиков-схоластов поутихли. Сейчас настраиваются самих себя обличать. Ступают чинно-ритуально, бросают друг другу заученные фразы. Дамское поголовье перевешивает пятикратно, но так теперь даже у химиков. С каких это пор – стены помнят. Там вон, впереди, место для портрета императора, потом – трёх вождей, потом – одного, с прищуром в даль веков. Сейчас – жизнерадостный охломон в джинсах, в обеих руках корочки. Зачётка и диплом сходу – халявный идеал.

Попастись хочешь на ниве науки – уважь ритуал, пройди долгую школу имитации, тогда своим станешь. Пофигизм – завершающий этап пути...

В курилке Никандрович налетел сапсаном. То ли выступать, то ли нет – решить не может. Раньше сильно любил это дело, а теперь почти не высовывается. Умное лицо пролетарского покроя, бесспорно с бодуна.

– Раньше не понимал, что они с Фёдором Матвеичем никакие не друзья. Матвеич тот ещё был коммуняка, но всем улыбался либерально. Наверно, чтоб отгородиться от настоящих сталинцев, последних. На партсобраниях усомнившихся судил без пощады, а после дома напивался в дымину. Партбилет он, пожалуй, не выбросил бы, а Никандрыч отрёкся через газету. Гражданское раскаяние в стиле перманентного запоя. Неуютно ему после коммунизма, мужик непугливый, таких сильней колбасит. Про социализм, говорит, наврали, а про капитализм Маркс правду писал. И чё нам теперь: ни вперёд, ни назад. Сказано же: не склеивай лопнувший горшок – ошпаренным будешь.

– Всё оригинальничаешь? Возвращение Розанова! Завтра напишут: торжество Победоносцева. Ты чё, в Париж собрался? Там на руках понесут, а здесь, смотри, вылетишь в два счёта, – оглянувшись и на полтона ниже: – Думаешь сами придумали этот мозговой штурм? Сверху спустили, а название для дурачков. Вон их двое из гэбэ, по углам сидят, бабёнка новенькая, а мужичка этого я давно знаю. Теперь просто шьют профнепригодность – и катись. А то и на психушку. Тебя чё, к экуменистам этим потянуло?

– Да с чего вы взяли? Я вообще-то, считай, православный.

– Да тыфу, не то я – к глобалистам. Ничего неизвестно, всё ещё может быть. Думай, чё говорить, ты после меня читаешь.

Да уж, научный факт – всё в тумане, раскардаш в мозгах. Новое называет выгребной ямой, но только наедине, только за рюмкой. Привычка осталась: рюмка – прикрытие надёжное, на неё коммунист мелкие грехи списывал. И все понимали, водка даже фракции гасила в зародыше.

Входят и, входя, бросают взоры в нашу сторону. Нас четверо, их тридцать. И плечики передёргиваются: всё те же мы и те же. На соседе-философе глаза останавливаются и пробегают мимо: поклонник Лао-цзы глохчет по-чёрному.

Начинается. Жидкий переплеск ладошек, двери зачем-то сомкнулись и тут же распахнулись, и вот он – как хомячок, гонимый шваброй, вкатился коротыш в полукафтанье, с толстенной папкой. Проректор по науке, недавно комсомольский вожак. Один листочек вынул, огляделся, крикнул для осанливости. Ближний предок его, Глаукомский, функционер райкома, а он бумаги подписывает как Глубоковский. Перевёртыш-отреченец, в депутаты пошёл. Ванька-

встанька. А как возглашал недавно: «Кафедра беспозвоночных опять победитель в соцсоревновании».

– Зональную дискуссию «Сибирский текст в зоне фронта» объявляю открытой. Новым темам, новым ветрам открыты теперь наши окна. Уравновесить региональное сознание с глобальным – задача наступающего века. И девиз его – прорыв! – В бумажку глянул, ищет домашнюю заготовку. – Исход века, дни роковые – всё потребовало прорыва, но было сильное торможение, и теперь мы его не знаем. Все мы оказались в ситуации прорыва. Методика анализа переходных ситуаций – мозговой штурм. Естественные факультеты уже опробовали новый метод. Здесь нужны и интуиция, и матанализ. Плюрализм и полилог – это пропуск в новое тысячелетие! Успехов в перспективном, обещающем вашем деле!

Покивал направо-налево и юркнул за дверь. Все смотрят куда-то в себя и мимо всех. Только Купишина вертит париком-подсолнухом – считает единомышленников. Выкатится, разлиняет жизнь на тетрадные клеточки. А на вопрос, зачем они, клетки, передёрнется: не доросли – не лезьте, не ваш уровень. За ней там, по программе, Лыкомская, педагог-пиарщица, волшебными пассажами все конфликты превращает в игру.

Интересно, кто-то знает, куда прорываемся? И откуда – пока тоже не ясно. Из эпохи имитаторов – из неё не вдруг выдерешься. Нет, не вдруг: против общего духа – значит, сам за себя, а не за науку... Реальным делом займёшься – съедят и подставят. Не сменить бы нам оборзение на озверение. Овепрение, озмеение... Опиши-ка их попробуй. Тут и структурный заход сработает.

Второе благословение – деканское. Объёмное тело в показном спокойствии целых четыре минуты движется к трибуне с первого ряда. Зато речь её – хоть выбивай на граните. Наука для неё – чтомышь для филина, который доволен и малой добычей. Деньги, какие-никакие, власть, хоть чуточная.

– Напоминаю, коллеги: наш предыдущий диспут назывался: «Шагаем в ногу с веком», но главную тему мы обошли. Наконец-то займёмся своей идентичностью, время пришло. Чем мы, старейший вуз Сибири, чем встретим двадцать первый век? Мы взяли за дешифровку языка демократии. Накоплен богатый материал по идиостилю бытового общения, и пора вынести на свет налипшие внутренние проблемы. Для

этого мы пригласили специалиста в социальной психологии.

Рядом он, встал, крутанул голову на неполный круг. Так он социолог, а говорил – философ. На исходе застоя турнули его как подписанта чего-то, а теперь, видно, приняли обратно. Как его? Бескопытный.

Кивнул, как знакомому:

– Стивен Львович.

– Степан то есть?

– Не совсем, но этимон близкий: Степень.

– Классное имя! Зачем такое прятать?

– Жизнь с кукишем в кармане. За границей меня знают по публикациям: Стивен Бескопытный.

Ага, *сквозь время мчались мы и с кукишем в кармане. Теперь – пришло и вот-вот прорвёт.* Чьи-то слова.

Первая докладчица: *«Итоги и перспективы...»* Старенькая, левую ногу волочит, пройденной дорогой гордится, но глядит на учеников своих с укоризной. Лекции неплохо читала, хоть предмет у неё скучноватый. Темноват конец жизни: с дочерью, говорят, собачатся, внук – наркоша.

– Я вижу здесь нашу сибирскую школу, брюшининскую. Здесь собрались три её поколения. Уже и за пределами Сибири известно село Брюшинино: на его материале мы написали восемнадцать докторских диссертаций и шестьдесят четыре кандидатские.

Молодой визгливый выкрик – из литературного закутка:

– Ваш мозговой штурм – в количестве?

– А я как раз об этом и собираюсь говорить. О будущем дорогой для нас науки. Как защитить язык? Эпоха нагрянула громкая, язык заболел. Молодое поколение как будто прилетело на воздушном шаре и веселится на похоронах родного языка. Думают, что есть народ без языка.

Из дальнего угла – голос надтреснутый:

– А где вы народ встречали? Какой народ, такой язык – мухи по размеру котлет.

– Давайте обсудим без подножек. Кто, кроме нас, подумает о судьбах языка? Народ становится безъязыким. Куда ж тогда занесли нас повороты?

Миг безмолвия, и опять шепчутся о своём, женском. Подкинула бабушка страшилку, а никто ухом не повёл.

А нет, ответ уже готов: вон под руки ведут, почти несут на руках, на преданных! Посадили на первый ряд, склонились в трепете, ждут ора-

кульского напутствия. Она даст отпор каждому звуку заклятой подруги, уже полвека их боданью. Лицо багровеет от вдохновенья, кулаки возле щёк ходят друг против друга – клин на клин. И сникла диалектологиня, уходит, горбясь и спотыкаясь. Овации с обеих сторон. Лингвисты: «Вдруг в последний раз она, и мы ещё увидали». Литераторы: «Наша всегда возьмёт, и сейчас будет на улице праздник».

И вот он – горловой клёкот с первого ряда:

– Что мы здесь услышали? Это называется работники вуза?! На теньях прошлого хотят въехать в новую эпоху. Привыкли шаманить на доске почёта, думали: так всегда будет. Кроме местных мнимостей, нет у вас ничего в запасе. И с таким вот капиталом – в двадцать первый век?!

Эта может сбить праздник с копыльев. Масса в ступоре – кто не сробеет перед авторитетом? Переглядываются, плечами пожимают: подожди, пока думают вожди.

Вторая докладчица, по обличью из нарымского урмана. Полголовы из-за трибуны:

– Меня поставили одиннадцатой, но я хочу поддержать Таисью Осиповну. Я согласна с ней, и материал мой соответствует. На наш взгляд, ускоряться некуда. Сколько можно пытаться землю, она ведь живая, потом станет неродящей. Великий классик спрашивал: «В чём ваша вера?» Когда роете, валите, взрываете – в чём? Чтобы зачерпнуть и бежать дальше. Мой сын нашёл хорошие стихи и перевёл на дедовский – самоедский: *«Не давайте землю докалечить»*. Он сам выучил селькупский и переводит Тютчева и Блока.

– А кому это надо?

– И нам, и вам, чтобы все вздрогнули. Как я понимаю фронтир? Не сдвиг границы с дикостью, а восстановление. Древнее наследие, оно на каждом шагу, а его скоро зароят. Есть тангутско-енисейские пересечения в родных моих Чунышах.

– Вот это по теме! Это он, мозговой штурм!

– Объединение наше требует соблюдать права коренных. Это научно и будет справедливо. Привыкли закачивать озёра вместе с рыбой в скважины, а как вернётся рыба? Кому-то достанется жить на такой земле. История всё равно вернётся домой, в природу, и хватит с ней сражаться.

Лирический смешок-шелест прокатился и увял, снова тишина. Миг общего отмежевания: Нарым – это про них, а не про нас. Фронтир аме-
риканцы изобрели, а эти, что они в нём поймут?

Обрамкин к трибуне рванул. Мелко, но быстро перебирает короткими ножками. А в программе нет его пока, на закрытие приберегали. Не сдержал себя, на то мозговой центр – и сразу шквал оваций. Ответ литературного фронта языковому, был благословляющий кивок с первого ряда.

– Вопрос всем на засыпку: кто здесь готов к будущему? Тольтеки с сапотеками путь в науку указывают. Для них, для самоедов, переходное время – не вперёд, а назад. Осевое время нагнулось, а вы ничего не имеете, кроме Тегульдских хроник. Мы вошли в переломный момент истории, а видим самый наглядный отстой. Я каждый раз вздыхаю, приезжая из-за границы. Задача ясна: сделать наш вестник хоть отдалённо похожим на зарубежные записки.

Жаркое рукоплескание – угодил вкусам. Зря, пожалуй, диспут этот затеяли: кое-кто подсказывает уже на грани срыва. Сейчас бы тут суровый мужской голос...

Туда надо, за трибуну! Речь под заголовком «Не всё теперь наше». Наша тема – чалдонская, она же коренная сибирская идея. Но в чём она, чалдонская идентичность? Мы её профукали, не сформулировав. А это наше всё. Тут вопрос из глубины тайги, от согры и распадков. Что чалдону отстаивать? Самого себя. А он раньше на халяву не надеялся и поле не отдавал. Никому наше наследие не нужно, и мы на себя чужими глазами смотреть стали. Полинял чалдон, в себе разуверился. А прежде не сомневались в его надёжности. Почему полинял? Инстинкты за текстами не поспевают, да и тексты чужие. Ничего чалдонского не сберегли и стоим на заброшенном поле. Отбросили все сказанья, а далеко ли налегке уйдём – думать нет охоты.

Но бесполезно же, не проймёшь, хоть бей пестом по темени. Скажут, наклонясь друг к другу: «Пф, бревно бревном этот фольклорист, а туда же». Без нужных терминов – и высовываться не смей: тут парадигма, не взломаешь...

Ага, Никандрович взбился – всё-таки надумал, отпор дать хочет! Уже за трибуной, выгнул спину что твой барс, гладит грудь с былой силой:

– Я спрашиваю, кто пришёл, и говорю себе: поколение предателей. Всё сдали и торжествуют, как победители. Вы только посмотрите – колыбель революции превратили в бандитский Петербург. Соревнование одно теперь у нас: чьи помои гуще. Раньше полагалось восхваление на собраниях, теперь – хула. В аудиторию заходишь: сидят парашютистки заокеанские, гудят,

как осинный рой, не слушают. Они врага во мне видят: я жил в ту эпоху. Вот теперь скажите, кого мы здесь пестуем. По-моему, пятую колонну. Коллективизм – вот что надо восстанавливать, а идеи всегда найдутся. Кишки уже осели от предчувствий, от самых нехороших. Проиграли мы себя, без войны проиграли.

– По-вашему, война нужна была?

– А чем не война – убыль по миллиону в год! Когда лошадь выйдет из пустыни, не давайте воды вволю – сдохнет же. А ей что: не ведрами, давай цистерну. Мужика истолкли в ступе, и покажи теперь свой авторитет детям. Чем это заслужили? Нас потрошат и велют каяться.

Вот молодец, я же так примерно и хотел. Только он в той эпохе был дома, а я нет. Моё-то где время?..

Ага, разбудил, зашевелились:

– Предлагаете железный занавес обратно вывесить?

– Вам каяться надо, а вы обвиняете. В парткоме сидели, а вину на всех валите.

Ищет стакан с водой, а нет его, и рука пляшет.

– Давайте думать о главном: что за поколение растёт. Восстановление генофонда, большего пока не потянем. Давайте вместе, женщины!

– Бросьте смешить, какой вам генофонд?! – пожилая, головой мотает вслед словам. Кто такая? Уже на пенсии, а на диспуты всё ещё ходит. – Где мужики-то для поколения? Надо сперва в себя прийти. Может, пить меньше будут.

– И вообще, кто теперь чему идентичен? Вот вы – чему без партбилета?

Кулаком саданул по трибуне, потрянул её – достала молодая, ширококоротая:

– А вы почему рожать перестали? Что, женщине уже любовь не по чину? О чём тогда спорить?

Зал проглотил язык, прищемил Никандрович хвосты кошачьи. До полночи будут сплетничать по телефонам.

Опять замешательство. А декан, истукан недремлющий, разрядку наводит:

– Объявляю следующий доклад: «Гендерный подход – фундамент новой филологии». Доцент Нетряхина.

Все головы приподнялись: уж эта отчебучит! Откуда пифическая одержимость в теле повышенной упитанности?

– Кирилл Никандрович затронул базовый вопрос, у меня аж селезёнка ёкнула. А не сменить ли мне пол? Теперь это доступно. Гений Фрейда

предсказал прекращение человеческого рода из-за излишка культурности. Напишешь правильно введение, повторишь шаблонные места – вот и научная работа. Все, поголовно все имитаторы. Будем реалистами – подсчитаем будущее.

Вот он, прорыв: наука переходит в пророчество! Она провидела новую эру, она первой вошла в неё. Оттого всегда с гордо поднятой головой – полёт над серостью, вечное крылатое. Любимые её стихи – про степную Астарту. Сама она мчится с ней рядом на степном аргамеке, привозит из похода скальпы слабых мужичков и складывает их у порога. А дома, в семье – собачий ящик. К парням на экзамене беспощадна.

Кто это смачно крикнул? Подвскочил философ, как осой ужаленный. Ишь ты, вроде ослабленный, а юрким оказался, миг – и за трибуной. Не разгорячился бы, не загнул бы. Всем намекает, что прошёл огонь, воду и медные трубы, хоть за колючкой не бывал.

– Что я вижу – безоговорочная победа феминизма! Расчердачьте подсознание – в сухом осадке дамские бирюльки, где главное под вуалью. Почему нет женщин-философов? Женщина закрывается, а мы, философы, ищем наготы-истины. Вот вам диагноз, за ним мой прогноз. Историю настоящую, её вы не знаете, вы её боитесь. Детей же на гуманитарные факультеты не пускаете. По своей супруге сужу. Трупом на порог лягу, мол, но не пушу на исторический. И осиновый кол ей, такой истории! Много наш вузовский город дал правозащитников в эпоху застоя? Одна огурцовщина, всё тот же шовинизм.

– А если народ теряет свой язык, кто ему поможет? – это Таисья Осиповна. Она что, согласна с ним?

– Народ, не знающий уважения, его сомнут, а он и не заметит. Пророчили: вот придёт эпоха словесного поноса. Мигом она промелькнула, пришла эпоха запоров. А что страшней запора?! Бессильная злоба и отчаянье. Думали: пронесёт и рванётся мысль. Где там, обратно по тюрьме завздыхали. Вот явится хан – тогда наш факультет начнёт рожать сплошь мальчиков, а они забьют в барабаны.

– Какие ещё барабаны?

– Не вам со мной спорить, я с такими зубрами общался в предчувствии зоны.

Он же небось мемуары пишет: все прошли перед ним – и трясун-шестидесятники, и адвентисты восьмого дня. А он, активатор русской линьки, всё предвидел...

Взрык, рёв пополам с визгом:

– Хамство какое! Кто привёл этого Хлестакова?

– Ну вот, что я и предполагал. Зря я думал за вас. Больше не приду.

Придёт как миленький, жить не может без подиума.

Подмигнул философ и на дверь кивает:

– Процесс пошёл. Удёрём? Тут уже всё ясно.

А ведь и правда – дальше бабский гвалт разгорится ражим пламенем. Что это за доклады?

Возглас из языкового стана – в огород литераторов:

– Где ваши идейные инновации? Дебилизация студентов, а ещё педагогами себя называют.

– Кто бы голос подымал, а не вы, Маргарита Фёдоровна! С вашими методичками – примитив на примитиве.

– Это вы со своей троглодитской парадигмой, вы... – задыхается.

Да, началось, да, прорвало.

– В деревне вам место со своими диалектными накоплениями! Нашли, о чём вздыхать в такое время.

Это прямая грубость, и диалектизмы не виноваты. На лице философа неподдельная гордость: запустил лавину.

– Ну всё, пошло по колее. Дальнейшее предсказуемо. Пойдём.

– Куда?

– Да хоть в пивную. О, русский запой, ты уж и за бугром! Пошли... – В дверях, оглянувшись, вполголоса: – Жучкина конура на сорок глоток! Здесь бесполое осы, вот-вот трутней своих зажалят. Трутни тут самые вялые.

Зашумел большой идейный рынок, до вечера хватит. И то сказать, проста была жизнь цитатная, и вот нет годных цитат, все расхvatаны. А реальности – не надо этой и той не надо. Пойти хоть пива глотнуть, глядишь, и припожалует веритас.

Степень в коридоре уже в бок толкает как давнего приятеля:

– Почему в любовной лирике бабы не шарают? Объект не может быть одновременно и субъектом...

– Ну кампанья, ну достоевщина! Истерички сознание выправляют методичками.

– Зато говори теперь, сколько горло сдюжит.

– А результат? Нуль. Тупик это, никакой не промежуток. А чего ждать от стада, если оно семьдесят лет славил своё истребление? А пи-

сатели ваши мечтают обратно вернуться. Тогда уж идите в пещеры.

– В пещерах – там людоедство. И почему одни мы туда? А остальные?

– Пещерный период – строгий отбор. Троглодиты слабых съедали, а теперь – мыслящих. У вас же лучшие обречены, у кого мысль в глазах. Завздыхали по лагерям, по собачьему лаю! Приливы массового мазохизма, вот-вот скопцы выйдут из катакомб.

Стой-ка, стой – не демон ли опять? Не совсем ведь человек: бес копытный. Ишь как дёргает его, как колдобит. Может, перекреститься?

– Потрясно, но я это уже слышал. Мы – наследные людоеды?

– Так я и спрашиваю, где ваша литература? Пожрали гордость нации. *«Скоморохи ваши злы, а в вождях у вас козлы»* – это здешний поэт сказал, приятель мой.

– У вашего поэта от души, видать, культя осталась, а у нас – Бог миловал.

– Не смешно. Что, кроме навоза, в вашем наследии? Гнойник смердит похуже свиного гриппа.

О-о, одержим бесом. Как оно правильно-то?.. Избави, Господи, от врагов видимых же и невидимых. Отойди, плюнь и не оборачивайся.

– Даже та-ак вот?! Тогда счастливо оставаться. Видал я разных, но такое...

– Ну и топчитесь от трущобы до зоны, одна вам дорога.

Зашагал прочь, как на ходулях. Ветер в зад бесу! А он копыто прячет. Это хорошо, что не вышло с пивком. Напился бы – и закивал чалдонской башкой направо и налево, туда и обратно. Блажной муж не пойдёт за нечестивцем. Чёрт ведь знает, откуда эта тёмная душа. Вдруг подселенец? Вот вам идентичность тогда.

Любовь ШАЛАБАЕВА

ГАРМОНИЯ

Рассказ

Весь май и всё лето Женька Крылова спала на застеклённом балконе, куда с трудом помещалась её маленькая раскладушка. Душными летними вечерами на балконе царила прохлада, и самое главное – здесь был отчётливо слышен ритмичный стук колёс железнодорожных составов, проходящих в нескольких километрах от дома. Больше всего на свете Женька любила сидеть у распахнутого окна и мечтать о путешествиях. Ей представлялось, что поезд притормаживает и она, никем не видимая, на ходу заскакивает в последний вагон, чтобы укатить в неизведанные дали. Хотелось просто ехать и смотреть на убегающие рельсы, мелькающие домики, голубое небо. Стук колёс затихал, и девочка вглядывалась в горизонт, пытаясь увидеть хвост уходящего поезда, что, впрочем, ей никогда не удавалось. Вот и сейчас, открыв на балконе окно, Женька в очередной раз грезила о дальних странствиях.

– Жень, подмети пол в комнате! – мамин голос из кухни мгновенно вернул школьницу в суровую реальность.

– Мам, ну я же английский учу, вечером подмету! – раздражённо крикнула в ответ девочка.

Тут же схватила пухлую клетчатую тетрадь с темами для зачёта и привычно забубнила:

69

– My name is Evgeniya. I have mother, father and two sisters – Anzhela and Yulia.

Восьмиклассницухватило ровно на одно предложение, после чего она опять выглянула в окно, чтобы в который раз убедиться, насколько хорошо на улице. Тёплое майское солнце с неимоверной скоростью высушивало асфальт от вчерашних луж, малышня с заразительным хохотом скатывалась с грязных горок, в воздухе носились запахи едва распустившейся листвы. Кто только придумал эти глупые контрольные перед летними каникулами? Сейчас бы на свободу... Женя перевела взгляд на маленький будильник – без десяти два! Через полчаса в условленном месте её будет ждать Анька Соломкина – одноклассница и по совместительству лучшая подруга. Девчонки собирались устроить небольшой майский пикник по случаю прихода долгожданного тепла.

Женька стремительно бросилась на кухню. Быстро, пока мать отошла в другую комнату, вытащила из холодильника два яблока, варёные яйца и пару сладких батончиков. Загрузив старенький шуршащий пакет, девочка рванула к входной двери.

– Мам, я с Анькой погуляю, ладно? Мы договаривались!

ШАЛАБАЕВА Любовь Отчество начала писать стихи ещё в школьном возрасте. Однако в студенческие годы посвятила себя любимой журналистике и на литературное творчество времени не осталось. Два года назад начала писать снова. За это время рассказ «Гармония» стал финалистом конкурса «Русская тройка – 2018» (электронный ресурс «Самиздат»), также в число финалистов вошёл рассказ «Больше всех на свете» (конкурс «Последний шанс» на «Самиздате»). В мае 2019 года стихотворение «Остаться» стало вторым на ежемесячном петербургском поэтическом конкурсе «Poetfest», в июне 2019-го стихотворение «Сцена» стало третьим на этом же конкурсе. Также её стихи вошли в шорт-лист конкурса «Новые писатели – 2019», в результате пять стихотворений опубликовано в литературном сборнике «Песня» (лит. агентство «Новые писатели», издательство Dixi press).

— А к академическому концерту когда готовиться будешь? — донеслось из самой дальней комнаты.

— Я успею, мы ненадолго, ты посмотри, какая погода стоит, вдруг завтра испортится? — и Женька побежала по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки.

Условленное место находилось в полукилометре от Женькиного дома: на жёлтом одуванчиковом поле, отделявшем маленький городок от железнодорожной станции. Ориентиром для привала стали редкие кустики, рядом с которыми черноволосая и кареглазая Анька уже растелила большое цветастое покрывало и выгружала на него содержимое пухлого рюкзака.

Увидев запыхавшуюся подругу, Анька решила немного поворчать:

— Где тебя носит? Я тут уже полчаса жду!

— Ань, прости, но мама чуть заниматься не заставила, академконцерт же скоро!

— О, мои дома тоже лютуют, не вздохнёшь толком с этой музыкалкой, — понимающие кивнула Анька. — Скорей бы уже каникулы, что ли!

Набив вкусностями животы, подруги улеглись на покрывало и стали следить за медленно плывущими облаками, которые представлялись им слонами, жирафами и даже величавыми кораблями.

— Слушай, Ань, а я ведь в десятый класс не пойду, — грустно сказала Женька, разглядывая крохотное облако, напоминающее кошачью голову. — Похоже, через год придётся поступать в музыкальное училище. И как я там без тебя буду?

— Ты это серьёзно? — Анька от удивления уселась по-турецки. — Обязательно нужно идти в училище? Хочешь стать великой пианисткой?

— Да нет, — отмахнулась Женька. — Просто Игорь Борисович, который ведёт специальность, говорит, что у меня способности. И потом, столько лет учиться, платить за эту музыкалку, получается, что вроде как жалко бросать.

— Смотри сама, — Анька опять улеглась на спину. — Я вот точно музыкантом быть не хочу. Поступлю в академию медицинскую в Барнауле, а там видно будет. Здесь в любом случае не останусь.

— У нас, конечно, делать нечего, — согласилась Женька. — Город маленький, провинциальный. О какой карьере можно мечтать? Я тоже за красивую и счастливую жизнь в миллионнике. Вот только... не потеряемся мы, когда разъедемся?

Анька перевернулась на живот и весело засмеялась:

— Не бойся, не потеряемся! Это я тебе точно обещаю!

Май, 2004

Роза Ефремовна уже минут пять ходила по кабинету из угла в угол и сокрушённо качала головой. Женька сидела за фортепиано — бледная, поная, но вместе с тем решительная и серьёзная.

— Я всё-таки не понимаю, — заговорила Роза Ефремовна, — четыре года в училище, красный диплом практически уже получен, блестящие перспективы в консерватории, и ты так просто от всего отказываешься?

— Роза Ефремовна, — устало начала Женька, — вы же прекрасно знаете, что я не стану выдающейся пианисткой. Просто ещё одна усердная труженица, нас в консерватории таких будет десятки на курсе. Вот представьте, поступлю туда, отучусь, выпущусь вместе со всеми, и что потом? Работать всю жизнь преподавателем в музыкальной школе? Это, конечно, интересно, но совсем не для меня.

Женя вздохнула и покосилась на хмурое лицо учительницы.

— Вы же сами говорите, что во всём должна быть гармония: и в музыке, и в жизни. А во мне нет никакой гармонии. Я вообще хочу уехать из Новосибирска, мне здесь очень некомфортно.

Роза Ефремовна стояла у окна и молча наблюдала, как весенний ветер шевелит листья молодых берёзок, высаженных у училища прошлой весной. До выпускных экзаменов всего месяц, передумает Женя за это время или правда уйдёт из музыки? С одной стороны, не хотелось настойчиво убеждать ученицу поступать в консерваторию. В конце концов, каждый сам выбирает свой жизненный путь. С другой стороны, было в игре этой хрупкой белокурой девушки нечто такое, что завораживало с первой ноты даже самого неискушенного слушателя. Конечно, где-то не хватало техники, силы и крепости рук, но душевность, лёгкость исполнения и настоящая музыкальность с лихвой всё компенсировали. Под тонкими Жениными пальцами трепетно и мелодично звучали ноктюрны Шопена, яростно и чуть надрывно — рапсодии Брамса, вдумчиво и сконцентрированно — прелюдии и фуги Баха. Во всём этом была гармония, которой, как оказалось, почему-то нет в Жениной душе.

Май 2010 года

Холодный весенний ветер немилосердно трепал коричневый Женин плащ, а внезапно налетевший ливень заставлял задуматься о покупке нового зонта. Пряча лицо в капюшон и перепрыгивая через лужи, Крылова гигантскими

скачками неслась на работу. Женин начальник, главный редактор питерского новостного интернет-портала, вызвал её на важный разговор и за просто мог разгневаться из-за опоздания.

Спеша в редакцию, Женька размышляла: какое у главного может быть к ней дело в седьмом часу вечера, да ещё и в пятницу, когда все сотрудники уже разбредаются по домам в радостном предвкушении предстоящих выходных? Наверное, хочет дать очередное задание на весь уикенд. Ну что ж, сама виновата – создала себе репутацию безотказного работника. Именно Женьку могли на все выходные сослать на внезапную пресс-конференцию или озадачить срочной командировкой. Сказать «нет» обаятельному Арсению, возглавлявшему новостной ресурс, было просто невозможно. Именно поэтому, приближаясь к месту работы, Крылова в уме зачеркнула все свои планы на выходные и поставила жирный крест на встрече с однокурсницей.

В редакционном коридоре царил полумрак, видимо, сотрудники и впрямь уже разошлись по домам. Проходя мимо стойки секретаря, Женька остановилась у большого панорамного окна. Вечерний Санкт-Петербург, как всегда, был прекрасен, несмотря на самую гадкую погоду. Горожане зажигали свет в своих квартирах, и в сумерках мигающие жёлтые окошки делали Северную столицу немного таинственной. Везде кипела жизнь, сума-тоха большого города проникала в самое сердце, и от этого на душе становилось хорошо и уютно.

– Евгения! – в самом конце коридора темнела фигура Арсения. – Куда ты там устави-
лась?

Оторванная от своих мыслей, Женька поспешила в кабинет главного и без всяческих церемоний плюхнулась на широкий кожаный диван.

– Как тебе погодка? Чудесная, не правда ли? – радостно поинтересовался Арсений. – Привыкай, это не Сибирь! Чай будешь?

– Зелёный с жасмином и без сахара, – кивнула Женька.

Почти семь лет она уже жила в Питере, но главный почему-то частенько напоминал о том, что «понаехавшим» никогда не привыкнуть к особенностям местного климата. Впрочем, говорил он это беззлобно, поэтому Женька не обижалась.

– Арсений, ты хочешь отправить меня на задание в эти выходные? – с ходу спросила Женька, грея холодные ладони тёплой чашкой зелёного чая. – Знаешь, вообще-то я планировала с однокурсницей встретиться в воскресенье, сто лет уже не виделись.

– С чего ты взяла? – удивился главный редактор. Себе он налил кофе, и его горьковатый запах заполнил комнату. Женька поморщилась – она терпеть не могла кофе. – За выходные не переживай, – успокоил Арсений. – Тут кое-что другое. У нас ведь в следующем месяце Оксана Григоренко уходит в декретный отпуск, и на её место я рассчитывал взять тебя.

У Женьки перехватило дыхание. Оксана Григоренко последние несколько лет был заместителем Арсения, практически его правой рукой. Должность давала большие возможности и приличную прибавку к зарплате.

– Ты согласна?

Ошалевшая от свалившегося на её голову счастья, Крылова по-дурацки улыбалась и в ответ смогла только кивнуть.

– Так я и думал, – произнёс довольный Арсений и включил компьютер. – Бери блокнот, садись рядом, будем вместе составлять план работы редакции на ближайшие месяцы.

* * *

Поднимаясь на свой этаж, Женька твёрдо решила, что новое назначение отметит вместе с гражданским мужем Артуром в любимом итальянском ресторанчике. Заведение было дорогим и пафосным, но ведь и повод серьёзный! Сегодня Евгения Крылова, как никогда, гордилась собой. Она шаг за шагом меняла свою жизнь: переезд в Санкт-Петербург, успешная учёба в университете, перспективная работа – всё складывалось довольно удачно. И грядущее повышение казалось едва ли не главным событием в её чудесной питерской жизни.

Открыв дверь своего маленького съёмного жилища, Женька услышала шум льющейся воды и громкую навязчивую песню, покорившую на прошлой неделе хит-парады всех радиостанций. Всё ясно – Артур оккупировал ванну, а если с музыкой, значит, надолго. Хотя странно, что он сейчас не на эфире. Наверное, поменялся с кем-то, а может, просто почувствовал, что у Женьки сегодня сногшибательная новость.

Артур Пылев проучился вместе с Крыловой в университете два года. Будучи прогульщиком и балагуром, он благополучно завалил очередную сессию и, махнув рукой на эту «гиблую и никому не нужную учебу», отправился покорять местные радиостанции. Радиостанции покорялись на удивление легко – Пылева охотно брали ведущим эфира практически везде.

Как шумный и развесёлый Артур умудрился прожить со степенной и ответственной Женькой

последние пять лет, было непонятно практически всем окружающим. Аня считала его легкомысленным и не раз заявляла что, наверное, скорее дожждётся падения метеорита, чем Женюкиной свадьбы.

Уставшая и вымотанная без пяти минут заместитель главного редактора отдыхала в мягком кресле, из последних сил сопротивляясь надвигающемуся сну. Женя лишь на секунду открыла глаза, чтобы положить связку ключей на журнальный стол, как взгляд зацепился за бледно-голубой прямоугольник, придавленный чёрным блокнотом Артура. Бумажка оказалась обычным авиабилетом в один конец: дата вылета – завтра, маршрут – Санкт-Петербург – Прага, пассажир – Артур Пылев. В этот момент телефон Артура, мирно лежавший на столе, завибрировал, возвестив об смс-сообщении. Скосив глаза, Женюка прочитала начало послания: «Не проспай завтра! Встречаемся в аэропорту в 10:00. И прихвати с собой...».

Что советовала взять некая Настена, Женюка выяснять не стала. Её мир, такой цельный и гармоничный, разрушился всего за несколько секунд. Он растекался по ярко-оранжевым стенам, терял очертания и превращался в безобразную лужу. Женюка накинула плащ и сбежала вниз по лестнице. Нужно отдышаться. Пройтись и спокойно все обдумать. И самое главное – не разреваться! На улице встретил холодный весенний ветер. Он швырял в лицо девушки капли дождя, тщательно перемешивая их с выступившими слезами и растекшейся тушью. Питерские новостройки весело перемигивались желтыми окошками – жизнь в большом городе продолжала бурлить, беспечно подминая под себя чужое горе и отчаяние.

Октябрь 2013 года

Зима в этом году пришла на редкость рано. Осеннее межсезонье с серой слякотью и чёрными лужами длилось всего несколько дней. Не успели горожане посетовать, дескать, когда же всё это безобразие закончится, как белые хлопья снега надёжно укрыли холодную землю. Обмотавшись тёплым вязаным шарфом, Женюка шагала к ярко-оранжевой вывеске, за которой скрывалось любимое кафе. Здесь подавали замечательный зелёный чай с жасмином и шоколадные маффины. Конечно, не такие вкусные, как в питерской кофейне рядом с бывшей работой, но в областной столице самого угольного региона страны тоже делали неплохие десерты. Расположившись за

дальним столиком и сделав заказ, Женюка включила на телефоне скайп и немедленно набрала Аньку. Лучшая подруга уже два года проживала в Калифорнии вместе с мужем и двумя сыновьями. Теперь всё общение сводилось к нечастым, но всегда тёплым и долгожданным звонкам.

– Хеллоу, Аня! – улыбнулась Женюка, когда на экране появилась заспанная физиономия подруги. – У вас там раннее утро, да?

– А ты как думала? – недовольно пробурчала Аня. – Надо было ещё раньше позвонить, когда я последний сон досматривала, – и она заразительно зевнула. – Рассказывай давай, как там у тебя дела, что новенького?

– Да вроде всё по-прежнему, пару недель назад ездила к родителям, благо, до них теперь всего пять часов на автобусе...

– Новости все ещё читаешь на этом своём радио? – перебила Аня

– Читаю, – виновато развела руками Крылова.

– Ты же обещала, что уволишься и найдёшь что-то другое! Сколько можно сидеть в этом болоте? Тебе там не скучно? Сама же жаловалась!

– Бывает скучновато, – согласилась Женюка и откусила большой кусок маффина. – Но с другой стороны, это стабильность. У меня после Питера внутри как-то всё угасло, что ли. Не хочется больше ничего. Как будто внутренний двигатель сгорел. – Женюка на секунду задумалась. – Я теперь даже не знаю, в каком направлении двигаться. Похоже, это история с Артурчиком добила меня окончательно.

– Да ладно тебе! – махнула рукой Аня. – Подумаешь, не сложилось с каким-то глупым мажором, что с того? Кстати, ты с кем-нибудь сейчас встречаешься?

– Вообще есть один приятный мужчина на горизонте, – заулыбалась Женюка. – Зовут Егором, ровесник, работает в фирме по установке твердотопливных котлов. По всей области мотается к заказчикам, говорит, хочет открыть своё дело.

– Ну и чего?

– Да ничего определённого пока, мы встречаемся всего три месяца. В кино ходили, в парке гуляли, на катере катались, в общем, всё довольно стандартно. Пока внутри не щелкнуло, не зажглось ничего, подожду ещё немного, а там видно будет.

– Что там должно у тебя зажечься? – Аня страдальчески закатила глаза. – Если хороший мужик, с головой, с руками, если любит – хватай и беги, а то заберут. И ещё передай своему Его-

ру, если будет тебя обижать, приеду и голову оторву!

Женька расхохоталась.

— Ань, а может, ты ему это сама передашь? Мы же с ним тут встречаемся, вон он, подъехал уже, сейчас зайдёт!

— Ой нет, — замахала руками подруга. — Вот прилетим к вам в гости, тогда и познакомимся! А пока не скучай и не вздумай больше пропадать!

Дверь кофейни открылась, и на пороге появился Егор: высокий, черноволосый, с пронзительными голубыми глазами. В руках он держал огромный букет ослепительно белых нежнейших лилий — любимых Женькиных цветов.

Май 2017 года

В эти майские праздники было по-летнему жарко. Женька расстегнула ветровку и с удовольствием вдохнула весенний воздух. Пахло свежей травой и только что распустившейся сиренью. Из-за соседского забора доносилось деловитое кудаханье и оглушительный собачий лай.

Огромный грузовой пятитонник неторопливо заезжал во двор, стараясь максимально приблизиться к дому. К их с Егором дому, который уже две недели как простаивал в ожидании новых хозяев.

— Ма-ма-а-а-а! Это такая фура к нам приехала или грузовик? — двухлетний Саша вприпрыжку бежал к Женьке.

— Это грузовая машина, — глядя в пронзительные голубые глаза белокурого сына, ответила Женька. — Она привезла наши вещи, все твои книжки и игрушки!

— Мы теперь будем жить в этом домике?

— Будем, — подтвердила Женька. — Здесь тихо, спокойно, тебе точно понравится! Пойдём посмотрим огород?

— Пойдём!

На участке зацвела слива, а в нескольких метрах от неё к солнцу тянулась невысокая сосна. Рядом с домом раскинулась ветвистая ирга, покрытая белыми цветочками. Обходя свои новые владения, Женька решила, что нужно непременно убрать всю жимолость, разросшуюся вдоль забора, а на её месте посадить вишневые деревья.

Пронзительная трель мобильного телефона прервала мирные размышления.

— Женя, привет! Как вы там, уже переехали?

— Анька? — изумилась Женька. — Ты откуда звонишь? Из Америки?

— Нет конечно, мы уже в Москве! — радостно завопила подруга. — Рейс через четыре часа, вот

летим в родные края на целый месяц, так что через пару дней увидимся. Вы же теперь живёте недалеко от родителей?

— Вот это сюрприз, — засмеялась Женька. — А мы и правда всего в тридцати километрах от родителей, мама не нарадуется! Ань, тебе обязательно надо будет посмотреть наш дом, это настолько моё место, что я даже поверить не могу.

— Конечно покажешь, мы к тебе нагрянем всей оравой, ещё и думать будешь, как нас выгнать поскорей, — расхохоталась Анька.

— А Егор всё-таки открыл свою фирму по продаже котлов отопления в соседнем городе, я у него ответственная за рекламу и наполнение сайта компании, — похвасталась Женька.

— Я в тебе и не сомневалась никогда, молодец, что завязала с этим своим радио! Слушай, у нас тут регистрация на рейс начинается, я отключаюсь, скоро увидимся!

— Конечно. Как хорошо, что мы всё-таки не потерялись, — прошептала Женька и положила телефон в карман.

На душе было легко и спокойно. Она смотрела на раскинувшиеся за деревней лесные массивы, слушала, как весело щебечут весенние птички, как залиристо хохочет маленький Саша, и думала, что теперь уж точно всё будет хорошо. Скоро лето, а значит, много солнца, весёлых походов на речку и завтраков на свежем воздухе. И ещё теперь можно хоть каждую неделю ездить к маме, пить ароматный чай с мятой, угощаться свежеспечёнными булочками с маком. Ах да, ведь Анька со всем своим семейством будет рядом целый месяц! Когда они последний раз делились не через экран компьютера? Лет шесть назад?

Где-то неподалёку раздался знакомый гудок, а по рельсам застучали железнодорожные составы. Женька улыбнулась и вспомнила своё несбывшееся детское желание — забраться в товарный вагон и уехать в неизведанные дали.

— Мама, это паровозики так грохочут? — спросил подбежавший Саша. — Такие же, как на моей железной дороге?

— Да, Саша, это самые настоящие вагоны — товарные и пассажирские. А хочешь, я расскажу тебе сказку про поезд, который увёз одного мальчика далеко-далеко?

Женька посадила сына на колени, обняла и поцеловала в белокурую макушку, пахнущую самой счастливой на свете порой, — беззаботным и искромётным детством.

**Александр
РАЕВСКИЙ**

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Хорошо-то как на белом свете!
Синий плеск, зелёная прохлада...
Свежая рубашка, стол да свечка –
Больше ничего-то и не надо.
Эх, какой денёк сегодня выпал!
Всё с утра на радость заводило,
Сердце пело, шелестела липа,
В полдень муза в гости заходила.
Пел петух – аж, бедный, надрывался! –
Пел мой чистый домик деревенский,
Юный ветер в форточки врывался,
И, как птиц, ловил я занавески!..
...Я бродил по воле; травы гнулись...
А потом случайно у ограды
Встретилась, лукаво подмигнула
Женщина, любимая когда-то.
Проплыла... Представилось реально,
Где живёт степная эта Ева:
Прямоком по улице Центральной,
Клуб – направо, а она – налево.
Предложила вспомнить наши встречи?
Да легко. Какие наши годы!
...Вот сижу на лавочке под вечер
И не жду чудеснее погоды.
Вот сижу, блаженный, и мечтаю,
Что и к ночи всё, как в сказке, будет:
В двор слетит жар-птица золотая
И затмит сияньем прозу будней.

Покормлю с ладони ту цесарку –
Вдруг снесёт яичко золотое,
После – прямоком к воротам Царским!..
Но свернуть налево всё же стоит.

ВО РЖИ

...В ней двое. Он и она. Странное освещение –
Это светит луна. Красная от смущения...

77

Слышится: «Любишь?» – «Да». Стон, поцелуи
жгучие...
Скрыться бы со стыда... Но нет подходящей
тучи.

...И вдруг заиграла луна... Не надо ночной
вуали!
Бесстрастна всегда, холодна. Но эти –
разволновали...

Земной возбудил непокой; истома волной
плеснулась –
В ней, одинокой такой, женщина вдруг
проснулась:

Кругла и мила лицом; прелестна и трепетна
телом...
С молодцем из Близнецов ей тоже в ту рожь
хотелось.

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич родился в 1951 году в селе Алабуга Каргитского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Автор нескольких книг стихов: «Полуденный костёр», «Пьяные цветы» и других. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

* * *

Эх, судьба-дорога! –
Сивку укатает...
Впечатлений много.
Денег не хватает.

Да, уже неюный,
Вёсны пролетают...
Тьма ночей подлунных.
Девочек не хватает.

...Поле, паутинка,
Синь, стрижи витают...
Нет, не та картинка.
Детства не хватает.

На родном пороге
Снег лежит, не тает...
Слов на ветер много,
Дела не хватает.

Слепо жить, работать –
Ну как пролетарий? –
Нет уж! Мне чего-то
Свыше не хватает...

* * *

Ночь фиалками дышала,
Мышь мелькала над трубой;
Перемигивались звёзды
И шептались меж собой,
Восхищаясь многоликой
Вездесущей луной –
В небе шла. Сидела в лужах.
Лезла в каждое окно.
Но особенно старалась
В дом заветный заглянуть,
Чтобы пылким новобрачным
До утра не дать заснуть.

К ДЕРЕВНЕ

Встаёшь и спозаранок шарить спички...
Деревня, ну опять ты, ё-моё,
Укуталась в ненастье, как чумичка,
В осенне-беспросветное хламьё...

Да хватит облачаться по старинке,
И печь топить особой нет нужды.
Ну что ты по привычке моешь крынки,
Кому они, щербатые, нужны?

Никто не навестит, не приголубит
Забытую в забытом том краю,
Лишь дети городские как бы любят
За пенсию несчастную твою.

В глуши ты и сама почти глухая,
Теряешь ум, по-старчески чудишь,
Уж у окна печально не вздыхаешь,
Лишь в никуда невидяще глядишь...

Деревня! Погоди ещё немножко!
Принарядись. Нам нечего терять.
Накроем стол. Я сдую пыль с гармошки –
И с песней!.. Помирать, так помирать.

ПЕНЬ

Как кроной он шумел!.. Теперь замшелый.
Кому нужны такие трухляки?
Но вот в апреле вдруг похорошел он
И выстрелил зелёные ростки!

Семейка дружно брызнула из корня
И потянулась к радостному дню,
Явилась миру дерзко, непокорно!..
Что оставалось патриарху пню?

75

Не каждому назначено судьбою
В конце такое счастье испытать:
Крошиться в прах и жертвенно собою
Потомство шаловливое питать...

* * *

О! Сколько было б охов, ахов,
Народ простой как был бы рад,
Когда бы яхты олигархов
Поставить в строй, как на парад.

Как на парад, а не для боя,
Собрать на рейде наших вод, –
Вот был бы вид! Они собою
Затмили б весь российский флот!..

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Осенний свет к земле прильнёт,
Печаль высокою прольёт...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечёсанный вздохнёт,
Рябина алым полыхнёт,
Как шалью смуглая цыганка.

*Денёк погодой одарил
И поздним солнцем озарил,
Сменил унылые картины;
В кусту, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины...*

*...Бредёшь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года,
Иль в никуда и навсегда –
Прожив своё и не заметив?..*

*Луч низом медленно скользит,
Травинку острую пронзит,
До самой тоненькой прожилки;
Жук золотой по ней ползёт,
Ползёт, родной, своей стезёй,
Упорно так – как я по жизни...*

НАДНЕБЕСНАЯ ГОРА

*Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной – бело-голубой;
У подножья спали ветры вьюжные;
И – кольцом средину охватив –
Серебрились облака жемчужные, –
Хоть разуйся и по ним ходи.
В странном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,
Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.
Мимо бед земных к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал – они меня не слышали,
Так и не узнав издалека...*

Анатолий ШАЛИН

ПУСТЯКОВИНКИ

Нет ничего, что нельзя было бы усовершенствовать.

А с другой стороны, любой объект, «улучшая и совершенствуя», можно угробить окончательно. (К вопросу о реформаторстве.)

Василиса Премудрая и Иванушка-дурачок – идеальная супружеская пара. Гм! А потом возникает проблема отцов и детей.

С близкими всегда так – чем ближе они к тебе, тем меньше ты их знаешь. Каждый привыкает к своей роли и роли другого, а суть человека остаётся где-то глубоко спрятана. При встречах предпочитаем говорить о пустяках, избегая серьёзных тем. Это удобно, ничто так не портит отношения, как совместные поиски истин.

У каждого времени свой привкус глупости.

В комнате было так холодно, что к зеркалу примёрзло отражение...

(Начало отопительного сезона в г. Н-ске в 80-е годы XX столетия.)

– А что Колобок?

– Разумеется, съели.

К вопросу о тонкостях русского языка:

Всё не так просто...

Просто всё не так!

Так не просто всё...

Не просто всё так...

У каждой прославленной сволочи, нагадившей в истории нашей планеты, биографы обязательно отыщут какие-нибудь добродетели и достоинства, дабы убедить и себя, и публику, что и этим великим мерзавцам ничто человеческое не было чуждо и их вполне можно канонизировать и сделать объектами поклонения, что, впрочем, обычно и происходит.

Убогость формы удачно дополнялась банальностью и глупостью содержания...

Счастливцев автор, он-то уверен в своей гениальности, и убедить его в бездарности сотворённого им нет никакой возможности.

(Из записной книжки редактора.)

ШАЛИН Анатолий Борисович – писатель-прозаик, фантаст, сказочник, эссеист. Родился в 1952 году в Новосибирске. Окончил факультет естественных наук (химия) Новосибирского университета в 1975 году. Один из основателей ВТО. Участник семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, июнь 1987). Работал в НИИ неорганической химии Сибирского отделения АН СССР, редактором Западно-Сибирского, потом Новосибирского книжного издательства. Публиковался в периодике, различных сборниках и персональных изданиях. С 2000 года – председатель правления Новосибирской писательской организации Союза писателей России, продолжает писать книги. Живёт в Новосибирске.

Объявление: «Вставляем зубы мудрости из материала заказчика».

В стране дураков
только идиоту
легко сделать карьеру.

А вот в стране идиотов
на это способен лишь умный.

Борьба за существование всё обостряется. В итоге обострение дошло до того, что кое-кому, похоже, существовать уже расхотелось.

– Историю делают люди!
– Об этом легко догадаться по её качеству.

Количество дурости на душу населения планеты неограниченно.
(Следствие из предыдущего)

Многие стремятся к счастью, но почему-то не ищут иного пути к своей цели, кроме самого примитивного – через несчастья и беды других.

Если каждому своё,
почему многие так падки на чужое?

О чувстве справедливости:
– Тебе половина! И мне половина! Но мне половина побольше!

Наблюдая некоторые выверты современной моды, как-то остро начинаешь чувствовать правоту теории Дарвина – всё ж таки мы произошли от обезьян.

Э!.. Нет! Если вдуматься глубже, приходишь к заключению: старина Дарвин ошибался, это обезьяны произошли от нас.

Плавный переход от идиотизма
к гениальности –
и обратно...
Кажется, это и называется
жизнь.

Время было застойное,
Но...
не самое недостойное.

Сундук с гениальными мыслями. Так долго пылился где-то в дальнем углу чердака, что все мысли давно протухли, а сам сундук превратился в ящик Пандоры.

Цунами, тайфуны, наводнения, извержения вулканов, эпидемии, засухи, авиакатастрофы, выборы президентов, войны, теракты, футбольные чемпионаты – ТВ можно не включать, ничего нового, ничего существенного в мире не происходит...

Жизнь быстротечна,
а вот глупость вечна.

Уравнение иррациональной
жизнейской математики:

Глупость каждого
равна глупости всех.

Когда все вокруг довольны,
довольствие
не доставляет удовольствия.

И они жили долго и счастливо, а потом выяснилось, что это им приснилось.

СКАЗКА О ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВЕ

Интервью даёт мумия фараона.

– Как вам удалось так хорошо и долго сохраниться?

– Только положительные эмоции. От мозгов меня избавили ещё три тысячи лет назад. Поэтому ни о чём не думаю. Постоянный настрой на долголетие. Благоприятный эмоциональный климат. Общение только с мумиями своего круга...

Должностью и званием
глупость не прикрыть.

Людоед за трапезой:
– Ничто человеческое мне не чуждо...

Дорогие друзья! Издатели и читатели!

Честное слово, не хочется начинать с юбилейных банальностей: поздравляем, желаем, ну и далее, в зависимости от времени, отведённого на поздравительную речь.

Сегодня хочется сказать немного об ином. Мы живём в чудное время, какого, пожалуй, давно-давно не было. Особенность этого времени заключается в том, что происходит дичайшая централизация литературного процесса, который буквально втиснут в пределы Садового кольца. Все главные события, усиленно освещаемые СМИ, — там, раскрученные авторы, гениальные, как нам внушают те же самые СМИ, — там, премии — там, а самое главное — десятка полтора-два издательств — тоже там, в столицах. И в такой ситуации авторы, живущие в провинции, вздыхают, как чеховские героини: «В Москву! В Москву! В Москву!».

Эта картина, нарисованная современным рынком, который всё отрегулировал, должна убедить читающую (всё ещё читающую!) Россию в том, что нет достойных авторов, которые оказались по воле судьбы за пределами Садового кольца. Нет и не может быть.

Есть!

Утверждаю это с полным основанием и уверенностью, что именно из российской провинции придут в ближайшем будущем писатели, которые явят нам истинную картину «прекрасного и яростного мира». На чём основывается эта уверенность? На вере, что талантливость глубинной России никогда не иссякнет. А если иссякнет, то это произойдёт уже в другой стране, не в России.

Именно поэтому литературно-художественные журналы, ещё оставшиеся на российских просторах, живущие сегодня трудно, порою мучительно, приобретают особое значение, особую роль, как охранители русского Слова и русской надежды.

«Огни Кузбасса» занимают в этом славном ряду своё достойное место. И за это стоит низко поклониться тем, кто сохраняет журнал, оберегает его традиции и продолжает трудиться, несмотря на все сложности нынешнего дня.

И последнее. Если угодно, своего рода призыв: цените и берегите, уважайте своё, родное, что находится всегда рядом. Родное никогда не предаст и не убежит с поля боя.

Многая лета «Огням Кузбасса» и его читателям!

Главный редактор журнала
«Сибирские огни» Михаил ЩУКИН

Геннадий ГУЛЕВИЧ

Студёной нынче выдалась зима,
У печки вечера я коротаю.
И, чтобы не убавилось ума,
Журнал «Огни Кузбасса» я читаю.
Сажусь к духовке, где теплей всего,
И нипочём февральская мне стужа.
Люблю журнал, скучаю без него,
Он мне за годы стал как воздух нужен.
Живу я не в столице, а в глуши,
Во многом в связи с этим ограничен.
И стал журнал потребностью души,
К тому ж он внешне очень симпатичен.
Люблю его за глаз голубизну
И за язык люблю исконно русский.
Я погружаюсь в эту глубину
И расширяю кругозор свой узкий.
С журналом я знаком немало лет.
В поэзию влюблён, читаю много.
Журнал «Огни Кузбасса» — это свет,
В мир доброты ведущая дорога.
Живи, журнал, позиций не сдавай.
Вселяй в сердца людские в счастье веру.
И дай вам Бог, Бурмистров и Донбай,
Здоровья и энергии без меры!

Сергей ПРОКОПЬЕВ

В ОДЕССУ К БАТЮШКЕ ИОНЕ

БЕДА

Первый рассказ раба Божия Иоанна

Папа мой из уральских казаков. Недавно прочитал, казаки-уральцы в большинстве своём придерживались старой веры. Гнула их власть, притесняла два века, а поди ж ты – грянула революция и не поддались на приманку коммунистов о создании рая на земле. Из всех казачьих войск уральцы самыми преданными оказались царю-батюшке и Отечеству. Не пошли в красные под лозунгами «Власть советам!» и «Грабь награбленное!».

Родителей отца, моих бабушку с дедушкой, в лихие годы выслали с Урала. Сначала в Северном Казахстане жили, потом перебрались в Курган. Старой веры не держались, были православными. Отец носил фамилию Дьяков, не исключено, кто-то из предков был церковнослужителем.

Отец верил в Бога. Врезалась в память картина – мы с ним в храме. Одно из первых воспоминаний детства. Мне года четыре, вторая половина пятидесятых, жили в районном селе, а тут отец взял с собой в Омск. Тёплый летний день, ехали в кузове грузовой машины. Потом Казачок – казачий рынок. Открытые ряды, лошади у ворот. Отец купил мороженое. Кажется, ничего вкуснее того мороженого в жизни ни до, ни после не ел. В стаканчике, сладкое...

Потом церковь. В памяти отложилось: вот мы с отцом на рынке, проходит короткое время – стоим в храме. Словно совсем рядом от рынка церковь, всего лишь выйти за ворота. Всего два храма действовали в Омске: Никольский – на Труда, да Крестовоздвиженский – на Тарской. Но точно не на Труда.

У бабушки по маме, бабушки Лены, была икона – Божия Матерь. Заходишь в комнату и первым делом видишь её, в углу висела. Куда после смерти бабушки подевался образ, так и не удалось выяснить. Спрашивал у мамы, тёти – пожимали плечами. А теперь уже и спросить не у кого. Бабушка моли-

лась по утрам, вставала у иконы, молитвы она знала наизусть.

Каким-то образом воспринял дошколёнком от отца ли, от бабушки, что Бог есть, жил с уверенностью – Он есть. Маленького (лет пяти-шести-семи) оставят дома. Днём не боялся, хоть полдня мог сидеть в одиночестве, с сумерками заползал страх в сердце: а вдруг мама с папой до ночи не вернутся? Встану на коленки: «Боженька, помоги, пожалуйста, чтобы мама с папой пришли быстрее. Мне страшно. Очень тебя прошу, Боженька». Была полная уверенность: надо хорошо попросить Боженьку, и мама с папой обязательно придут. Потому что всегда так и случалось. Помолюсь, а вскоре калитка стукнет. Подхватываюсь – и к двери, крючок откидывать. Калитка стукнула, собака не залаяла, значит, мама с папой...

Мама была коммунисткой. Верховодила сначала среди сельской молодёжи – секретарь комсомольской организации. А в войну поставили её председателем колхоза. Молодая женщина, можно сказать, девчонка, только-только замуж вышла – и руководитель большого хозяйства. Крепко ей доставалось, но выдюжила. В войну основная рабочая сила – бабы да подростки, вместе с ними билась на трудовом фронте. Надо и планы поставок государству выполнять в соответствии с призывом «Всё для фронта, всё для победы!», и колхозников кормить. Справлялась.

Папа у меня Дьяков, а я – Савченко. В чём нестыковка? Мама по первому мужу Савченко. Алексей Семёнович Савченко был на четыре года старше неё, директор школы. В начале сорок первого поженились, а на пятый день войны мама проводила Алексея Семёновича на фронт. Их дочь Надежда родилась без него. Был Алексей Семёнович командиром разведроты, погиб в сорок втором под Ленинградом. Но сначала считалось – пропал без вести. Только в середине семидесятых, я уже училище оканчивал, Надежда поехала в Ленинград, разыскала по архивам и когда погиб Алексей Семёнович, и братскую могилу, где был похоронен с другими бойцами.

После войны мама с папой сговорились пожениться, а их не расписывают. Нет документального подтверждения, что первый муж погиб. Мама посылала запросы в архивы, но или плохо искали, или формально отнеслись... По закону более одного мужа иметь не полагается, маме сказали: «Антонина Андреевна, мы вас уважаем, но, извините, пока не будет документального подтверждения, что разведены или муж погиб, оформить брак не сможем».

В метрическом свидетельстве меня записали по фамилии матери. Отдавая в первый класс, отец договорился, и меня записали под его фамилией. По-

сле восьмого класса друзья подались в Омск, в авиационный техникум, я, как в том кино – «все побежали и я побежал» – подался за компанию поступать в авиаторы. Свидетельство об окончании школы оформляли не со слов отца, а по документам, с той поры из Дьякова превратился в Савченко.

Отец горевал, единственный сын не стал продолжателем фамилии...

С техникумом не получилось, вернулся в школу и после окончания десятилетки поступил в танковое училище. На этот раз шёл не за компанию, решение стать офицером вызрело в старших классах. Подавал документы в училище осознанно и страшно боялся. Конкурс, как в престижный столичный вуз, одиннадцать человек на место. В авиационный техникум почему не поступил, потому что завалил математику, и десять классов окончил более чем средненько – семь троек в аттестате.

Учителем математики в старших классах была Софья Петровна Приданцева, умница, не нянчалась с нами. Не один раз повторяла, когда мямлил у доски:

– Савченко, будь ты моим сыном, драла бы и драла тебя кнутом, утром для зарядки, вечером для крепкого сна! Моего сна, заметь, не твоего. Ты ведь умный парень, но лень твоя раньше тебя на свет появилась. Кончится тем, что будешь скотником.

– Не буду, – упрямо твердил.

Позорище, конечно, такое слушать на виду у ⁸⁷ всего класса.

– А куда тебя возьмут с такими блестящими знаниями и прилежанием. Да и на скотном дворе коровы могут на рога поднять, коли из-за твоей лени по титки в навозе будут стоять круглые сутки.

Окончил училище, приехал в родное село, шагая с автобусной остановки по улице, новёхонькие лейтенантские погоны на плечах золотом горят. День солнечный, нет-нет да и скошу глаза, полюбуюсь на долгожданные звёздочки. Чемоданчик в руках. Счастливый!

Софья Петровна навстречу. Остановилась, улыбается:

– Савченко, скажи честно, не иначе в училище попался старшина, который из тебя лень вышиб. Я не смогла, родители не сумели, а он нашёл на тебя правило!

– Не, Софья Петровна, – говорю, – сам за ум взялся!

– Ой, не верю!

И расцеловала:

– Молодец, Савченко! Горжусь!

Без всякого старшины с правилом учился. Но сначала поступить надо было. Боялся не сдать эк-

замены, молил Бога. Жили в палатках. После отбоя лягу, натяну одеяло на голову и молюсь своими словами. К Господу обращался и Сергия Радонежского умолял. Знал, что есть такой святой, отец говорил: «Сергий Радонежский – твой небесный покровитель».

Обещал Господу в училище хорошо учиться, только бы поступить.

На экзаменах парни, у кого четвёрок было меньше, чем у меня троек, остальные пятёрки, срезались, а мне каждый раз попадалось, что знал. Сдал всё на твёрдое «хорошо».

Бывало, и в училище молился после отбоя. Всякое случалось: малодушничал, трусил, против совести шёл. Знал, грех это. Просил: «Господи, прости, пожалуйста».

Учиться трудно было. Одновременно и учились, и служили. На прошлой неделе мороз ударил под тридцать, все за голову схватились: ай-ай-ай, какой колотун! У нас, бывало, минус сорок пять, а мы в карауле. На посту стоишь, тулуп до пят, рот полотенцем завяжешь, дышишь сквозь него, иней нарастёт игольчатым ворсом сантиметров в пять. И ничего. Даже ворчали, зачем вместо двух часов, как в нормальную погоду на посту, всего час. Толком не поспать, сменившись, чуть прикорнул и опять автомат в руки...

В семьдесят пятом году окончил училище. Послали, само собой, не в Приарбатский военный округ, так Подмосковье называли, отправили в Забайкальский. Читинская область, полчаса – и китайская граница. Не пограничник, но служить довелось на четырёх границах: китайской, иранской, турецкой и польской.

Служба шла хорошо, всего восемь месяцев был командиром взвода, потом поставили командиром роты, а это капитанская должность. Через три с половиной года появилась возможность в Германию поехать, да гордыня раньше меня родилась, поспорил с командиром, и с Германией меня прокатали, а потом и с Чехословакией, в результате вместо Европы поехал в Армению, в Закавказский военный округ, что под боком у Турции с Ираном. Но майорскую должность получил. Потом перевели в Нахичивань, это уже Азербайджан.

Год отслужил и подал документы в бронетанковую академию имени маршала Малиновского. Тоже с кондачка не поступишь, если нет у тебя такого счастья, как дедушка генерал. Со всего Союза приезжали желающие. Тогда в армии было более пяти миллионов воинов, танковая группировка насчитывала шестьдесят тысяч танков, и всего четыреста

человек на курс в академию набирали. Молил Бога, просил помощи. И поступил. Окончил в восемьдесят шестом, послали в Прикарпатский военный округ. Получил там полковника и попросился в Сиб-ВО – в Омск. Все рвались на запад, а я с запада на восток, с элитного военного округа в Сибирь, мама заболела, нужен был уход.

Через два года пенсию заработал и написал рапорт. Можно было служить и служить, передавать опыт молодёжи – не захотел. Велеречивый борец за трезвость товарищ Горбачёв начал развал армии, почитатель зелёного змия господин Ельцин продолжил чёрное дело.

Тылы у меня все годы мотаний из округа в округ, из части в часть были отличные. Жена Нина, дай Бог каждому мужчине такую хозяйку в доме, такой души спутницу по жизни. Двое сыновей. Старший, Антон, прошёл с нами все гарнизоны.

После школы полгода поучился на экономическом факультете в университете и сказал:

– Не моё.

Мать ему:

– Тебя же в армию заберут.

– Пусть. Косить не буду.

Шла война в Чечне. Я мог подключить знакомых, но не стал переубеждать сына.

Службу начал он в Омске, в учебке ВДВ, после неё отправили в Екатеринбург. Демобилизовался весной, сдал экзамены в университет путей сообщения. Тридцать первого июля зачисление, тридцатого погиб.

Что произошло – неизвестно. Нашли в Омке под Горбатым мостом.

Мама моя умерла за три года до этого. Когда она тяжело заболела, начал я ходить в церковь. Приду, ничегошеньки не знаю, ни как записку подать, ни как молебен заказать. Да и не понимал, зачем это? Смотрю, что-то пишут. Спросить гордыня не позволяла. Дескать, мужик до седых волос дожил, бабки, молодёжь, как рыба в воде, он в церкви ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Приду на службу в храм на Тарскую, постою, молитвы послушаю. Своими словами попрошу за маму, жену, сыновей.

Год ходил вот так. Потом познакомился с отцом Николаем. И прикипел к нему. Мы почти ровесники. Когда я попросился в духовные чада к нему, он замахал руками, мол, какой он духовник, сам недавно в сане, ты что? Отказался поначалу. Священником отец Николай стал, имея два светских высших образования. Во-первых, технарь, окончил институт водного транспорта, на реке несколько лет работал, во-вторых, диплом омского художника имеет.

Хорошо рисует, иконы пишет. Плюс ко всему кандидат в мастера спорта по боксу. Разносторонний человек. Я, кстати, тоже в училище боксом занимался, до первого разряда дошёл. Много у нас общего.

У отца Николая бабушка была глубоко верующей. Рассказывал, что старец Иона Одесский (это когда тот ещё и старцем не был, а отец Николай не был священником), учил его, что православный не тот, который много о Боге говорит, а тот, который чувствует сердцем, что человек в чём-то нуждается, к примеру, просто-напросто голоден. Ты накорми его, поддержи чем можешь. Бабушка Николая жила на Урале. После войны пленные немцы работали у них в посёлке. Могла пригласить незнакомого немца в дом: «Тяжело тебе, солдатик, садись, поешь». Немец ей: «Давай, матка, поработаю, что-то сделаю». Как так задарма за стол садиться, чужой кусок хлеба есть? Она поставит перед ним на стол картошку, молока нальёт: «Ешь». И это притом что муж с войны не вернулся (больше и не вышла замуж), два брата погибли. А она кормит немца, воевавшего с ними. Тот поест, в благодарность напросится дров поколоть или что-то отремонтировать по хозяйству, в огороде поделаться.

«Отец Иона сам был такой, – рассказывал батюшка Николай. – Я улизну из монастыря на море. Лето кончается, последние жаркие дни, так хочется покупаться. Самочинно сбегу на море.купаюсь, загораю, плавать любил, вода тёплая, заплыву подальше... Солнце, небо... После купания проголодаюсь, а монастырь уже потрапезничал. Просить неудобно. Зайду к батюшке Ионе в насосную. Он глянет на тебя: «Есть, поди, хочешь? Возьми, на столе рыбка тарелкой накрыта, хлеб». Я не есть, жрать хочу. Рыбу в минуту умну, чаю попою, батюшке на ходу брошу «спаси Бог» – и дёру, чтобы не стал расспрашивать, где меня носило. Ему и расспрашивать не надо, так всё видит. Чувствовал сердцем, что человек в чём-то нуждается. Голодный или на душе тяжело и всегда помогал».

Познакомился отец Николай с будущим духовником Свято-Успенского одесского патриаршего монастыря отцом Ионой (Игнатенко), когда ездил поступать в Одесскую семинарию. Это ещё в советское время. Много о нём рассказывал, а потом повёз меня к нему. Это когда беда у меня случилась.

Нашли моего Антона в Омке в одежде. Как ушёл из дома в джинсах, футболке, кроссовках, курточке, погода прохладная стояла, так и нашли. Одно дело купался и утонул, другое – одетым в воде оказался.

Я к отцу Николаю, отпеть надо. Он даже растерялся. А вдруг руки на себя наложил?

– Не должно быть, – говорю, – всё хорошо у парня. В университет поступил. Зачисление – простая формальность. Проходной балл набрал. Да и не набрал бы, не из маменькиных сынков впадать в отчаяние. После армии вообще повзрослел.

Отец Николай говорит:

– Давай так, я к владыке Феодосию пойду, если благословит, то считай, Бог благословил на отпечение.

Митрополит выслушал отца Николая и принял решение: «Отпевай».

Груз с души у меня упал, легче стало. Значит, церковь может молиться за Антона, буду панихиды заказывать, записки подавать.

И всё же точила мысль: «А вдруг суицид?». Никаких свидетелей милиция так и не нашла. Опять же – как ночью в том районе сын оказался? Живём на Левобережье. Мог, конечно, с кем-то, как они говорят, тусоваться. После сдачи экзаменов на полную катушку расслаблялся.

Прошло две недели после похорон, жена никакая. Просто себя не чувствовала. Я и сам места не находил, на неё посмотрю – сердце кровью обливается, мне плохо, а ей вообще.

Спрашивает меня:

– Зачем жить после этого? Зачем?

Отцу Николаю рассказал, мы с женой его духовные чада, венчал нас.

– Что делать? – спрашиваю. – Как быть? Боюсь за неё...

– Давай-ка, – говорит, – поедem в Одессу к батюшке Ионе.

КАК Я НЕ СТАЛ СЕМИНАРИСТОМ **Рассказ протоиерея отца Николая**

В 1986 году поехал в Одессу поступать в семинарию. Сказать, что было твёрдое желание стать иереем – нет. Не считал себя достойным. Получилось так, что два знакомых по приходу парня собрались в Одессу в семинарию, я про себя подумал, почему бы мне не попробовать. Тем более – лето, море. Семьёй не обременён, деньги на поездку – не проблема. Пошёл за благословением к владыке Максиму, архиепископу Омскому и Тюменскому. Владыка меня не знал и напрямую не дал благословения, отправил к отцу Борису, настоятелю храма на Трудах, дескать, раз ты туда ходишь, пусть он решает.

Игумен Борис мне нравился, был из батюшек старого закала. Выслушал и сказал:

– Есть желание попробовать – поезжай, а там как Бог даст. Поживёшь в монастыре,мотришь

монашескую кухню изнутри, может, тебе и не понравится. Пройди этот искуc.

Я и поехал, положившись на волю Божию.

Ректор Одесской семинарии протоиерей Александр Кравченко (интеллигент, интеллектуал) на собеседовании оговорил меня: «Слушай, ну зачем мы тебе нужны? Мы ведь отщепенцы! А у тебя два высших образования. Ты коммунизм должен строить, а не с нами, попами дремучими, молиться».

Я к тому времени окончил Новосибирский институт водного транспорта, на реке поработал, армию отслужил, потом окончил худграф Омского пединститута. Ректор семинарии честно сказал, что одесский уполномоченный по делам религий костями ляжет, не даст добро на такого семинариста, как я. И руководство семинарии по шапке может получить за самостоятельность и утрату бдительности. Молодой самостоятельный мужчина, на обучение которого государство уйму денег потратило, вместо того чтобы со всем народом строить рай на земле, вознамерился увильнуть под иконы, съехать на обочину столбовой дороги в светлое коммунистическое будущее.

Потом-то я узнал, в КГБ имелась негласная установка с высшим светским образованием не допускать «в попы».

Собрал я вещи... Понятно, в каком настроении уходил из Свято-Успенского монастыря, на территории которого семинария располагается. Иду и у ворот столкнулся с отцом Ионой. Ничем иным, как промыслом Божиим, это встречу не назовёшь. Был он тогда всего лишь иноком. Потёртый старенький-старенький подрысник. В монастыре был уже около пятнадцати лет.

Увидел меня, понуро бредущего с чемоданом в руках, поинтересовался, отчего печаль-кручина на светлом лице. Объяснил, что с семинарией не получилось, ректор отец Александр наладил домой, слишком оказался образованным для будущего иерея.

Батюшка Иона выслушал и убедительно посоветовал:

– Не спеши, Николай, в свою Сибирь, никуда она не денется без тебя.

Предложил остаться хотя бы дня на три. И повёл за собой в насосную станцию, что находилась рядом с воротами монастыря. Так я остался в монастыре на два года. В насосной была у батюшки Ионы келья, в ней держал косы, грабли. В ней отбивал (стояла чурка с бабкой) косы. Отобьёт, мне даст брусok: «Точи». Помещение просторное, насос где-то в углу, в глаза не бросался. Включался время от времени. Уже в то время к отцу Ионе, хотя он был

простым иноком, в насосную шли люди, позже это будет одна из келий, в которой старец Иона станет принимать стекающих к нему со всей Украины (и не только) многочисленных паломников.

На следующее утро батюшка позвал меня монастырским коровкам траву косить. По берегу моря вблизи монастыря располагались дома отдыха, на пустырях рядом с ними среди кустарников косили мы траву. Угодья такие, что не разгонишься в трудовом азарте «раззудись плечо, размахнись рука»: на одном пятачке пару-тройку раз литовкой махнёшь, на другом покрутишься. Недавно в интернете попала чёрно-белая фотография батюшки Ионы, стоит на высоком берегу в старом подряснике, за спиной море, а в руках коса лезвием вверх. Именно таким он был в то время.

Ему понравилось, как я запросто с косой обращаюсь. Ну а як же – парень-то я наполовину деревенский.

– Молодец! – похвалил.

Как он косил, я, конечно, не мог, да и никто в монастыре. Прокос широкий... Так-то не Илья Муромец, но в грудь в шутку кулаком стукнет себя, и, как по железу ударит, – звон.

С той косьбы начались мои монастырские послушания и общение с батюшкой, его покровительство. Первые две ночи оставлял меня на ночлег в насосной, затем в келью в монастырских воротах определил, потом в монастырскую гостиницу устроил. Жил я нелегально, без благословения отца настоятеля. Недели через три батюшка Иона представил меня эконому отцу Виталию (Гаенко). Сказал, что проверено – сибиряк не из белоручек, работающий, зря монастырский хлеб есть не будет. Эконом против меня ничего не имел, замолвил слово наместнику монастыря отцу Вадиму (Семяшко). Тот благословил остаться трудником.

Отец Виталий новоиспечённого насельника сразу отправил в полымя, на коровник – самое тяжёлое послушание монастыря. Ну да работой меня не запугаешь, зато на коровнике познакомился с архимандритом Арсением, родным братом отца эконома. Много позже понял, каким подарком для меня были монастырские послушания, Божиим промыслом сподобился быть рядом с редкими людьми и исповедниками веры православной. Тогда не думал об этом и не понимал. Ну, хорошие люди, очень хорошие, не более того. Тот же отец Иона, мог ли я представить, что в скором будущем он станет игуменом, духовником монастыря и почитаемым в православном мире старцем, в келью к которому будут приходить за благословением греческие епископы,

патриарх Кирилл, а уж простой люд нескончаемой вереницей потянется за утешением, исцелением, духовными советами. Батюшка не стремился к званиям, наградам, не стремился во что бы то ни стало стать иереем, нет – был человеком редчайшего смирения. Единственное, о чём мечтал при мне, – попасть на Афон. Собрал целую коллекцию видов Святой горы. Пел песни про Афон. Голос у него был тихий, ровный...

Я грешным делом думал, мечтать не вредно, кто тебя пустит на Афон. В советское время паломничество туда простым смертным было практически невозможно. Власти ставили всевозможные препоны, они стремились добить русские монастыри на Афоне, даже общение с соотечественниками всячески пресекали. Обитатели разваливались, монахи голодали, братия естественным образом убывала, притока насельников не было. При мне лишь келаря отца Никона неожиданно для него самого включили в делегацию от патриархии. Что было почти чудом.

К счастью, я ошибался. Мечтать, оказывается, не вредно, вредно не мечтать – батюшка девятнадцать раз ездил на Афон, подолгу жил там. Ему предлагали остаться на Святой горе – отказался, был верен Свято-Успенскому монастырю. И понимал, насколько он нужен людям.

Батюшка вечно кого-то устраивал в монастыре. Смотрю, на тележке везёт гору матрасов, значит, надо паломников обеспечить ночлегом. Если в гостинице мест не было и в насосной под завязку ночующих набралось, размещал страждущих прямо в храме. На него ругаются, орут: «Иона, куда ты опять?». А он по-своему делает. Каши из трапезной паломникам принесёт – ешьте. К нему шли и шли люди за его молитвами. Терпеливый на редкость. Ты десять раз одно и то же можешь спросить – ответит. Не было такого, занервничал, дескать, сколько можно долбить одно по одному? Мне бы двух раз хватило, чтобы отшить непонятливого вопрошающего. Он ко всем, кто бы ни обращался – учёный, колхозник, бомж, одинаково относился... Душа просто неземная...

Любил молиться, любил службы, не чурался никакого труда...

Я не понимал тогда, что передо мной великий угодник Божий. Знал, чувствовал, что он большого сердца человек, который тебе как близкий родственник, как отец родной, но не поверил бы, скажи кто: пройдёт совсем немного времени, и батюшка будет сравним с Кукшей Одесским.

Архимандрит отец Арсений, с которым работали на коровнике (тоже станет в девяностых годах ду-

ховником монастыря), убирал за коровами, доил их. Из себя не богатырь, но посмотришь на руки – трудяга. Был родным братом отца эконома архимандрита Виталия.

Отец Виталий – легендарная личность, на протяжении многих лет бессменный экономом монастыря. Тяжкое послушание (шутка ли – всё хозяйство монастыря на нём) нёс до старческих седин – не могли найти достойную замену. Кого ни поставят – не тянет. Неделию-другую помается, чуть вникнет в суть дела, увидит, сколько всего в хозяйстве монастыря (насосная, дизельная, холодильники, коровник, свинарник, гараж, склады, водопровод, канализация), за голову схватится и бежит к отцу наместнику: «Нет-нет-нет, не справлюсь!». Отец Виталий как взвалил этот крест на себя в молодости, так и нёс до преклонного возраста, пока отец Христофор не взял бразды правления хозяйством в свои руки.

В моё время отец Виталий был ого-го-го – бравый, красивый человек. В холодное время ходил по обители в генеральской папахе из серого каракуля, ремнём офицерским подпоясанный. Генерал – одно слово. Юмора только не воспринимал. Я пару раз пошутил и понял, не проходит, надо осаждать себя в его присутствии. В прошлом моряк-подводник, отец Виталий пользовался большим уважением у военных моряков, подразделение которых располагалось впритык к монастырю. Морякам частенько излишки молока с нашего коровника доставались, в пост – особенно. Было взаимопольное сотрудничество: моряки нам помогали, чем могли, монастырь – им.

К отцу Виталию много где с уважением относились, его знали в колхозах, на предприятиях. Он обращался к кому-то с проблемами монастыря, в свою очередь, обитель в долгу не оставалась. Ну и дипломатия. Кого-то приходилась задабривать. Уполномоченному по делам религии что-то везли из монастыря. Я сам однажды участвовал в распилке и погрузке дров, которые ему на дачу предназначались. Монастырское вино ему отправляли. Начальство областного ГАИ задабривали.

Хозяйство обители строилось в советское время по принципу максимальной автономии – ни от кого не зависеть. Своя монастырская насосная станция – воду из скважины качать в случае отключения или поломки городского водопровода. Дизельная подстанция – вдруг город электричество отрубит. От безбожной власти всё можно ожидать. Были годы, когда и воду отключали, и электричество, брали на измор, дабы сделать жизнь в обители невыносимой, выдавить монахов. Расстреливать уже

не расстреливали, как при Ленине-Сталине, но в покое не оставляли никогда.

Мне поручали самые разные послушания, как-то доверили информацию о наличии секретного склада бензина. Об этом знали и имели доступ к ней человека два-три в монастыре. На его территории была тайком от чужих глаз спрятана, зарыта в земле, большая ёмкость, в которой на экстренный случай, вдруг на заправках не станет горючего, хранился бензин. И ведь случалось – в городе возникали перебои с ним. Не один раз отец эконома посылал меня к ёмкостям с канистрой. Делалось это со всеми предосторожностями. Чаше по темноте, кому-то срочно понадобиться ночью ехать, и машину надо заправить...

Имелись склады продовольствия. Там хранились продукты, овощи, фрукты, закрутки собственного приготовления, бочки с вином. Хранилища заполнялись не по щучьему велению. На территории монастыря содержались огороды, виноградник. Всё было продумано, грамотно организовано, рационально использовалось. На чердаках хранились орехи, висели связки лука. Отвечал за обширное хозяйство отец эконома.

Располагал монастырь своим гаражом с набором легковых и грузовых автомобилей. Даже представительская «Чайка», редкая в Советском Союзе машина, имелась. Патриарха встречать или заграничного гостя. Отец Лаврентий, лучший водитель монастыря, садился в «Чайку» и ехал в аэропорт или на вокзал. При мне приезжал Касьян-сан, православный монах из Японии. Из Индии индус однажды пожаловал, имя не помню, тоже монах. И тому, и другому нравилось гулять по территории монастыря. Вся без исключения братия работает, они прохаживаются.

Отцы шутили:

– Николай, возьми к себе на коровник Касьян-сана!

– Ага, – скажу, – корова хвостом сшибёт хлипкого японца, потом отец благочинный мне устроит Цусимское сражение, а отец настоятель – Порт-Артур. Пусть лучше отец Геннадий в канализационный колодец возьмёт с собой японца. Подрясник у Касьян-сана самый подходящий для сантехнических работ.

Подрясники что у японца, что у индуса светлые. Такие наши монахи не носили. Только митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров), жил он на территории обители в архиерейских покаях, мог себе позволить, из простых монахов – никто. Только архиереи. Это сейчас – без году неделя, как монашеский постриг принял, уже в светлом подряснике

вышагивает. Тогда никто бы тебя не понял, вырядись таким образом. Касьян-сан вальяжно прогуливается по аллеям, и обязательно какой-нибудь наш нерадивый к нему пристроится, вроде как сопровождает гостя. Отцы иронизировали: «Сам сан палец о палец не ударит, ещё и наших искушает».

Даже фуникулёр, редкий на то время механизм, в монастыре имелся. Обитель на высоченном берегу. С него по тросу, к морю спускающемуся, ходила кабинка. В конце пирса имелась крохотная монастырская территория с небольшим огороженным бетонными плитами домиком. Монахи купались. Но шли на водные процедуры пешком, фуникулёр предназначался только для случаев приезда патриарха в свою летнюю резиденцию. Монастырь патриарший, на его территории располагалась патриаршая резиденция, всегда готовая к приёму святейшего.

Когда мы с Иваном Антоновичем приезжали, от фуникулёра мало что осталось – плоды перестройки были видны во всей красе. Проржавела кабинка, исчез подъёмный механизм, как и домик на пирсе. Лестница, что к морю от монастыря спускалась (через сад проходишь, калитка, а за ней лестница деревянная), была в жутком состоянии – ступеньки подгнили... Иван чуть ногу не сломал. Провалился, хорошо вовремя среагировал и подался назад, иначе бы полетел вниз и поломался. И от домов отдыха, что стояли рядом с монастырём, одни руины остались.

Отец Виталий был строгий, не переносил нерадивых, но заботливый. Как-то меня и ещё троих семинаристов отправил в колхоз за сеном. Немного помочь колхозникам, кроме того, привезти в монастырь прессованного сена на монастырской машине. Рано утром выезжать нам на послушание, вечером, смотрю, отец Виталий везёт на тележке объёмистый фанерный ящик. Казалось бы, эконом, распорядись и без тебя всё сделают, нет, сам позаботился. В ящике колбаса копчёная, сыр, масло, картошка свежая, консервы дорогие и трёхлитровая банка монастырского вина. Целый ящик еды собрал. Говорит: «Хлопцы, если что не съедите – не везите обратно, местным жителям оставьте!» И заговорщически добавляет (мы-то не видим, что там в ящике): «Я вам немного кое-что положил, но только после работы. Колхозу поможете, и тогда кое-что есть. Пост, конечно, но у вас работа тяжёлая, вам можно». Не сказал: «Не расслабляйтесь, помните, пост идёт». С пониманием отнёсся – молодые, работа напряжённая, весь день на свежем воздухе. Благословил не только скоромное есть, но и вина выпить после работы.

Причём всё предусмотрел. Заглянули, в ящике, кроме еды и «кое-чего», – рабочие рукавицы, полотенца, мыло... Вечером после работы помолились, поели, вина выпили, помянули добрым словом отца эконома.

Кроме сена, колхозники дали нам арбузов из расчёта: сколько заберёте – всё ваше, всё равно пропадут. Бахча таких размеров, устанешь от края до края идти, колхозники самые хорошие арбузы собрали, остальные бесхозно бросили, хоть в футбол играй. Спелые, вкусные, на базаре таких не найдёшь – и никому не нужны...

Отец Виталий редко служил литургию или всенощную, хозяйство требовало постоянного внимания. Но Божий милостью однажды я сподобился вместе с ним послужить. Когда с Иваном Антоновичем приезжал, в храме Андрея Первозванного с отцом экономом вдвоём раннюю литургию служили.

Отец Виталий ко мне хорошо относился, год моего трудничества прошёл, он пообещал провести меня кандидатом в семинарию. Договорился с ректором отцом Александром. Я даже какое-то время ходил в кандидатах. Однако и на этот раз ректор вызвал на разговор и сказал, что уполномоченный по религии всё равно не разрешит мне учиться. Ничего за год не поменялось. Лучше пока оставаться в тени. Негласную установку не допускать людей с высшим светским образованием в «попы» КГБ не отменило.

Я отцу Виталию доложил, он развёл руками, что, мол, тут поделаешь, остаётся терпеть и ждать.

В монастырь часто приезжали монахи из Почаева, Псково-Печерского монастыря, Киево-Печерской лавры, приглашали меня в гости. Иногда отец Виталий отпускал, иной раз на мою просьбу скажет: «Лучше воздержаться. Там сейчас майор КГБ орудует, как бы потом не аукнулось тебе». Оберегал, чтобы никуда не влез. Но и понимал, мне нужны впечатления от других обителей.

В Киев, в Свято-Вознесенский Флоровский монастырь, сам отправил: «Поезжай дней на пять, посмотри, как матушки живут». Попутно какое-то поручение дал. По приезде первым делом пошёл я к благочинной, та послала к матушке Александре. Захожу, а в келье русская печь. Полноценная русская печь. Вовсе не для музейной красоты. Эксплуатировалась по полной программе. Матушке Александре лет восемьдесят, она у печи каждый Божий день орудует. Назначила себе послушание, заводит ведёрную кастрюлю теста и каждое утро печёт пирожки, печенье, шанежки и отправляет монахинь со стряпнёй в онкологическую лечебницу. Захожу к ней, она воскликнула: «О, монах пришёл!».

На мне пальто батюшки Ионы. Прохладно было, батюшка настоял, чтобы я надел его пальто, кто-то подарил ему. Когда батюшка игуменом стал, сам в нём на паломничества ездил. Легендарное пальто. Серое, в рубчик. Фасон не последней моды, но добротное и тёплое. У меня есть две фотографии, на одной я в этом пальто у главного входа Одесской киностудии, на второй (из интернета скачал) – батюшка Иона на Святой земле в нём.

Матушка Александра первым делом меня поручением нагрузила. Наладила на Крещатик – купить масла и ещё целый перечень продуктов, выделила сорок рублей, приличные деньги по тем временам. Крещатик рядом, монастырь на Подоле находится, идёшь по Андреевскому спуску – и вот она обитель.

Быстро сбегал, всё купил, вернулся, матушка усадила за стол, начала кормить. Объеденье, как у бабушки на Урале. Русская печь она и в Африке русская. Всё естественным образом парится, жарится, до вкусного состояния доходит. Отведал матушкиных бесподобных пирожков.

В монастыре было заведено: гостей сначала к матушке Александре отправляли, которая определяла, кого куда. Обязательно кормила... У неё наелся, еле дышал. Поговорили, пока ел. Жизнь матушка прожила сложную... Что меня удивило, хоть и пострадала в годы репрессий, прошла ГУЛАГ, на собственном примере узнала, что такое гонения на верующих, сказала, что есть настоящие коммунисты и не надо путать их с проходимцами. Что-то заговорили о коммунистах. У меня чуть не вырвалось, хотел свои три копейки вставить, что это сплошь карьеристы, ловчи́лы да подлецы... А она говорит: «Настоящий коммунист – отец и брат для всех. Случалось, настолько были принципиальные, стрелялись от бессилия. Ему план спускают: расстрелять, скажем, триста человек... А он достаёт пистолет и пускает себе пулю в лоб... Нет, брат Николай, были среди коммунистов настоящие люди...» Ни от кого от монахов не слышал такое... И в ГУЛАГе, говорили, были настоящие коммунисты...

Благодаря жизни в Одессе я узнал тех отцов и матушек, кто шёл в церковь, в монастырь осознанно, выстраданно, наперекор всему. Сейчас приходится сталкиваться со случайными людьми и в монашестве, и в священниках. Тогда мирские власти и сам мир противостоял церкви, а сейчас мирское проникает к нам. Я пятнадцать лет прослужил, прежде чем стать протоиереем. Сейчас глядь, года два как рукоположили его, уже камилавку получил, крест золотой. Понимаю, время другое, скорости другие, да гордыня, тщеславие – всё те же, нельзя

потакать им. А недоброжелатели рады, тычут в церковь пальцем, то не так, это не эдак...

Вернулся из Флоровского монастыря, отец Виталий спрашивает:

– С матушкой Александрой познакомился? Как тебе старушка?

– Уникум, – говорю, – пирожки вообще объеденье.

– Что верно, то верно! Этого у неё не отнять! И молитвенница!

Если отец Виталий всегда был на виду в монастыре, его брат отец Арсений в тени держался. Служил в храме в свою седмицу, канон любил читать (я любил читать благодарственную молитву по Святому причастию), но чаще отец Арсений на коровнике смирялся. Работа ломовая. Жилы на руках как канаты. А сам по себе непритязательный и добрый. Заправляли на коровнике две монахини. Вот уж гром женщины. Все их боялись, даже отец Виталий старался не связываться. Им слово, они сто тебе. Отца Иону, когда ещё в послушниках ходил, помоями облили, рассказывал, стал перечить коровницам, ну и получил из ведра. Одна мыла подойник, батюшка заспорился с ней. Недолго думая окатила с ног до головы, чтобы в следующий раз при себе держал особое мнение на предмет правильных порядков в коровнике. Смиряли всех. Ничего не стоило пожаловаться митрополиту Сергию, матушки ему молоко носили, ну и докладывали, если что не так в мычащей епархии.

С владыкой однажды столкнулся у святого источника. Он шёл с каким-то важным человеком. А я выруливаю в застиранном рваном подряснике... В монастыре в свободном доступе были подрясники для использования в качестве рабочих халатов. Я в подряснике последней ветхости везу на тележке в трапезную картошку. Владыка меня останавливает... Над источником купол, его изнутри покрасили, стараясь небесный цвет изобразить, но получилось не ахти. Что-то голубовато-зеленовато-желтоватобледное.

Митрополит подзывает меня:

– Ну-ка посмотри, что-то мне цвет не глянется.

– Да, владыка, – говорю, – намешали какой-то бодяги.

– Я тоже почувствовал: не то. – И говорит спутнику: – Вот, видите, трудник тоже не согласен.

Шла подготовка к тысячелетию Крещения Руси. Ожидалось много гостей. Всё было важно. Возможно, спутник владыки и приложил руку к покраске купола. Я его, получается, подставил, сам того не ведая. Владыка откровенно спросил, я честно ответил.

Матушки-коровницы, что там говорить, не за страх, а за совесть работали с утра до вечера. Кро-

ме коровника, ещё и свинарником командовали. Монахи мясо не едят, поросят для семинаристов откармливали. На своём послушании матушки закаляли железный характер.

Я жил рядом с коровником. Бывало, и ночью попадал под раздачу: то корова телится, то ещё какая загогулина. Только вроде прилёт, тарбанят в раму, да так, что того и гляди – все стёкла полетят по закоулочкам: «Мыкола, бисова семя! Коривка мукает, пороса хрюкает, вин лэжит!» У матушек неподалёку, тут же на территории монастыря, стоял домик, огороженный отдельным забором, к домику вёл от коровника проулочек. Всё под охраной злющих собак – никто свободно не мог пройти ни к матушкам в келью, ни на коровник. Меня, отца Арсения, отца Иону, отца эконома собаки хорошо знали, проблем не возникало. Рекс – самый злющий пёс. Мы с ним отлично ладили. Запросто гладил, ещё кусочек какой-нибудь дам ему в знак дружбы. Но не вздумай приближаться, если кость грызёт. Я в тот вечер забылся, подхожу, Рекс меня хватить. Посчитал, претендую на его лакомство. Кость бросил и в первое, что было ближе всего вонзил клыки. Страшно повезло, прокусил туфлю между пальцами правой ноги. Прошил рядом с большим. Летние лёгкие туфли, как сейчас помню, чешские, фирмы «Цебо», поизносились уже, вид непарадный имели, только на коровник ходить, тем более мне за неделю до этого отец Арсений хорошие туфли подарил. Рекс клыками пробил верх и подошву, рычит, тащит на себя. Я на задницу упал, пытаюсь вырваться... Руками в землю упираюсь. Боюсь, подтянет меня, перехватит и отчекрыжит полступни. Зубы такие, свиные косточки, как сушки, хрумкают. И туфлю, как ни силюсь снять, со страшной силой Рекс тянет её. Кое-как исхитрился, при помощи левой ноги скинул. Отпрыгнул и бежать. Рекс туфлю в будку затащил. На следующий день как ни в чём ни бывало, заведя меня, завилял хвостом. А туфлю в мочалку превратил. Так разозлился, что на его кость позарились.

Основная братия вообще о монастырском коровнике имели туманное представление. Тем более знали – не собаки, а смерть на коровнике. Если возникала срочная необходимость, допустим, отца Виталия искали, на забор, отделяющий коровник, заходили и кричали оттуда.

Сколько раз, особенно по первости, монахини жаловались на меня. Отец Виталий придёт на коровник и ну отчитывать: «Шо ж ты зробишь, окаянный, как тебе не стыдно?» Я начну каяться: «Виноват, батько, всё исправим!» Пошумит-пошумит, видит, монашки отошли, не слышат, сменит тон: «Не

журись, Мыкола, опять наговорили владыке. На, поешь». Сунет пару пирожков или горсть конфет. Владыка Сергей поручил ему отреагировать на жалобу, он удовлетворил наказ высокопреосвященнейшего.

И отец Арсений меня подкармливал. Подоит коров, баночку молока оставит, причём с учётом острых языков коровниц. Им всё равно, архимандрит или кто. Ничего не стоило сказать, что отец Арсений монастырское молоко разбазаривает по чём зря, тогда как каждый литр на учёте. Он баночку накроет от бдительных глаз, а мне тихонько скажет: «Попей парного, под скуфьёй оставил». Или грушу, виноград принесёт в качестве угощения, а то из одежды что-нибудь: «На, пригодится».

Отец Арсений однажды спас батюшку Иону. Его сразу не приняли трудником в монастырь, жил в пещере, вырытой в обрывистом берегу. Её можно было увидеть со стороны моря: высоченный яр, в нём пещера. А ещё жил под стеной монастыря, это со стороны коровника, там были заросли грецких орехов с густыми кронами, укрывающими от солнца и дождя. Частенько паломники, приезжающие из сёл, располагались под ними на ночлег, чтобы утром пойти на раннюю службу. Отец Иона больным пришёл под стену. Спал, подложив под себя фуфайку. И занемог так, что температура под сорок, всего лихорадит, ослаб... Отец Арсений увидел его и на свой страх и риск взял доходягу в коровник. Того уже ноги не держали, на себе дотащил, уложил в ясли на сено. Отпавив парным молоком и молился за здоровье раба Божия Владимира. Батюшка пошёл на поправку, начал крепнуть, фигуристость появилась. Дал себе обет, если выживет – останется в этом монастыре.

В шестидесятые годы был запрет на монастырских трудников и послушников... Не взяли его, лишь в 1971 году попал в обитель...

Монастырь – незабываемо счастливый отрезок моей жизни. Не знаю, дала бы столько семинария. У семинариста другой статус. Учёба отгородила бы от батюшки Ионы, остальной братии, с кем был рядом в повседневной работе, в церкви... Первое время думал, ну ещё месяц побуду да надо ехать в Омск. Пришла пора ехать, а не хочется. Потом назначил срок до весны. Наступила весна, продлил до осени, руководствуясь мыслью: разве плохо лето провести у моря... Жизнь обители незаметно захватила, вовлекла в свой ритм. Это как в семье, ты становишься частью родного коллектива...

В два года столько хорошего вместилось, а сколько хороших людей в монастыре узнал... В семинарии несла послушания Анна Храмцова. В монашестве Мариам, насколько помню. Почему-то не

отложилось доподлинно в памяти. Моя землячка, тоже родом с Урала, а после войны осела в Одессе. Сердечно ко мне относилась. По-матерински. Со всем немного времени прошло, как познакомились, подзывает и дарит рубашу, сорочку с длинными рукавами.

Я опешил:

– Зачем, не надо! У меня есть!

– Бери, бери, – настояла, – ты молодой, должен красиво ходить.

Ещё раза два как минимум дарила сорочки. На самом деле красивые. Собираясь на Одесскую киностудию, обязательно доставал какую-нибудь из подаренных. Жила матушка Мариам в городе. Неоднократно ездил к ней в гости. Старался чем-нибудь помочь по дому. Несколько лет переписывались с ней, как вернулся я в Омск. Она рассказывала монастырские новости, я – про свою жизнь. Наставляла: «Коля, что бы ни было, от Бога не отходи, от церкви не отдаляйся!» Радовалась, что на клиросе пою: «Как можешь, Коля, славь Бога!» Её слова воспринимались материнским наказом.

В монастыре был монах Лаврентий. Рослый, красивый парень. Семинарию окончил. Артистически красивый, наделил Бог и лицом, и статью. Через это у матушки от девок прятался. В буквальном смысле скрывался, был в ту пору ещё послушником, Виктором звали. Девки не давали прохода, как бесы, неотступно кружили вокруг, на всё были согласны, только бы в монастырь не пустить. Одна, другая предлагали себя в качестве матушек, дескать, не ходи в монахи, что ты себя заживо хоронишь? Лучше давай хотя бы в белые священники! А то бросай всё... Искушали со страшной силой. И девки-то одна другой краше. Одесские штучки. Особенно активизировались перед постригом, почувствовали, ускользает из рук парень. Натуральным образом готовы были выкрасть его. Матушка Мариам как-то одну такую приставучую отогнала и говорит Виктору: «Поехали ко мне! Не дадут они тебе покоя! А у меня не достанут!» У матушки прятался до самого пострига. Так ведь его и там нашли. Матушка Мариам жила на первом этаже, приехали и в окна стучали. Виктор сидел, как подпольщик, выключив свет, забившись в дальний угол.

Я видел, как он постриг принимал. Интересно, сегодня он был Виктором, знал его как Виктора, а завтра он уже Лаврентий. И в отношении к нему что-то происходит у тебя. Что-то меняется на мистической уровне... Тот же человек, и не совсем тот, что-то происходит... Во всяком случае в моём восприятии. Тогда же были пострижены в монахи Зоси-

ма и Савватий. Савватий так обижался, что имя Зосима не ему дали. Долго обижался. Кузнецом был. Трудолюбивый со страшной силой. Любую работу давай. Поручили сделать слив из Свято-Успенского собора. Начал рыть траншею и попался участок, под землёй бетон, глыба бетона. Можно было обойти, я бы никогда не стал. Нет, он продолбил.

Матушка Мариам всю жизнь в семинарии работала. Рубашки мне дарила. Семинаристы уедут, бросят, ничего им уже не надо, она стирает, выгладит. Даже в Омск присылала, я какие носил, какие раздавал знакомым. Молодость её совпала с войной, сполна хлебнула фронтовых скорбей, воевала не где-нибудь, в морском десанте. Наград много: два боевых ордена, медали. После войны потянулась к Богу, начала в церковь ходить. Однажды как верующую вызвали на какую-то дисциплинарную комиссию, насколько помню, при горисполкоме. Пришла бумага из соответствующих органов – провести с несознательной гражданкой работу. Случилось это в период хрущёвских гонений на церковь. Председательствовал в комиссии генерал. Он припозднился, пришёл не в назначенный час, без него принялись Анну Храмцову прорабатывать. Набросились ретивые борцы за нравственный облик строителя коммунизма. «Как вам, советскому человеку, не стыдно, – встал один, – государство наградило вас высокими наградами – орденами и медалями, а вы по церквям да монастырям, как насквозь тёмная бабка! Позор!» Первый не успел договорить, второй поспешно перебил, боясь, загодя заготовленное раньше него скажут: «Порочите честь защитника Родины и Отечества!». Тут же третий впрягся в обличительно-разоблачительную упряжку, тоже не терпелось внести свои три копейки: «Какой вы подаёте пример подрастающему поколению?! Какой?! Что, вы не можете другую себе работу найти? В семинарии работаете».

Матушку подмывало возразить: не с барского плеча давали ей ордена и медали, кровью заслужила! Да прекрасно знала: ничего не докажешь пу-стозвонам. Настроилась держать себя в руках. Избрала смиренный стиль поведения – не ввязываться, терпеть словоблудие. Решила, если только начнут Бога хулить, тогда пойдёт в наступление, даст отпор, а так – пусть себе резвятся. Ведь сами не ведают, что творят.

И тут заходит генерал. Извинился за опоздание, а потом радостно воскликнул: «Неужели Аннушка!». Обнял пропесочиваемую, на глазах изумлённых членов комиссии расцеловал. Они только-только вошли в азарт, распалились врезать отсталому эле-

менту по первое число, чтобы раз и навсегда запомнила: никто не будет терпеть её церковных закидонов, никто на самотёк не пустит вопрос мракобесия, партия с новой силой взялась за попов и их приспешников. И вот тебе раз – председатель комиссии бросился целоваться с «отсталой»...

А всё почему? «Отсталая» жизнь спасла генералу в войну. Тогда ещё не носил он генеральских погон, но воевал храбро, в одном из боёв был тяжело ранен, матушка вынесла его на себе и не успокоилась, пока не сделали ему в госпитале операцию. После войны потеряли они друг друга. Ветераны на День Победы в ту пору не собирались, да и праздника как такого ещё не было установлено. Генерал считал, Аннушка-спасительница погибла. И вот встреча. Председатель комиссии тут же закрыл заседание, саму комиссию в решительной форме выпроводил за дверь. А затем достал из сейфа коньяк...

Отметили однополчане встречу по-фронтовому, выпили за Победу, помянули погибших товарищей.

«После этого, – сказала матушка, – меня больше никто не трогал и морали не читал».

Замечательные были люди в монастыре. Я много раз сталкивался с молдаванами, сначала в армии, потом когда на реке работал, в монастыре – никогда проблем с ними не было. Всегда ладил с ними. Народ спокойный, бесхитростный. На земле Молдавии, где много солнца, винограда, и люди солнечные живут. Труженики, и вера в Бога твёрдая.

Был в монастыре игумен Серафим, регент, тоже молдаванин. Кто бы ни пришёл в хор – семинарист ли захочет петь, монах, трудник, послушник – брал. Ему неважно, хороший у тебя голос или средненький, захотел петь – вставай. Но если кто-то начинал гнуть из себя: я Робертино Лоретти, а неумехи мешают, мог запросто выгнать: раз мешают – иди отсюда. Клирос был основным послушанием лишь у двух отцов: Варахиила и Митрофана, у одного тенор, у второго баритон. Остальные клирошане ходили по собственному желанию, и никому отец Серафим не сказал: «Ты нам не подходишь». Сам был в церковном пении профессор, окончил духовную семинарию. Невысокого роста, крепкий телом, солнечный душой. Когда начались шатания, развал Союза, делёж на национальные квартиры, игумен Серафим покинул монастырь и уехал в Кишинёв.

Его земляк отец Ефимий был главным специалистом монастыря по винограду и вину – изготовлению веселящего продукта, его хранению. Старенький уже, борода белая, молдаванин. Что бы я ни сделал не так, никогда голоса не повысит. Часто призывал меня в помощники. Одна из причин – я

никогда не просил вина. Признался однажды: «Другого позовёшь, у него все мысли на одно направлены. Зачем искушать такого человека». Послушания, которые давал мне отец Ефимий, были самые разные: виноград собирать, давить, бетонные столбики на винограднике ставить... В самый первый раз помогал ему бочки ремонтировать. Поработали до обеда, донышко у двух бочек заменили, несколько клёпок новых поставили. Плотно потрудились.

Отец Ефимий деловым тоном говорит:

– Брат Николай, прежде чем на трапезу идти, надо молотки смазать.

Надо так надо. Молотки разнокалиберные: лёгкие, тяжёлые, головки – круглые, квадратные, прямоугольные... Каких только нет и все медные... Собрал их, штук восемь получилось. Отец Ефимий направился в подвал, я за ним. На улице жара, в подвале благодать – прохлада. Высокий подвал, два ряда бочек друг над другом. Батюшка подходит к одной подставляет кружку объёмом стакана на два, наполняет, ко мне поворачивается:

– Николай, ты шо? Да брось ты молотки, зачем притащил? На, выпей!

Над винным подвалом был небольшой цех отца Ефимия, в нём ставил агрегат для отжима винограда. Не единожды довелось вращать его ручки с семинаристами. По сторонам в цехе располагались комнатухи, в них отец Ефимий мог чаем поить паломников-земляков из Молдавии. Среди семинаристов было немало молдаван. Тоже заглядывали к отцу Ефимию. Не единожды я заглядывал, пили чай, беседовали.

Отец Ефимий был иеромонахом, служил, кроме всего прочего. Прочее – на все руки мастер. Тележки делал, приспособления всевозможные для работ на винограднике. Как-то смотрю, перед сбором урожая достал из своих закровов трубы, колёса, сварщика призвал. За ночь нарисовал двухэтажную тележку для сбора винограда. На верхней площадке сборщик, кто-то из братьев внизу корзины с виноградом принимает, по надобности перемещает тележку вместе со сборщиком на новое место. Удобно и производительно, не надо лестниц, то и дело слезать-залезать, переставлять с места на место. А ещё отец Ефимий был кровельщиком. Однажды вместе с ним крышу семинарскую ремонтировали. Это накануне тысячелетия Крещения Руси. В тот период высотные работы для меня шли одна за другой. На главных монастырских воротах двенадцать больших икон установлены, отец эконо́м поручил к празднику обновить: «Раз ты художник – давай». В помощники выделил семинаристов, вместе краси-

ли, подрисовывали. Затем пришла в монастырь бригада специалистов по золочению куполов. Им потребовался специалист «подай-принеси», но выставили жёсткое требование: непременно лёгкий и подвижный, чтобы на самый верх по лесам лазить. Во мне тогда и семидесяти килограммов не было. Полюбовался красавицей Одессой с птичьего полета. В одну сторону глянешь – море под солнцем волнами ходит, в другую – расчерченный улицами город в зелени утопает. Райская красота.

Хотя рая, любил повторять батюшка Иона, на земле не будет:

– Не будет, Николай, рая на земле, не будет. Ни у коммунистов, ни у капиталистов. Все жадные, алчные, всем деньги подавай или за футболом будут бегать.

– Я в монастыре как в раю, – скажу.

– Трудись и молись, – покивает головой, – только так можно спастись. Но молитва первым делом.

Учил простоте, быть нестяжательным, не гоняться, как бы повкуснее поесть да помягче поспать. Не возноситься: я такой хороший-расхороший. Ходить в храм, исповедоваться, причащаться, Родину любить, почитать великих наших полководцев: Суворова, Макарова, Ушакова, Нахимова.

Был монархистом. До чего всё-таки мудрый он человек. Ещё разговора не было о прославлении царской семьи. О почитании их как Царственных страстотерпцев. В меня тогда было вбито, царь – это плохо, это отжившая форма власти. Батюшка говорил: «Царь – помазанник Божий, он всегда за народ, свою страну. Ему бежать некуда. А эти меняются один за другим: сегодня один красуется, завтра, может, ещё хуже придёт». Я с недоверием слушал его, думал: «Что он несёт?» Слава Богу, хватало ума не лезть в спор, не рвать рубаху на груди. Как же так: царь – и вдруг хорошо? Да уже царей в цивилизованных странах не осталось.

Батюшка часто повторял о необходимости духовного возрастания православного человека. Сам постоянно читал духовную литературу и призывал к этому. То и дело давал какую-нибудь книгу: «На почитай, расскажешь потом». Учил радоваться тому, что тебе сегодня даёт Господь. Никогда не забуду его наставления. «Николай, – скажет, – не пугайся ничего. Надо копать землю – копай и не сетуй на судьбу. Господь посчитает нужным – бульдозер даст. Жизнь заставит тебя пойти дворником – иди в дворники, а завтра, если ты достоин, Господь поставит тебя начальником ЖЭКа. Знай, Господь, если ты обращаешься к нему, не оставит тебя без внимания, не оставит без еды».

Рядом с ним в монастыре было легко. Молился, конечно, за меня. Это я сейчас понимаю. Какое бы ни дали послушание мне – спокойно относился. Не крутил носом. Надо – на лошади поеду, надо – на машине грузчиком. Читать пошлют – читаю. Не рвался в алтарники, поближе к архимандритам, наместнику, митрополиту. Считал себя недостойным. Вообще редко-редко в алтарь заходил. Только лишь, когда скажут ковры вынести или занести.

Уроки батюшки Ионы не все сразу осознал, но запомнил на всю жизнь, они по сей день помогают. Часто ставил в пример Кукшу: надо быть как схиигумен Кукша. Всё прошёл, сколько скорбей выпало на его долю, и до последнего дня был уважаем народом. Батюшка и сам равнялся на него. С Кукшей он встречался, приходил к нему и получил благословение на монашество.

Не могу не упомянуть ещё об одной колоритной личности монастыря – архидиаcone Пимене. Перевели его в Одессу из Почаевской лавры, понятно – не в качестве поощрения, как раз наоборот – за какую-то провинность. Заметная внешность – рыжие волосы, из себя представительный, каким и должен быть архидиакон. Густой баритональный бас. Энергичный, подвижный. Иду с коровника, он навстречу бежит.

– Мыкола, – голосом, каким кличут на пожар, блажит: – Трэба взять драбыну и поднять шпакивню!

И срывается с места в карьер, я следом за ним. Не знаю, что за зверь «драбына» и с чем едят «шпакивню», но бегу.

Отец Пимен несётся со всех ног, еле поспеваю. Подбегаем к здоровенной лестнице, хватаем её. Архидиакон за один конец, я за другой. Он впереди, я сзади. Летим, вот-вот от земли оторвёмся. Его пожарное нетерпение передаётся мне посредством вибрирующей лестницы. На бегу перевариваю услышанное, рисую жуткую картину падения неведомой «шпакивни». Делаю предположение: нам предстоит лезть едва не в преисподнюю за ней. Хорошо, если не тяжёлая сама по себе, сможем управиться вдвоём. Лестница длинная, меня заносит на поворотах и мотает из стороны в сторону. У отца Пимена все мысли о трагедии со «шпакивней», посему не ввёл в полётное задание поправочный коэффициент на габариты доставляемого к цели груза и наличие поворотов на маршруте. Приходится время от времени притормаживать галопирующего архидиакона, дабы вписаться в очередной поворот и не загреметь в кусты. Несмотря на бешеную скачку, голова моя, не утратившая мыслительной функции, делает умозаключение, что драбына – это есть тот самый предмет, с которым

летим по аллеям монастыря, остаётся развеять туман в отношении куда-то провалившейся «шпакивни».

Подбегаем к высоченному ореху, отец Пимен приставляет драбину к стволу, быстро взбирается по ней...

Я-то думал, неведомая «шпакивня» в результате ЧП оказалась значительно ниже уровня поверхности земли, на самом деле – высоко над ней, но в положении «или-или», в любой момент может сорваться и удариться оземь...

Шпакивня, то бишь скворечник, подведомственный отцу Пимену, висел на честном слове, потому и наделал переполоха...

Кроме того, что мы с отцом Пименом сделали благородное дело – спасли скворчат от падения вместе со шпакивной, я обогатил словарный запас двумя украинскими словами, которые благодаря архидакону вписались в меня намертво.

Память он имел феноменальную: все службы знал наизусть. Псалтирь с любого места мог читать. По его разумению Псалтирь каждый монах должен знать наизусть.

Как архидакон любую службу на память служил, не заглядывая ни в какие требники, служебники? Больше такого не встречал в своей жизни.

Приехал с Иваном Антоновичем, мгновенно меня узнал:

– О, Николай!

И тут же потащил в трапезную:

– Вы же есть хотите!

Потащил в трапезную, прямо к поварам зашёл, его гонят (куда вы?), а он не обращает никакого внимания на окрики, сам разобрался, положил в тарелки, как сейчас помню, по большому куску рыбы, каши гречневой, компота налил:

– Ешьте, братья.

Старец Михей был самым возрастным насельником монастыря, шутка ли – сто два года. Родился ещё в XIX веке, в царствование Александра III, современник Толстого, Чехова, патриарха Тихона... Ходил с большим трудом, его или паломницы водили под руки, или послушник. Раз два меня просил помочь. В хрущёвские времена отца Михея выслали в Одессу из Троице-Сергиевой лавры. Старец обладал редким даром – отчитывал бесноватых. Властей это раздражало, отправили подальше от Москвы. Занимался отчиткой в Одессе или нет – не знаю, не скажу... Наверное, нет, старенький уже.

Чудил время от времени, в трапезной мог взорваться:

– Вы хотите келью мою забрать? Знаю, ждёте – скорее бы умер!

Его убеждают:

– Нет-нет, мы не хотим!

Я считал по этим истеричным выпадам в трапезной: «Ну выживает человек из ума, шутка ли – столько лет, вполне объяснимо...» Но оказывается, ничего подобного. Однажды приятно удивил меня. Перед Успением Божией Матери отец эконоом отправил меня в просфорню. Престольный праздник обители, тысячи паломников, просфор надо, как никогда, много, посему на просфорне аврал. Постоянно нёс послушание по выпечке просфор отец Аркадий, академик – духовную академию окончил отец Аркадий. Человек добрый, красивый, но исповедь жёстко ведёт. Было дело, я проштрафился, и он мне триста поклонов назначил. Я рассчитывал: «Покаюсь, и пронесёт: отец Аркадий сам по себе мягкий». Ничего подобного, получил по полной. Жёсткий отец Аркадий в этом плане оказался. Грешным делом после той исповеди стал остерегаться его. По жизни ко мне хорошо относился. При встрече останавливал, проявлял неподдельный интерес, расспрашивал, что и как. Интеллигентный человек. Но в то же время не мягкотелый, как оказалось. Неслучайно его в девяностые годы поставили наместником Одесского Свято-Пантелимоновского монастыря. Рядом с вокзалом обитель.

А ещё Тит подвизался в то время в просфорне, кстати, мой земляк-сибиряк. Вообще-то он в семинарии преподавал, но почему-то, может, что лето было, на просфорне нёс послушание. Меня и ещё двух братьев бросили им на подмогу. Просфорня – особое место, я всего два раза и удосужился послушничать там. Прихожу, Бог ты мой! – старец Михей. И не дореволюционную молодость вспомнить пришёл, не в сторонке поприусловствовать, безучастно понаблюдать, как братья пекут богослужебный хлеб, нет, он в свои сто два года управляет процессом, вся просфорня под ним ходит. Отцов гоняет, отчитывает как мальчишек. Сам помолодел, преобразился, прилив сил у него. Заставил нас, прибывших, прежде чем допустить к работе, ногти остричь, дал ножницы и выгнал на улицу: быстро привести себя в порядок! Вернулись – проверил каждого, после чего скомандовал мыть руки с мылом. Только что артериальное давление не отправил измерять. По его команде молитву прочитали и принялись за богоугодное дело.

Тит родом, насколько помню, из Красноярска. Немногословный и ревностный в вере, основательный. В нём был фундамент к монашеской жизни. Я по натуре общительный, работали с ним на винограднике, начал расспрашивать, откуда приехал, чем по жизни занимался?

Он коротко, в двух словах сказал о себе, потом бросил:

– Прости, брат, прости, давай лучше помолимся.

Мне почувствовалось, что-то трагическое у него в жизни произошло. Молодой, моложе меня лет на пять, и ревностный в вере. Не бука, всегда приветливо здоровался, читалось по лицу – искренне рад тебе. Когда с Иваном Антоновичем приезжали, отец Тит уже был архимандритом.

Всегда с радостью и благодарностью вспоминаю отца Геннадия. Удивительный старец. Держался в монастыре отшельником и молчалником. Своего рода юродство. Ходил в издавшем виде замызганном подряснике. Вместе с братией никогда не трапезничал. Нёс послушание – водопровод, канализация. Считал, ни к чему распространять в трапезной запахи своего далёкого от тонких благоуханий хозяйства. На службу ходил чин чинарём, вымоется (баней сам заведовал), облачится в рясу... У него был друг – отец Тихон, такой же старенький, они частенько пикировались. Отец Тихон увидит отца Геннадия в рясе, обязательно начнёт подначивать: «О, вырядился сантехник! А вдруг канализация прорвёт! И что тогда?» Они были полной противоположностью друг другу, отец Тихон – говорун, балагур, увидит тебя и ну что-то живо рассказывать, всегда у него были в записнике новости, истории. Вдвоём с отцом Геннадием топили монастырскую баню, а перед этим пилили дрова на циркулярке. Иногда я помогал. Забавно было наблюдать за этой парой. Отец Тихон говорит-говорит, задаёт вопросы отцу Геннадию, сам на них отвечает, его собеседник лишь кивает головой, редко-редко удосужится уронить скупое слово. Оно и не надо отцу Тихону, его монолог без того не оскудевает.

Отца Геннадия с ранней весны, как тепло устоится, до осени чаще можно было застать в его традиционной позе – сидящим на доске... Доска лежала прямо на земле: толстая (пятидесятка), широкая, длинная. Ноги вытянет вдоль неё, голову на грудь уронит... Сидел и дремал у стенки рядом со входом в подвал, его мастерскую. Чего там только не было – верстак с тисками, газовые ключи разных номеров, самый разный инструмент ждал своего часа... Тут же склад с задвижками, заглушками, вентилями, кранами, прокладками, патрубками, паклей... Ночью молился отец Геннадий, а днём вот так, сидя в теньке, добирал сон. Батюшка Иона, бывало, так же. К примеру, давим виноград, порцию сделали, ждём, пока отец Ефимий заливает сок в баки из нержавейки. В это короткое время отец Иона дремлет. Голову на грудь уронит, рука повис-

нет, или обопрётся о руку... Ночью молился, а днём в перерывах, если была возможность, досыпал. Часто повторял: труд и молитва – вот наши два крыла. Вечером придёшь к нему, он свечи отливает. Было у него маленькое устройство, ниточки-фитильки натягивает, воском заливает, меня попросит почитать из святых отцов. Слушает и свечи делает. Он научил меня читать по-церковнославянски. Подарил молитвослов Киево-Печерской лавры, давних времён издания, в кожаном переплёте, жучки немного поточили его. Подписал: «На молитвенную память Николаю». Церковных книг тогда днём с огнём нельзя было купить, но ему приносили, дарили. Он мог любую тут же тебе отдать: на! Да и любую вещь в келье. Любил подарки дарить.

Отца Геннадия особо уважал. И всегда спешил к нему на помощь (меня прихватывая), если у того форс-мажор – трубу прорвёт или что. Тут уж дрёма с отца Геннадия слетала, как и не было, бежал к нам: «Выручайте, братья!» И тогда лезем в колодец или подвал... Отец Геннадий указывает, что делать, какой вентиль крутить, где хомут ставить. У него сил уже не хватало. Или канализация выйдет из строя. Шуруем проволокой, устраняем затор, возвращаем в штатное состояние столь важную для жизнедеятельности монастыря коммуникацию. Сделаем, выберемся на свет Божий с головы до ног неизвестно в чём... Идёшь мыться и думаешь, чтоб я ещё хоть раз вот так согласился...

Отец Геннадий говорил о себе: «Я – человек грешный, окаянный, недостойный». Но этот вечно дремлющий дедок был редким молитвенником. Я удивился, когда архимандрит отец Арсений, окончивший, кроме семинарии, ещё и духовную академию, будущий духовник Свято-Успенской обители, на мою жалобу о личных нестроениях сказал:

– Ты попроси отца Геннадия помолиться, и всё наладится.

Думаю: «Да не может быть». Но ведь наладилось.

Уверен, и по его молитвам я священником стал. Пусть не сразу, но стал. Когда второй раз собрался в семинарию поступать, молился на могиле Кукши, просил старца, тогда ещё не святого, посодействовать, просил молитв отца Геннадия. Помню, от ректора семинарии иду убитый, тот сказал окончательное «нет» моему обучению, отец Геннадий сидит на своей доске.

– Что, опять не получилось? – спросил.

Начал ему жаловаться:

– Отец Александр сказал, что нельзя мне.

– Бог даст, – перебил моё нытьё отец Геннадий, – будешь священником. Обязательно будешь!

И заулыбался своей неповторимо сердечной улыбкой. Мне так захотелось обнять его, до того родной человек...

Был свидетелем, из Киева приехали высокие гости (летом в монастырь частенько приезжали отдыхать серьёзные люди), слышу, один архимандрит сетует эконому отцу Виталию, мол, так и так, бьюсь-бьюсь, а хоть ты волком вой, ничего не выходит.

– Попроси молитв отца Геннадия, – посоветовал отец эконом.

Отец Геннадий почти не разговаривал, кивнёт на твою просьбу. Или засмеётся (смех был рассыпчатый), рукой махнёт, вот и весь разговор. Постороннему могло показаться, у человека проблемы с речью. Ко мне, как к внуку, относился. И я к нему как к дедушке. Не понимал тогда, не хватало ума, что это не просто водопроводчик и хороший человек, это старец. Однажды захотелось арбуза. Иду на трапезу, отец Геннадий в своей дремлющей позе на доске расположился.

– Отец Геннадий, – спрашиваю, – не подскажите, где арбуз взять? Смерть как захотелось!

Он неопределённо сказал:

– Ты приходи, приходи.

Я и не понял, услышал, нет ли, о чём я ему говорил.

На следующий день иду, он голову поднял, пальцем, ни слова не говоря, показал на лавку, рядом стоящую. Я наклонился, а под лавкой в картонной коробке арбуз. Я уже забыл о вчерашнем разговоре.

Поздней осенью помогал отцу Геннадию вентили в подвал затаскивать, ну и сказал между делом: «Холода наступают, скоро снег пойдёт, пора на другую форму одежды переходить». Он кивнул головой. Вечером меня подзывает, в мастерскую заводит, на верстаке большой узел лежит, ремнём перевязанный. Отец Геннадий показал на него, мол, бери. Разворачиваю – шапка, пальто, ботинки тёплые моего размера, полный комплект на зиму. И туфли, да такие – только в ресторан ходить.

Пальто у себя примерил, нормальное, сунул руку во внутренний карман, а там деньги. Рублей сто двадцать. Приличная сумма деньги по тем временам. Билет на самолёт из Омска в Одессу рублей сорок стоил. У меня искушение – что делать? Борьба: идти с ними к отцу Геннадию или он специально положил? Отца Виталия спрашиваю: «Как поступить с деньгами?» Боялся обидеть отца Геннадия. Ну а вдруг просто-напросто забыл вытащить. Что обо мне подумает? Боролся-боролся, пока у меня это пальто не спёрли вместе с деньгами. Кто-то, види-

мо, случайно одел пальто и уехал. Только после этого признался отцу Геннадию.

– Не морочь мне голову этими деньгами! – замахал руками отец Геннадий и наладил в храм: – Иди уже, скоро служба начнётся!

Этим случаем вразумил: старец дал – бери и пользуйся и не страдай ерундой. У него ничего не может быть случайного.

При мне трудником пришёл в монастырь Валера. Отслужил армию, отдохнул, как мы после дембеля говорили, и направился в обитель. Друзья-однополчане, кто работать, кто поступать в институты, а он в монастырь. Под два метра ростом. Плечи – не обхватишь. Курчавые с рыжиной волосы. В подряснике ходил и здоровенных армейских сапогах. Добродушный, общительный парень. От работы не бегал. Но была проблема. На Успение Божией Матери на трапезу вино подали. Валера на радостях, что Успенский пост закончился, решил взять повышенное послушание: за себя и за тех монахов (многие отцы проявили к вину полное равнодушие) отметить праздник. Крепко выпил. И понесло... Начал по монастырю шататься, благим матом орать, распугивая окружающих. Благочинный отец Павел, сам под стать Валере богатырь, быстро устранил возникший непорядок, урезонил дебошира. Скрутили Валеру, полотенцами связали, бросили, как тюк. Я думал: «Ну Валере завтра достанется на орехи и остальные фрукты с овощами за нарушение устава монастыря. Обязательно будет разбор полётов, как это в миру бывает. Того гляди, выставят парня за ворота обители». На другой день Валера с утра впрягся в работу, под руководством келаря отца Никона возил на тележке продукты со склада в трапезную. И тишина! Никаких разборок и вызовов на ковёр. Все сделали вид, что ничего не случилось. То есть не осуждай брата своего, если он оступился, а молись за него.

Валера при мне обратился к отцу Геннадию, просил у того молитв, чтобы избавиться от тяги к вину. Батюшка, как всегда, молча кивнул... Валера поступил в семинарию, окончил её, это мне матушка Мариам написала, его рукоположили в священники и отправили в приход.

Отец Макарий был редким автомехаником. Ремонтировал любые марки машин. Зачастую немонастырских. При мне делал капремонт «Волге» профессора из Львова. Постоянно обращались из мира в монастырь... Могли позвонить отцу эконому из колхоза-миллионера с нижайшей просьбой – поставить «бобик» на ноги. В Одессе, в области были в курсе, есть в обители умелец, он любой ремонт сделает во славу Божию. Последнее качество светские заказчи-

ки не понимали, просто знали, не за страх, а за совесть работает человек. Для меня отец Макарий – идеал труженика и порядочного человека. И откликнулся на любую твою просьбу. Я в Киев уезжал во Флоровский монастырь, пиджак понадобился. В то лето в монастырь приезжали преподаватели Киевского института культуры, познакомился с ними, пригласили в институт. Как без пиджака в культурное заведение? Мы с отцом Макарием примерно одной комплекции. Спросил у него. Он открывает шкаф: «Выбирай, какой нравится, да хоть и все бери».

Два костюма, пару пиджаков висели. Я выбрал костюм тёмно-фиолетовый и пиджак в крупную клетку. Пиджак от костюма кому-то отдал, узковат в подмышках оказался, в клетчатом пиджаке долго ходил, и в Омск в нём уехал. Носким оказался.

Поначалу, когда я приехал в монастырь, отец Макарий был послушником, звали его Михаилом. Потом постриг принял. Моего возраста. Историю его прихода в монастырь не знаю, не говорили на житейские темы, в работе не любил разговаривать о постороннем, но меня часто призывал в помощники. Были ребята не чета мне – доки в автомобилях, но те лезли с советами, как лучше ту или иную неисправность устранить. Всезнайки-мастера раздражали. В отличие от них я работал по принципу: скажут крутить – кручу, держать – держу. И дело не стоит. Понятие капремонта у него было такое, что ему всё равно, чья машина – профессора, из военной части или колхозная. Ремонт – значит, ремонт. Двигатель ставим на кантователь, он его переберёт от и до... Что надо заменит. В монастыре всё заготавливалось впрок, в том числе имелся богатый склад запчастей. Кузов грунтуем, шпаклюем, красим, причём, если мушка какая, волосинка попала – всё перекрасит. Если надо укрепить раму (знал слабые места конструкции), жёсткости добавит. Или, наоборот, лишнее уберёт. Мыслил, как конструктор. Где-то набивается грязь – поставит защиту.

Работал отец Макарий, не глядя на часы.

Скажу:

– Не успеем к сроку, скоро должны приехать за машиной, а у нас ещё дел по горло.

– Ты, брат, главное не суетись, – бросит в ответ. – Случись авария по нашей вине, никто не спросит, сколько времени потратили на ремонт, долго возились или раз-раз и в дамки – забирайте машину. Каким словом нас помянут, произойди поломка в дороге? А если машина будет ходить исправно, за нас с тобой молиться будут.

Мелочей, которые можно оставить за бортом, у него не было. К примеру, пыль под ковриками в ка-

бине. По большому счёту хозяин не переломится, сам вычистит. Нет, проведёт уборку и скажет:

– Хозяин может ничего не заметить, но Господь знает, где мы с тобой лень праздновали.

На авось не надеялся, страх Божий был такой, что всё делал на совесть. Ремонтируем бортовой ЗИЛ. Перебрали двигатель, изношенные запчасти заменили, каждый болт смазали. Работает как часы. Задачу сделать капремонт двигателю выполнили на пять с плюсом. Он смотрит – в кузове одна доска с трещиной. Что тебе та доска? К двигателю не имеет никакого отношения. Ну трещина, не сломана ведь. Машина не один год с ней ходить может. Нет, он доску вынимает, новую выстругивает, красит, ставит.

– От Господа ничего не скроешь, – скажет.

Однажды пригнали ремонтировать «Альфа-Ромео». Как сказали, второй подобной красоти нет в Одессе. Напомню, был Советский Союз, иномарка на дороге – редкость. «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», «Волги» – вот и весь набор. Да ещё «Ока», про которую говорили: курица не птица, «Ока» не автомобиль. Соответственно, никаких специализированных автосалонов для «немцев», «японцев», «итальянцев».

Весь монастырь ходил любоваться не авто с лезущими грациозными формами.

– Брат Михаил, – спрашиваю, – ты когда-нибудь имел опыт работы с такой цацей?

– Не приходилось, – сказал отец Макарий без тени смущения.

– И с какой стороны к ней подступать будешь?

– Разберёмся, люди ведь делали.

Смело принялся за ремонт. Какой затык, открывает описание автомобиля, оно на английском, находит страницу с рисунком нужного агрегата, просит меня:

– Переведи, брат.

Я где с листа прочитаю, где со словарём, термины все специфические. Михаил слушает-слушает, в какой-то момент прервёт меня:

– Всё понятно, спасибо, дальше не надо.

Через девять лет приехали мы с Иваном Антоновичем в монастырь, Михаил давно уже отец Макарий, но всё так же занимался автомобилями. Увидев меня, призвал по старой памяти на помощь – выдавший виды грузовик реанимировал. Вдвоём с Иваном Антоновичем взялись подсобить. Иван в моторах и механизмах любому фору даст, как-никак танкист, принялся советовать отцу Макарию. Пришлось потихоньку урезонить, шепнул, что у мастера на всё сугубо личное мнение, бесполезно переубеждать, лучше не затевать автодебаты – быстрее справимся.

Исповедовался я часто у архимандрита Алексия (Филизова). Иногда у отца Арсения, но чаще – у Алексия, который в пятидесятых годах исповедовал самого академика Филатова и даже был какое-то время его духовником. Я ранее краем уха слышал про знаменитого врача-офтальмолога, попадалась статья о его прогрессивных методах лечения глазных болезней, а что он был глубоко верующим человеком, знать не знал. Это тщательно замалчивалось в Советском Союзе. Филатов был прихожанином храма святых мучеников Андриана и Натальи, что в Одессе на Французском бульваре. В этом храме служил после семинарии отец Алексей.

Говорю, был я совсем зелёный. Отца Алексия не воспринимал как высокой духовной жизни монаха. Не доходило до меня, передо мной иерей, у которого исповедовался всемирно известный учёный. Филатова уважали в самых высоких кабинетах, вплоть до Кремля, а кто завидовал ему чёрной завистью, те боялись строить козни против него, ведь самого Сталина лечил от глаукомы. Кавалер четырёх орденов Ленина, Герой Социалистического Труда. Только, пожалуй, учёные-атомщики получали в то время столько наград. Светило медицины ходил к отцу Алексию на исповедь. До меня это слабо доходило, мог запросто подшутить над батюшкой. Бывало, бегу с коровника... Как работал с вилами да лопатой, так в грязной одежде (скотник, что тут скажешь) бегу.

Отец Алексей стоит у церкви, волосы белые-белые, у отца Ионы чёрные с сединой, а у этого белые, завидит меня:

– Николай, ну-ка пошли-пошли на исповедь.

Начну отказываться, я ведь не просто так бежал, может, в город торопился. Мне бы поскорее умыться, переодеться и выскочить на часик-другой на море или в кино. Коровник – такое послушание, ты к нему как привязанный. Коровам всё равно – праздник, будни, они отгул не дадут, регулярно требуется кормить, доить, убирать за ними. Выдастся свободный часик, стараешься использовать по полной.

Пытаюсь открутиться:

– Батюшка, да я в грязном, только что от коров, как в храм в таком виде?

– Ничего, перед Богом все равны.

И куда тут денешься. Архимандрит зовёт.

Поисповедуюсь, уходя, брякну:

– Батюшка, наташил вам запахов навоза, никаким ладаном не перешибёшь.

Улыбнётся:

– Навоз – дело естественное, не какая-нибудь химия или радиация.

Не обижался на мои дурацкие шутки. Исповедовал долго. Получаса никогда не хватало. Меня расспрашивал, сам про Филатова рассказывал. Тот был близким другом архиепископа Одесского и Херсонского Никона (Петина), состоял в переписке с ещё одним великим врачом, архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), будущим святым. Бывало, стою под епитрахилью и, грешным делом, думаю: «Скорее бы ты, батюшка, закончил, мне бежать надо». В то же время неловко, ведь в грязном стою – как бы не замарать батюшку. Он не обращает внимания на неприглядный вид скотника.

Скажет:

– Ты много трудишься, брат, это хорошо.

Я в долгу не останусь:

– Зато вы, батюшка, много молитесь.

Улыбнётся, дескать, молодец, ответ принят.

– Ты прав, – заметит, – надо трудиться и молиться.

И это были не досужие разговоры. Исподволь он наставлял меня.

– Кто-то храмы разрушал, – скажет, – а кто-то всю жизнь жертвовал на них, как это делал Филатов.

За разработку методов пересадки роговицы и тканевой терапии Филатов в войну был удостоен Сталинской премии I степени. Учёный обратился к Сталину с просьбой половину денег направить в детские дома, а другую – в Свято-Димитриевский храм, что стоит на Втором христианском кладбище в Одессе. Что и было сделано, Сталин не стал препятствовать. Батюшка Алексей рассказывал, что Филатов помог сохранить храмы и на Французском бульваре, и Свято-Димитриевский. Если бы не он, могли бы снести.

Рассказал отец Арсений следующее о Филатове. Учась в Московском университете, увлёкся карточной игрой. И однажды выиграл у сокурсника крупную сумму денег, тот, желая отыграться, поставил на кон свой дом. Дело было ещё при царе. Проиграл и дом. На следующий день сокурсник не пришёл на занятия. Филатов поначалу не придавал этому значения, а потом его начала мучать совесть. Вернувшись домой, взял выигранные деньги и пошёл к сокурснику. А там гроб стоит с сокурсником – застрелился. С той поры Филатов зарёкся брать в руки карты.

Этот рассказ слышал потом и от батюшки Ионы.

Батюшка Иона исповедовал, как и отец Алексей, долго. Это был разговор о жизни, вере, человеческих немощах. Мог начать рассказывать о Суворове. Впервые был я у него на исповеди, когда мы приезжали в монастырь с Иваном Антоновичем. За то время, как мы не виделись, батюшка стал иеромонахом, за четыре года до нашего приезда – игуменом. Мне

посчастливилось у него четыре раза исповедоваться. Из Омска несколько раз ездил в отпуск в Харьков к родственникам и старался заехать в Одессу. Суворова батюшка почитал за крепкую веру в Бога, считал его святым, называл Русским архистратигом. В келье у него стоял портрет великого полководца. Для батюшки Суворов являл собой пример мирского человека, который не знал себя без молитвы, без церкви, без Святого причастия, который всю свою жизнь строил с Богом. И солдат учил тому же. Победы, а он не знал поражений, шестьдесят девять битв выиграл, считал не собственной заслугой, а даром Божиим... Батюшка повторял, что Суворов не дьявольскую гордыню тешил, направляя полки на неприятеля, как это делал Наполеон, он с Божией помощью бился с врагами царя, отчества и веры православной. «Преклоните колена, – обращался к солдатам перед сражением, – разогрейте душу к Богу, помолитесь Ему, и победа будет за нами». Суворов верил в чудотворную силу молитвы, говорил отец Иона. С Богом – за синее море, а без Бога – ни до порога!

Исповедовал меня в алтаре у жертвенника. Исповедь занимала не менее часа и проходила как беседа, он рассказывал о себе, своих грехах, вспоминал молодость, была она у него бурной, что-то спрашивал, и всем этим разговором подвигал тебя раскрыться, заглянуть глубже в себя. Мог батюшка заплакать. И понимаешь, стоя рядом с ним, плачет о тебе, о всех нас, мы живём не так, размениваемся на мелочи, суетимся, гоняемся за какими-то миражами, не делаем главного в жизни. Стоим в алтаре у жертвенника, епитрахилью накроет мне голову. Или я на коленях, он (ноги сильно болели) рядом присядет. Ощущение непередаваемое, будто в полёте. Время остановилось, исчезло, его нет, ты в другом измерении. Вот он, храм, идёт вечерняя служба или приготовление к ней, но это всё куда-то отодвигается, душа не здесь. Она в любви, исходящей от батюшки, сердцем чувствуешь, он сокрушается о грехах, тобою совершённых... Тебе и стыдно за себя окаянного, в то же время легко, тяжесть уходит из сердца, батюшкина любовь окрыляет, обновляет, благодатно преображает... Он понимает тебя, просит Бога за тебя... Эти минуты незабываемы.

После исповеди у батюшки Ионы вышел к Ивану Антоновичу, голову наклоняю:

– Потрогай.

Он руку положил, удивился:

– Ты, батюшка, как из бани.

Отцы Арсений, Алексей, Иона, сами того не зная (и я не думал тогда об этом), научили меня исповедовать. Они не копались, не расспрашивали дета-

ли... Собственно, по интонации человека, по голосу понятно – ему стыдно даже сказать название греха, в котором кается, видно, волнуется, раскаивается в содеянном... И наоборот бывает: такое начинает рассказывать про себя – стыдно слушать, а у него не чувствуется никакого раскаяния. Батюшка Арсений говорил: «Я сам грешник и люблю грешников». Он, отец Иона могли говорить на исповеди больше, чем я, исповедующийся, и не укоряли, не грозили пальчиком: «Ай-я-яй», вообще, казалось бы, о другом вели речь, да, слушая их, понимал свою греховность, понимал, как я далёк от спасения...

В 2013 году в последний раз удалось побывать у родственников в Харькове. Потом начался майдан, война на Донбассе. В тот раз планировал съездить в Одессу в монастырь, побывать на могилке у батюшки Ионы. Да не сложилось. Заговорил с двоюродной сестрой о батюшке. Она посетовала, у невестки проблема с чадородием, пять лет живёт в браке, а деток нет. Собиралась съездить в Одессу к батюшке Ионе, да прособиралась. А результат, говорят, всегда был положительный, у таких, как невестка, когда обращались к нему.

Я неплохо знал батюшку Иону в повседневной монастырской жизни, однако не предполагал того, что раскрылось в нём несколькими годами позже. Двоюродная сестра рассказала такую историю. У директора крупного завода... Не могу не вспомнить удивившие меня слова монахини Александры из киевского Свято-Вознесенского Флоровского монастыря о том, что были коммунисты, которые для простых людей становились отцами и братьями. Тот директор относился к таким советским руководителям – радел за завод, радел за заводчан. А дочь родную упустил – стала наркоманкой. Хорошая, добрая девушка попала в роковой капкан... Мать поехала к отцу Ионе за помощью. Очередь на несколько часов. Знала, можно задавать старцу один вопрос, а что скажет – неукоснительно выполнять, только тогда будет результат. Очередь подходит, до ушей доносятся слова батюшки. Мужчина задаёт вопрос по той же беде, что и у неё: сын – наркоман. Батюшка говорит: «Моли для него смерти, чтобы душу его спасти». Она испугалась услышать и в свой адрес подобное. Как так молить смерти единственной дочери?! Вышла из очереди, поехала на вокзал... Дочь умерла через два года. В Германии заразилась неизвестной болезнью, врачи не смогли поставить диагноз, вернулась домой и умерла. Её ребёнка дед с бабушкой усыновили и вырастили.

В мой период послушничества батюшка Иона время от времени выручал меня деньгами. В город

соберусь, а в кармане пусто, попрошу взаймы пятачку или десятку. Он, кстати, не пресекал мои походы в город, не требовал: в мир не ходи, сиди в монастыре, здесь твоё место. Нет. Ещё и пальто своё даст, то самое, в котором я во Флоровский монастырь ездил. Выглядел я в нём колоритно. Оттого и попал на Одесскую киностудию. Волосы у меня тогда, это сейчас сплошь седые, в то время волнистые, чёрной шапкой. Наверное, фотогенично смотрелся. Так-то я худой был, пальто добавляло недостающий объём. Иду мимо киностудии. Самый центр города, Французский бульвар, неподалёку от киностудии церковь святых мучеников Андриана и Натальи, в которой служил после окончания семинарии молодой отец Алексей и в которую ходил врач Филатов, тут же на бульваре здание, где была его клиника...

Иду прогулочным шагом, женщина останавливает:

– Молодой человек, мы снимаем кино, в массовой сцене нужен человек вашего типажа...

Пообещала три рубля за типаж.

«Ладно, – думаю, – почему не попробовать».

Так познакомился с режиссёром Валерием Федосовым. Через него с другим режиссёром – Кирой Муратовой. Тогда ей было чуть за пятьдесят. Одевалась нестандартно, с большим вкусом. Длинное в пол пальто, мог быть строгий отлично сшитый костюм, яркая блузка. Интеллигентно и в то же время оригинально. Она и по характеру была такой. В кабинете у неё на киностудии много раз бывал. Пили кофе, вспоминала Владимира Высоцкого, съёмки фильмов с ним – «Опасные гастроли», «Короткие встречи», его песни. Со своей стороны расспрашивала о монастыре. Её и Федосова удивляло, что я, современный образованный человек, художник по второй профессии, по собственной воле оказался в обители, столько времени живу бок о бок с монахами, несу разные послушания, вплоть до коровника. С Муратовой говорили о вере, о Боге, об отцах монастыря, силе молитвы. Женщина умная, интересная, но мне Муратова показалась очень одинокой. Сетовала, что её кино далеко не все зрители понимают, а радители идеологической выдержанности критикуют, но снимать сугубо на потребу публике не её удел. Ей хотелось, чтобы зритель думал вместе с ней, говорить с ним не на уровне инстинктов, а на уровне души, чтобы его волновало то, что тревожит в жизни её. Не желала тратить себя на мыло, если уж снимать, то умное кино. Кстати, она и после развала Союза старалась делать фильмы не на потребу...

Мы с ней одно время переписывались.

Мне Муратова говорила: «Может, попробовать тебя поснимать, внешность вполне, должно получиться».

До кинопроб со мной руки у неё так и не дошли, а Федосов решил дать роль пусть не главную, но и не такую, когда промелькнул в кадре, а потом ещё в титрах мелкими буквами в общем списке длиной в два экрана. Снимал он фильм «Утреннее шоссе». В главной роли Родион Нахапетов. Меня собирався попробовать на роль священника. Ты, мол, всё знаешь, касаемо этой сферы, не соврешь... Дал сценарий. Мы, когда познакомились, часа три проговорили. Ему было всё интересно: монастырь, церковь, монашеская жизнь. Дотошно расспрашивал. Тогда про церковь нигде не показывали, ничего не снимали. Ему хотелось показать. Дал сценарий. Я прочитал и накалал три листа критического мнения. Сценарист ничего лучше не придумал, как главарём наркомафии заделать священника. Портовый город, с гор Кавказа или Средней Азии привозят наркотики и переправляют по морю дальше. Герой Нахапетова, по имени Антон, таксист, его сменщика сначала втянули в схему доставки «товара», а потом в шахту лифта столкнули. На замену ему решили Антона использовать в качестве транспортировщика наркотиков.

В город приезжает взрослая дочь Антона, которую он ни разу не видел. Она хочет на папу посмотреть, а папа начинает за ней недвусмысленно ухаживать. Это ладно, по этому поводу замечания не делал, другое возмутило. Сценарист, наверное, считал себя гением – оригинальный ход придумал: под крышей православного храма главный мафиози окопался и всем заправляет... Съёмка уже шла. Я познакомился с Нахапетовым. По ходу дела понадобилось что-то наподобие стенгазеты смастерить, с Нахапетовым делали её прямо на съёмочной площадке...

Это было накануне тысячелетия со дня Крещения Руси. Я написал своё мнение о сценарии и сказал его Федосову: «Валера, ты русский человек, после такого фильма всю жизнь будешь каяться. Ведь всем нам отвечать перед Богом. Без тебя хватает тех, кто мажет грязью церковь – коммунисты-богоброды, КГБ. Никакой батюшка под автоматом не пойдёт на наркоторговлю. Это не просто грех, а грех, вопиющий к Богу. Ничего даже отдалённо похожего не знаю. Да и все батюшки под контролем КГБ. Получается, КГБ спит, раз у него под носом такое творится. Сцены, касаемые церкви, написаны топорно, даже люди, далёкие от этой темы поймут, это не соответствует действительности».

Резко написал. Мол, зачем тебе такая слава к тысячелетию Крещения Руси. Думал, обидится по-

сле моих категоричных слов. Но для меня вопрос был принципиальным. Что интересно, Валера послушался. Сделал главарём мафии начальника порта. У священника в переработанном сценарии осталась совсем крохотная роль. Главный герой везёт его на такси и просит помолиться за сменщика, убиенного раба Божия Михаила. Федосов звал меня на эту роль. Эпизод со священником снимали, когда я уже уехал в Омск. Мне пришла телеграмма с вызовом, но я не полетел. Кстати, в «Утреннем шоссе» снимался актёр Перфилов, который всем запомнился по фильму Говорухина с Высоцким в главной роли – «Место встречи изменить нельзя», где сыграл колоритного муровского фотографа. Перфилов сам по себе доброжелательный, светлый. Как-то он ждал съёмок своей сцены, а холодно было, я в автобусе сидел, он подсел и разговорились, простой в общении...

В монастыре была ещё одна видная личность – благочинный отец Павел (Судакевич). Как-то поздно вечером прихожу в келью к отцу Ионе и каюсь:

– Не удержался, так захотелось искупаться. С вечерней службы два раза удирал на море.

Удобно было. Море рядом – пару минут и там. Случалось, делал так. На клиросе встану с краю, почитаю, потом в боковую дверь шмыгну, через сад и на море. Покупаюсь, незаметно вернусь к помазанию, вроде никуда и не уходил. После помазания опять улизну. К окончанию службы вернусь. Шкодничал, одним словом.

Батюшка выслушал и говорит:

– Бог простит. Я сам сегодня отца благочинного обидел. Сказал ему, что в сытом теле добродетель не держится. Вырвалось с языка.

Тела у отца Павла было много. Глыба весом в сто двадцать килограммов. Железную дисциплину держал в монастыре. Поздно вечером (ночью тоже приходилось с ним сталкиваться, это когда я на коровнике работал), как медведь-шатун, ходил по территории. Бывало, на отца Иону шумнёт. У того подолгу свет в келье горел – молился.

Отец Павел как гаркнет, а голос такой, полмонастыря разбудит:

– Иона, ну-ка выключай свет!

Не дай Бог, семинарист припозднившийся попадётся на глаза, шуганёт, мало не покажется:

– Ну-ка спать!

А как без дисциплины! Что только не пережил монастырь за годы советской власти, поэтому ухо надо было держать остро, провокации нельзя было исключать. При мне послушника избил милиция до полусмерти. Васей звали. На монастырской грузо-

вой машине ехал, милиционеры остановили и потребовали вина. Вези и хоть ты тресни. Вася не без наивности, посчитал: милиция шутит. Одесситы – народ весёлый, почему бы милиции не поюморить. Откуда, спрашивается, у послушника вино? Так и сказал. Реакция последовала отнюдь не шутейная: «Ах, тебе вина жалко, поповский прислужник?!». Вытащили Васю из кабины, отволтузили так, что еле добрался до монастыря. Вся братия молилась за его здоровье. Врачей в монастырь приглашали. Но разглашать и заявлять в милицию не стали. Наместник отец Вадим решил дело не возбуждать. Посчитал, пожалуй, на милицию, только обители хуже будет. Еле-еле выкарабкался Вася. Отец Павел сокрушался: «Что ж ты, брат, такой недогадливый, надо было посоветоваться со старшими, нам что, вина жалко? Отвёз бы милиционерам, и дело с концом».

Простодушный Вася просто-напросто не сообразил. Менты имели в виду: раз ты в монастыре работаешь, нацеди банку-другую и привези. Знали о монастырском вине. Били Васю остервенело. Я на коровнике работал, пойду в угол, где сено лежало, встану на колени и молюсь. И все так, по кельям, на службе. Вымолили Васю.

На отца Павла любо-дорого было посмотреть. Бери с картины «Три богатыря» Илью Муромца, и вот он – наш благочинный. Рассказывали, когда ещё в академии учился, любимым развлечением у сокурсников было упросить его согнуть пятак. Отец Павел смущался, отказывался, только если сильно просили, исполнял цирковой номер. Брал советский пятак, клал его на указательный и средний пальцы, большим давил, будто фигуру из трёх пальцев хотел сделать, и пятак сгибался пополам. Во, силища!

Молодой инок Савватий заведовал при мне мастерской по металлу. В тот раз я у него молотобойцем подвизался, а делали скобы по заказу сельского храма. Мастерская без кузнечного горна, прутки разогревали газосваркой и гнули. Отец Савватий молотом показывал, куда наносить удар, я кувалдой бил.

Отец Павел подходит:

– Братья, дайте-ка помогу!

Я уже собрался ему молот дать.

Отец Савватий тоном, не терпящим возражений, пресёк трудовой азарт благочинного:

– Отец благочинный, вы в чистом, замараетесь!

Мол, к чему монаху вашей должности заниматься грязной работой, да и не отвлекали бы нас попусту, заказ был срочный.

Отец Павел искренне обиделся, будто в куске хлеба отказали.

– Да ну вас! – сказал в сердцах, развернулся и ушёл.

Один раз машину с картошкой, в решётчатые ящики затаренную, разгружали. В цепочку выстроились, передаём друг другу ящики. Пыль во все стороны. Торопились поскорее машину отпустить. Большую часть разгрузили, вымотались прилично.

Отец Павел подходит:

– Братцы, давайте помогу!

Кто-то бросил:

– Отец благочинный, вы бы лучше не мешались под ногами, без вас как-нибудь справимся.

Он едва не плачет:

– Братцы, ну что вы! Я ведь вижу, устали, шутка ли КамАЗ разгружать! Это не газик.

Всё же внедрил в цепочку, ящиков пятнадцать прошло через его руки. Довольный отошёл. Запылился, само собой.

Когда я с Иваном Антоновичем приезжал в монастырь, отец Павел уже наместником был.

С батюшкой Ионой мы часто трудились вместе, в огороде или на винограднике. В минуты отдыха он рассказывал про своё детство, родителей, про схиигумена Кукшу.

Говорил:

– Ты ходи к нему на могилку, молись. Уедешь в свою Сибирь, такой возможности не будет. На моей памяти не знаю, на твоей точно будет прославлен.

Про Кукшу много слышал от его последнего келейника отца Епифания. Тот походил на деревенского дедушку, белые волосы, сухой, на балалайке играл. Сядет с балалайкой на берегу моря, на обрыве, и поёт духовные песни.

Когда Епифаний уезжал из монастыря в отпуск, передавал мне своё послушание – следить за чистой вокруг летней патриаршей резиденцией. Стояла она в саду. Чудный уголок. Летом поутру такая благодать. Аллеи, кроны деревьев, птички поют, солнце сквозь густую листву каштанов пробивается, морская прохлада... Патриарх приезжал редко, но территорию отец Епифаний содержал в идеальном порядке. Мне не составляло большого труда подмести участок, а когда отец Епифаний возвращался, он приглашал в келью Кукши. Доставал арбуз, вина, рассказывал о Кукше, показывал его вещи, которые ревностно хранил: скуфью, рясу, книги... Тогда широкая публика ничего не знала про Кукшу, о нём не писали... Отец Епифаний и батюшка Иона в один голос заверяли: схиигумен обязательно будет прославлен в святых. Был прозорливым, обладал даром исцеления, к нему шли и шли люди с горестями, болезнями... Я уже говорил, отец Иона был у него в начале

шестидесятих годов, Кукша утвердил батюшку в намерении стать монахом. Я воспринимал слова о причислении Кукши к лику святых как сказку. Для меня тогдашние святые – это Александр Невский, мой небесный покровитель Никола Чудотворец, целитель Пантелеимон, Сергей Радонежский... Кукша – мой современник, почил в 1964 году. Не вмещалась в меня его святость. Прошло не так много времени, в 1994 году Кукша был прославлен в лике преподобных. День его памяти 29 сентября.

Отец Алексей тоже хорошо знал Кукшу. И тоже наставлял молиться ему. Сейчас паломники монастыря обязательно идут к раке с мощами Кукши, ну и к могиле батюшки Ионы.

Как-то мне бросился в глаза офицер, насколько помню – полковник. Солидный мужчина, в форме, седина. Почему заострил внимание? Не в первый раз видел его в монастыре. И не из праздно шатающихся – крестится, молится. Спросил у отца Ионы. В монастырь приезжали молиться и такие, по которым сразу было видно – не простого рода-племени... Я человек любопытный, тут же старался выяснить у кого-нибудь из насельников, что за необычный паломник...

В тот раз у отца Ионы спросил по поводу военного. Батюшка поведал следующую историю. Девушка приехала к Кукше и говорит: «Жить в миру – не моё, хочу принять монашеский постриг. Дом продала, вот деньги». Достает из сумки пакет. Решительная девушка. Мол, не с пустыми руками пришла. А старец и говорит: «Возвращайся домой, выйдешь из поезда и первому, кто тебе встретится, отдай деньги». Она посчитала волей Божией услышанное от старца. Поехала домой, вышла из поезда на своей станции, налево-направо посмотрела – никого нет. Направилась вдоль путей, вдруг навстречу военный. Ещё подумала, офицер не может быть бедным, но раз сказал батюшка: «Отдай первому повстречавшемуся», протянула пакет со словами: «Это вам». Лейтенант пришёл к железной дороге с твёрдым намерением броситься под поезд. Накануне проиграл в карты крупную сумму казённых денег и другого выхода не нашёл, как наложить на себя руки. Оружия не было, выбрал железнодорожный вариант. С недоумением развернул полученный от незнакомки пакет и увидел сумму как раз для погашения недостачи. А вскоре женился на спасительнице.

Мне верилось и не верилось. Тем не менее – вот он, тот самый военный. Тогда увидеть человека в форме в монастыре – крайняя редкость. Второго случая не припомню. Этот приезжал несколько раз при мне.

Я ведь не успокоился, спросил у отца Епифания про военного и от него услышал ту же историю.

Отец Епифаний жил с радостью в сердце. В общении светлый. Но когда я в девяностые годы увидел его, был потухшим, потерянным. Произошла метаморфоза после публикации воспоминаний о Кукше. Написала их монахиня, которая приезжала к игумену задолго до своего пострига, в молодости. Отца Епифания изобразила злобным, ненавидящим Кукшу, считая, что через него действовал враг, изводящий схиигумена со света. По её воспоминаниям, послушник Николай (будущий отец Епифаний) не дружил с головой, был страшно груб со старцем, командовал им. Окончилось тем, что холодным октябрём выгнал его из кельи, в результате чего Кукша простудился, заболел и умер.

Зачем написала? Ради того, чтобы показать страдания старца? Хотела того или нет – впала в грех осуждения. Мне представляется, монахиня по фрагментам, которые видела сторонним взглядом, не зная всей картины, сделала заключение о целом. К примеру, отцы Геннадий и Тихон, перебирая старые доски, что шли на дрова, могли повздорить, раскричаться. Со стороны посмотришь: да эти истеричные деды хуже, чем кошка с собакой живут. На самом деле – неразлучные друзья. У Кукши сильно болели ноги, страдал от тромбоза, и возраст под девяносто. Допускаю, это была своего рода игра, согласованная со старцем. Келейник отгонял паломников, шумел на старца, видя, что тот держится из последних сил и срочно нуждается в отдыхе. Тогда как паломникам казалось, келейник груб со старцем, крутит им, как в голову взбрёт. Но это была видимая сторона. Кукша в последние годы мог принимать посетителей, а по его ногам кровь текла, собиралась в сапоги. Келейник, вырвав старца у паломников, мыл ему ноги, мазал мазями, ухаживал за ним.

Мне, знавшему отца Епифания, думается, монахиня перегнула палку, написала со значительным преувеличением. Что стало для отца Епифания ударом.

Никогда не замечал, что он слаб умом, как написала монахиня. Мы много лет не виделись, приехал в монастырь, отец Епифаний сразу узнал:

– О, Николай! Ты уже священник! Это хорошо!

«Сильные умом» не все вот так сходу вспомнили...

Если подвести итог моего трудничества в монастыре, я увидел ту самую «кухню», о которой говорил в Омске отец Борис. Приехал одним человеком, уехал другим. Открыл для себя мир, о котором и не догадывался, который существовал параллельно

светскому миру и по своим законам – доброта, смирение, нестяжание, вера, молитвенное состояние. Был в монастыре, как в семье, с кем-то ближе, с кем-то дальше, но это стало моим, ничем не заменимым. И работа не в тягость. Несёшь послушания, ходишь на службы, читаешь в церкви, поёшь. Дни идут, а на душе хорошо – ты там, где должен быть, на своём месте, ты здесь свой.

Обстоятельства сложились так, мне надо было возвращаться в Омск. Планировал до тысячелетия Крещения Руси отбыть, отец эконоμ попросить остаться, помочь в подготовке к празднику. Не мог отказать, задержался на полтора месяца и только потом уехал.

– Приезжай, – звал батюшка Иона, прощаясь со мной. – В гости ли, навсегда ли – приезжай.

Вернулся в Омск, и как раз началось казачье движение. По отцу я – из уральских казаков. Стал ходить на казачьи мероприятия. Звания тогда за просто налево-направо раздавали, сделали меня сотником. Сотник налицо, в сотне – ни одного казака. Начал искать казаков себе в подчинение. Времена шли бурные, Союз развалился, вспыхнули боевые действия в Приднестровье. Войсковой атаман Тупиков несколько раз ездил туда с нашими ребятами воевать. В очередной раз набирает группу, я решил тоже поехать. Назвался груздем – полезай в кузов: не для карнавала надел казачью форму. С автоматом обращаться умел, в армии не писарем в штабе обретался.

Вдруг поступает предложение – автомат заменить крестом иерея. Атаман второго отделения нашего казачьего войска Волин говорит:

– Николай, ты в церковь ходишь, в монастыри ездешь, пришла бумага: в Новочеркасске организуются курсы полковых священников. Отучишься на курсах и поедешь в Приднестровье священником. Казак без веры – не казак. Без тебя есть кому с автоматом воевать, нам нужны свои батюшки. Возьми благословение у владыки Феодосия – и вперёд. Казаки решили, ты самая подходящая кандидатура.

Предложение атамана пришлось по душе – и казак, и священник. Поживу, думаю, в центре донского казачества, съезжу в Вёшенскую станицу, поклонюсь могиле Шолохова. Окончу курсы и поеду в Приднестровье полковым к нашим казакам священником. Вписали моё имя в направление на курсы. Самая что ни на есть официальная бумага, со всеми печатями. С ней отправился ко владыке Феодосию, митрополиту Омскому и Тарскому, будучи уверенным, через неделю еду в Новочеркасск. Владыку Феодосия тогда практически не знал. В церкви, ко-

нечно, видел, на архиерейских службах был. Он меня вообще не знал, кто я и чем дышу.

Владыка пробежал глазами направление, улыбнулся, как только он мог улыбаться, с хитринкой, и развернул дело по-своему.

– Для начала, – говорит, – возьми квач, помоги женщинам мыть стены собора. А потом мы на тебя посмотрим.

По его тону понял, сходу не благословляет на курсы. А без благословения куда поедешь? Самочинство будет.

Владыка, отправляя на послушание, добавил:

– Завтра часам к восьми вечера приходи ко мне домой, побеседуем.

Стал к нему ходить, разговоры разговаривать. Какое-то время был вроде референта при нём и сторожа. Отвечал на звонки, когда его дома не было. Владыка мог улететь в Москву на несколько дней, меня оставлял присматривать за домом. Взялся он за меня основательно, стал привлекать на архиерейские службы иподьяконом, потом на правил пономарём в Казачий собор к настоятелю Виктору Чухно. Комплексно подошёл к моей грешной персоне, так как надумал рукоположить в священники. Даже матушку мне, холостому да неженатому, организовал и в роли свахи выступил, только что сватов не засылали, а так проявил завидное упорство в достижении цели.

Получилось следующим образом. Владыка взял меня с собой в район на церковно-светское мероприятие и приметил, вот уж глаз был у него, обратил внимание, что я проявил интерес к хористке. Евгения пела в светском хоре, отличный был коллектив, прекрасный руководитель Вера Михайловна – человек верующий, хор исполнял много духовных песен. Владыка с большой симпатией относился к этому коллективу.

Интересное было время. Церковь только-только вырвалась из-под гнёта советской власти. Владыка трудился на всех фронтах. И в церкви, и в миру. Сидел в президиумах светских мероприятий, не только лишь сидел, нёс пасторское слово, а проповедником он был отменным, открывал приходы по всей области, организовывал духовные концерты. На одном из них и узрел факт моего интереса к хористке.

По отдельности мне и ей назначил прийти в одно и то же время к нему на чай. Ничего не подозревая, прихожу и застаю Евгению. Не придавал этому никакого значения. Мысли не возникло, что неслучайно разом оказались у владыки. Евгения была правой рукой руководителя хора, ту владыка привечал у себя, поэтому я посчитал – Евгения решает с вла-

дыкой творческие вопросы. Пьём чай, о чём-то беседуем.

Владыка вдруг выдаёт:

– Сиж и любуюсь на вас, молодых и красивых, вижу – из вас получится прекрасная пара. Николая будем рукополагать в священники, ему нужна хорошая матушка. Благословляю вас под венец.

Евгения вспыхнула до корней волос, брызнула из-за стола. Удрала.

Владыка улыбается:

– Это хорошо! Плохо, если бы на шею тебе бросилась.

Через день звоню Жене, опасался: вдруг наотрез откажется встретиться после сватовства у владыки. Нет, пришла. Ни слова ей об инциденте у митрополита, и она молчит на данную тему. Однако владыка был человеком целеустремлённым, если что решил – не свернёшь. Касалось ли это глобальных вопросов – строительства Христорождественского собора, восстановления кафедрального Свято-Успенского или сугубо частного случая – женитьбы будущего священника. Если долго не рассказывать, после некоторых колебаний дала Женья согласие, я доложил владыке, он определил, в каком храме будем венчаться, назначил священника. Я справил наряд жениха – костюм, туфли, рубаху. Всё чин чинарём. Женья платье подвенечное сшила. Но в последний момент струсила. Не явилась в церковь. Ждём-пождём, а невесты нет.

Говорю владыке:

– Владыка святой, нет так нет! Насильно мил не будешь. Слишком старый я для неё.

Мне тридцать девять, ей всего двадцать пять.

Владыка как ни в чём ни бывало:

– Николай, не хвилюйся, добивать будем!

Да ещё со своим украинским акцентом «добивать будем».

Уважаемый верующими и властями митрополит, пожилой человек, выделил время, приехал на венчание, а невеста выкинула фокус. Что интересно, не обиделся, что его благословение игнорируется.

– Вот увидишь, – уверенно сказал, – гарная матушка получится!

И вторая попытка венчания оказалась неудачной – невеста повторила фокус с невяжкой. Никак не могла решиться на столь важный шаг. В третий раз владыка назначил «добивать» в Казачьем соборе. Там ещё стоял орган, перед ним ряды белоснежных кресел, богослужения проходили в боковом приделе. Ничего умнее не придумали в советское время – устроить в православном храме органный зал. После возвращения храма епархии орган долго не де-

монтировали, по назначению не использовался, но стоял.

В третий раз собрались мы венчаться перед Петровским постом, едва не последний день, когда можно было. Дальше бы на долгий месяц отложилось. И снова та же картина, что и в предыдущие разы. Жених во всей подвенечной красе, в тёмно-синем костюме, белой рубашке, побрит, пострижен, наглажен, владыка в наличии, священник, настоятель храма отец Владимир Чухно, в облачении, венцы приготовлены, дружка, кому венец над моей головой держать, в полной готовности выполнять торжественную миссию, хор в ожидании отмашки регента поддерживать таинство пением, сочувствующие (несколько казаков, друзья) подошли, а невесты тютю. Обещала, божилась – больше ничего подобного не повторится, и снова здорово... Пытаюсь дозвониться ей – никто не отвечает. Нервничаю, будто сам виноват. Ругаю возлюбленную на чём свет стоит. Как так можно? Ну скажи: «Нет», рубани с плеча, да и дело с концом.

Владыка подождал-подождал, крикнул, сел в «Волгу» и поехал в свою резиденцию. Проводили его, поднимаюсь по ступенькам паперти, впереди батюшка Владимир, я следом. Сейчас, думаю, извинюсь перед собравшимися и поставлю жирную точку в истории с венчанием. Зол был на Женю, не то слово.

Слышу, батюшка радостно возглашает:

– А вот и невеста!

Женя идёт с подругой. Постеснялась в подвенечном платье приехать, с собой взяла. Батюшка Владимир тут же владыке позвонил. И здесь он не фыркнул. Пока невеста надевала подвенечный наряд, вернулся. Оказал нам честь. Жена зашла в придел, владыка уже там, будто и не уезжал.

Вскоре меня в том же Казачьем соборе рукоположил в дьяконы. Месяца три служил дьяконом в Крестовоздвиженском соборе, тогда был он кафедральным, потом поехал с владыкой в Крутинку, где был рукоположен в священники. На обратной дороге владыка оставил меня в Саргатке – создавать приход, решать вопрос с храмом.

Так я стараниями владыки Феодосия, вечная ему память, стал священником. Отдельное спасибо владыке за матушку, если бы не его настойчивость... Пятеро деток у нас...

Два года разрывался между Омском и Саргаткой, потом владыка поставил настоятелем саргатского храма отца Серафима, с той поры служу только в Крестовоздвиженском соборе.

Там в первой половине девяностых познакомился с Иваном Антоновичем.

Сам по себе Иван дотошный, воцерковляясь, то и дело подходил с какими-то вопросами, а потом говорит:

– Батюшка, будьте моим духовником.

Я – в отказ. Какой из меня духовник? Попытался объяснить, что духовники, в моём понимании, это многоопытные в духовном делании священники, монахи, такие как отцы Свято-Успенского Одесского монастыря Арсений или Алексий, а теперь ещё и батюшка Иона. Я в священниках всего ничего, какой из меня духовник-наставник.

Иван Антонович твердил своё:

– Вы из уральских казаков и я. Мы одного возраста...

Одним словом, подружился мы. Брак у него был невенчанный, обвенчал их. И вдруг эта трагедия – у него погиб старший сын. Я отпевал. Девять дней прошло после смерти, Иван весь чёрный ходит, на жену его Ольгу вообще смотреть больно.

– Иван, – предлагаю, – а поедем-ка в Одессу к батюшке Ионе.

Он согласился.

В СВЯТО-УСПЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ Второй рассказ раба Божия Иоанна

В год гибели моего Антона было у батюшки Николая и матушки Евгении две дочери. В Одессу поехали мы семьями, они вчетвером, я с женой Олей и младшим десятилетним сыном Петром. В Одессе с вокзала прямо с чемоданами направились в монастырь. Отец Николай первым делом обратился к старому знакомому отцу Виталию, эконому, царствие ему небесное, почил уже. Тот призвал к себе монахиню Марию и попросил разместить сибиряков у неё в доме. Всё решилось в какие-то полчаса.

Матушка Мария жила в трёхстах метрах от монастыря. Двухэтажный дом, уютный дворик, даже садик ухоженный имелся. В далёкие пятидесятые-шестидесятые годы матушка была духовным чадом и келейницей владыки Одесского и Херсонского митрополита Бориса (Вика). Рассказывала, был он человеком с большим сердцем, многим помогал. И её поддержал в трудный период.

Матушку Марию арестовали за хранение обращения Иоанна Кронштадтского к русскому народу. Пусть умер святой задолго до установления власти советов, карающие органы посчитали антисоветским его призыв к русским, к России твёрдо держаться веры православной, церкви и царя православного, иначе будет страна «не Россией, не Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев». Отсидела матушка в общей сложности восемнадцать лет

ГУЛАГовских лагерей. Много скорбей пришлось претерпеть женщине. На свободу вышла, а ни кола, ни двора, ни родственников. Владыка Борис приютил в своём доме, жил он вместе с мамой. Мария стала помогать по хозяйству, трудилась в Свято-Успенском монастыре. Архипастырское служение владыки Бориса на Одесской кафедре совпало с годами хрущёвской злобы на церковь. Митрополит активно и небезрезультатно противодействовал закрытию церквей в своей епархии. С владыкой нельзя было разговаривать только на уровне приказов, пользовался большим авторитетом в народе, архиерейские службы проходили в переполненных храмах, паства шла за ним. Поэтому был бельмом в глазу властей предрежащих, немало врагов нажил. И надорвал сердце. Умер в пятьдесят девять лет от инфаркта, а потом и мама его умерла, похоронена рядом с сыном на монастырском кладбище. Умирая, завещала дом матушке Марии, она к тому времени уже постриг приняла. Так что жили мы в бывшем архиерейском доме.

Матушка Мария приняла нас как родных, выделила большую комнату, в ней все вместе разместились. Монастырь рядом и атмосфера в доме самая благодатная. По вечерам матушка Мария приходила к нам, душевно разговаривали, читали книгу «Отец Арсений», она только-только появилась.

Отец Николай по дороге в Одессу сказал, что в обители надо обязательно поработать. Эконом отец Виталий поприветствовал наш трудовой порыв и отправил батюшку в распоряжение келаря отца Никона, тот его на фитофтору определил, я попал бригаду, которой руководил иеромонах отец Иоанн. Говоря по-научному, пришлось мне поучаствовать в решении логистической задачи по погрузке-разгрузке, перемещению грузов из точки А в точку Б. Вместе с отцом Иоанном возили на тележке бетонные столбы для забора, которым огораживали складские помещения на территории монастыря. Три дня занимался заборной логистикой, а потом отец Николай упросил отца эконома дать нам общее послушание. Объяснил ситуацию с погибшим сыном. Отец Виталий внял просьбе и, к большому недовольству отца Иоанна, отправил меня на фитофтору. Отец Иоанн в резкой форме высказал отцу Николаю своё негативное отношение к такой перестановке послушаний: не хватает рук забор ставить, а он, пользуясь благосклонностью отца эконома, забрал нужного работника, тем самым оголил фронт. Позже, правда, они примирились.

В южной части монастыря, ближе к морю, располагался виноградник, а рядом с ним большое поле

помидоров. Помидоры росли не как в Сибири, без ухищрений с колышками, подвязыванием каждого стебля – прямо на земле. И урожай – красным красным. Но много плодов, поражённых фитофторой. Их мы убрали, дабы болезнь не поражала здоровые.

Я работой с отцом Иоанном был доволен, он проявил живой интерес ко мне, расспрашивал о Сибири, о моей службе в армии и понемногу начал рассказывать про батюшку Иону. Не сразу, видимо, приглядывался, можно-нет доверять информацию про старца паломнику-омичу. Тогда ещё ничего не писали о батюшке Ионе. После работы отец Иоанн накрывал стол в саду, вкушали вместе, беседовали.

Отец Николай сказал перед поездкой в монастырь, что в Одессе живёт редкий угодник Божий, старец Иона. Такой же почитаемый на Украине, как в России протоиерей Николай Гурьянов с острова Залит, архимандрит Кирилл (Павлов) из Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) из Псково-Печерского монастыря.

Втайне я надеялся, отец Иоанн был вхож к батюшке Ионе, он поспособствует встретиться со старцем, что было не так-то просто. Прямо сказать – совсем не просто. Ворота в монастырь открывали в шесть утра, а уже с трёх-четырёх ночи начинала расти очередь у ворот – жаждущие попасть к отцу Ионе.

Отец Николай говорил:

– Надо хорошо молиться, чтобы побывать у него. Тут как Бог управит.

О старце Ионе много поведала Тамара, его духовное чадо. Мы жили у матушки Марии на первом этаже, Тамара в этом же доме – на втором. Как уже говорил, при доме садик, думаю, ещё от владыки Бориса остался. Виноград, яблони, груши, абрикосы. Дневной зной спадёт, и так хорошо посидеть, наслаждаясь южной благодатью. Тамара рассказывала, что батюшка Иона родился в 1925 году на Кировоградчине девятым ребёнком в семье. Назвали Владимиром. Родители крепко держались веры православной. За это, скорее всего, как идеологические противники новой власти попали под раскулачивание. Была в хозяйстве лошадь и коровёнка, а как без этого прожить большой семье. Наличие скотины стало поводом для записи в кулаки, с последующей экспроприацией движимого на четырёх ногах и недвижимого имущества.

В пятнадцать лет Владимир начал трудовую деятельность на кавказских нефтепромыслах. Было время, зарабатывал на хлеб шахтёром, потом трактористом. Однажды ночью пахал на тракторе, смотрел его сон под монотонное урчание мотора – уснул

за рычагами молодой парень. Внезапно проснулся, а в свете фар перед капотом женщина стоит, секунда – и наедет на неё. Остановил трактор, выскочил, глядь, никого нет, а гусеницы в метре от крутого обрыва. Ещё немного и сверзился бы в глубокий овраг. Отец Иона говорил: «Это Богородица меня от смерти спасла».

Был батюшка в миру непаинькой. В молодости никого не боялся, ходил с ружьём. Отец упрекал сына, мол, никто в семье оружия не носил... По словам Тамары, батюшка с неохотой вспоминал ту свою жизнь, нелюбимо отзывался о себе. Был мужчиной жёстким, сильным и гордым. В начале шестидесятых годов заболел тяжёлой формой туберкулёза и оказался в одной палате с такими же обречёнными на смерть. Одного вперёд ногами вынесли, второго... Глядя на эту картину, дал обет посвятить себя Богу, если удастся выйти из больницы.

И случилось чудо. Начал на глазах оживать. По логике болезни обязан был чахнуть, а всё происходило с точностью до наоборот. Бесповоротно пошёл на поправку. Выписали как совершенно здорового человека, даже рубцов в лёгких не осталось.

Обет, данный Богу, вчерашний смертельно больной не забыл. Отправился в Абхазию к монахам-пустынникам, что ставили кельи в безлюдных местах среди гор и славляли Бога вопреки всем гонениям и напастьям. Претерпевали изрядно. Выискивали их с вертолётов, арестовывали, бросали в камеры к уголовникам. Этой участи батюшка Иона избежал, какое-то время пожил среди пустынников, а потом отправился в Одесский Свято-Успенский монастырь в надежде стать трудником, славить Бога в молитве, работать вместе с братией во славу Божию. И получил категорический от ворот поворот: ни под каким видом в обитель взять не можем. Не потому, что не нуждался монастырь в рабочих руках. Ещё как требовались они, тем более те, которые к любому делу пригодны: и крестьянствовать могут, и в сугубо рабочих специальностях разбираются. Всё объяснялось просто: власть в очередной раз ополчилась на церковь, на всякие ухищрения шла в намерении закрыть один из последних монастырей. На тот период категорически не разрешалось брать в обитель даже трудников.

Батюшка Иона отчаиваться не стал. В Абхазии пустынножители как только не приспособляются, сгонят с одного места, в другом ставят кельи из подручного материала. Один в дупле устроился. Однажды решил сходить с визитами к братии, кто поблизости жил, а никого нет – кельи разорены. Милиция по наводке вертолётчиков устроила облаву. Лишь келью-дупло не засекли с воздуха.

Батюшка Иона пошёл на берег моря, на котором монастырь расположен, в глиняном обрыве, где стрижи норы роют, выкопал себе пещерку. Обосновался почти как пустынный в первые века христианства. В пещерке несколько месяцев жил и молился, просил Матерь Божию принять в свою обитель.

Местные власти, всячески досаждая монастырю, пытались не мытьём, так катаньем подвести его к закрытию. Придумали светлые партийные головы темнотой одолеть оплот православия – отключили подачу электроэнергии. Пребывали в полной уверенности: монахи поживут-поживут без электричества да и разбредутся кто куда. При лучине большое монастырское хозяйство не потянешь. Обитель не только себя содержала, государство драконовскими налогами обложило монахов. И не могли не заплатить вовремя. Это колхозам сроки проплат сдвигались, суммы долгов скачивались или списывались вовсе, монастырям – нет. Вынь да положь в указанный срок назначенную сумму. Монахи в ответ на происки властей с отключением электричества раздобыли мощный дизель-генератор военного образца. Нашли выход из тупиковой ситуации. Одна загвоздка: обслуживать технику некому – нет дизелиста среди братии. Священнослужители есть, певцы есть, электрики есть, водопроводчики есть, виноградари есть, специалиста по эксплуатации дизеля – ни одного. Тут-то и вспомнили о трактористе, что просился в обитель. Отец-наместник призвал к себе упрямого мужика.

Потом отец Иона будет вспоминать: «Я-то думал, в монастыре только и буду в молитвенной тишине к Богу взывать, а у меня опять в ушах шум дизеля».

Следующую историю не от Тамары слышал, в поле, когда на фитофторе работали, семинарист рассказал.

Владыка митрополит Сергей (Петров), был он человеком сановитым, по-генеральски представительным, однажды присмотрелся к братии монастыря и ну отчитывать, дескать, негоже ходить в поношенных, латаных-перелатаных подрясниках: «В обитель паломники приезжают со всех краёв, его святейшество патриарх в любой момент может заявиться, а вы ходите в затрапезном виде». Не будешь возражать архипастырю, что не избалована братия разнообразием гардероба. Если и есть подрясники поновее, так они в церковь на службы одеваются, зачем понапрасну трепать...

Высказал владыка претензии братии. А когда стали подходить к нему под благословение, появился инок Иона, доселе отсутствовавший по причине

выполнения срочной работы – ремонтировал дизель-генератор. Подойдя к митрополиту, на глазах у всех наклонился и вытер руки, измазанные соляркой и машинным маслом, о шёлковый подризник владыки. Затем взял архиерейское благословение и как ни в чём не бывало пошёл дальше реанимировать раскапризничавшуюся технику.

Митрополит Сергей, только что распекавший братию за внешний вид, проявил удивительное смирение. Ни слова, ни полслова не промолвил по поводу дерзкого поступка инока. А вскоре одарил монахов новыми подрясниками. В том числе и инок Иону.

В тот день мы с отцом Николаем пришли в трапезную на обед. По уставу сначала монахи трапезничали, потом все остальные. Мы припозднились, заходим в трапезную, Бог ты мой, никого нет, а батюшка Иона арбуз вкушает. Перед ним в глубокой тарелке стоит средних размеров нарезанный аккуратными ломтями арбуз...

У меня сердце оборвалось, вот он, батюшка... Впервые за пять дней увидел. На территории монастыря постоянно был в ожидании, вдруг появился откуда-нибудь, не пропустить бы... Ему тогда было чуть за семьдесят лет. Крепкий, борода с густой сединой, но, видно, когда-то была смоляной черноты...

Отец Николай спросил:

– Батюшка Иона, не узнаёте меня?

– Как же тебя не узнать, – сказал батюшка и шутиливо пропел:

*Коля-Коля-Николай,
Сиди дома – не гуляй!
К тебе девушки придут,
Поцелуют и уйдут!*

В это время в трапезную вошёл высокий статный монах в клобуке. Лет сорок с небольшим. Роскошная густая борода.

Батюшка Иона представил его отцу Николаю:

– Это моё духовное чадо. Офицер, полковник.

Монах взял у батюшки Ионы благословение и ушёл.

Отец Николай на меня показал:

– А вот моё духовное чадо, тоже полковник. – И добавил: – У него сын недавно погиб.

Только это и сказал обо мне. Я сел в сторонке, мне принесли поесть. Отец Иона начал расспрашивать отца Николая об Омской епархии. В один момент повернулся в мою сторону, передал ломоть арбуза.

– Бери кушай. Вкусный кавун.

Минут десять они беседовали. Батюшка Иона поднялся уходить.

Я всё это время сидел, как на старте, вскочил, шагнул к нему:

– Благословите, батюшка.

Он молитву прочитал и говорит:

– Не печалуйся, чадо. Кто убивает, грехи убиенного на себя забирает.

Отец Николай ничего не говорил батюшке об обстоятельствах смерти сына. Я в пяти метрах сидел, весь разговор слышал. Только и прозвучало обо мне, когда представлял: «У него сын погиб».

Кто бы только знал, как мне стало легко после слов батюшки. Словно многотонная глыба свалилась с души, под гнётом которой жил после смерти Антона.

«Кто убивает, грехи убиенного на себя забирает».

Фактически сказал: убили Антона...

Понимаю женщину, которая пришла к старцу со своими печалью и грехами и бежала от него, не чуя под собой ног, ликуя от счастья: «Батюшка Иона сказал, что любит меня!».

Отец Иона (рука у него лёгкая, будто воздушная) благословил, в моей голове пронеслось: «Вот бы ещё сына и жену благословил».

Буквально на следующий день Оля с Петей и матушкой Марией идут по монастырю, навстречу батюшке Иона, обычно вокруг него коловращение, здесь никого. Они к нему под благословение...

Как можно не верить после этого в милость Божию.

НЕ БЫВАЕТ КЛАДБИЩЕ БЕЗ ПРАВЕДНИКА

Третий рассказ раба Божия Иоанна

В танковом училище был у меня друг и товарищ Валера Самохин. Отличный парень, даже породнились, наши жёны – двоюродные сёстры. На третьем курсе дали нам увольнение, Валера пригласил к своей зазнобе: «Пошли-пошли, к моей Надежде сеструха сродная приехала из района, не теряйся – отличная деваха». Я, слава Богу, не растерялся. С девушками застенчивый был, тут крепко задружил. После училища пути-дороги наши с Валерой редко пересекались, но как ни встретимся, подначивал: «Ты меня аж бегом обязан коньяком поить за такую жену!».

Валера тоже помотался по Союзу. На Дальнем Востоке начинал службу, потом – Алтай, Горьковская область, Германия, наконец, Украина. На год раньше меня академию окончил. Головастый, хваткий. На Украине осел. Смеялся: «Перепуталось всё кверху ногами. Русак Самохин в Украине, а хохол Савченко в Сибири!» При развале Союза он был заместителем

командира дивизии в Закарпатье, полковник. Ему пообещали: «Останешься в Украине, через полгода станешь командиром дивизии и получишь генерала». Он клюнул. Валера профессионал, всё прошёл: от взводного до замкомдива. Он бы и дивизией командовал лучше многих. Одним словом, присягнул Валера Украине. Чем крайне раздосадовал своего отца. Дядя Слава – из серьёзных мужиков. Фронтвик, танкист, четыре экипажа сменил в войну, не один раз горел в танке, до Праги дошёл. Категорически не согласился с выбором Валеры. Подвыпив, стучал кулаком по столу: «Ты мне не сын!» Обиделся страшно: «Два раза присягу не принимают!».

Запад активно подтягивал Украину под свои знамёна. Валера ездил «перенимать опыт» в войска США, НАТО. Два раза подавали его документы на присвоение генерала, оба раза не прошло. Приоритет отдавался национальным кадрам. Так и не стал командиром дивизии. Потом ему предложили генеральскую должность в национальной академии обороны, Валера переехал в Киев. Но это я забегаю вперёд.

Как бы там ни было, не осуждал его выбор, остались друзьями. В 2009 году Валера пригласил нас с женой в гости: «Киев покажу, потом поедem под Одессу на море, отдохнём по высшему разряду». Я с радостью согласился. Первое, что пришло в голову: ещё раз побываю у батюшки Ионы. Прошло двенадцать лет после нашей встречи. Пять дней в Киеве у Валеры гостили, я первым делом настоял на посещении Киево-Печерской лавры...

Потом поехали вчетвером (он с женой и я с женой) в Чабанку, в ней стояла танковая бригада. Вот где служба – двадцать километров от Одессы, берег моря. Это не забайкальские степи у границы с Китаем. Валера, как и обещал, всё устроил в наилучшем виде – поселили нас в отдельно стоящем генеральском домике. Море, солнце, купались, загорали.

День на третий говорю Валере:

– Как бы в Свято-Успенский монастырь съездить?

– Да без проблем, – уверенно прозвучало в ответ.

На следующее утро машина была подана к крыльцу. В первый раз вчетвером поехали, а потом с женой вдвоём паломничали в обитель.

Во вторую нашу поездку отстояли с женой литургию, после службы выходим, архидиакон Пимен на солнышке сидит.

– Отец Пимен, – спрашиваю, – разрешите присесть рядом с вами?

Он хорошо знал батюшку Николая ещё по тем временам, когда тот в трудниках подвизался в мо-

настыре. Отец Николай смешно рассказывал, как отец Пимен однажды подскочил к нему: «Мыкола, – заполошно говорит, – треба взять драбину и подняти шапаквию!».

Я начал рассказывать отцу Пимену, что приезжал сюда двенадцать лет назад с отцом Николаем.

Он вспомнил отца Николая, на мой вопрос о батюшке Ионе ответил:

– С неделю как на Афон уехал.

Батюшка почти каждый год ездил на Святую гору.

Так и не удалось больше повидаться с ним. Валера Самохин и на следующий год звал в Одессу, я засобирился, позвонил матушке Марии, узнал, что батюшка Иона в монастыре и никуда не собирается. Купили билеты, но за два дня до отъезда жена порвала связку на ноге.

Сейчас остаётся только мечтать, что когда-нибудь сподобит Бог на могилке у батюшки побывать. Четвёртый год каждое утро читаю молитву «О прекращении междоусобной брани», прошу Господа: «Лишённые крова введи в дома, алчущие напитай, плачущие утеши, разделённые совокупи... Не остави стадо Свое, от сродник своих во озлоблении сущих, умалитися, но скорее примирение яко щедр даруй...» Украина для меня закрыта. Валера, само собой, больше не приглашает. Он, хоть и ушёл в отставку, но по-прежнему преподаёт в национальной академии (кстати, генерала ему и здесь не дали), и приезд в гости полковника-танкиста из России для него грозит большими неприятностями. С началом военных действий на Донбассе позвонил, подвыпивши был (чаще в таком состоянии звонит), и пусть полшутя, но стал наезжать: «Ну что, агрессоры?». Я ему жёстко ответил и положил трубку. С того раза, если звонит (или я на день его рождения), разговоры разговариваем только на бытовые темы, политику не затрагиваем.

В 2009-м мы отлично, спасибо Валере, отдохнули. Чудный вечер провели с женой у матушки Марии. Встретились случайно в обители, она зазвала к себе, потчевала нас варениками домашними и чаем с абрикосовым вареньем. Матушка рассказала интересную историю из недавнего прошлого Свято-Успенского монастыря. Отец Николай, кстати, тоже знал её, он ведь после Чернобыля приезжал в монастырь поступать в семинарию. Спросил его: «Почему не рассказали, батюшка?» – «Как-то, – говорит, – к слову не пришлось».

Радиоактивное облако после взрыва на Чернобыльской АЭС прошло над Одессой. Невидимая радиоактивная грязь не миновала миллионный город.

Подняли военных для проведения дезактивации. Те, прежде чем начать её, составили дозиметрические карты.

Посмотрели на них, и возникло два вопроса. Во-первых, на территории Свято-Успенского монастыря – чисто. Вокруг грязно, а здесь, словно в радиоактивном облаке дыра над обителью образовалась. Причём чисто не только на площади, ограниченной забором монастыря, немаленькая территория, примыкающая к обители, тоже не сифонит. Это первый загадочный момент. Второй – кладбища чистые. Ни на одном погосте нет повышенного радиационного фона.

Военные приехали к отцу Вадиму, наместнику Свято-Успенского монастыря, за разъяснением. Положение на Украине сложилось более чем тревожное. По радио вещали: «Всё хорошо, оснований для беспокойства нет». Осведомлённые люди знали – есть все основания для тревоги. Чернобыль продолжал представлять реальную угрозу, никто не мог дать гарантий, что четвёртый блок не рванёт ещё раз. Поэтому военным было не до реверансов в сторону государственной атеистической идеологии, смело приехали в обитель за разъяснением, каким образом товарищи монахи добились чистоты на своей территории? Уж не сами ли нейтрализовали радиоактивную грязь?

Отец наместник собрал многоопытных монахов, доложил о вопросах, поставивших военных химиков в тупик.

Кто-то из отцов предложил для наглядности провести эксперимент. Попросил принести морской воды для замера уровня радиации.

– Я без дополнительного замера знаю, – сказал один из военных, – сифонит море.

Воду всё-таки принесли. Дозиметр показал значительное превышение нормы. Отцы освятили морскую воду и передали военным, мол, делайте контрольный замер. Те пожали плечами, мол, зачем? Но дозиметр «нащёлкал» норму.

– И что, вы вот так по всей территории молились? – удивились военные.

– В монастыре молитва не прекращается никогда, – сказал отец наместник, – и не только в связи с Чернобылем.

– Ладно, допустим, – согласились военные, – у вас чисто из-за молитв, а как же кладбища? Там-то почему? В разных местах расположены, однако какое ни возьми, вокруг их территорий грязно, среди

могил никаких отклонений? Получается, покойников не берёт радиация?

Ответ отцов-монахов ещё больше озадачил военных.

– На каждом кладбище, – объяснили, – хотя бы один праведник лежит. Он и освящает землю.

– Хорошо, пусть будет так: на кладбищах, как вы говорите, праведники, в монастыре – молитвы, но почему за забором у вас чисто? Целый кусок территории не тронут?

На этот вопрос отцы сходу не ответили, взяли тайм-аут.

Покопались в своих архивах и нашли дореволюционную карту Одессы, на которой монастырь обозначен в первоначальных границах. Сравнили с дозиметрической картой. Всё стало ясно. Земля за забором обители не была загрязнена по той причине, что она долгие годы принадлежала монастырю, пока советская власть не начала борьбу с «религиозным дурманом», не потеснила монастырь, отхватив от его угодий добрый кусок земли. Улицы на нём проложили, дома поставили...

Такую историю рассказала матушка Мария.

В тот приезд в Одессу так и не удалось повидаться с батюшкой Ионой, надеялся, вдруг вернётся с Афона, но нет. А с его духовным чадом, Тамарой, с которой познакомился в первый наш приезд, столкнулся в обители. Рассказала, что батюшка Иона начал сдавать в последнее время. Не такой энергичный, частенько болеет. Живёт с сердечным кардиостимулятором. А паломников к нему стало ещё больше. Отовсюду едут, даже из Франции и Германии, а есть дедок-американец, так он каждый год из США специально прилетает.

С Тамарой обменялись сотовыми телефонами, но позвонил ей только через три с половиной года, как только узнал, что батюшка Иона преставился.

Тамара расплакалась в трубку:

– Нет больше нашего батюшки, нет нашего молитвенника. Осиротели. Кто теперь будет просить Бога за нас грешных?

Поплакала, потом говорит:

– Батюшка предсказал, через год после его смерти начнутся большие нестроения, будет кровавая Пасха. Расспрашивать его, конечно, не стали, что он имел в виду под кровавой пасхой? Но сказал так.

Умер отец Иона в декабре 2012 года.

Слова Тамары сразу вспомнились в 2014 году, когда начались кровавые события на Украине.

К столетию героев Отечественной войны
Веры Волошиной (1919–1941)
и Юрия Двужильного (1919–1944)

Евгений ЧИРИКОВ

ДВА ЗАДАНИЯ

Очерк о Вере Волошиной и её товарищах по оружию

ДЕВУШКА БЕЗ ВЕСЛА

Несколько десятилетий отделяет нас от тех дней, когда Георгий Фролов вернул из небытия Веру Волошину, считавшуюся пропавшей без вести. Первое издание книги о ней вышло в 1970 году. И с тех пор интерес к нашей героической землячке, навсегда оставшейся молодой, сохраняется на высоком уровне. Причиной тому и редкая чистота её внутреннего облика, и общность судьбы с культовой героиней Зоей Космодемьянской, и романтические отношения с Юрием Двужильным, и особое женское обаяние.

Последний из перечисленных факторов перерос в искажающую реальный образ легенду.

В популярном журнале «Загадки истории» (2014. № 14) появилась ироническая в отношении советского пуританства заметка «Неприличная статуя»: «Знаменитую «Девушку с веслом» изваял в 1934 году Иван Шадр. Основной моделью стала Вера Волошина, студентка Института физкультуры. Руководство и пресса остались его работой недовольны». Далее журнал процитировал газету «Вечерняя Москва» того времени: «Мы наблюдаем спекуляцию вульгарной эротической образностью. Весло здесь теряет свой бытовой смысл и становится очевидным фаллическим символом; оно отсылает нас к уключине, в которую вставляется весло...».

В 1934 году Вера училась в 7-м классе 12-й кемеровской школы и не могла позировать Шадру. Удивительно, что «Википедия», приводя этот очевидный тезис, преподносит его лишь как сомнение в подлинности факта, но не отрицает категорически. И для множества других публикаторов идентичность Веры и «Девушки с веслом» стала непреложной истиной, заразившей подобно вирусу мемориальное пространство. Однако прекрасно уже то, что Веру Волошину знают и помнят не только в Кемерове, но и за его пределами, аж в самой Мо-

скве, казалось бы, перенасыщенной куда более актуальной информацией.

В последнее время благодаря Интернету в мемуарной сфере появилось довольно много нового о войсковой части 9903, среди бойцов которой служила Вера Волошина. На сайте, ей посвящённом, опубликованы воспоминания её соратниц – К. Милорадовой, Л. Булгиной, К. Сухачевой, Г. Родькиной, А. Ворониной, Н. Самойлович, Н. Обуховской и других. Эти непосредственные участницы походов осени 1941 года помнили и существенные детали былого, и те эмоции, которые они испытали. Поэтому появилась возможность более полно восстановить последний этап жизни В. Волошиной.

Другой важный источник – книга «Хранить вечно» (М., 1980), автор которой Овидий Горчаков также служил в в/ч 9903 и хорошо знал то, о чём пишет (хотя, надо сказать, во всех источниках, включая «основоположника» Г. Фролова, встречаются неясные места).

СТРОГАЯ КОМИССИЯ

В июле и августе Спрогис мотался по Западному фронту, как одинокий волк, зорко всматривающийся в горизонт, откуда грозит опасность. За душой у него были огромный опыт чекистской работы, зной испанских сражений и горечь утрат 1937 года.

В нагрудном кармане гимнастёрки лежал мандат, подписанный начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Г. К. Маландиным.

Пехотные полковники с некоторым смятением смотрели на широкоплечего латыша с двумя шпалами в петлицах, косым пробором льняных волос и взглядом глаз с оттенком стали. Говорил он медленно, с акцентом и требовал бойцов для окружения и ликвидации диверсантов. Мандат безоговорочно обязывал оказывать ему помощь.

Когда майора Спрогиса поставили во главе войсковой части 9903, он сразу же столкнулся с инерцией формальной организации дела, доставшейся от предыдущих начальников. В задачу части входили тыловые диверсии и разведка. Но людей для этой цели произвольно набирали из первых попавшихся воинских соединений и без особой подготовки отправляли на задания. Большинство из них без толку гибли.

Тем временем фронт неудержимо откатывался к Москве. Спрогис напрягался в поисках решений. В голову ему пришла мысль о привлечении в часть комсомольцев-добровольцев, имеющих военно-прикладные навыки. Он советовался с разными людьми и нашёл общий язык с Александром Шеле-

пиным, отвечавшим в Московском горкоме комсомола за военную подготовку молодёжи.

Этот 23-летний юноша с пронзительным взглядом, носивший на ремне под жёлтой, как подсолнух, курткой маузер в деревянной кобуре и преданность товарищу Сталину в горячем сердце, носился по Москве, руководя комсомольскими первичками. В свободное время он учился владеть станковым пулемётом, стоявшим прямо на столе в одном из кабинетов горкома ВЛКСМ. В середине октября прорыв немцев в столицу казался неизбежным, и предполагалось держаться до последнего.

Спрогис просил две тысячи добровольцев. На призыв ЦК и ГК ВЛКСМ немедленно откликнулись более трёх тысяч. Всю эту массу требовалось пропустить через комиссию. Кроме Спрогиса и Шелепина, в неё входили первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов, писатель-криминалист Лев Шейнин и другие, которые в разные дни менялись.

Вызывая добровольцев по одному, комиссия без устали интересовалась здоровьем, выносливостью, прикладными умениями, стойкостью к пыткам и готовностью пожертвовать своей жизнью. Шелепин (а это не кто иной, как будущий «железный Шурик» хрущёвских времён) без лишних сантиментов предупреждал, что девяносто процентов принятых в строй погибнет: «Готовы ли вы?».

– Да! – без колебаний ответила Вера Волошина, как и сотни других.

Так они с подругой и однокашницей по Плехановке (торгово-кооперативному институту имени Г. В. Плеханова) Ниной Цалит 13 октября были внесены в списки принятых. Лица всех зачисленных, кто выходил из дверей в толпу ожидавших, светились гордостью и счастьем.

14 октября шёл мокрый снег, воздух посвежел от морозца. Над опустевшей столицей висели низкие тучи. Кое-где мародёры грабили магазины. Милиционеры апатично смотрели себе под ноги, минуя разбитые витрины. Баррикады на улицах. Они казались последней, отчаянной надеждой в предстоящих схватках с врагом.

Вера и Нина часть пути из институтского общежития проехали трамваем и пришли пешком к кинотеатру «Колизей» на Чистых Прудах.

ДЕТСКИЙ САД

В назначенное время подъехал открытый грузовик. Простившись с провожающими, у кого они были, комсомольцы быстро перелезли через борт. Промчав центр, машина повернула на запад. Небо над городом сторожили колбасы азростатов, на

крышах домов виднелись зенитки, по улицам проходили отряды бойцов с винтовками.

В самом начале Можайского шоссе огромные «ежи» топорщились стальными балками. По сторонам от трассы – противотанковые рвы, проволочные заграждения, завалы деревьев, слышна канонада.

Остановились в Жаворонках, посёлке со скучными дачками, где сновали военные. Комсомольцам дали один домик. В вечерней тьме они натаскали из стога сено, бросили на пол, улеглись и заснули.

А утром увидели белеющий за окном снег, которым и умылись. Их перевезли дальше на полтора-два километра. Расселили в бывшем детском садике в комнатах с раскладушками.

С шутками и смехом укладывались на кровати. В первую ночь долго не давали уснуть мысли и чувства, которыми хотелось поделиться. Кто-то запел «Вставай, страна огромная...», и все подхватили. Потом – «Дан приказ ему на запад», «Катюшу»... И вдруг вырулили на «Позабыт, позаброшен...». Вошёл комиссар Дронов, 41 года, с лицом простого рабочего, лукавым прищуром глаз, худой, узкоплечий, лысоватый.

– Тоскливое у вас настроение, девчата! Может, кто-нибудь уже домой захотел?

– Да что вы, товарищ комиссар! – воскликнули все как одна.

Двое-трое пустились в пляс под грянувшую хором «Калинку».

Среди девушек выделялась одна – статная, с волосами цвета спелой ржи – Вера Волошина, одетая в синюю шерстяную, в широкую складку, юбку и ярко-красную лыжную куртку.

Все сразу почувствовали её энергию и избрали старостой комнаты. Вера познакомилась с девчонками. Наташа Самойлович (приземистая и курносенькая) пришла с Московской камвольно-ткацкой фабрики, Лида Булгина (высокая, с волевым лицом) и Маша Кузьмина – студентки пединститута имени К. Либкнехта. Аля Воронина – студентка геолого-разведочного института. Маша Коровина, Наташа Обуховская (хрупкая, темноволосая) – студентка Московского технологического института лёгкой промышленности.

Москвичка Галина Родькина родилась в 1923 году. Восемь лет занималась хореографией, в составе ансамбля выступала на концертах наряду со знаменитостями и сама готовилась стать профессиональной танцовщицей. Но началась война, она устроилась контролёром ОТК в цех первичной обработки втулок для авиадвигателей. Завод был огромный, и молодёжь

организовала военно-санитарную дружину. Учились метать гранаты, ползать по-пластунски, оказывать первую медицинскую помощь раненым и тренировались быстро надевать противогазы.

ЯРОСЛАВЦЫ

Молодые добровольцы Ярославля, решившие выступить на защиту Москвы, собрались в обкоме ВЛКСМ. На сборе был зачитан состав команды в 35 человек, старший – выпускник физкультурного техникума Борис Сергеевич Крайнов, член бюро горкома ВЛКСМ. Вечером команда пошла на станцию Всполие, где села на московский поезд.

Выходя в Москве на перрон Ярославского вокзала, парни смутились. Там творилось что-то дикое. Вся прилегающая к зданию вокзала территория, насколько хватало глаз, была забита людьми, узлами, баулами, чемоданами. Судя по всему, эта возбуждённая, насмерть перепуганная масса торопилась драпануть. Там и сям слышались панические реплики о немцах, которые вот-вот ворвутся в Москву. В воздухе стоял гвалт и рёв. Толстые люди в отменных пальто, меховых шапках кучами бежали, рвали к вагонам...

Крайнов, который не терял хладнокровия в любых ситуациях, приказал ребятам строем пробиваться сквозь толпу к вокзальному зданию.

После звонка в ЦК ВЛКСМ они поехали на метро в гостиницу «Москва». На городских улицах их не покидало ощущение агонии. В воздухе висел смрад от сжигаемой бумаги. Где-то чёрные хлопья падали сверху подобно снегу. Магазины и столовые закрыты. По дороге катятся машины с семьями явно начальствующих людей, которые увозили с собой всё самое ценное. Иногда слышались крики, шум драки, кое-где гремели выстрелы.

Следующим утром, 16 октября, метро не работало. Ярославцы пешком дошли до ЦК ВЛКСМ и увидели здание с разбитыми окнами – ночью немцы бомбили город. От ЦК группа добралась к «Колизею». Здесь, на близлежащих улочках, застыла мёртвая тишина. Оставшиеся в домах люди попрятались, а если появлялись на виду, то мгновенно скрывались. В ожидании автомашин комсомольцы посмотрели фильм «Чапаев».

Когда приехали в Жаворонки, Крайнов подумал, а не остаться ли ему в этой части? И пошёл в штаб доложить майору Спрогису о прибытии команды. Желание его охотно поддержали и назначили командиром разведгруппы, просили подобрать ребят.

Крайнов и Валентин Баскаков, подружившиеся в поезде, решили оставить в части Николая Масина –

студента Ярославского сельхозтехникума, а также шустрого Ивана Смирнова.

Бориса представили группе как командира. Худощавый, среднего роста парень, с голубыми глазами, светлыми волосами и плотно сжатым ртом, стоял перед строем, противореча воображаемому девушкам образу грозного воина, умудрённого жизненным опытом.

Заместителем Крайнова назначили Баскакова. Бойцы получили наганы, гранаты, карабины, кинжалы, тол, мины, термитные шарики, «колючки» (для порчи автомобильных колес) и сухой паёк на неделю. Надели сапоги. Девушки – в своих пальто (решили, что так легче ходить в разведку), парни – в шинелях, лишь Масин был в тужурке и кепке. При сборах скепсис по отношению к Борису испарился. Упорство и целесообразность сквозили во всех его поступках. Кто-то заметил, что он выглядит как настоящий немец. Борис сжал кулаки.

– Да, говорят, что я на них похож, но я их буду душить, пока у меня есть вот эти руки!

Слова эти произвели неизгладимое впечатление.

На занятиях Артур Карлович Спрогис показал, как можно снять охрану финским ножом в спину («Это очень просто, очень легко! Ха-ха!»). Посмотрев на свои ручки, девушки тоже засмеялись.

Высокий пожилой мужчина с сединой, в солдатской шинели, напоминавший старика из романа Гюго «93-й год», с молодым помощником – тоже высоким, черноволосым, с усиками, обаявшим прекрасный пол, учили, как закладывать тол, запал в часовую мину. Но почему-то молодёжь не научили правильно укладывать содержимое вещмешков. Поэтому в тылу врага бойцам пришлось потреблять невозможно горькие сухари, лежавшие вместе с толом.

В конце обучения майор Спрогис вызывал каждого к себе, внимательно расспрашивал о состоянии здоровья, общем самочувствии. Было сформировано несколько групп, примерно по десять человек в каждой. В их задачу входило: усилить разведку, держать под особым наблюдением подходившие резервы противника, вносить дезорганизацию и панику в его среду минированием дорог, нарушением связи, уничтожением военных объектов и баз отдыха.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ ГРУППЫ КРАЙНОВА

Выйдя на первое задание, комсомольцы поняли, что немцы начали наступать на всём подмосковном фронте. Их колонны двигались по дорогам нескончаемым потоком. Сравниваясь с лесом, они, боясь партизанских засад, бросались прочёсывать кустарники, паля по-дурному из пулемётов, установ-

ленных на мотоциклах. Очень низко летели самолёты-стервятники. С ними схватывались советские «соколы» – небо кипело боями. Из деревенских селений слышались крики людей и рёв коров.

На третий день к отряду прибилась Соня Макарова из параллельной группы, попавшей под обстрел. Прыгая по болотным кочкам, Соня отстала от своих и заблудилась, но случайно вышла на разведчиков Крайнова.

Еще одно событие: перед ночлегом сбежал проводник, назначенный штабом. Пришлось менять маршрут.

Днём девушки ходили на разведку в деревни. Колхозники, которым и самим не сладко жилось, ласково встречали их и угощали чем могли. Часть этого скромного угощения разведчицы приносили товарищам.

В отряде все сдружились. На стоянках быстро готовили пищу, чтобы успеть отдохнуть. Сперва горькие сухари тщательно выбирали, но после радовались любому сухарику. Когда продукты подъели, рыли картошку на полях, искали в лесу шиповник, по-братски деля всё до единой ягодки. Спали у костра, прямо на земле, без одеял и спальных мешков, лишь свои пальто, вещмешки и две плащ-палатки на всех. Борис ложился позже всех, а вставал раньше. С таким командиром возникало чувство безопасности, тревога отпускала.

Однажды заночевали у оврага. Лил дождь, потушив костёр, а плащ-палатки от непогоды не спасали. Утром небо очистилось, и вся деревня по ту сторону оврага стояла как на ладони. Там наблюдалась необычная суэта. Немцы сгоняли людей на площадь. Привели мужчину. Зычно огласили приказ. Ветер доносил отдельные слова. Затем наступила пауза с гнетущей тишиной и... резкий хлопок выстрела, болью пронзившего сердца наблюдавших, – они увидели казнь советского патриота.

Из улицы под конвоем двух автоматчиков вышла девушка в платье и кирзовых сапогах, повязанная платком. Метров через сто она будто споткнулась, сражённая очередью. Немцы подошли к ней, ногами перевернули тело и пошли обратно в деревню.

Скоро на дорогу выкатились мотоциклисты и машины с награбленным добром – кроватями, перинами, одеждой и заброшенными поверх всего самоуарами. Остаться здесь стало опасно. Группа отправилась дальше.

Аля Воронина пошла на разведку вместе с Машей Кузьминой. По обочинам Верейского тракта лежали трупы русских бойцов...

Подошли к селу через мостик. Навстречу два конника-фашиста. Поравнявшись, они пробурлавили девчонок пристальными взглядами, но миновали их молча. У крайнего дома на траве сидела и тихо причитала старуха. Фашисты, заняв дом, выгнали её на улицу. Девушки утешили бабушку как могли.

Возле церкви стояли пушки, все улицы заполнили солдаты и бронетехника. Разведчицы свернули на тропинку, которая вывела к речке, и окружным путём вернулись к своим. Ночью несколько человек во главе с Крайновым взорвали мост, который вёл в деревню.

Группа направилась в сторону Верей. Заминировали дорогу и подорвали столбы связи. От дождей грунт размяк, мины пришлось ставить прямо в грязь, руками разгребая ямки.

Далеко не ушли, когда оглушительно рвануло. Ребята поспорили – чьи мины разорвались. Отошли к лесу и присели передохнуть. Отдых не состоялся: в уши ударил собачий лай. В лес, быстрее в лес!

Для курильщиков на базе выдавали махорку, которую нёс и выдавал Валентин Баскаков. Крайнов приказал ему посыпать табаком место стоянки и следы. Так и ушли от погони.

В погожий день отряд двигался обрывистым берегом Протвы, ища брод, когда слух уловил шум моторов. Два бронетранспортёра! Залегли у кромки воды и приготовились к бою. Но машины протарахтели мимо.

Со второй попытки Масин нашёл подобие брода. Тут донёсся конский топот. Из-за поворота дороги скакал целый отряд.

– Переходить реку всем! – мгновенно отреагировал Крайнов.

Бросились в воду. Леденя до костей, кое-где она захлёстывала по самое горло. Выскочив на берег, побежали к лесу по свежей пашне. Земля липла к сапогам, а одежда к телу.

Развели костёр. Вылили воду из сапог, выжали одежду, погрелись у огня. Высушиться толком не удалось, спешили уйти подальше от переправы. Не сразу осознали, какой смертельной опасности избежали и как решительно командовал Борис.

Поздним вечером разбили ночёвку на склоне овражка. По его дну протекал ручей. Разожгли костерок, вскипятили чай.

Маша Кузьмина, Соня Макарова и Николай Масин заряжали мины, готовясь к очередному рейду. Внезапно мир раскололся оглушительным взрывом. Сразу всё вокруг потемнело, со всех сторон раздались стоны. Аля Воронина лежала у костра в трёх-четырёх метрах от Сони и Маши. В момент взрыва

она инстинктивно прижалась к земле. Возможно, это и спасло её. Кроме ранки на ноге и временной потери слуха на одно ухо, она не пострадала.

Страшная картина предстала перед глазами при свете вновь разведённого костра. Соня лежала без рук и ног. Она вскоре умерла. Маша тихо стонала с тяжёлыми ранами в области живота, груди и лица и бормотала, что ей холодно. Ее накрыли пальтецом, дали чаю.

Сильно контуженной Наташе Самойлович мелкие осколки изрезали лицо и руки. У Маши Коровиной была ранена щека. Контузило Баскакова, он почти ничего не слышал, из уха текла кровь. Масину осколки попали в правую часть головы и уха.

Похоронили Машу Кузьмину и Соню Макарову... Убитые горем тронулись в путь. Группа двигалась в сторону Наро-Фоминска. Шли ночью и днём. Минировали дороги, а когда кончились мины, пустили в ход термитные шарики и мелкие «ежи». Взорвали небольшой склад боеприпасов.

Шла третья неделя похода. Чувствовалось приближение фронтовой зоны. В деревни уже не заходили – в них кишели враги.

Кончились продукты. Не могли рыть и картошку, так как земля промёрзла. Ночью, в кромешной тьме натыкались на сучья деревьев, и лица у всех поизранило. Измученные, еле плелись они к линии фронта, оживляясь лишь сознанием выполненного задания.

Близ Наро-Фоминска соединились с горсткой выходящих из окружения бойцов и командиров. Зная, что немцы частенько покидают свои окопы и на передовой лишь местами несут дозор, отряд проскочил ночью их позициями и вышел к берегу Нары.

Здесь попали под перекрёстный обстрел вражеских миномётов и советских пулемётов. Но с немецкой стороны они уже были в мёртвой зоне, под прикрытием берегового уступа. Мины пролетали над головами, разбиваясь на том берегу. А вот огонь от своих – похуже.

Пробовали перебежать реку по льду, даже поползти по-пластунски, но лёд трещал и ломался. Баскаков предложил сплести из прутьев маты.

Пока ниже по течению ломали в кустарнике ветки, несколько смельчаков-окруженцев, не раздеваясь, бросились в воду.

Связанный мат не помог, лёд всё равно крошился. Но кто-то из окруженцев успел перебраться. Пулемётный огонь перенесли на огневые точки противника, который светил ракетами и бил минами.

Снег падал хлопьями. Борис скомандовал переплывать реку. Наташа Самойлович, Маша Коровина и Лида Булгина, сбросив верхнюю одежду, бухнулись

в воду. Баскаков и Масин остались в кустах, чтобы прикрыть девушек от огня, а затем тоже поплыли.

Борис пошёл вдоль берега выяснить обстановку. На землю легла тишина. Медленно светало. Несколько бойцов среди береговых деревьев тащили лодку. В неё посадили раненых окруженцев, сели Воронина и Крайнов. Заметив лодку, немцы сыпнули минами, но обошлось без потерь. Наступил праздничный день, 7 Ноября 1941 года.

ГРУППА ГРИГОРИЯ СОКОЛОВА

Вера Волошина ушла на первое задание в группе с командиром Григорием Соколовым, гражданским жителем из Архангельска. Заком назначили Владимира Прохорова. Комсомольские билеты сдали комиссару Дронову.

Перед отправлением Никита Дорофеевич держал речь:

– Прекрасные, замечательные мои ребята! Вы – цвет московского комсомола, избранныки столичной молодёжи. Юные ленинцы! Презрение к смерти – вот ваш священный долг. Трус умирает сотни раз, а герой – лишь однажды! Его бессмертие – в памяти народной. В тылу врага ты не только боец, но и полпред партии и народа, пропагандист и агитатор. Важно не только бить врага, но и нести правду страдавшемуся народу. Скажи всем, что мы никогда не сдадим Москву. Будь готов к любым страданиям. Если попадёшь в лапы врага, завяжи язык узлом. Твоя жизнь до последнего дыхания, до последней капли крови принадлежит партии. Бей фашистскую мразь! Око за око, челюсть за зуб!

С пламенеющим сердцем слушала комиссара Вера, в самый канун войны вступившая в партию кандидатом.

22 октября группу довели в грузовике с офицером-направленцем Фёдором Старовойтовым до линии фронта – около ста километров от Москвы. Высадили на спокойном участке, в стороне от боёв. Предупредили, что запрещается заходить в селения, общаться с жителями и вступать в бой ввиду слабой обученности военному делу.

Перешли линию фронта и втянулись в ближайший лес. День выдался жаркий, а на плечи давила ноша с минами, толом, лимонками, финками для обрыва проводов связи, револьверами у девушек и ружьями (или автоматами) у парней, кроме того, запасом продуктов на девять дней.

Решили ночевать в лесу, так как не знали местности и точного расположения немцев. В холодную ночь пропотевшая одежда промёрзла насквозь. Страшновато спать во тьме, когда где-то рядом чу-

дились фашисты. Поэтому некоторые девушки уснули с гранатами в руке, палец на чеке, чтобы, если что, подорвать немцев и себя.

Утром Гриша Соколов сказал:

– Кому трудно, может вернуться в штаб.

Один парень ушёл. По возвращении узнали, что в штаб он не вернулся.

Несколько дней группа шла и шла лесом. Изредка двое уходили в разведку, сняв с себя рюкзаки и оружие, в полувоенной одежде, сверху стёганки, на ногах кирзовые сапоги. Цель разведки: ознакомиться с местностью, найти партизан, чтобы действовать сообща. Встречным следовало говорить, что, мол, возвращаются домой после работ по рытью траншей в Наро-Фоминске (хотя даже не знали, где он находится).

Галина Родькина трижды ходила в разведку: один раз с Верой Волошиной, второй – с Валею Мленькой, третий раз с Лёлей Казанли.

С Валею они вышли на просеку, откуда виделась дорога, по которой ехали немецкие машины разных марок. В одной из них сидел офицер, вероятно, высокого чина, в огромной кокарде.

В кустарнике сквозь густую жёлтую листву мелькнули чёрные шапки мужчин, которые размахивали руками, призывая девушек к себе. Но те стояли и тоже делали знаки, чтобы мужчины подошли к ним. Поняв, что тем высовываться из кустов опасно, разведчицы решились пойти сами.

Так они встретились с партизанами, которые рассказали, где находится тот большак, который был нужен по заданию.

Партизаны очень помогли: вместе с комсомольцами ночью раскапывали мёрзлый грунт, ставили мины и обрезали провода связи. Они объяснили дорогу обратно к линии фронта и тепло попрощались.

Днём бойцы сидели в лесу не очень далеко от дороги, просушили на костре одежду и обувь, поели, а после полудня Галя Родькина и Лёля Казанли пошли в ближайшую деревню, узнать, есть ли там немцы и можно ли приобрести продукты. Кроме сухарей вперемешку с толом, ничего не осталось. Девять дней давно прошли, а надо ещё возвратиться.

Несколько мужиков расхаживали по деревне, партизан не было. Девушки пошли обратно.

Когда добрались до места, застали только холодное кострище. Снова в деревню, нужно же где-то переночевать. Просились у жителей на ночлег. Лишь одинокий старик отважился на это. Прибежали любопытные взрослые и дети, заглядывали в окна и дверь, чтобы поглазеть на гостей, которые спали на печке.

Утром появился деревенский староста с каким-то типом, спросил, кто, откуда и куда, попросил документы. Ну копали траншеи в Наро-Фоминске, документов нет. Эти двое постояли, подумали и ушли.

Немного погодя пришла одна из девушек группы и отвела Галя с Лёлей на новую стоянку, на ходу рассказав, что над костром начал кружить самолёт, потому и пришлось перебазироваться.

В лесу на полянке стоял огромный стог под навесом из прутьев. В нём и устроились. В душистом сене так хорошо! Но среди ночи разразился страшный воздушный бой, с неба падали горящие осколки, никого, впрочем, не задев.

Рано утром тронулись в путь. Узнав, что и в следующей деревне немцев нет, смело вошли в неё и обратились к колхозникам с просьбой продать продукты (у Гали Родькиной были деньги).

– Зачем нам ваши деньги?! Куда мы их денем? – вознегодовали женщины. – Мы можем обменять продукты на мыло, одеколон, вещи, даже расчёски, если у вас есть.

Разведчики вытащили из рюкзаков всё, что представляло интерес для сельских жителей, которые в ответ принесли варёную картошку, солёные огурцы, капусту, хлеб, молоко.

Напирались так, что трудно было встать, и трунили друг над другом:

– Может, ещё молочка?

– А картошечки не хочешь?

Повеселели, расслабились, ословели, пригрелись в тёплой избе.

И тут вбегает мальчишка лет девяти:

– Немцы едут сюда на четырёх мотоциклах, по двое на каждом и с автоматами!

Видно, кто-то донёс. Похватили рюкзаки – и бежать, но не в сторону дороги, ведущей к линии фронта, как предположили немцы, а в другую, за дома, по картофельным огородам с мокрой землёй.

Ноги в болтающихся больших сапогах по колено проваливались в жидкую грязь, тяжело, мучительно медленно вытаскивались. И были бы юноши и девушки лёгкой целью для автоматчиков, если бы те взяли это направление. Но всё кончилось счастливо: добежали до леса.

Долго блуждали в поисках выхода к линии фронта. И повезло: встретили в лесу партизан, которые вывели группу в Заозёрье, к стоявшей там 33-й армии.

Особисты долго и въедливо допрашивали вооружённых пришельцев без документов и, получив данные из Москвы, поселили их на втором этаже кирпичного дома, напротив квартиры, где держали

двух пленных немцев. Кормили отлично в офицерской столовой.

На третий день грузовиком доставили к поезду в Клин, вечером поехали в Москву под диким обстрелом пикирующих стервятников – вдребезги крошились стёкла окон, взметались вверх куски железа, но машинист умело маневрировал и то гнал поезд на пределе скорости, то чуть ли не останавливал.

Поздно вечером 6 ноября прибыли в Москву. Все разъехались по домам.

А рано утром 7-го прошёл военный парад. Над Москвой набрякли густые облака. Улицы тонули в сугробах. Но Мавзолей, ГУМ и прилегающие здания полыхали кумачом. По заснеженной Красной площади в безукоризненном строю проходили пехота в маскхалатах, кавалерия, танки, броневики, артиллерия. С трибуны Мавзолея их приветствовали легендарные вожди. Парад принимал маршал Будённый. Сталин с трибуны благословлял солдат, сразу отправлявшихся на фронт.

– Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой... – гремело над площадью.

Бойцы майора Спрогиса не видели парада, но, конечно, узнали о нём в тот же день. По всем радиостанциям мира разнеслась весть о праздновании страной своего великого дня, с гордым презрением относясь к врагу, стоящему на пороге столицы. Ещё 19 октября панику в Москве распоряжением Сталина ликвидировали, она обрела суровый, но бодрый и деловой вид.

Вечером группа собралась отметить 24-ю годовщину Октября на квартире у одной из девушек, в Николо-Песковском переулке на Арбате. Досыта не наелись, но всё прошло весело и дружно, потому что праздник, потому что без потерь выполнили задание.

На следующий день пришли в военторг что-нибудь купить. Там ребят задержали при проверке документов. Когда всё прояснилось, отпустили. Тем же днём они собрались у кинотеатра «Колизей», чтобы ехать в распоряжение части по новому адресу, в Кунцево.

КОРОТКИЙ ОТДЫХ

В конце октября оформились, прошли беглую подготовку и в начале ноября ушли в тыл врага под Волоколамском ещё две группы, которые по завершении заданий должны были друг с другом соединиться.

Одной из них командовал Михаил Соколов, 34 лет. Время от времени он посылал людей на разведку местности.

– Дядя Миша, отправьте меня! – всё рвалась действовать тоненькая девчушка с короткой приче-

ской, похожая на темноглазого мальчика, а Соколов сдерживал её порывы, обещая, что скоро случай представится.

Наконец он уступил её желанию и в пару дал девушку постарше, умную, организованную, быструю в решениях. Разведчицы скрылись за пригорком.

Целый день они наблюдали окрестные деревни, занятые или не занятые немцами. К вечеру, возвращаясь на отрядный привал по просёлочной дороге, услышали треск мотоциклетного двигателя и залегли на обочине, натянув через дорогу отрезок телефонного провода. Дальнейшее сводилось к акту убийства, первой для них человеческой крови. Старшая девушка содрогнулась, представив, как это будет. Но младшая ждала жертву с неумолимой волей в глазах. Её звали Зоя Космодемьянская, а напарницу – Клавдия Милорадова.

От мотоциклиста им достался пакет документов, содержание которых означало, что второй группы они не дождутся (обе девушки знали немецкий язык). Все восемь человек отряда Константина Пахомова были схвачены – шестеро парней и две девушки-студентки, Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова.

Позже, в декабре, когда танки Катукора ворвались в Волоколамск, стали известны подробности гибели молодых героев. Фашисты окружили их, израненных, на кладбище и взяли в плен, допрашивали и мучили. Взявшись за руки, пахомовцы с пением «Интернационала» пошли на извергов жуткой стеной. Немцы в тот же день повесили комсомольцев на городской площади.

Но уже из того, что узнала группа Соколова, стало ясно, что товарищей они потеряли. Поэтому на базу возвращались 12 ноября омрачённые, с невыносимыми мыслями о мщении. Мокрые, голодные и холодные. Измятые шинели гремели на морозе.

В то же время оставалось чувство неудовлетворённости от слишком лёгкого похода. Клавдия Милорадова чувствовала разочарование, что нигде их даже не обстреляли.

Через неделю предстоял выход на новое задание. Продолжались занятия по военной подготовке. Мины, азимут, ползание по-пластунски, пользование личным оружием. На досуге молодёжь общалась и культурно отдыхала, запевая песни, читая стихи, ведя душевные беседы. В красном уголке устраивали литературные викторины.

Необычайно хорошо знала поэзию учительница Клава Милорадова.

Родилась она в семье железнодорожника, жила в городе Острогжске. Это родина Ивана Крамско-

го. Здесь жили также Кондратий Рылеев, Николай Костомаров, Самуил Маршак.

Много Клавдия помнила из Пушкина, наизусть читала «Бахчисарайский фонтан». Впервые благодаря ей комсомольцы услышали поэму Александра Безыменского «Трагедийная ночь» – о том, как во время строительства ДнепроГЭСа рухнула плотина и всё затопило. Немецкий язык зная прекрасно, читала она по памяти Гейне, чем покорила Зою, Гейне обожавшую.

Зоя литературой очень увлекалась, любила и музыку. Когда она после перенесённого менингитаправляла здоровье в санатории, то взяла там несколько уроков игры на фортепьяно. По словам педагога, из неё с её абсолютным слухом мог бы выйти прекрасный музыкант. В санатории она познакомилась с Аркадием Петровичем Гайдаром. Именно он, любимейший писатель страны, научил её играть на рояле. Не исключено (или даже скорее всего), что автор источника, отразившего этот факт, под «санаторием» подразумевал обычную психбольницу, где Гайдар лечился от своих невыносимых головных болей...

В красном уголке на базе в/ч 9903 стоял рояль, на котором Зоя подбирала мелодии: «Каховку», «Орлёнок», «Наш паровоз летит вперед»... Кто-то умолял её сыграть романс.

– Сейчас, когда гибнут люди?! – возмущённо отвечала она, поворачивалась и уходила.

Зоя отличалась странностью, которую не каждый мог понять. Она неуютно чувствовала себя в казарменных условиях, среди табора незнакомых людей, дичилась окружающих и замыкалась в себе, не принимая попыток завязать с ней разговор для знакомства. Такое поведение претило товарищам. Доходило до предложений об её отчислении из состава сформированной вновь группы.

И как раз Вере Волошиной удалось теплом души растопить Зоину неприступность и вернуть её в русло единой на всех человеческой судьбы. Она, можно сказать, отстояла Зою. Их сдружила Сибирь. Начало контакта Г. Фролов описал так: «Как-то после ужина Вера подошла к Зое. Вначале разговор не клеился, но постепенно девушки разговорились. Зоя рассказала о себе, о том, как она добилась, чтобы её взяли в армию, о своём желании скорее уйти на боевое задание в тыл врага.

– Смогу я, Вера? Как ты думаешь? – спрашивала Зоя. – Мне так хочется стать настоящей разведчицей.

– Конечно сможешь. Только надо быть веселее, даже там, за линией фронта.

Вскоре девушки подружились, особенно после того, как Зоя узнала, что Вера – сибирячка.

– Ведь я жила несколько лет на Енисее, – радостно сообщила Зоя. – Отец и мать работали там в сельской школе.

Теперь девушки были неразлучны – на занятиях всегда были рядом, вместе сидели в столовой и в казарме их кровати стояли рядом. После отбоя они долго шептались о чём-то в темноте».

Частенько в красный уголок наведывался Папаша. Так за глаза и причём любовно звали комиссара Дронова. Бывший питерский рабочий, он много рассказывал о штурме Зимнего дворца, в котором участвовал, о Гражданской войне, на которой героически воевал, о встречах с Лениным, Свердловым, Чапаевым и Фрунзе.

Артур Карлович Спрогис редко рассказывал о себе. Но иной раз перед зачарованными слушателями воскресал 1918 год и Ленин в Кремле. Спрогис учился на Первых пулемётных курсах и нередко стоял на посту № 27, у квартиры вождя.

– Шестнадцатилетним мальчишкой, самым молодым из курсантов, стою на посту, полный достоинства. Вижу, выходит Ленин. Я подтянулся, строго выпрямился. Ильич поздоровался, спросил, откуда я, как попал на курсы, учился ли прежде. Потом прошёл в квартиру, но вскоре вернулся и положил на подоконник свёрток. «Когда сменишься, съешь», – сказал он ласково. В пакете были бутерброды с повидлом и вобла. Лакомство времён Гражданской войны!

В сейфе у Спрогиса лежала копия секретного приказа Сталина, требующего сжигать все населённые пункты прифронтовой полосы. Очевидно, колхозники не имели для Сталина ценности по сравнению с Москвой, которую он предполагал спасти, создав мёртвую зону, где враги клацали бы зубами в ледяной пустыне. Но как, какими силами представлял себе Верховный главнокомандующий сжигание густонаселённого Подмоскovie? Приказ – и это к лучшему – не имел надежд на исполнение, однако обсуждению не подлежал...

12 ноября, взяв разрешение у майора Спрогиса, Вера съездила в Москву. Если она побывала в столице 7–8 ноября, то зачем ей понадобилась вторичная поездка? На этот вопрос нет ответа. «В Москве всё спокойно, она крепко охраняется, я сегодня туда поеду», – писала она в письме маме.

Её последнее письмо датировано 19 ноября 1941 года. В нём обычная для Веры просьба не беспокоиться о ней: «Мамочка, вы меньше обо мне думайте. Как у вас с продуктами? Как вы живёте? Пишите чаще. Не беспокойтесь! Крепко целую всех. Вера».

СНОВА В ПОХОД

20 ноября две группы, возглавляемые Борисом Крайновым и его другом Павлом Проворовым, бывшим детдомовцем, смуглым и черноволосым, напоминавшим Мустафу из фильма «Путёвка в жизнь», направились к линии фронта с новым заданием.

Выехали на двух автомашинах по Можайскому шоссе при отличной погоде и в хорошем настроении. Кто-то запел песню, все подхватили. По пути заночевали в Кубинке. Улеглись прямо на полу в доме, где скопилось много военных.

Утром 21 ноября двинулись дальше, в сторону Наро-Фоминска. Проехав километров десять, свернули с шоссе в покинутую жителями деревушку Обухово, в которой располагался 322-й полк 32-й стрелковой дивизии, прибывшей с Дальнего Востока. Она героически держалась в боях на Бородинском поле, по существу, и остановив продвижение немецких частей на этом рубеже. Вера Волошина очень обрадовалась сибирякам.

Обе группы расположились в доме с разбитыми окнами, откуда дул холодный ветер. Затопили печку.

Вечером их выстроили. Офицеры-направленцы Батурин и Клейменов пожали всем руки, прощаясь.

Подошли к маленькому мостику на реке Наре, недалеко от посёлка Детская Коммуна, который только-только заняли немцы. Справа чернел лес, впереди расстилалось большое минное поле – работа полковых сапёров.

Вперёд шагали три полковых разведчика, идя на своё задание и попутно переводя через линию фронта бойцов части 9903. Внезапно зарокотал пулемёт.

– На мостике – «кукушка»!

Залегли в ложинке. Когда стрельба стихла, полковые разведчики, знавшие местность, вместе с Крайновым, Волошиной и другими мигом перебрались через реку, чтобы подавить огневую точку.

Завязалась перестрелка. Трассирующие пули вжикали над головами. И всё смолкло. Бойцы возвращались.

Один из полковых разведчиков получил ранение в руку. Аля Воронина в темноте почти на ощупь перевязала его.

Перейдя реку по жёрдочкам шаткого мостика, тем самым оказались на другой стороне фронта. Деревья подступали к самой воде. Сначала шли вдоль реки, а затем, поднявшись на берег, вошли в лес.

Одетые в шинели, свитера, тёплые подшлемники, меховые варежки и огромные, не по размерам, валенки, на боку висели брезентовые сумки с бутылками горючей смеси, на спине рюкзаки с минами, толом и продуктами, вооружённые наганами и

ручными гранатами (а парни ещё и с винтовками и кинжалами), сразу взяли быстрый темп. Но маршировать с такой амуницией нелегко. Временами трусцой догоняешь товарищей. Через полтора-два километра впереди показались мелкие кусты.

Общее командование группами принял Крайнов, авторитет которого возрос после первого похода. Первым заместителем его оставался Проворов, жизнерадостный и мужественный. В группе Проворова Александре Ворониной особенно хорошо запомнились девушки: Вера Волошина – «высокая, красивая блондинка», одетая в шинель с голубыми авиапетлицами, «стройная Зоя Космодемьянская», «очень симпатичная Наташа Обуховская», «живая, сероглазая Клава Милорадова». А девушки группы Крайнова, Наташа Самойлович и Лида Булгина, необыкновенно скромные и отважные, стали для неё совсем близкими, родными людьми.

После небольшого перехода сделали привал и выслали вперёд разведку (Голубев, Самойлович, Булгина). Искали дорогу на Верею, которая вроде бы проходила где-то недалеко.

Часа через два разведка вернулась, дороги не обнаружив. Все, кроме часовых, улеглись спать. Костров не разжигали, опасаясь немцев.

На рассвете послали на разведку Самойлович и Кузьмичёва. Ждали их долго. Днём устроили обед. Аля с Зоей дежурили. Разделали рыбу, приготовили бутерброды с маслом. На морозе хлеб окаменел, масло ломалось кусками.

Упрямая Зоя посинела от холода, но страдала молча. Она оделась не так, как все, а в короткое коричневое пальто и вместо валенок – сапоги. Наверное, решила, что так лучше будет выполнять задание. Ей старались помочь: дали шерстяные носки, заставляли чаще двигаться. Зоя просилась в разведку, на что Крайнов ответил, что придёт и её очередь.

Самойлович и Кузьмичёв вернулись не скоро. Далеко пройти им не удалось. Работать в тылу стало намного труднее. Фронт стабилизировался. Немцы перешли к обороне, провели инженерные работы, обмотались проволочными заграждениями, окопались траншеями.

Отряд снялся с места. Шли лесом с постоянным боевым охранением впереди (Самойлович, Кузьмичёв, Волошина) с замыкающим Голубевым, связным между отрядом и охранением. Кузьмичёв и Волошина держали наготове в руках гранаты.

Охранение доложило, что впереди оживлённая трасса с непрерывным движением транспорта. Когда стемнело, перешли дорогу и снова углубились в лес. Пролезли под проволочным заграждением,

спустились в овраг. Когда поднялись из него, увидели впереди большую поляну, где что-то чернело. Кузьмичёв и Самойлович развели шалаши, оставленные нашими отступающими частями.

Пересекли поляну. Чуть отдохнув, продолжили путь на запад. Пошла вторая ночь похода. В темноте дошли до опушки. Голубев передал, что впереди шоссе, за которым большое поле. Разведка (Самойлович, Кузьмичёв, Волошина, Голубев) благополучно перешла поле и на опушке дальнего леса ожидала остальных.

Через час или больше Крайнов приказал двигаться всем. В темноте перескочили шоссе и попали на свежеспаханное поле. Комья земли, смешанные со снегом, гирями липли к валенкам. Бойцы спотыкались о какие-то тяжёлые мешки. Но на восходе солнца им открылась немилосердная картина недавнего боя. Всё поле было устлано трупами советских и немецких солдат.

Уже совсем рассвело, когда издали показалась лесная опушка. Часы судьбы начали отсчитывать третий день пути. Лес приближался. Ясно виднелись ели, припущенные снегом, белели стволы берёзок.

До опушки оставалось метров двести. Тишину распорол очередь из трассирующих пуль. Отступать назад по белой скатерти поля бесполезно. Залегли, затем по команде Крайнова врасыпную бросились по бокам смертоносной струи огня вперёд, в спасительный мрак леса. Немец бил из пулемёта МГ-34. Об остальном можно только догадываться. Возможно, пулемётчик нервничал или был неопытен. Или он ещё не совсем проснулся. Или механизм заело на морозе. Но все бежавшие добежали. Лишь некоторых слегка задело.

ИХ ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ТРОЕ

Борис Крайнов собрал тех, кто нашёлся. Вместе с ним в наличии оказалось 12 человек. Из его группы – Л. Булгина, К. Лебедева, И. Щербаков. Из группы П. Проворова – сам командир, И. Емельянов, И. Кирюхин, З. Космодемьянская, К. Милорадова, Н. Обуховская, Н. Морозов и В. Клубков. Весь день ушёл на безрезультатные поиски исчезнувшей восьмерки. Что делать, пришлось двигаться без них.

Ночью выслали вперёд разведку и присели под ёлкой, прижимаясь друг к другу от холода. Аля Воронина с Клавой Лебедевой тоже отправилась в разведку. Уже светало. Встретили первых разведчиков. Они сказали, что в километре отсюда сарай, а в нём немцы. Вернулись к группе и все вместе поднялись в путь.

Остановились в ночном лесу. Клава Милорадова поразила чудной картиной: ёлочки в инее, высокие ели разукрашены снегом. Под яркой луной иней блестит, переливается разными огоньками. Как хочется жить!

Ребята развели костёр, повесили его плащ-палатками. Вдруг Зоя спросила Клаву Милорадову:

– Скажи, правда, что ты учительница?

– Да, была.

– Вот так штука, а я тебя на «ты» зову и Клавой. Как твоё имя и отчество?

– Просто Клавдия. Ведь мы же с тобой комсомольцы, Зоя. Я старше тебя всего на четыре года.

– Понимаю, но как-то неловко. Ты уже учительница, а я только из школы.

Клаву позвал Крайнов:

– Сходи в Петрищево, потом в Гребцово, разведай. Сегодня нужно начать работу.

Тяжело уходить от костра, но есть нечто, что выше человеческой слабости. Это долг. Солнце уже взошло. Встреченный на дороге мальчик подробно рассказал о местности. Как близка эта деревня и как долго идти к ней, обходя полянки, маскируясь, переползая через дорожное полотно. Остро хотелось есть.

Вернулась она вечером. Ребята ждали у потухшего костра. Зоя дала положенную норму колбасы, рыбы, кусочек сахара, сухарь и полкружки натаянной из снега воды. Пить хотелось зверски! Зоя набрала сосулек. Клава жадно сосала их, наслаждаясь тем, что рот моментально наполнялся водой.

На следующем отрезке пути обнаружили тело погибшего бойца Родионова. Крайнов взял из его вещмешка две простыни. Местность изрезали окопы в несколько эшелонов. В одном из них увидели восемь тел наших бойцов, изрубленных немцами на куски...

В другом месте заинтересовались одинокой землянкой. Группа прошла с полкилометра вперёд. Милорадова через лесную дорогу, по которой проезжали, пели и свистели пьяные немцы, пробралась к землянке, чтобы сориентировать карту.

Там жила бабушка, которая гостею страшно обрадовалась. Она ела хлеб из древесной коры с картофельными очистками. Клава дала ей пару сухарей, кусок сахара, две воблы и взяла котелок воды. Товарищам досталось по два глотка.

Быстро смеркалось. Проворов вручил Клавой плащ-палатку и велел хоть несколько минут поспать. Спала она «одним глазом», другим глядела по сторонам. Стемнело. Поднялись и неслышным шагом прошли мимо деревни Костино. Горели в

школе огни, хлопали двери, немцы орали пьяные песни, кричали девушки. «Бедные пленницы, издеваются над вами гады!» – подумала Клава.

25 ноября она вместе с Лидой Булгиной снова ушла в разведку. Группа ждала-ждала и разведчиц не дождалась...

Из-за близости к переднему краю разводить большие костры опасались и не могли посушить одежду, промокшие валенки. Ребята начали простывать. Сильно заболел и Павел Проворов.

Больные заявили, что им невозможно идти на задание, и вспыхнул спор. Крайнов обозвал ребят «трусами», но поразмыслил и приказал Наташе Обуховской сопровождать больных к линии фронта.

Лишь трое действующих бойцов остались на дороге к Петрищеву.

ЗАСАДА

Когда очередь из МГ-34 ударила по отряду, одна часть его устремилась правее огневой точки, другая – левее. Добежав до леса, Аля Воронина увидела только троих новичков.

Пулемёт умолк. Стало совсем тихо. Но тишина этого застывшего в великолепном убранстве леса могла таить любую коварную неожиданность.

Оставив ребят в ельнике, Аля пошла на поиски. Шла медленно, часто замирая, и прислушивалась к каждому шороху. Как ей казалось, пролетело много времени, что-то около часа.

И вдруг по шороху она поняла, что кто-то идёт навстречу, двигаясь таким же осторожным манером. С наганом на взводе двинулась вперёд. Какая же была радость, когда во встречном силуэте узнала Кузьмичёва! А неподалёку – Голубев, Самойлович, Волошина.

Дальнейшие поиски были безуспешными. Группа лишилась командира и топографической карты, незаменимой в незнакомой местности.

Голубеву как заместителю Проворова пришлось взять командную функцию на себя. Положение сложилось нелёгкое. Начались разногласия. Голубев считал, что необходимо возвращаться на базу, ведь действовать без карты очень рискованно. Самойлович настаивала на выполнении задания. Она была душой группы и, по сути, реальным лидером. Решили продолжать выполнение.

Снова в путь по ночам. Шли на северо-запад. Днём делали привалы. В охранении почти всё время находились Самойлович и Волошина. Заминировали около десятка участков дорог. Послали разведку в деревню Болдино. Там позже подожгли крайние сараи и стога сена.

На пятый или шестой день к группе прибились человек шесть-восемь окруженцев. Многие из них не раз без успеха пытались перейти линию фронта. Голодные и оборванные, измученные телом и душой, они теряли остатки воли и надежду на возвращение к своим.

Сначала комсомольцы обрадовались пополнению. Поделались последними продуктами. Но вскоре поняли, что какая там с ними разведка! А об основной задаче не может быть и речи. Окруженцы не считались с правилами передвижения и маскировки, шли близко к охранению, не оставляя интервала. При внезапной остановке шарахались в сторону, шумя.

Было решено, что выполнять задание в таком составе невозможно, и, чтобы не потерять группу, повернули на восток. Отряд приуныл, чувствуя бесславность возвращения. Не слышалось уже ни шуток, ни смеха на привалах. Замолчала всегда жизнерадостная Вера Волошина. Погасли её весёлые глаза. В эти дни она резко изменилась. Красивое лицо сильно осунулось. Вера говорила, что ей нездоровится.

Преодолели проволочное заграждение, перешли накатанную дорогу, втянулись в подрост ельника. Впереди шагал молодой танкист-окруженец, за ним – Лёша Голубев, Наташа Самойлович и Вера Волошина.

Не успели пройти и сотни метров, как громынула очередь, и стал виден совсем близко (в 10–20 метрах) автоматчик в немецкой каске, стрелявший почти в упор.

«Они шли краем <...> бора, обходя совхоз Голоово. Сквозь сосновый часток кол смутно виднелись фруктовые деревья старого барского сада с окрашенными известью комлями яблонь. Внезапно с площадки из досок, построенной немцами-«кукушками» на развесистой высокой ели за садом, басовито ударил ручной пулемёт. Это был опять МГ-34, и лента у него была тоже заряжена зелёными трассирующими пулями. Тут же залиvisto затрещал автомат второго номера. По звуку это был обычный пистолет-пулемёт 38-40 с тридцатидвухзарядной обоймой.

Танкист тут же повалился на бок. Вера резко взмахнула рукой, чтобы указать товарищам путь вглубь леса, рванулась сама к лесу и, ощутив вдруг бешеной силы удар чем-то тяжёлым и обжигающе горячим в плечо, рухнула на снег, на сосновое корневище. Царапая руки о заледенелую кору, обхватила дерево, пыталась встать и не могла», пишет О. Горчаков (По следам подвига: Повесть о Вере Волошиной. М., 1980). В последнем абзаце О. Гор-

чаков, вероятно, дал волю воображению. Остальное (опять же с оговоркой о вероятности) можно воспринимать буквально благодаря по-военному профессионально описанным реалиям.

Отряд рассеялся по ельнику. Собрались в лесу. Вечером направили трёх человек, чтобы вынести тела погибших. Разведчики на поляне никого не нашли. Как выяснилось спустя годы после войны, раненую Веру фашисты увезли. Последний день её жизни восстановил Г. Фролов со слов жителей деревни, ставших очевидцами героической смерти.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отскочив в сторону от автоматной очереди и споткнувшись об ёлочку, Аля упала. Слишком большой валенок соскочил с ноги. Пошарив рукой в темноте, она его не нашла. Когда уже отдышалась от невольной пробежки, пришлось обуть ногу в две варежки и брезентовую сумку.

Через несколько часов они вновь прятались по кустам от автоматного обстрела и долго собирались вместе. Снова двинулись к заветной опушке. Под утро там в третий раз затрещали автоматы. Группа крутилась на переднем крае немецкой обороны. Вблизи от перекрёстка двух дорог, по которым непрерывно сновали конные повозки и машины, отчётливо слышалась немецкая речь.

Мучили голод и жажда. Развели небольшой костёр и понемногу растапливали снег. Наташа Самойлович с сестринской нежностью ухаживала за Алей, заставляя её разуваться. Натирала ногу спиртом, смазывала жиром. На морозе Але так не хотелось этого делать, но Наташа была неумолима и спасла ногу подруги от обморожения.

Аля с Наташей нашли под елью человека, обесилевшего от холода и голода. Чем могли накормили и напоили его, вышедшего из окружения кадрового командира, чьи фамилия, возраст и воинское звание остались неизвестными.

Через сутки командир окреп, мог потихоньку двигаться и с этого момента возглавил отряд. Заметив у одного из окруженцев белую ткань, он посоветовал сшить всем маскхалаты. Аля и Наташа шили со слезами. Пальцы замерзали, иголка с трудом входила в полотно.

Бурной ночью снова пошли к злополучной опушке. Прошли мимо пустых землянок, под ноги попался немецкий котелок.

Впереди на поле горели стога. По приказу командира выходили к ним по одному, сначала Наташа, затем Аля, потом командир и дальше все остальные.

Скоро их взорам открылись Нарские озёра, из которых берёт начало река Нара. В середине пути небо ярко озарилось – стаи «жар-птиц», посланных «катюшей», летели под облаками. Все облегчённо вздохнули. Значит, направление взяли правильное.

С рассветом метель улеглась. На белой глади льда и снега люди были хорошей мишенью. Немцы опять обстреляли их. Но зелёные трассы пуль проносились выше голов. На другом берегу озера обнаружилось проволочное заграждение.

Командир приказал залечь и пошёл искать проход. Вскоре за проволокой показалась маленькая фигурка, которая двигалась навстречу командиру. С большим вниманием отряд наблюдал за их сближением.

Начинался декабрь 1941 года... Прибывших проводили в деревню Акулово, что километрах в пяти от озера. Оттуда через штаб Западного фронта направили на базу, переместившуюся уже непосредственно в Москву, в Лефортово.

ТРАГЕДИЯ В ПЕТРИЩЕВЕ

В донесении майору Спрогису вернувшийся в часть Крайнов писал: «В районе Усадкова со мной остались Космодемьянская и Клубков. Я решил поджигать объекты. Дошли до Петрищева и зажгли четыре строения. На место сбора Космодемьянская и Клубков не вернулись. Ждал до утра. В районе Детской Коммуны, Мякишево перешёл линию фронта 29.11.41 г.».

После рассеивания отряда под пулемётным огнём, исчезновения двух разведчиц и отправки больных на базу с Крайновым остались только двое, Клубков и Космодемьянская, которые никак не ладили между собой. Сын рязанского крестьянина-бедняка, 18-летний ровесник Зои, белобрысый, с телячьими губами, выводил девушку из себя матерками, повадками колхозного конюха и этакой наглой безыдейностью, которая сквозила во всём его облике (неизвестно, как вообще он попал в в/ч 9903 при строгом отборе и не будучи комсомольцем).

Дело пахло постыдным провалом задания. В стальной душе Бориса Крайнова стоял горький осадок.

На горизонте вились печные дымки – деревня Петрищево. Крайнов изложил Зое и Василию свой план, который заключался в том, чтобы поджечь село с трёх сторон, затем встретиться в условленном месте и скрыться. Оставалось дожидаться глухой ночной тьмы.

Клубков пошёл выполнять приказ неохотно. Деревня с его конца так и не загорелась. На другом

конце, где была Зоя, и в центре, где действовал Борис, вспыхнули зарева. Крайнов вернулся на место сбора и безуспешно ждал товарищей десять часов. Оставшись один-одинёшенек, он взял курс на восток и, одичавший, измученный, перешёл линию фронта. В марте 1943 года Борису суждено было погибнуть под Старой Руссой.

Совершив поджог конюшни, Зоя, судя по всему, почувствовала острую неудовлетворённость слабым успехом диверсии и решила повторить попытку следующей ночью. Поэтому она проигнорировала договорённость с командиром о встрече в условленном месте и пересидела сутки где-то в лесу. А может быть, и заночевала у кого-то из крестьян. Теперь этого никто уже не узнает...

Но днём немцы провели сход жителей деревни, проведя беседу о налётах поджигателей, которые хотят оставить их без крова. Сами жители должны охранять свои дома, учили немцы. И наступившей ночью Зою, спешившую на поджог, схватил колхозник Сидоров, впоследствии осуждённый советским судом и расстрелянный.

О трагедии Зои Космодемьянской написаны тонны бумаги. Полвека её образ служил эталоном героизма. С падением партийного диктата и разоблачением советской мифологии бронзовому лику стали возвращаться живые черты. Но кто-то продолжает слепо поклоняться культу, другие спешат злорадно мазнуть и перечеркнуть бывший идеал. Подвергается критике сам смысл её действий во имя исполнения бесчеловечного сталинского приказа.

Решающую роль в создании посмертной славы З. Космодемьянской сыграл корреспондент «Правды» Пётр Лидов, провозгласивший московскую школьницу Жанной д'Арк. Не будь его экзотических статей и буквально одержимости Зоиным подвигом, не будь в то же время потребности пропаганды во взвинчивании героизма («Вот настоящая народная героиня!» – высказался Сталин), Зою посмертно наградили бы, скажем, орденом Отечественной войны I степени и упоминали бы среди сотен других, не менее славных имен...

После того как рассекретили уголовное дело В. Клубкова об измене Родине, в истории З. Космодемьянской появились новые загадки. Из признания Клубкова на суде вытекало, что он выдал Зою немцам. Однако многое заставляет усомниться в этом, тем более что хорошо известно, как «признания» добывались. Прежде всего – никто из жителей Петрищева не видел Клубкова.

По словам подсудимого, ему не удалось поджечь строение, так как горючая смесь не воспламе-

нилась. Он побежал к лесу, откуда выскочили трое немцев и скрутили его. Так ли случилось или иначе, но дальнейшая предательская судьба В. Клубкова подтвердилась документально, благодаря обнаружению его досье в Смоленске среди захваченных абверовских документов. В Смоленске он прошёл разведкурсы и после Нового года вновь оказался в в/ч 9903 (по легенде, бежал из плена). Вскоре Клубкова разоблачили, осудили и расстреляли.

В Петрищеве, по словам Клубкова, 26 ноября его пленили. Если бы он выдал Зою и Бориса, немцы сразу же вышли бы на то место, где ждал Крайнов. Но они не сделали этого. Значит, всё произошло как-то иначе. Возможно, Клубков вообще сдался немцам позже и где-нибудь в другом месте, а не в Петрищеве.

СЧАСТЬЕ РАЗВЕДЧИЦ

Когда Булгина и Милорадова вышли на разведку, они не успели пройти и полкилометра, как напали на финнов. Девушки бросились в другую сторону от оставшейся позади стоянки, чтобы не навести врагов на товарищей. Слыша за собой свист и лаеподобные возгласы, они упали под мохнатую ель. Финны проскочили мимо.

Путая следы, Лида и Клава снова изменили направление отхода и скрылись в лесу. Но эта ночь, возможно, была у них самая бурная в жизни. Играв со смертью, они выполнили поручение политотдела штаба 5-й армии – подбросить агитационную литературу на немецком языке к позициям противника. Им пришлось вступить в перестрелку с солдатами погони под командой истошно вопящего приказа офицера. Чья-то из них двоих пуля оборвала его жизнь. Обе они палили из пистолетов по едва проступающим во тьме силуэтам. Ладонь Клавдии сжимала рукоятку Зоинога нагана, ведь они обменялись оружием. Пистолет Клавы с тугим курком Зоя взяла себе, а свой, с лёгким спуском, великодушно вручила подруге («Ты ведь больше всего одна действуешь, тебе нужен безотказный наган»).

Хлопьями валил снег. Уйдя от ещё одного автоматного обстрела, разведчицы осмотрелись и увидели недалёкие контуры больших пушек, нацеленных на восток. Там стоял артполк. Лида и Клава внимательно обозрели всё вокруг, чтобы привязать его местонахождение к каким-нибудь координатам. Затем они начали обходить позиции стороной.

Не сразу заметили они сливавшийся с очертаниями сугробов блиндажный накат, залегли и стали наблюдать. Никто изнутри не выходил. Истошив своё терпение, разведчицы приблизились ко входу

и потянули на себя тяжёлую дверь. Блиндаж оказался пуст! А стол завален папками с документами. Сгребя во тьме все бумаги подряд и сунув их в вещмешки, девушки выскочили вон и побежали с бьющимися сердцами, радуясь устилающему землю снегу.

Покружив по лесу, они вернулись на то место, где оставили свой отряд. Никого нет. И они пошли на восток. С компасом, но без карты и надежды чем-нибудь подкрепиться.

Утром начали собирать засохшие ягоды черники и чуть было не попали живьём в лапы немцев. Еле унесли ноги.

Нашли пять ягод калины. Поделили их и позавтракали. Вдруг ударил миномёт. Мина разорвалась в десяти шагах от них. Они прижались к земле.

– Ты жива? – спросила Лида.

– Жива, а ты?

– Я тоже. Видно, наши приняли нас за немцев...

На пятые сутки они проспали до двух часов ночи. Вышли на опушку, прислушались. Тихо. Стали переходить полянку – ракета. Залегли. Погасла ракета – двинулись дальше. Только вошли в кусты, как посыпались пули.

Спустились к мало промёрзшей речке Паре. Переползли русло и промокли с ног до головы. Наткнулись на проволочное заграждение и полезли через проволоку. Они вышли к деревне Обухово, причём в расположение той же самой части, которая переправляла их через фронт.

Вспомнили про минное поле. Нашли тропинку.

– Стой! Кто идёт? – родной русский голос!

– Свои!

– Подходи.

Разведчицы сказали, откуда идут. Красноармеец вскинул винтовку на плечо, зашагал вперёд:

– Идите за мной.

– Подожди, товарищ, тяжело идти. Валенки намокли!

В блиндаже обсушились, поели, поспали и на рассвете отправились в штаб батальона. Рассказали, где стоит немецкая батарея (используя эти данные, её обстреляли артиллерией и разбили).

На следующее утро их разбудили рано, велели одеться в солдатское обмундирование и повезли в штаб Западного фронта. Они увидели стоящего у карты хмурого, строгого, сосредоточенного генерала армии Жукова, который приказал подробно доложить, как добыли документы, и сам отмечал что-то на карте.

Через день девушек повезли в Москву, к Сталину. Вождь встретил их радушно. После того как они повторили свой рассказ, их отправили на базу в/ч 9903.

Когда начальник разведотдела штаба Западного фронта Корнеев вручил им по ордену Красной Звезды, Клавдия Милорадова спросила:

– Орден за какие-то смятые бумаги?!

«Он засмеялся и по-хорошему так сказал: «Да мы по этим «бумажкам» контрнаступление начинаем!» – через годы рассказывала близким знакомым Клавдия Александровна.

Ночью они обе с Лидой не смыкали глаз. «Тогда я поняла: самое дорогое для меня – Москва, и я смогла ей хоть чем-то помочь! Казалось, что сил во мне стало так много, что я смогу преодолеть самое трудное», – вспоминала Клавдия Милорадова.

Если подвести итоги похода объединённой группы Крайнова – Проворова, то было совершено несколько небольших диверсий, героически погибли две замечательные девушки, один из бойцов встал на путь предателя, посчастливилось раздобыть стратегические документы, ценные для высших командных инстанций.

Две девушки... Одна из них, Зоя, стала именем, вызывавшим к отмщению, заставлявшим кипеть кровь у миллионов людей. Другая, Вера, погибла день в день с Зоей, и погибла не менее красиво, с пением «Интернационала» под верёвочной петлей. Но её имени выпало иное – много лет прозябать под спудом забвения. Можно философствовать: как же относительна ты, жизнь человеческая... Жизнь и смерть...

Клавдия Милорадова и в другие годы войны отличалась в разведке, побывала в смертельно опасных переделках, а после Победы прожила долгую жизнь.

**Вера
ЛАВРИНА**

СНЕГУРОК

Сибирский сказ

КАК СНЕГУРОК РОДИЛСЯ

От южных морей до северного края суши раскинулась Стынь-земля. Реки и озёра там в ледяные ризы одеты, леса, поля снегами укутаны. Здесь известно кто управляет: Зима да Мороз, Снегород и Снегурочка, Ледовит с Ледовитихой. Тут северным ветрам простор и воля: Буран с Вьюгой гуляют, сугробы наметают. Позёмка с Метелицей по снегам стелятся. Снеговой кружит, с Пургой дружит.

А как взойдёт на небе авсень-звезда, из Ирий-страны Теплостав да Оттепель появятся. Пойдут они к северу от Южных морей. Следом двинутся Весна с Яровитом, Спорогрей и Спрогрея. С ними ветра южные на Стынь-землю налетят: Тепловей с Ласковеей да с двенадцатью сыновьями Тепловея. Будут они удел за уделом у Стынь-земли отнимать и обогревать, снег, лёд топить, поля, леса в зелень одевать, лету дорогу готовить.

Ирий-страна из края в край расстелется. А Стынь-земля за Ледовитый океан отодвинется, вечными льдами и снегами от тепла заградится. Как авсень-звезда погаснет, тут уж Стынь-земля свои пределы умножать начнёт, удел за уделом к себе прибирать, студить да леденить, так что опять до южных морей докатится.

Такой лад с незапамятных времён ведётся и ни разу нарушен не был.

Снегород – всем снегам зарод, со Снегурочкой в Стынь-земле власть над снегами держат. Живут они в тереме на Снегириной горке. Терем от крыльца до крыши инеем повит. Окошечки чистым ледком затянуты, крыльцо из цельного снега вырублено, затейливым узором украшено.

Не спится нынче Снегороду, с бока на бок он переворачивается. Авсень-звезда уж давно в небе по ночам стоит. Значит, идут теперь от южных морей к северу Весна с Оттепелью.

– Надо бы, – говорит он жене своей Снегурочке, – снежку подсыпать да ледок подкрепить.

– Подсыпай не подсыпай, Снегород Ледовитович, Оттепель и Теплостав, сказывают, уже к Емшанским горам подошли, – вздыхает Снегурочка.

А Снегороду неймётся:

– Позову я завтра тещу с тестем, Зиму и Мороз, родителей своих покличу, батюшку Ледовита и матушку Ледовиту, да прогуляемся мы по Стынь-земле, работки всему южному роду прибавим. А то, вишь, как торопятся, будто дороги им здесь накатаны.

– Да уж, Снегород Ледовитович, иные по Весне скучают, Весной красной кличут. Нас торопят проводить, а коли пожили бы без снега и сугробов с жарой да сушь круглый год, небось, затосковали бы, утром, вечером нас зазывали.

– Верно, Снегура Морозовна, – говорит Снегород, – покличали бы нас, погоревали о мороз-

123

ЛАВРИНА (Правда) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в селе Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири» и др. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член Союза писателей России. Доцент кафедры истории, философии и социальных наук КузГТУ. Живёт в Кемерове.

це и метелице. И как Зиму не любить? Уберём мы землю белоплепным нарядом, снегом, как пушистой шубой, её укутаем: спи, отдыхай, земля-матушка. А весной её и бороздят, и режут, и колют, и долбят, и копытами бьют. Иное дело Зима – зимой к ней никто не притронется. Снегом мы всю грязь и нечистоту покроем. Расстелются просторы белым-белы, чистым-чисты. Зима – время чудное: по рекам и озёрам ходят, аки по суху, по снегам мчатся лихо дорогами прямоезжими. Не любо ли, Снегура Морозовна?

– Любо, Снегород Ледовитович. А из снега-то сколько забав устроить можно: и городки настроят, и горку ледяную наместить, и баб потешных налепить.

– В мороз каждое деревце инеем убрано – хоть рай им украшай. Избы летом стоят серенькие да убогонькие, а зимой каждая изба – терем. На окошках резной узор наведён, на крыше – пуховый плат. Над крышами дымы клубятся, с небесной пряжей свиваются.

Долго ещё Снегород со Снегурочкой беседовали, зиму славили. К полуночи затихло всё в тереме. Только ледок на окошечках потрескивал, да кружевная кисея на крыльце позванивала.

А у Весны с Яровитом шатёр в Златоделе раскинулся, весь цветущим плющом заплетён, пол шёлковой травой устлан, постели цветами убраны. Под крышей птички спуют, песни поют. По шатру оленята с лосятами гуляют.

Яровит – жаром повит, полной грудью дохнёт – холод вон уйдёт. Чуть свет – Яровит по делам своим отправляется, дальше на север продвигается. Впереди него тещь с тёщей – Теплостав да Оттепель идут. Они первую работу делают: о Весне упреждают, Зиме и Морозу знак подадут, что, мол, кончилось их время, пора им за студёный океан отправляться.

Позади Яровита матушка с батюшкой его шествуют – Спорогрей и Спорогрея. Где они пройдут – льды затрещат, расколются, реки вскроются, начнутся ледоходы большие да разливы речные. А при роде всем Яровитовом ветра южные летают, Снегородово семейство за Ледовитый океан толкают. Это ветер Тепловей с женой Ласковеей и двенадцать их сыновей, да и прочие младшие ветра южные – Тепловею племянники.

Утром Снегород вышел из терема своего на Снегириной горке – вздохнул, чует – теплом с юга тянет. Не по нраву это Снегороду. Кликнул он, свистнул – в небе потемнело, зашумело. Летит ветер Снеговей – Снегороду племянник.

– Созывай-ка, – говорит ему Снегород, – весь род наш северный, семейство своё ветряное, укрепим уделы свои напоследок.

Слетелись северные ветра – Буран, да Вьюга, да Пурга. Из ледяного шатра Ледовит с Ледовитихой вышли. Где они идут – льды гудут, вдвое толще становятся. У Снегорода рукавицы особенные – снегородные – в них вся сила. Снегород рукавицей махнёт – из неё снег тучей идёт, Снеговей его развеивает, по всем уделам рассеивает, в сугробы закатывает, по деревьям развешивает.

Наладил северный род холод в своём краю, подсыпал снежок, подкрепил ледок – утвердил заставы свои перед Весной и Оттепелью.

Как Снегород ушёл, Снегурочка в тереме порядок наводить стала. Кликнула она Метелицу и Позёмку, велела им терем подмести, перины выбить. Сама обед взялась стряпать, студенец завела, снежков ореховых накатала, леденцов рябиновых наколола. В тереме управились, пошли гулять. Снегурочка на крыльцо ступила – видит: лежит у крыльца на снегу куколка-потешка: губки у неё алые, щёчки румяные, волос что пшеничный колос.

Взяла Снегурочка куколку, оглянулась, прислушалась:

– Ты ли, ветер Теплогон, в ветвях шумишь, снегом шуршишь?

– Я, Снегура Морозовна.

– Где летал?

– Был у Емшанских гор, схватился со Тепловеем врукопашную.

– Ну и как?

– Кабы он меня догнал, туго бы ему пришлось.

– Вон как. А куколку-потешку ты, что ли, принёс?

– Может, и я, видно, подхватил её где случаем.

Смотрит Снегурочка на куколку, любитесь, по нраву она ей пришлась. «Сотворю-ка, – думает, – я себе такое дитяtko, назову его Снегурком».

Вылепила Снегурочка из снега мальчика, точь-в-точь как куколка-потешка. Вместо глаз – льдинки голубые вставила, губки из ягодок рябиновых выложила, на щёчки соком калиновым капнула. Занесла Снегурка в терем, положила на лавочку.

А про куколку-потешку забыли, осталась она в снегу лежать у терема. Бежал мимо олень молодой, подхватил её рогами и понёс в своё логово. Увидела сорока, что несёт олень куколку.

«Дай, – думает, – себе в гнездо унесу, может, она вкусная». Подцепила куколку клювом и понесла. Несла-несла, а тут ветер налетел, вырвал куколку из клюва, закружил-завертел её. Полетела она вниз, упала в снег глубокий на Медынь-реку, так там до времени и осталась.

Вот Снегород домой приходит. Только через порог ступил,дохнул снегородным духом – Снегурок и ожил, ручками-ножками зашевелил, загулил да тут же спрыгнул с лавочки – и к матушке Снегуре Морозовне прибежал.

Снегурочка глядит и глазам не верит: куколка снежная ожила. Поднесла она его Снегороду, рада-радёшенька:

– Смотри, Снегород Ледовитович, сыночек у нас появился, из снега вылеплен, снегородным духом оживлён, Снегурком наречён.

Снегороду сын тоже в великую радость. В их роду давно уж прибавления не было.

– Надо, – говорит Снегород, – всю родню созвать на смотрины. Пусть идут да подарки несут, а мы пир устроим, дорогих гостей накормим-напоим.

Говорит Снегурочка Позёмке и Метелице:

– Летите по бабушкам, дедушкам, сватам, братьевьям да племянникам, зовите всех на смотрины.

На другой день с утра Позёмка и Метелица у 125 столов хлопочут – пир готовят. А Снегурочка села обновы Снегурку шить. Позвала она себе в помощницы Снежницу-кружевницу, великую мастерицу. Снежница-кружевница в мороз окна узором кружевным украшает, деревья и кусты инеем увищает, тростинку каждую убелит, у всех и ресницы, и шёрстку, и пёрышки посеребрят. Снегурочка и Снежница-кружевница скатали для Снегурка валенки из пороши, каёмочки бисером вышили, шапку смастерили, инеем украсили, шубу сшили, снежным пухом изнутри подбили, а сверху снежинками заткали Снежинки все крупные, одна к одной, узору тонкого. А напоследок сплели ему колыбельку из мягкой кудели снежной.

Обрядила Снегурочка Снегурка в обновы – любо посмотреть. А тут и гости стали собираться.

Первыми дед Мороз с бабушкой Зимой прибыли – Снегурочкины родители. Впереди них саночки-самоходы в терем въехали – подарок для внучка.

Затрещали оконца в тереме, заскрипело крыльцо снеговое, заходят Ледовит с Ледовитихой – Снегороду родители, а Снегурку – бабушка с дедушкой.

– Примите, – говорят, – наш подарок для Снегурка: леденцы холодильные. С ними никакая жара не страшна, хоть в печи сиди – не растаешь.

Загудели снежные просторы, зашумели леса – летит бураново семейство: сам Буран да жена его Пурга, сын Снеговой и дочка Вьюга. Влетели они в терем – он едва устоял.

Как все уселись, улеглись, Буран подарок для Снегурка достал:

– Вот тебе, Снегурок, дудочка-погудочка, над ветряной тягой младшего северного ветра начальница. Дунешь в неё – младший ветер тут как тут будет, слову твоему послужит.

Снегурок на саночках-самоходах по терему разъезжает, гостей благодарит. Гости на него не нахвоятся. Лицом он в особинку: глазки голубые, сам бел, а губки алые, щёчки румяные. В северном роду таких не бывало.

Снегурочка гостей за стол сажает, сладкими яствами угощает.

Пошёл пир, началось веселье.

Снегород тряхнул бородой и говорит:

– Подарю и я сыну подарок – уделец Студёный, пусть к нашему ремеслу приучается, в удельце своём управляется.

Спрашивает он племянника своего Снеговя:

– Пойдёшь к Снегурку в помощники?

– Отчего не пойти, пойду, – согласился Снеговей.

Решили, что завтра и начнут собираться Снегурок и Снеговой в уделец Студёный.

Гости за столом пируют. А по всей округе тишина – иголка сосновая не шелохнётся: все ветра северные у Снегорода со Снегурочкой гуляют.

А если б выглянул кто из терема, то услышал бы: шурх-шурх по сугробам пошурхивает, фить-фить в трубе посвистывает, увидел бы, что над окошечком вроде как туман мгlistый висит. Ветра северные живо распознали бы: это ветер Хилодуй по сугробам стелется, у трубы вьётся, выслушивает, да облак Лохмач туманом прикинул, над окошком висит, подглядывает.

ПРО ГРАДОБОЯ, ЛОХМАЧА И ХИЛОДУЯ

Ветер Хилодуй и облак Лохмач Градобой – верные слуги. Градобой – известный разбойник. Своего-то у него ничего нет: ни снега, ни силы снегородной, ни жару живородного. Он всегда свою хижину на границе между Стынь-землёй и Ирий-страной ставит. Наворует снега в северном крае у Снегорода, налепит из него ледяных комков да и долбит ими по Ирий-землям. А там

уж и трава зеленеет, и деревья цветут. Из-за этого у Весны и Снегорода с Градобоем испокон века вражда идёт. Градобой потому и прячется в скрытых местах, потаённых логах хижину свою ставит. Живёт в бегах да в кочевье, из одной времянки в другую перебирается.

Облак Лохмач у Градобоя был соглядатаем. Прикинется он то паром морозным, то туманом густым, то тучкой лёгкой и шныряет по Стынь-земле, всё высматривает да прикидывает: куда Хилодую за снегом отправляться, где Градобоем укрываться. Обо всём Градобоем докладывает. А Градобой уж потом и Хилодую за снегом посылает в Снегородовы владения. Лохмач по верхушкам леса крадёт, Хилодую дорогу указывает, а Хилодуй снег метёт в хижину Градобоя.

В тот вечер, как собрались гости у Снегорода на смотрины, Градобой, Хилодуй и Лохмач в Поганом логу, близ северных уделов укрылись.

Хилодуй говорит Градобоем:

— Чую я, что-то в Стынь-земле происходит, никакой ветряной тяги оттуда не идёт, куда-то все ветра северные слетелись, такого никогда не бывало. Надо прознать-проведавать, что в Снегородовом царстве происходит. Дозволь нам, Градобой, по северным уделам полетать, новостей поискать.

Отправил Градобой Хилодую с Лохмачом в 126 Стынь-землю. Прокрались они к терему Снегорода и Снегурочки и проведали, что появился у Снегорода и Снегурочки сын Снегурок и что дал ему Снегород уделец Студёный в управление.

Вернулись Лохмач и Хилодуй в Поганный лог, всё Градобоем рассказали.

Градобой обрадовался.

— Это, — говорит, — нам на пользу будет. Ты, Лохмач, теперь приглядывай за Снегурком, через него может нам великая удача прийти.

У Градобоя с северным родом свои счёты. Был он когда-то не Градобоем, а великим князем Снежным. Исправно много веков служил Снегороду, правой рукой при нём был. Но возгордился князь безмерно, взалкал власти и силы Снегородовой. К тому же полюбил он красавицу Снегурочку, Снегородову жену, потому и стал злое против Снегорода замышлять, заговор плести.

Склонил он на свою сторону ветер Хилодуй, назывался он тогда по иному: Белодуй и был среди всех северных ветров самым сильным. Мог он столько снегу взвить, что тот белой стеной стоял. Это потом, когда отпал он от Снегорода, силы своей лишился, стал Хилодуем прозываться.

Сговорились князь Снежный с Белодуем против Снегорода. Как-то приходит князь Снежный к Снегороду и говорит: «Хочу я подарить тебе дворец подземный, красоты несравненной. Во дворце этом вечный холод стоит, там ни Оттепель, ни Яровит не страшны. Не погнушайся, осмотри дар мой и прими его от чистого сердца». Поехал Снегород с князем Снежным смотреть дворец подземный. Ветер Белодуй сани Снегородовы мчит, вихрь вокруг стеной стоит. Во дворец этот ход вёл узкий, рядом со входом камень огромный стоял. Зашёл Снегород во дворец, а это и не дворец вовсе, а пещера тёмная. Оглянуться не успел, как Белодуй налетел на него, сорвал снегородные рукавицы и прочь вылетел, следом князь Снежный выскользнул. Замуровали в пещере Снегорода Белодуй и князь: привалили ко входу огромный камень. Взвил Белодуй снег стеной, намёл его над камнем горой. Кричи не кричи, стучи не стучи — ни звука не слышать.

Собрал князь Снежный весь северный род. Показывает им рукавицы Снегородовы и говорит:

— Я теперь над всеми вами начальник.

— А где Снегород? — спрашивают князя Снежного.

Рассмеялся он и говорит:

— Был Снегород — и нет. Кончилась его власть. С кем не бывает?

— Ах ты, самозванец окаянный, говори, куда дядьку моего дел! — налетел на князя Снежного ветер Снеговей.

Поднялся тут Белодуй, вмиг скрутил Снеговей, под бороду себе засунул.

— Кто, — спрашивает, — ещё свою силу испытать хочет?

Северный род как громом поражён был: верные слуги — Снегорода предатели. Каждый подумал: «А ну как и другие среди нас изменники?». Страх и уныние всех за сердце взяли.

А князь Снежный и вовсе собой гордится, северному роду грозит:

— Кто меня ослушается — вон изгоню.

А куда изгонит? Одно место — Ирий-страна. В Ирий-стране никому из северного рода не выжить — там Весна с Яровитом управляют, со снегом и холодом расправляются. Да и ветер Белодуй вдесятеро сильнее против любого ветра был. Пришлось всему северному роду до времени покориться изменникам.

Зовёт князь Снежный к себе Снегурочку и говорит:

– Будешь ты мне теперь жена, а коли начнёшь противиться – изгоню тебя прочь из Стынь-земли.

– Дай мне сроку месяц, – говорит Снегурочка, – надо мне приданое собрать да подарки тебе приготовить.

А сама думает: «Лучше я в Ирий-стране расту, чем буду твоей женой».

Стала она бродить по Стынь-земле, искать Снегорода, расспрашивать о нём птиц и зверей лесных.

Как шла она мимо рощи еловой, выпрыгнула из сугроба снегоройка и говорит Снегурочке:

– А я знаю, где Снегород.

– Где же?! – вскричала Снегурочка.

– Его князь Снежный и Белодуй в подземелье глухом замуровали, тяжёлым камнем заложили, сверху снег горой надели. Вчера я у него побывала, орешками его угощала. Послал он меня, чтоб всё я тебе рассказала.

Снегоройка – особый зверёк – шёрстка у неё белая, хрусткая, сама она юркая, как белочка. Полжизни под снегом проводит. Норки в снегу роет – будто сверлом сугроб точит. Подснежье ей полей и лесов привычней. Она всё знает, что под снегом делается.

Привела снегоройка Снегурочку к подземелью. Видит Снегурочка: ни снег ей не размести, 127 ни камень не отвалить. Тут сила десяти ветров нужна.

Говорит она снегоройке:

– Сослужила ты мне службу верную, послужи и ещё. Проберись в терем князя Снежного, узнай, где он рукавицы Снегородные держит, а коли сможешь, то принеси их мне. По силам ли тебе служба эта?

– Да это и не служба, а забава, – рассмеялась снегоройка.

Побежала она в терем князя Снежного, а Снегурочка тайно собрала на Снегириной горке ветра северные, Снегороду верные. Стали они совет держать.

Говорит Буран, над всеми северными ветрами начальник:

– Из подземелья мы Снегорода всем ветряным родом вызволим, снег разметаем, камень отвалим да без снегородных рукавиц не сможем совладать с изменниками. В рукавицах – вся сила.

Снегоройка тем временем разведала, что рукавицы снегородные всегда при князе Снежном находятся, ни днём, ни ночью не снимает он их ни на мгновение. Да ещё и цепями ледяными

они к его телу прикованы. Никак не смогла снегоройка снять их.

– Ну, – вздохнула Снегурочка, – видно, придётся мне невестой князя Снежного побывать, а иначе не добудем рукавицы снегородные. Сможешь ли, – спрашивает она снегоройку, – норку в снегу прорыть от терема князя Снежного?

– Нам, снегоройкам, норки в снегу рыть что воду пить, – отвечает снегоройка.

– Только рой поглубже да пошире, чтоб рукавицы протащить можно было, – просит Снегурочка.

А ветрам наказала разыскать в лесу ледогрыза острозубого:

– Найдите его, – говорит, – да пришлите ко мне, острые зубы его нам пригодятся.

Жили ледогрызы острозубые по берегам северных рек. Были они маленькими, с мышку, а зубы у них – что иглы острые. Ими они лёд грызли. Лёд у них – первое блюдо. Могли ледогрызы и снежками крепкими похрустеть, и снежок свежий умять, но слаще льда не было для них лакомства, потому и прозвали их ледогрызами. Спинка у них ледяным панцирем окована. Редкими они были зверьками, искусно в пещерках ледовых прятались.

Отправились ветра на северные реки ледогрызов искать. Снегоройка начала нору в снегу рыть от терема князя Снежного до Снегириной горки, а Снегурочка села подарок князю мастерить. По обычаю северного рода дарила невеста жениху рукавицы белотканые. А жених, как подарок ему поднесёт невеста, должен был рукавицы эти сей же час одеть – честь невесте оказать, работу её похвалить.

Изготовила Снегурочка рукавицы. Отыскали ветра ледогрыза острозубого. Прорыла снегоройка норку потаённую к терему князя Снежного – пора за главное дело браться. Посадила Снегурочка ледогрыза себе в карманчик, а снегоройку – в рукавицу белотканную. Пошла к терему князя Снежного, а ветрам велела ждать снегоройку с рукавицами у норки на Снегириной горке.

Вокруг княжеского терема Белодуй стеной стоит – князя охраняет, никого к терему и не подпускает. Расступилась белая стена перед Снегурочкой – путь в терем открылся.

Вошла Снегурочка и говорит князю:

– Готово у меня приданое, готов и подарок для тебя, – и подаёт ему рукавицы белотканые.

Князь Снежный никакого умысла в том не усмотрел, обрадовался. Надо рукавицы наде-

вать — честь невесте оказать. Пришлось снимать ему снегородные рукавицы. Висят они у него на цепях ледяных по обе стороны. Стал он рукавицы снегурочкины одевать.

— Да там есть кто-то! — вскричал князь и потряхнул из рукавицы снегоройку.

— Как же она туда попала! Что-то тут нечисто, — сделала Снегурочка вид, что будто удивляется пуще князя. — Надо её изловить да спросить, кем она подослана и для чего.

Князь Снежный встревожился не на шутку, схватился за рукавицы свои.

— Лови-лови её, князь! — кричит Снегурочка. — Уйдёт она, не узнаем, чьи это козни!

Пришлось князю гоняться за снегоройкой. А Снегурочка бегаёт по всему терему, князя с толку сбивает. Снегоройка в одном углу, а Снегурочка её в другом ловит. То лавку опрокинет, то ларец перевернёт, то горшки уронит. Такой переполох устроила в тереме.

А сама тем временем ледогрыза потихоньку из кармана выпустила и шепчет ему:

— Перегрызи-ка ты ледяные цепи, которыми рукавицы снегородные князь к себе приковал. А ты, снегоройка, будет случай — подхватывай да неси их быстрее ветрам северным. А я тут ещё пошумлю, князя отвлеку.

Ледогрызу цепи ледяные перегрызть — потеха. Пока князь со Снегурочкой снегоройку ловили, он перегрыз цепи. А рукавицы князь из рук не выпускает. Заметила это Снегурочка. Что делать? Подошла к князю, протянула ему свои руки, будто для ласки, тут князь рукавицы снегородные выпустил, упали они на пол — цепи-то были перегрызены. Подхватила их снегоройка — да и юрк в норку, за ней ледогрыз.

Понял тут князь, что перехитрила его Снегурочка, взревел диким голосом.

— Заточу тебя в подземелье на веки вечные! Нет! Лучше в Ирий-стране растоплю тебя! Белодуй! Гони её в Ирий да подальше, чтоб только лужа осталась от неё!

Но Белодуй понял, что важнее мести сейчас рукавицы снегородные. Уговорил он запереть на время Снегурочку в тереме. А сам весь снег в округе, сколько сил хватило, вверх взвил.

— Каждый сугроб просею, а рукавицы найду! Далеко не убегут! — воет Белодуй.

Только снегоройка и ледогрыз далеко уже по норке убежали. Выскочили из норки на Снегириной горе. Тут ветра северные подхватили рукавицы и понесли их Снегороду. Развевали они снег

над подземельем, отвалили камень огромный — вышел Снегород из подземелья, надел рукавицы снегородные. И пошли все ветра со Снегородом во главе на князя Снежного и Белодуя.

Белодуй со Снежным князем возле терема мечутся, рукавицы ищут. Слышат, гул с неба идёт. Поняли они, что конец владычеству их наступает — летят все северные ветра к терему изменников. Кинулись князь Снежный и Белодуй бежать, на самой границе Стынь-земли укрылись. Так и скитаются, кочуют между двух земель до сего дня, по логам и оврагам прячутся. К Снегородовым землям не подступиться, и Весна с Яровитом их взащей гонят. Князь Снежный стал разбойником Градобоем, а Белодуй — Хилодуем. Прибился к ним ещё облак Лохмач из Ирий-страны. Он на Весну с Яровитом обиделся, что чести ему мало оказывали. Облак этот мог и туманом стелиться, и дымкой виться. А если окутает кого — сделается тот невидимым.

Втроём они разбойничали, промышляли, о прежнем могуществе мечтали.

Вот почему обрадовался Градобой, что появился Снегурок у Снегурочки и Снегорода. «Тут, — думал он, — всякий случай может представиться. Снегурок мал да глуп, а у него уделец со снегом, дары диковинные ему надарили. Поглядим ещё, чья возьмёт. Хватит уж мне, как шелудивому волку, от всех бегать». Хотелось Градобойу, чтоб всякий ему подчинялся, смертно его боялся.

ПРО УДЕЛЕЦ СТУДЁНЫЙ

Снаряжают Снегород со Снегурочкой сына своего в уделец Студёный. Снегурок на саночки-самоходы усаживается. На пояске у него — мешочек с леденцами холодильными, на груди — дудочка-погудочка. А Снеговей тянет за ним два десятка сундуков со снегом, один другого меньше. До конца зимы двадцать дней осталось. На каждый день для удельца по сундуку снега. Рукавиц снегородных пока нет у Снегурка, вот и приходится снег за собой в сундуках возить.

Летит Снеговей, посвистывает, полозья поскрипывают, сундуки на сугробах подпрыгивают, замки на них позванивают.

Посреди Студёного стоит бел теремок узорчатый, окошки — створчатые. Для Снегурка приготовлен, Снежницей-кружевницей украшен.

С утра Снегурок со Снеговеем похлебают киселька из кедрового молока, за дело примутся. Вынесут сундук со снегом из теремка, Снегурок его откроет, Снеговей пушистый снежок по удель-

цу развеет, по лесам, полям рассеет. Как со снегом управятся, пойдут по удельцу Студёному в обход. Смотрят, всё ли в порядке, крепки ли льды на реках, хорошо ли поля, леса морозцем взяты. Ладно ли снежок лежит, громко ли хрустит. А то, может, и отпустить где морозец пора – птицам, зверькам лесным отогреться малость.

Как в удельце управятся, улетит Снеговой батюшке Бурану и матушке Вьюге помогать, а Снегурок пойдёт своих друзей-товарищей проводить: снегоройку, Снежницу-кружевницу, ледогрыза острозубого.

К Снежнице-кружевнице Снегурок каждый день наведывается. Сидит она где-нибудь в ямке, из белой нити кружево плетёт. Есть у Снежницы-кружевницы паучки зимунь. Они из снежной кудели ниточки тонкие свивают и на коклюшки наматывают. Снежница-кружевница кружево плетёт – хрустальные коклюшки позванивают да посверкивают. Мастерница она великая. На кружевах луну и звёзды, птиц и зверей выплетала, цветы диковинные, один другого краше. Плетёт она кружево, про всё забудет. Вокруг Снежницы-кружевницы и зимунов снег всё убывает, они и не замечают, что сидят уже в ямке, до земли снег выберут, а из ямки кружевное полотно вьётся. По кружеву да по ямке в снегу Снегурок и отыщет Снежницу. Съедет к ней в ямку, сядет рядом и любит, как узор кружевной вьётся и коклюшки поблёскивают. А кружевница любила Снегурку загадки загадывать. Только Снегурок все эти загадки вмиг отгадывал, потому что она только про снег загадки знала.

– Скажи-ка, Снегурок, что это будет?

Ни горький, ни сладкий,

Ни острый, ни гладкий.

– Это снег, – отвечает Снегурок.

– Ну и разумный ты, – удивляется она. – А вот, ещё отгадай.

В тепло молчит,

В холод скрипит.

– Это тоже снег, – скажет Снегурок.

А Снежница-кружевница пуще прежнего удивляется.

Снегурок в удельце управится, поедет по гостям, то к матушке с батюшкой на Снегириную горку, то к бабушкам и дедушкам.

У бабушки Зимы и дедушки Мороза теремной дворец высокий да широкий, о десяти башенках резных. Башенка к башенке мал мала меньше. С четырёх сторон у дворца по крыльцу высокому. Стоит он на крутом косогоре, на белом просторе. Внучку в теремном дворце всякий

день рады, каждую минутку с ним приветливы. Готовы ему здесь игрушки забавные, пряники печатные, напитки сладкие.

Будет бабушка Зима ему сказки рассказывать, а дедушка Мороз были вспоминать: про Градобоя с Хилодуем, как они в давние времена власть в Стынь-земле захватили, как северный род победил Градобоя.

Рассказал Снегурку дедушка Мороз про Ирий-землю, про авсень-звезду:

– Скоро в Стынь-страну Весна с Яровитом придут, реки вскроют, льды, снега растопят.

– И в Удельце моём, Студёном, тоже все снега растопят? – спрашивает Снегурок.

– И в Студёном, – вздыхает дедушка Мороз.

– А как же мы?

– А мы уйдём за Ледовитый океан, будем Весну и Лето пережидать, а срок настанет – снова вернёмся.

– Хорошо, если б в удельце моём, – говорит Снегурок, – никогда снег не таял и холод не уходил. Собрались бы там все дедушки и бабушки, и батюшка, и матушка, и все наши ветра северные. Почему так нельзя устроить?

– Деревьям надо зеленеть, птицам и зверям деток приносить, корм добывать, вечный холод они не могут терпеть, – говорит дед Мороз Снегурку, – вот и надо нам Весне и Лету время уступать. Срок придёт – они нам уступят.

Захотелось тогда Снегурку самому увидеть, как трава зеленеет и деревья распускаются.

– Можно ли нам это, дедушка? – спрашивает Снегурок.

– Нам ни к чему, – морщится дед Мороз, – это их дело, тёплое. Не полезно нам в Ирий-стране быть, там растаять можно.

«А у меня ведь леденцы холодильные есть, – думает Снегурок, – может, и доведётся мне там побывать».

А бабушка Зима рассказала Снегурку про чудесный цветок наснежник. В редкую зиму вырастает он прямо на снегу, всю зиму цвет набирает. А как расцветёт цветок, на небе радуги цветные переливаться начнут – это знамение. Кто сорвёт его, у того исполнится заветное желание.

Погостит Снегурок у дедушки Мороза и бабушки Зимы и к Ледовиту с Ледовитихой отправится – Снегородовым родителям

А у дедушки Ледовита и бабушки Ледовитихи шатёр из льда выточен, на Игрень-озере стоит. Лёд на том озере как слеза чист, ни пузырька, ни трещинки. Взглянешь – будто и нет его вовсе, ша-

тёр как в воздухе парит. Дедушка с бабушкой внучка встречают, морозильными снедами угощают.

Они ему каток на Игрень-озере устроили, коньки серебряные подарили. Только Снегурку больше нравилось не на коньках кататься, а через лёд смотреть. Нос ко льду приставит — не оторвётся. В подлёдном царстве то рыба проплывёт, хвостом махнёт, то рак проползёт — усом шевельнёт. Сом тяжёлый в водорослях заколышется — из них мальки, как блёстки, рассыплутся. Налюбуется Снегурок подземным царством — пора в уделец Студёный возвращаться.

А бывает, что сядет Снегурок на саночки-самоходы, закутается в мягкую шубку — и понесут его саночки по Стынь-земле от удела к уделу. Несутся саночки, с горки на горку прыгают, снег из-под полозьев летит. Мчатся они по дремучим кедровым лесам, по перелескам берёзовым, по полям снегом — вся Стынь-земля перед Снегурком расстилается.

НАСНЕЖНИК

Как-то поутру прибежала к Снегурку Снежница-кружевница, запыхалась, важную новость принесла.

— Не отгадаешь, — говорит, — нынче мою загадку нипочём.

В сугробе растёт,

Белым цветом цветёт.

— Это снег, — говорит Снегурок.

А про что ещё могла Снежница загадать загадку?

А та рассмеялась и говорит:

— А вот и нет! Это не снег, а цветок наснежник. В твоём уделеце расцвёл цветок наснежник! Великое счастье!

— Наснежник?! В моём уделеце? — обрадовался Снегурок.

— Сегодня утром снегоройка нашла его на Соболином лужке.

— Пойдём поглядим!

Мигом надел Снегурок шубку, и побежали они на Соболиный лужок.

— В редкую зиму появляется наснежник, сколько уж лет его не было. Раз в твоём уделеце расцвёл, то тебе его и срывать. Я, — говорит Снежница-кружевница, — в прежние времена видела наснежники. Они каждые года один от другого отличаются. Я их все помню, вплетаю их в узоры на стёклах и в кружева снежные. Охота мне и этот цветок посмотреть. Как цветок расцветёт, будешь срывать его, ты меня позови.

— Я всех позову посмотреть, когда наснежник расцветёт, — говорит Снегурок.

Пробрались они сквозь еловую чащу, чрез крутые овраги и вышли на Соболиный лужок. Подвела Снежница Снегурка к сугробу пуховому:

— Вот он, смотри.

Увидел Снегурок на снегу белый бутон, лепестки в кулачок собраны, сияет он, алмазными блёстками переливается. Сели они возле цветка, любуются.

— Надо тебе, — говорит Снежница-кружевница, — желание выбрать.

— Я хочу, чтоб в моём уделеце ввек снег не сходил и лёд не таял и чтоб не приходили сюда никогда Весна с Яровитом, Тепловой и сыновья его. И кружева твои таять не будут. А то плетёшь ты их с утра до вечера, а чуть тепло начнётся — и нет их. И нам не надо будет за Ледовитый океан уходить.

— Хорошее это желание, одно плохо, звери все из твоего уделеца разбегутся, медведи не проснутся, птицы из дальних стран тоже не вернутся сюда, а про людей и говорить нечего — помрут все, коли не убегут отсюда.

Задумался Снегурок. Про людей он мало что знал, они редко появлялись в уделеце Студёном, а птичек и зверей очень любил.

130

— Тогда я лучше другое желание загадаю, чтоб в моём уделеце много-много всяких зверей диковинных появилось и птиц чудесных и чтоб были они мне все друзья-товарищи, — посмотрел он Снежницу, — и тебе тоже, хочешь?

— Хочу, — согласилась она. — До конца зимы ещё много дней. Может, какое другое желание появится. А сейчас надо оградить сугробами высокими и ветрами студёными, чтоб никто не мог сорвать его до времени. А то ведь Хилодуй — известный проныра, проведает про цветок да и сорвёт его, тогда бед не оберёшься.

Взял Снегурок свою дудочку-погудочку, дунул в неё, явился младший ветер. Приказал ему Снегурок наместить высокие сугробы вокруг наснежника, замести все проходы и тропинки к Соболиному лужку и неотступно при цветке находится, никого к нему не пускать. А сам каждый день к цветочку ходил, смотрел, скоро ли он распустится.

СНЕЖНА

До конца зимы уж немного осталось. Снегурок со Снеговеем снег из сундучка развеяли, по уделецу его рассеяли. Хотел уже Снегурок к бабушке и дедушке Морозу в гости поехать. Вдруг

донёлся посвист и поклик. Взвились снега, вздыбились. Снизу их ветры раздувают, сверху тучи рассыпают. «Никак, – думает Снегурок, – батюшка Снегород едет».

И правда, вылетели сани к теремку, средние ветра, будто бусые кони, мчат их. В санях – Снегород со Снегурочкой. Снегород рукавицей машет, снега наметает.

Снегурок говорит:

– Мы, батюшка, нынче уже навеели снега со Снеговеем.

– Сегодня, сынок, много снегу надо навеешь, во всю силу батюшкину. День сегодня особенный, – отвечает Снегурочка.

– Что за день, матушка? И куда мы поедем? – спрашивает Снегурок.

– Поедем мы в Поднебесный удел, к Ледяным горам, будет там у нас встреча заветная.

Мчатся сани, снегу летит столько, что снежинкам тесно, уж и саням тяжело из-за снега пробиваться.

– Не много ли снега навеешь, батюшка? – спрашивает Снегурок.

– В самый раз будет. Без снега нельзя, день сегодня особенный.

Добрались сани до Поднебесного удела, у Ледяных гор остановились. Стал снег реже падать. А снежинки полетели необыкновенные: величиной со Снегуркову ладошку. Видит он, снежинки хороводом заходили, снежинка к снежинке слагаться стали. Замерли Снегород со Снегурочкой, и Снегурок не шелохнётся. Вдруг сложились снежинки в девический образ, и вышла из снежного хоровода девушка дивной красоты, стройная, прозрачная, как стёклышко, снежным нарядом украшена.

Подлетела она к Снегурочке и Снегороду, ручками прозрачными обвила их, головкой лёгкой к ним припала.

Снегурочка расплакалась и говорит Снегурку:

– Это сестра твоя родная, Снежна Снегородна, люби её, Снегурок, она не может долго с нами быть. А это, – говорит Снегурочка Снежне, – братик твой младший, Снегурок.

Обняла Снежна Снегурка и поцеловала его – будто лишь дыханием своим коснулась.

Достают Снегород со Снегурочкой ларец с подарками, вынимают из него бусы жемчужные, ленты кружевные, шали белотканые, обряжают Снежну. Снегурочка на неё не налюбуется, Снегород не нарадуется. Ведь на один только денёк в году появлялась Снежна, выходила из снегопа-

да в Поднебесном уделе, у Ледяных гор. Усадили дочку в сани, катаются с ней по горам ледяным, по крутым сугробам. Снежна смеётся тихо-нечко, а смех её что хрустальный перезвон.

Как накатались, расстелили скатерть белую, кружевную, расставили на ней сласти да напитки. А Снежна чуть пригубит, да и поставит чашу, чуть надкусит, да и отодвинет блюдо.

Просит она, чтоб ветры песни ей затеяли, любит она слушать, как они поют. А ветры для неё стараются, шумят, посвистывают – будто из свирели мелодия льётся.

Начал дневной свет никнуть, и Снежна бледнеть стала, будто таять в сумерках. Снегурочка со Снегородом попрощались с ней, она тут же и исчезла, в снегопаде рассыпалась, словно её и не было.

Только голос её хрустальный донёлся изда-лека:

– Ждите меня на следующий год на этом же месте! Не забывайте!

Постояли Снегород со Снегурочкой, помахали руками в темноту. А как в сани садились, Снегурочка всё слёзы роняла.

Взвились ветра, и помчали сани прочь от Ледяных гор, от удела Поднебесного.

Снегурок спрашивает у Снегурочки:

– Почему сестрица моя Снежна ушла от нас так скоро?

– Не может она больше светового денька жить.

Стала Снегурочка рассказывать Снегурку:

– Давно это было. Управлялись мы как-то с батюшкой твоим в Поднебесном уделе. Батюшка Снегород снегу напустил. Ветров никаких не взяли мы с собой. Снег падал пушистый, мягкий, как сами тучки небесные. Затяли мы с ним в снежки играть. Я батюшке снежком шапку сбила, а он потрянул, что было сил, рукавицей снегородной. Видно, думал засыпать меня снегом с ног до головы. А из рукавицы вылетела одна снежинка, такой я не видывала прежде, величиной с две твоих ладошки. Смотрим, стали к ней другие снежинки одна за одной собираться, в хоровод сплетаться. Вышла из снежного хоровода девушка и говорит: «Батюшка, матушка, я дочкой вашей буду, Снежной меня зовите. Из снежной кудели я родилась, снежинками убралась, смехом да весельем вашим оживилась».

Обрадовались мы с батюшкой Снегородом, посадили её в сани, повезли в терем свой на Снегириную горку. Пока везли, смеркаться ста-

ло, дневной свет начал силу терять. Смотрим, и дочка наша побледнела и в сумерках будто таять начала.

Испугались мы и спрашиваем: «Что с тобой, доченька?» — «Батюшка, матушка, уходит из меня сила, не держит дух снегородный, видно, больна я, недугом подточена».

Как ни бились мы с батюшкой, как не засыпал он её снегом, не оведал снегородным духом — рассыпалась она на снежинки и исчезла в снежной мгле. Успела только крикнуть, чтоб ждали мы её через годочек, в тот же денёчек в Поднебесном уделе, у Ледяных гор. Каждый год приезжаем мы с батюшкой сюда в этот день. Выйдет наша доченька из снегопада, склонит свою головушку на плечи нам, одарим мы её подарками. Пока снег идёт и дневной свет силу имеет, поиграем с ней, потешимся, покатаемся по Ледяным горам, и исчезнет она вечером в снежной мгле, на снежинки рассыплется. Не хватает ей силы снегородной больше одного денька в год прожить.

Смахнула Снегурочка слезинку, другая на белую шубу капнула.

— Я помогу ей, матушка, не печалься! — вскрикнул Снегурок. — Ведь скоро у меня в удельце наснежник расцветёт. Охраняет его на Соболином лужке младший ветер из моей дудочки-погудочки. Как только он расцветёт, я загадаю желание, чтоб сестрица моя Снежна от недуга избавилась и с нами навек осталась.

Развеселилась Снегурочка, рассмеялась:

— Хочу я теперь же на цветок этот посмотреть. Поворачивай, батюшка, к Соболиному лужку.

Повернули сани к Соболиному лужку, проскочили чащи еловые и овраги, подъехали к сугробу, на котором цветок вырос. Вокруг сугроба младший ветер снег стеной взбил. Как сани со Снегурочкой и Снегородом подъехали, младший ветер стих, снег опал, и увидели они бутон цветка наснежника. Стал он уже величиной с яблочко. Алмазными блёстками переливался и блестел, лепесточки кулачком сомкнуты, а один лепесточек уже раскрыться надумал. Налюбовались Снегурочка со Снегородом на цветочек.

— Надо, — говорит Снегурочка, — ещё и стужей его оградить.

Обвела она кружок вокруг цветка,дохнула, рукой махнула, ножкой притопнула, ладошкой прихлопнула — оградился цветок стужами лютыми, никому к цветку не пробраться, никому не притронуться. Младший ветер снова снега взбил стеной вокруг сугроба — надёжно закрыл цветок.

КАК ГРАДОБОЙ, ХИЛОДУЙ И ЛОХМАЧ В СТУДЁНОМ УДЕЛЬЦЕ РАЗБОЙНИЧАЛИ

Как-то гостил Снегурок у дедушки Ледовита и бабушки Ледовитихи. А Снеговей Бурану с Пургой, родителям своим, помогал управляться, долго в отлучке был. Вернулся Снегурок домой — глядь: замки на сундуках выломаны, крышки раскрыты, а в сундуках — ни снежинки, ни порошинки — пустым пустые.

Снегурок — в плач. Прилетел Снеговей, сундуки пустые обшарил — нет снега.

Снеговей разъярился, деревья гнёт, тучи рвёт:

— Это никак Градобой с Хилодуюм уворовали. Больше некому, в нашем роду нет таких разбойников.

А Снегурок слезами заливается:

— Узнает батюшка, что снег у меня весь из сундуков выгребли, «Не ловок ты, — скажет, — удельцем управлять, телелюй, из-под носа снег украли».

— Перед Снегородом, видно, мне ответ держать придётся за нерадение. Как мы Хилодую пропустили?! Да у него, вишь, соглядатай есть, облак Лохмач. Тот все укромные тропы знает, узолами глухими проведёт.

Тут взвились снега, едет Снегород. Ветры мчат лихие его сани резные. А Снегурок как увидел батюшку, ещё пуще расплакался, слёзы со звоном льдинками в снег летят.

— Кто моего сыночка обидел?! — вскричал Снегород громким голосом.

Увидел он сундуки пустые, замки кривые, всё ему ясно стало.

Говорит он сыну:

— Не горюй, не печалься, утешит тебя мой подарочек, — и достаёт из-за пазухи маленькие рукавички, как раз по снегурковой ручке. — Вот тебе, Снегурок, настоящие рукавички снегородные. Они хоть по силе не сравнятся с моими, но снегу на твой уделец хватит. Тряхнёшь тихонько — снегу чуть вылетит, тряхнёшь сильнее — и снег бойче посыплется, а коли сильно тряхнёшь — повалит он густо-густо — пеленой белой вокруг встанет. А что снег у тебя Хилодуй украл — это тебе урок. Ирий-земля уже близко к удельцу твоему подступает. Тут Хилодуй с Градобоем где-то недалеко рыскают. Ухо надо востро держать.

Племяннику своему Снеговей сделал Снегород самый строгий выговор, что дозор в удельце Студёном ослабил.

А Лохмач и Хилодуй вернулись из удельца Студёного к Градобоя с богатой добычей – из Снегурковых сундуков весь снег вымели. В хижине Градобоя снег под самую крышу, белый, мягкий, снежинка к снежинке. Радует Градобой, посмеивается, помощников своих нахваливает. Теперь снегу ему хватит, будет Градобоем уважение, будет и град во всё лето.

Не долго горевал Снегурок, появились теперь у него снегородные рукавицы. Он их с рук не снимал. Каждый день снег сыпал – сугробы освежал, проталинки закрывал. Видно было по всему, что уж недолго Снегурку в своём удельце оставаться. Теплостав да Оттепель не раз навывались в удедец Студёный: шапки сугробам сбивали, проталинки оставляли, деревья теплом понимали.

Буран с Пургой в Студёном уже не гуляют, только Позёмка и Метелица по удельцу стелются, да младший ветер вокруг наснежника стеной снега держит.

Идёт Снегурок по своему удельцу, рукавицами тихонько потряхивает, лёгонький снежок из них сыплется. Вдруг видит: опустилось на землю облачко, белое, пышное, с боков клубится, тихонько шевелится. Никогда Снегурок такого не видывал, хотел он тронуть чудесное облачко рукавичкой, а оно поднялось и отлетело: покачивается низко-низко, близко-близко. Снегурок снова подошёл, а облачко опять отлетело. Понравилось Снегурку догонять облачко.

– Не уйдёшь, догоню, изловлю, – расшалился он.

А облачко хитрое, близко подпускает, а в руки не даёт. От опушки к опушке, с горки на горку бежит Снегурок за облачком. Вот-вот схватит его, а оно увертывается. Так он забавлялся и не заметил, что удедец его позади остался. Заманило его облачко в низины и лога. А как протянул он рукавички к облаку, тут сжалось оно, почернело и обратилось в облак Лохмач. В тот же миг налетел ветер Хилодуй, сорвал со Снегурка рукавички снегородные, и исчезли они оба в одно мгновение, только след их чёрным туманом висел.

Обмер Снегурок, понял он, какая беда стряслась. Обхитрили его Лохмач с Хилодуем. Украли рукавички снегородные. Выхватил Снегурок дудочку-погудочку, дунул в неё, тут же явился младший ветер. Отправил его Снегурок за Хилодуем и Лохмачём вдогонку. Обшарил ветер всю округу, долетел до Ирий-земли, не было дальше ему пути, встал стеной Тепловой. Не совладать

младшему ветру с ним, покружился он и ни с чем возвратился.

Как вернулись младший ветер и Снегурок в удедец, ветер полетел наснежник охранять, а Снегурок пошёл в теремок свой, сел на лавочку, голову до земли склонил. Тут уж не до плача и не до слёз. Решил Снегурок идти в Ирий-страну, искать рукавички свои снегородные. Где-то там Градобой прячется, сейчас в Стынь-землю он ни ногой, здесь ветра каждую снежинку перетряхнут, а Градобоя найдут. Одно ему место – Ирий.

Взял Снегурок мешочек с леденцами холодильными, сел на саночки-самоходы и поехал в Ирий-страну искать убежище Градобоя, вырывать рукавички свои снегородные.

– Везите меня, – говорит, – саночки самоходные, к Ирий-стране, туда, где Градобой хоронится.

КАК ВЕСНА СО СНЕГУРОМ ВСТРЕТИЛАСЬ И ГРАДОБОЯ ПРОУЧИЛА

Как наворовал Градобой снегу в удельце Студёном, стал на Ирий-землю каждый день град сыпаться. Иные градины с кулак величиной были. Траву зелёную они бьют, всходы сминают, цветы с деревьев обсыпают. А в селениях, которые ближе к Градобоеву логову стояли, людям на улицу выйти нельзя было, могло и зашибить. Ледяной глыбой крыши пробивало. Делали себе жители колпаки железные, в них и ходили, а то просто ушаты или тазы на голову надевали, без этого на улицу нельзя было выйти. Зверей и птиц в лесу сколько ушибло, кому крылья перебило, кому лапку придавило, кому шишек набил. Вот какие беды Градобой стал чинить.

Рассердилась Весна, вызвала к себе Тепловя с сыновьями и говорит:

– Изловите Градобоя, снег его весь истопите, Лохмача и Хилодуя в клочья изорвите, а самого Градобоя заприте в подземелье. Как найдёте его, пошлите за мной младшего из вас, приду и сама посчитаюсь с разбойником.

Полетели ветры по границе Ирий-земли логово Градобоя разыскивать.

А Весна пошла гулять, поля, леса живородной силой наполнять. Где ступит – тепло заструится, стрелки травы пробьются. Идёт весна залесскими угодьями, они как раз уже к границе Стынь-земли подступают. Вдруг чует, с севера сильно холодом потянуло, снегом пахнуло.

– Вишь ты, Зима с Морозом, видно, балуют, Снегород со Снеговеем озоруют, холод навели, стужи нагнали на Ирий.

Пошла Весна в ту сторону, откуда снегом тянуло. Шла-шла, видит: едут сами собой саночки-самоходы, на них мальчик сидит, в шубке снежной, валенки из пороши. Сам он бел, а щёчки румяные, губки розовые, и холодом от него веет.

– Стой! – говорит Весна. – Ты чей такой будешь?

Снегурок встал с саночек и говорит:

– Я – Снегурок, Снеговей и Снегурочка мои родители.

– Вон что! У Снегурочки сынок появился. А здесь по какому делу?

– Градобоя ищу, он у меня весь снег украл, что батюшка до весны оставил, и рукавички снегородные.

– И рукавички снегородные? – испугалась Весна. – Дело плохо. Вот откуда у него снегу так много.

– А вы кто такая будете? – спрашивает Снегурок.

Улыбнулась Весна:

– А я тут помощница, велено мне отыскать Градобоя, рукавицы снегородные у него забрать и тебе вернуть.

«Рукавицы не отыщешь – это беда, – думает Весна. – Малое дитя, разве справиться ему с разбойниками».

– А не боишься растаять в Ирий-стране? – 137 спрашивает Весна у Снегурка.

– Нет, – отвечает Снегурок, – у меня леденцы холодильные есть, с ними хоть с Весной ходи, хоть в печи сиди – нипочём не растаешь.

Поняла Весна, почему у Снегурка щёки будто пузырьки надутые – по леденцу за обеими щеками лежит.

Прилетает младший сын Тепловея и зовёт Весну:

– Нашли мы градобоево убежище, хоронится он в Поганом логу.

– Ну, Снегурок, добудем мы сейчас рукавицы твои, – крикнула Весна. Ступай за мной.

Спешит Весна к Поганому логу, за ней Снегурок на саночках-самоходах мчится, впереди них младший южный ветер летит.

Добрались до лога. Видят: стоит хижина высокая, кособокая. Вокруг градом всё засыпано, градины – величиной с кулак. Тепловеичи все кольцом хижину окружили.

Градобой чует: дело плохо. Говорит он Хилоду:

– Разлетайся по струйкам да по сквознякам в разные стороны, дуй отсюда, в Медвежьей чаще

пусть все струйки и сквозняки в одно сольются. А ты, Лохмач, возьми рукавички снегородные окутай их туманом густым, замурую я тебя в ямку под половицей. Мне-то уже не уйти. Как схватят меня Тепловеичи, посадят в подземелье, ты, Лохмач, за рукавички снегородные меня выкупи, за них они хоть что отдадут. Мне их не сохранить сейчас, а будет свобода – будет и случай, будет случай – будет и добыча. Спрячь рукавицы в дупло дуба семихвата. Коли не отпустят меня, засыпай снегом Ирий-землю, пока воли мне не дадут.

Только успел Лохмач в ямку под половицей спрятаться, затряслись тут стены хижины – задули со всех сторон южные ветра, разметали вмиг хижину на щепки мелкие, простерла Весна руку, весь снег растопила. А снегу Градобой полную хижину, до крыши наготовил, ещё и погребец доверху набил. Растеклись лужи во все стороны. Схватили ветра Градобоя. А Хилодуй струйками да сквозняками на разные стороны разлетелся.

– Где рукавички, разбойник? – спрашивает Весна грозно у Градобоя.

– Разве буду я их в хижине держать, они в надёжном месте спрятаны, и засыпать снегом Ирий-землю всякий сможет. А коли отпустите меня, будут вам рукавички снегородные, мальцу верну их, всё по чести.

– Ах ты бесчинник поганый, лиходей обманый, бросьте его в темницу, да самую жаркую, пусть он там прогреется, на милость не надеется. А вы, – говорит Весна южным ветрам, – обыщите всю округу, обшарьте леса, поля, найдите рукавички снегородные.

Разлетелись ветра в разные стороны, пошла и Весна со Снегурком по лесам-полям искать рукавицы. А Лохмач тем временем из укрытия выбрался, полетел к дубу семихвату, положил рукавички в потаённое дупло. К вечеру вернулись ветра к Весне. Не нашли они нигде рукавички снегородные.

Пришлось освобождать Градобоя. Сказал Градобой, что лежат рукавички в дупле дуба семихвата. Там и отыскивали их. А как отыскивали, отдали Снегурку, а Градобоя из темницы выпустили, хоть и не место ему, разбойнику и каверзнику, на свободе, но слово чести не нарушишь, не таков был южный род, чтоб утром слово сказать, а вечером его поменять.

Отдала Весна рукавички Снегурку и говорит:

– Возьми их, Снегурок, и возвращайся в Стынь-страну. Как вернёшься, передавай привет твоему батюшке и твоей матушке.

– От кого, тётенька?

– От Весны Теплоставовны. А ты не признал меня? – рассмеялась Весна. – Впредь в Ирий-землю ни ногой, а то ведь ты мою новь весеннюю морозишь. Посмотри-ка, где ты проходишь, там травы никнут, изморозь на земле выступает, цветы вянут и птицы замолкают. Северный род для Ирий-земли – пагуба, да и мы для Стынь-страны не отрада. Прощай, Снегурок.

Сел Снегурок на саночки-самоходы, засунул рукавички за пазуху да и быстрее в Стынь-страну поехал, в уделец свой Студёный.

– А я скоро в гостях у тебя буду! – звенел вслед смех Весны Теплоставовны. – Принимай, стол накрывай!

Пошла Весна в Златодол, в шатёр свой благоуханный. Идёт она, леса-поля оглядывает, и взяла её тоска-печаль:

– У зайчихи – зайчата, у лисицы – лисята, у семечка – росточек, у стбелька – цветочек, даже у Снегурочки со Снегородом Снегурок появился. А у Весны нет родного дитятка, хоть всех наделю я живородной силой.

Шла она берегом Медынь-реки. На Медынь-реке уж Спорогрей и Спорогрея потрудились, вскрылась река, плывут по ней льдины большие, шумят, друг на друга наскакивают. Видит Весна: плывёт на одной льдине что-то пёстрое да чуд-¹³⁵ное. Присмотрелась, а это куколка потешная, та, что Теплогон к Снегурочкиному терему на Снегириной горке случайно занёс. По ней Снегурочка Снегурка вылепила и снегородным духом оживила. Потом оленёнок рогами подцепил куколку да и побежал прочь, ворона её увидела, защемила клювом и понесла в своё гнездо, по пути выронила, упала куколка в глубокий снег на Медынь-реку. Как тепло пришло, река вскрылась, куколка и поплыла на льдине вниз по течению. Тут Весна её и подобрала.

Глядит Весна на куколку, нравится она ей:

– Сотворю-ка я себе доченьку, назову её Веснея, будет она мне в утешение и всему нашему южному роду в радость.

Принесла Весна куколку в шатёр. Оплела её весенними побегами, закопала в землю, полила талой водичкой. Тут же проклюнулся росточек, выпустил листочек. Потянулся вверх стебелёк, на стебельке завязалась почка. День, и два, и три проходят, выросла почка величиной с голубиное яйцо. Зовёт Весна Яровита, чтоб пронял он почку ярим жаром. Как подошёл Яровит к росточку, почка закачалась, затрепетала. Пронял

Яровит росточек ярим жаром, почка раскрылась, и вышла оттуда Веснейка – дочка Весны и Яровита. Щёчки у неё румяные, губки алые, волос что пшеничный колос.

Обрадовались Весна с Яровитом, смотрят на Веснею не налюбуются.

– Надо, – говорит Яровит, – смотрины устроить, дочку нашу всему южному роду показать.

– Устроим, всех на пир созовём.

Кликнула Весна сыновей Тепловея, посылает их во все концы Ирий-страны, звать гостей на смотрины. Потом позвала паучков-плетунов, ласточек-снурков, сели они наряды и обновы для Веснеи шить. Сшили ей платье из лепесточков, весенних цветочков, туфельки из бересты изготовили, узоры на них навели. В ленты нити серебряные дождевые вплели.

А Веснейка расцветает, будто солнышко лучи распускает. Щёчки у неё, как маков цвет, румянятся, волосы до пят выются, огнём горят, а глаза зелены, как листочки ранние.

Вечером стали гости в шатёр Весны и Яровита собираться на смотрины. Первыми Оттепель да Теплостав прибыли, родители Весны, подарили они внучке возок воздушный, который ласточки поднимали и по небу несли.

– Сможешь ты, внученька, – говорит дедушка, – в этом возке где захочешь летать, вместе с ласточками порхать.

Следом пришли Спорогрей и Спорогрея, Яровитовы родители. Принесли они в подарок Веснею шаль ярцевую, золотыми лучами затканную.

– Шаль эта, внученька, не простая, особенная, – говорит дедушка. – В ней тебя ни холод, ни стужа не достанут. Укроешься ею, хоть в гости к самому Морозу иди – ни пальчика не остудишь.

Закачались тут деревья, зашумели шёлковые травы. Залетают в шатёр ветер Тепловей с женой своей Ласковеей и сыновья с ним. Дарят они Веснейке гусли перезвончатые, над младшим южным ветром они начальники.

– Как ударишь по струнам, зазвенят гусли, прилетит младший южный ветер, по твоему желанию послужит.

Веснейка от радости сияет, диковинные дары принимает. Весна и Яровит гостей за стол усаживают, сладкими кушаньями их угощают.

Говори Яровит Веснейке:

– Дам я тебе, доченька, угодье Залесское в управление. Оно ближе всех сейчас к границе Стынь-страны лежит, сейчас там самое время снег топить, речки распечатывать. Будешь к на-

шему ремеслу приучаться, с холодом и стужей сражаться. И помощь моя и матушкина всегда для тебя будет. Согласна ли, доченька?

– Ещё как согласна, батюшка! – обвила Веснейка Яровита и Весну нежными ручками. – Дозвольте мне, матушка с батюшкой, по Златодолу погулять, в воздушном возке покататься?

Отпустили Весна с Яровитом дочку погулять. Перекинула она через плечико гусли перезвончатые, накинула шаль ярцевую, кликнула ласточек. Слетелись ласточки, подхватили плетёный возок и понесли её над Златодолом и над всеми весенними угодьями.

Леса в них нежной зеленью покрылись, поля травами и цветами повились, по всем угодьям ручьи звенят, реки шумят, птицы туда-сюда снуют, песни поют, и всякая живность теплу и солнцу рада.

АЙЯЛА

Настали последние дни зимы. Скоро весь Северный род за Ледовитый океан уйдёт, будет там лето пережидать, свои северные уделы крепко от тепла охранять.

Снегурок проснулся рано. Нынче ему обязательно надо пойти на Соболиный лужок, может быть, расцветёт сегодня наснежник. Вчера он там побывал, видел, что отогнулись уже верхние уголки у лепестков, к вечеру, а может, и к полудню откроется цветочек. Сорвёт его Снегурок, и исцелится сестра его Снежна, появится вмиг перед ним, заберут они её с собой за Ледовитый океан, не будут разлучаться с ней ни на один день.

Теремок его узорчатый, окошки створчатые уже подтаял, и он сосульками оброс, конёк на крыше оплыл. Оттепель и Теплостав не раз уже побывали здесь. Скоро сама Весна прибудет в уделец Студёный.

Слышит Снегурок: «Тук-тук». Стучат в окошко.

– Кто там? – спрашивает Снегурок.

– Это я, Снегоежка, пришла к тебе за свеженьким снежком. Угостишь?

Снегоежка жила по соседству со Снегурком. Была она беленькая, остроморденькая, вроде ёжика, только на спинке вместо колючек ледяные иглы торчали. Ходила она в больших валенках, в них всегда ложку прятала. Как проголодается, отыщет свеженький снежок, сядет перед сугробом, ложку из валенка достанет – и давай снежок уплетать. А как Снегурок поселился в уделеце Студёном, она рядом норку себе устроила, стала к нему за снежком наведываться.

Открыл Снегурок двери:

– Заходи!

Снегоежка юрк в теремок – и за стол. Достает свою большую ложку, на Снегурка поглядывает, когда он снегородные рукавички достанет, насыплет ей снега свеженького.

– Ты, Снегоежка, отвернись, пока я свои снегородные рукавицы достану, я теперь никому не покажу, где я их прячу.

– А я и так не вижу, что ты их под периной прячешь.

Снегурок и опешил:

– Откуда ты знаешь?

Он ещё рукавички не достал, а Снегоежка уже его секрет разгадала.

– Если бы у меня такие рукавички были, я бы их тоже под перину засунула – самое тайное место.

Достал Снегурок из-под перины рукавички. «Надо, – думает, – перепрятать, никакое это не тайное место».

Тряхнул он тихонько над столом рукавицей – на стол снег посыпался. Снегоежка – за ложку. А Снегурок стал ей рассказывать, как он в Ирий-страну ходил снегородные рукавички выручать и с Весной встретился. Глаза у Снегоежки стали большие, с плошку.

– Ты не испугался её?!

– Нет, у меня леденцы холодильные были, с ними никакой жар не страшен, хоть в печи сиди.

Пока Снегурок рассказывал, снегоежка наелась, тихонько под стол сползла, свернулась калачиком там и уснула.

Снегурок выглянул в окошко и обмер: сияет на небе радуга разноцветная, всеми цветами переливается.

Стал он будить снегоежку:

– Вставай, вставай! Смотри какой знак на небе! Это цветок наснежник расцвёл! Пойдём срывать его!

Вдруг донёсся гул до терема: то ли Снеговой летит, то ли батюшка едет. Влетает в теремок младший ветер:

– Беда, Снегурок, сорвали цветок наснежник! Не смогли мы сохранить его!

– Градобой сорвал?! – вскричал Снегурок.

– Нет, Градобой сюда бы и не сунулся, да и против стужи лютой и моей ветряной силы не устоял бы он. Сорвала цветок девчонка, дитё малое, вроде тебя. Прости меня, я, как ни дул, вихри не крутил, ничто её не берёт, стоять не может, так ползёт, ползти не может, так катится.

Подъехала она на оленей упряжке со стороны чащи, не вдруг её и заметил.

Сел Снегурок на саночки-самоходы, помчался к Соболиному лужку.

Не излечить теперь ему сестры своей Снежны, так и будет она только на один денёк из снегопада появляться. У Снегурка слёзы из глаз льдинками сыплются.

Приехали на Соболиный лужок. Схватка тут была знатная: ветки у деревьев обломаны, снега в огромные сугробы наметены. Меж сугробами позёмка вьётся. Увидел Снегурок сани, в них Белая Олениха впряжена. Видит: возле голого стебля наснежника лежит девочка, шапка сорвана, волосы по снегу разметались, в руке крепко цветок наснежник держит. А сама уж и не дышит, снежинки на лицо падают и не тают.

— Она теперь неживая, наверное, — говорит младший ветер, — такую стужу, что Снегурочка вокруг цветка навела, люди не выдержат.

А цветок наснежник красоты неписаной. Лепестки алмазом горят, тычинки — как хрустальные травинки. Взял Снегурок наснежник, хоть и красив он, только что с него теперь толку, другим он сорван, другому желанию послужит, а какое это желание, Снегурку и знать не надо. Можно его теперь Снежнице-кружевнице отдать, чтоб вплетала красоту эту в свои узоры.

Подошла тут Белая Олениха к девочке, опустилась перед ней на передние колени, голову свою к лицу её прижала, и увидел Снегурок, как потекли слёзы из её глаз.

Жалко ему стало девочку. Знал он только одно средство, как спасти её, — отвезти туда, где сможет она отогреться.

— Отвезу я её в Ирий-страну, — говорит Снегурок Белой Оленихе, — там она согреется и оживёт.

Олениха головой закачала, копытом забила, мол, везите быстрее в Ирий-страну. Положили её на спину Оленихе и тронулись в путь. Снегурок впереди на саночках-самоходах едет, за ним Белая Олениха. А до Ирий-страны уже рукой подать, вот она, сразу же за удельцем Студёным начинается. Снегоежка и Снеговой в удельце Студёном остались, а Снегурок дальше направился. Пересёк он весенние заставы, начался Залесский удел. Снегурок леденцы холодильные за обе щеки положил, чтоб не растаять и не пропасть в Ирий-стране. Всё поменялось в уделе Залесском. Где раньше Снегурок по сугробам катался, лежат только снежинки с холстинку толщиной, на пригорках — цветы рассыпаны, в

низинках — вода талая. Деревья дым зелёный окутал, листочки выглянули из почек — вот-вот развернутся. Саночки вязнут, мокнут, а всё же потихоньку вперёд едут. Вслед за санями изморозный след тянется, листочки в почки прячутся — холод от Снегурка идёт зимний.

Вдруг слышит Снегурок — сверху птичий гомон несётся. Видит: летит высоко воздушный возок, из лозы плетённый, весенними цветами увитый. Стая ласточек влечёт его по небу. Возок прямо к саням Снегурка и Белой Оленихи подлетел и рядом опустился. Выходит из возка Весня, щёчки алым цветом играют, губки — маков цвет, волос огнём горит, до пят вьётся. На тесме висят у неё гусли перезвончатые, на плечах шаль ярцевая, вся золотыми лучами затканная.

— Что за гости в мой удел пожаловали, холоду напустили? — спрашивает она.

Смотрит Снегурок на Весню — и любя она ему, будто сестра родная. А оно, может, так и есть, ведь по образу одной куколки Снегурок и Веснейка родителями своими созданы были. А Веснейка тоже глаз со Снегурка не сводит, будто вспомнить что хочет.

— Я — Снегурок, Снегурочки и Снегорода сын.

— Слышала про тебя, а я — Веснейка, Весны и Яровита дочь, Залесских угодьев владелица. Зачем к нам прибыли?

— Я девочку из удела Студёного привёз, она совсем замёрзла. Помоги, если сможешь.

Посмотрела Весня на девочку, и сердце у неё от жалости сжалось.

— Ах! Бедняжка! Ах, страдальца! — сняла она шаль ярцевую, стала девочку овеивать, согревать, теплом понимать.

Затрепетали у неё ресницы, зарумянились щёки, открыла она глаза.

— Живая! — вскрикнула Веснейка. — Ты кто будешь? Как тебя зовут?

— Айяла, — прошептала девочка. — Цветок наснежник, где он?

— Цветок ты сорвала, — сказал Снегурок грустно, — теперь твоё желание исполнится.

Хотела Айяла улыбнуться, да не может — губы кровавой коркой схватились

— А вы кто?

— Я Веснейка, а это — Снегурок, он тебя от смерти спас, в Ирий-страну привёз из Студёных земель.

Укрыла Весня Айялу шалью ярцевую.

— Увезём, — говорит, — её в мою палаточку, там напою я её снадобьями, она вовсе поправится.

Стоит палаточка шёлковая на лесном пригорке, цветами усеянном, сама она с виду как цветок ландыша лесного, только такой большой этот цветок, выше дуба столетнего.

Привезли туда Снегурок и Веснейка Айялу. Напоили её снадобьями живительными, уложили на мягкую постель. Отогрелась Айяла, покраснелась, разругалась. Просят её Снегурок и Веснейка рассказать, откуда она родом и как в уделе Студёном очутилась и зачем сорвала цветок наснежник.

Стала Айяла рассказывать.

Живёт она далеко на севере в родовом стойбище, там, где кончаются густые леса и начинается снежная степь – тундра. Родители её и весь род их оленей пасли, стада гоняли от пастбища к пастбищу. Случилось в их роду великое несчастье – перестали рожать оленихи оленят, принести приплод. А без оленей не выжить роду.

Про цветок наснежник давно люди знали, про него песни пели и сказки рассказывали.

Говорили, что когда-то давно удалось одному молодцу найти этот цветок и сорвать его. Звали молодца Улеген. Любил он красавицу Алхому, а она и не смотрела в его сторону. Вот и пошёл он искать этот цветок. Хотел, чтобы полюбила его Алхома так же сильно, как он её любит. Ушёл Улеген и не вернулся. Только вдруг Алхома горевать о нём начала, плакать, тосковать, слёзы проливать. От тоски высохла вся. И замуж ни за кого не вышла, хоть много добрых молодцев к ней сватались. Люди говорить стали, что нашёл Улеген этот цветок, сорвать сорвал, да вернуться не смог.

А как пришла беда в стойбище, стали люди избавления искать, часто про наснежника вспоминали.

Год и два нет приплода. Стадо оленьё чахнет, дряхлеет, день ото дня тает. Отец почернел от горя, мать от слёз слепнуть стала. Не слышно в чуме веселья, не видно улыбок. Тяжело было на душе у Айялы, часто уходила она к Белой Оленихе, больше всех она её любила. Выйдет к ней, обнимет за шею и плачет тихонько.

Только однажды вдруг слышит она – говорит ей Белая Олениха человеческим голосом:

– Собирайся, Айяла, повезу тебя к цветку наснежнику. Знаю я, где он нынче вырос. Рассказал мне про это дух оленей. Он нам дорогу укажет. В последние дни зимы расцветает наснежник, самое время за ним ехать. Будет нам удача – избавим мы оленей от болезни, спасём род наш. Оградили цветок ветрами буйными и

стужами лютыми, отважишься ли, Айяла, отправиться за ним?

– Не буду думать даже столько, сколько снежный ком с твоих копыт до земли летит. Сейчас поедem! – вскрикнула Айяла.

– Не спеши, Айяла, – говорит Белая Олениха, – приготовься хорошенько. Про цветок мы много слышали, а оставались ли живы те, кто срывали его, не знаем.

– Уж лучше мне погибнуть, чем видать, как один за другим братья с сёстрами от голода умирать будут.

Рано утром запрягла Айяла Белую Олениху, взяла связку сушёного мяса да вязанку ягеля для Оленихи, попрощалась с отцом, матерью, братьями и сёстрами, села в сани, укуталась звериными шкурами, и повезла её Белая Олениха в удел Студёный, к Соболиному лужку. Вёл её дух олений самыми удобными тропами.

Два дня мчались они без усталости. На третий день, как приблизился удел Студёный, стали крепчать ветры, колоть стужа, а как подъехали к Соболиному лужку, тут уж взбил ветер снега стеной. Крутятся вихри, стонут деревья, трещит мороз лютый. Выбилась из сил Олениха, остановилась, не может через стену снежную пробиться. Встала Айяла с саней, обняла Белую Олениху за шею, прошли они ещё. Упала тут Олениха, не может подняться. Только девочка увидела уже наснежника, блестит он алмазами, тычинки как хрустальные травинки. Вокруг него вихри свистят, а он стоит не качнётся, не шелохнётся, свет диковинный вокруг себя разливает.

Поползла Айяла по снегу из последних сил, руки у неё не гнутся, мороз лицо будто калёным железом жжёт. Дотянулась до наснежника, сорвала его.

– Пусть отныне плодятся наши стада оленьи, – прошептала так и упала без сил на снег.

Как сорвала она цветок, сразу же ветер стих и мороз спал. Поднялась Олениха, а Айяла недвижна на снегу лежит. Тут и нашёл её Снегурок.

Такую историю рассказала Айяла Веснее и Снегурку.

– А я ждал, когда наснежник расцветёт, сестру свою Снежну хотел спасти от болезни, грустно сказал Снегурок. – Она только один раз в год может из снегопада появиться и до вечера с нами быть, пока дневной свет силу имеет.

– Я не знала, что у вас тоже беды бывают, – голосок у Айялы задрожал, – я бы не тронула этот цветок.

– Тебе он тоже был нужен. Сестра моя жива и появится ещё, и цветок когда-нибудь расцветёт, а вы бы все умерли. Хорошего всегда на всех не хватает, – вздохнул Снегурок, – а плохого – сильно много.

БИТВА

Чуть только согрелась Айяла, чуть сил набралась, стала собираться. Стали думать, как Айялу домой отправить. Была она ещё слаба, а впереди три дня пути по заснеженным лесам и полям, по студёным землям. Боялся Снегурок, что из-за цветка могут матушка с батюшкой сильно осерчать на Айялу, снегом засыпать, морозом застудить. А она и так едва сил набралась.

Говорит Весня:

– Провожу я Айялу до дома её, укроемся мы с ней шалью ярцевой. Только как же домой вернусь, ведь ласточки не смогут в Стынь-земли полететь, не смогут мой возок туда доставить?

– А я с вами поеду, – говорит Снегурок. – Вместе и вернёмся на саночках моих.

Сели Веснейка и Айяла на Белую Олениху, ярцевой шалью укрылись. Снегурок вслед за ними едет. Как до Студёного доехали, дунул Снегурок в дудочку-погудочку, явился младший ветер.

– Что прикажешь, Снегурок?

– Окружи нас пеленой снежной, да так, чтоб снег вокруг вился, а нас не трогал, чтоб не заметили нас ни Буран, ни Пурга, ни батюшка, ни матушка.

Окружил их младший северный ветер пеленой снежной, и двинулись они по Стынь-земле к стойбищу Аялы.

Только на беду видел облак Лохмач, как Снегурок и Айяла в Залесских угодьях Веснянку встретили. Шнырял он, как всегда, по границам Ирия и Стынь-земли. Видел, как зашли они в палаточку и как потом в Стынь-землю отправились.

– Э-ге-ге-ге, дельце славное затевается, – сказал себе Лохмач, – и бросился к Градобой.

Тот в Чёрном рву прятался.

Рассказал он, что видел.

Градобой обрадовался:

– Вот уж удача так удача нам привалила! Стравим мы оба рода, пусть-ка они сшибутся лбами, а мы поглядим, что дальше будем, потешимся. Посчитаюсь я с ними со всеми. Лети, Хилодуй, прямо к Весне да скажи, что похитили, мол, дочку их любимую, Веснею, скрыли пеленой снежной и увели в царство вечных льдов, за Ле-

довитый океан. А потом лети к Снегурочке, скажи, что решил южный род навечно Стынь-землю к рукам прибрать, а северный род весь уничтожить, что перво-наперво похитили они Снегурка, чтоб власть над северным родом иметь.

– Ох и хитёр ты, Градобой! – взвизгнул Лохмач от радости. – За что и служу тебе верой и правдой. А как оба рода обессилят, тут уж наш черёд наступит властвовать, порядки свои заводить.

– То-то и оно, – ухмыльнулся Градобой.

Полетел Хилодуй в Златодол, к шатру Весны и Яровита:

– Ой, беда, Весна Теплоставовна, беда, похитили дочку вашу любимую, заманили её в Стынь-землю, чтоб увезти навечно в студёные земли, за Ледовитый океан. Сам я видел её в удельце Студёном, снежной пеленой она вся окружена.

– Врёшь, ты всё, каверзник, – отвечает Весна, – специально клевету возводишь, чтоб поссорить два наших рода. Зачем северному роду Веснею похищать?

– А похищать её очень даже надо, чтоб ваш род их роду навек покорился. Сами взгляните, палаточка дочки вашей пустая стоит, и в угодьях Залесских не видать её.

– Ну управляется где-то, что ей в палаточке сидеть. Ступай отсюда! – прогнала Весна Лохмача, а у самой сердце не на месте.

Зовёт она сыновей Тепловея и просит их отыскать Веснейку да позвать её в Златодол батюшку с матушкой проведать.

Улетели ветры в Залесские угодья, где Весня хозяйничала. Стало смеркаться – нет их; дело к ночи идёт – не возвращаются ветра, о Весне ничего не докладывают.

Как стемнело, вернулся самый младший ветер и говорит:

– Не нашли нигде Веснею, палаточка её пустая стоит. Все Залесские угодья мы обшарили, в каждый овражек заглянули, всякую горку облетели, нет её. Отправились мои братья по всей Ирий-стране искать, а меня к вам прислали.

Взволновалась Весна. Неужто правду сказал Хилодуй? Приказала она младшему южному ветру вдоль границ Стынь-земли лететь да всех, кого встретит, расспросить, не видал ли кто дочку её, не слыхал ли что о ней.

Облетел он границы Стынь-земли, расспросил зверей, птиц. Вернулся утром в Златодол и рассказывает Весне: видели, как села Весня с девочкой на Олениху, как за ними на саночках-

самоходах Снегурок ехал, как подошли они к границе Стынь-земли и исчезли тут же в снежной пелене.

Решила Весна, что и вправду заманили Веснею в Стынь-землю и похитили. Созвала она весь южный род, о коварстве северного рода рассказала. Разгневался южный род.

— Не позволим, — говорит Яровит, — над нами властвовать, вековой лад нарушать, отберём у них дочь мою Веснейку да и самих навечно за Ледовитый океан загоним.

— Не позволим! — загудели Тепловей.

— Не позволим! — сказали Теплостав и Оттепель, Спорогрей и Спорогрея.

И стал весь южный род силы свои у границ Стынь-земли собирать, к великой битве готовиться.

А Лохмач выждал время, как взволновался весь южный род, полетел к Снегурочке.

— Готовьтесь, — говорит, — Снегура Морозовна, собирает весь южный род силы против вас. Хотят вами завладеть, навечно за Ледовитый океан загнать. А чтоб держать вас в страхе, похитили они сыночка вашего Снегурка, заманили его в Ирий, там и спрятали.

— Пошёл отсюда, пока в клочья тебя не разодрали, Хилодуй поганый! — прикрикнула на него Снегурочка. — Ишь чего выдумал, мы с южным родом испокон веков в ладу живём. Ну задержимся малость в их землях, так ведь и они из наших уделов не торопятся.

— А Снегурка давно ли вы видели? Прислушайтесь, Снегура Морозовна, гул идёт с южной стороны. Это ветра южные там уже все собрались, обрушатся скоро на ваш род, — сказал так Лохмач и прочь улетел.

Прислушалась Снегурочка — и правда гудит у южных границ Стынь-земли, присвистывает. Кликнула она Снеговей.

— Давно ли, — спрашивает, — видел ты Снегурка?

— Второй день, как нет его в теремке узорчатом, — отвечает Снеговей.

Взволновалась Снегурочка:

— Где же он?

— Ничего мне не было сказано-приказано, отпустил меня Снегурок к родителям.

Разгневалась Снегурочка, что не усмотрел Снеговей за Снегурком:

— Лети разыщи Снегурка, расспроси о нём, кто и где его видел. Да все ветра прочие ко мне пришли, пусть весь наш северный род на Снеги-

риной горке собирается. Только Бурана с Пургой пошли к Южным границам, пусть разведают, что творится там, почему гул да свист оттуда идёт.

А Позёмку и Метелицу послала в дальние уделы за Снегородом.

Как собрались все, вернулся Снегород, рассказала им Снегурочка о том, что южный род замыслил.

Прилетают тут Буран с Пургой и сын их Снеговей и рассказывают: видели многие, и птицы, и снегоройки, как ушёл Снегурок в Ирий-землю, но никто не видел, как он вернулся. Была с ним ещё девочка, на оленей упряжке сзади него ехала.

Обмерла Снегурочка.

— Слышала я, — говорит она, — что появилась дочка у Весны — Веснейка, это она, видно, и заманила сыночка моего в Ирий-страну.

— А что, — спрашивает Снегород, — на южных границах делается, отчего оттуда гул и свист идёт?

— Собрались там все ветра Ирия, прибывают и прочие силы южного рода. Вот-вот готовы они на Стынь-землю обрушиться.

И сказал Снегород:

— Не дадим никому нами владеть. Отберём сына моего у южного рода. Быть великой битве.

Взвыли тут дали и близи. Полетели северные ветра к границам Ирия. А южные ветра только того и ждали. Миновали они заставы Стынь-земли и на северные уделы обрушились.

Сшиблись два рода. Не видывали никогда такого ни небо, ни земля. Деревья стонут, трещат, с корнем из земли выворачиваются, в щепы раскалываются. Кусты до земли гнутся, тучи в клочья рвутся. Вихри столбами носятся, птенчики под матушкино крыло просятся, звери все в норах укрылись, люди в погребках схоронились. Вслед за ветрами вступили Весна и Яровит, Снегород и Снегурочка. Горюют они о детях своих Веснейке и Снегурке, каждый думает, что похитили их со злым умыслом, ведь всё сходится, что Лохмач говорил.

В гнев Снегород снег сугробами на южный род сыплет, Мороз и Зима стужу гонят. А Яровит с Весной снега топят, холод жаром перешибают. Смешались тут небо и земля, тьма и свет, где глыбы льда застыли, где вода горячая хлещет, пар густой пеленой стоит. Жар и холод скрутились, будто конец света наступил.

А Снегурок, Веснейка и Айяла уже стойбища достигли.

Где Весня в ярцевой шали по Стынь-земле проедет, там талый след останется. Кое-где и

иглочки зелёные прорежутся. А за ней Снегурок едет, проталинки тут ледком затягиваются, снежком припорошиваются.

За два дня и две ночи добрались до стойбища Айялы. А там встречают её отец и мать, братья и сёстры и все родичи. Лица у них весёлые, счастливые. В этот день случилось чудо: десять оленей принесли по десять оленят. Никогда такого приплода не было в стаде. Будет теперь род Айялы жить.

Веснея и Снегурок с Айялой попрощались, в гости быть к ней обещали и отправились в обратный путь.

Как приблизились они к удельцу Студёному, стал доноситься до них страшный гул, будто земля трясётся. Видят они: тёмная мгла полнеба покрыла, бегут оттуда звери, летят птицы.

Поймал Снегурок снегоройку:

– Расскажи нам, что случилось, почему тёмная мгла полнеба накрыла, что за гул и свист оттуда несётся?

Снегоройка головой завертела, лапками уши закрыла:

– Ой-ой! Что там творится, наш северный род с южным родом сошёлся, насмерть бьются. Всё вокруг порушено, леса с корнем вырваны, реки поперёк русла потекли.

– Почему?! – вскричал Снегурок.

– Почему?! – вскричала Веснейка.

– Не поймём, не знаем, то ли Веснею похитили, то ли Снегурка потеряли, то ли верх друг над другом хотят взять. Никогда мы прежде такой беды не видели, никогда такого грома не слышали.

Поняли Снегурок и Веснея, что из-за них битва между родами идёт.

– Видно, подумали, что силой меня увезли в Стынь-землю. Как их разнять, помирить? – спрашивает Веснейка.

Крикнул Снегурок:

– Мчитесь, саночки-самоходы, прямо в ту мглу гремучую!

Бьются два рода не на жизнь, а на смерть.

Тут слышит Снегурочка голос Снегурка из тьмы:

– Стойте! Не губите друг друга!

Слышит Весна голос Веснейки:

– Стойте! Не рушьте уделы наши!

Разомкнули ветра свои объятия, ослабил дед Мороз стужу, убавил Яровит жар, осела мгла, и увидели, что стоят между двух родов Снегурок и Веснейка, целые и невредимые. Держит

Веснея леденцы холодильные в руках, а Снегурок шаль ярцевую.

– Если будете враждовать, землю губить, проглочу леденец холодильный и замёрзну, – кричит Веснея.

– А я шаль ярцевую накину и растаю.

Тут разошлись оба рода, утих гул, рассеялся пар. Тогда и рассказали Снегурок и Веснея, как дело было, куда наснежник исчез и почему Снегурок в Ирии очутился, а Веснея в Стынь-землю отправилась. Успокоились оба рода, повинились друг перед другом, заключили мировую да и вспомнили, кто их перессорил, клевету и ложь меж ними посеял. Двинулись тогда все ветра и южные и северные Лохмача, Хилодуя и Градобоя искать. Нашли их в Чёрном рву. Лохмача в ключья изорвали, Хилодуя в подземелье заперли, а Градобой опять ушёл, как сквозь землю провалился, а может, так оно и было. До сих пор он то там, то здесь появляется, градом землю долбит, всходы весенние губит, цветы оббивает. Только без Хилодуя и Лохмача ему прежние каверзы уже не по плечу.

А от удельца Студёного и Залесского только глыбы мёрзлой земли да лужи с грязью остались – таково побоище было.

177

Время прошло – Снегурок и Веснея в своих уделах порядок навели, прибрали. Обоими родами порушенное поднимали.

Пока Северный род за Ледовитый океан не откатится, уделы Снегурка и Веснеи граница к границе устраивали, по соседству. Каждый день они друг к другу в гости ходили, в игры играли.

А за Ледовитым океаном устроил себе Снегурок снежный Ирий-сад. Снежница-кружевница наплела из снега листьев резных, цветов белоснежных, каждое дерево ими украсила. В снег наснежников насадила. Неволшебные они были и желаний не исполняли, но по красоте ничем от настоящих наснежников не отличались. Снегурочка со Снегородом, Зима с Морозом и Ледовит с Ледовитихой тоже приходили Ирий-садиком любоваться. За Ледовитым океаном скучает сильно Снегурок по Веснейке. И ей увидеть Снегурка не терпится.

Если вдруг пойдёт весной снег мягкий да пушистый, будто теплом пронятый, или среди зимы в воздухе вдруг клейкой почкой запахнет, это значит, где-то рядом Снегурок с Веснейкой встретились. Вместе им быть нельзя долго, а поврозь они сильно скучают друг по другу.

г. Кемерово

Надежда ДУБРОВСКАЯ

ДВА РАССКАЗА

ПОРЧА

Точно сглазили. Все есть: и деньги, и работа, и муж, и все блага цивилизации, а тоска гложет. Тоскища. Зелёная.

– Зелёная? – переспросила подруга. – Порча у тебя. Хочешь адрес дам? Молодая, образованная, насквозь всех видит. Тоску снимет, защиту поставит. И как заново на свет народишься.

– Ой, милая, немного тебе осталось такой жизни. Срочно лечиться надо. Подруги завидуют, подлые, – тараторила ведунья. – Как пойдёшь к ним в гости, прямо под порог или под коврик соль или перец подсыпь. Делай это в течение месяца по нечётным числам.

Уже через неделю все подруги от меня отказались. Дверь мне не открывают, в дом не пускают.

– Полегчало?

– Нет.

– Сослуживцы завидуют, – уточнила колдунья. – Мы и их обезвредим. Купи маку, перемешай с мышиным помётом, положи в спичечный коробок и носи с собой за пазухой. А как сядут чай пить, ты им сыпани в чайник вместо заварки. Порчу как рукой снимет.

Сняли... меня с работы.

После всех этих неприятностей улыбаться я стала чаще. Даже без какой-либо причины.

– Вот, вам уже веселей? Улучшение noticed, – не унимается целительница. – Муж остался. Если в нём причина, так я с ним по фотографии поработаю. Наведу порядок в его голове.

Навела быстро. Он собрал вещи и ушёл.

Как в воду глядела эта экстрасенша. Порча развеялась. Тоска отпустила. Сажу одна дома, без мужа, работы, денег. В желудке пусто, а на душе легко. Сил много появилось. Энергия кипит.

Теперь пора на работу устраиваться, замуж выходить, по подругам бегать. Тосковать некогда. Вот что значит вовремя от знающего человека совет получить.

А то бы до сих пор мучилась: муж, работа, подруги, дом – полная чаша, одно слово – тоска зелёная!

ДОЖДАЛИСЬ

Вся деревня ждала. Ждала, ну когда же он её начнёт бить? Когда?

Вот и год прошёл, и другой, как вернулся Ленкин муж из мест не столь отдалённых.

Попал туда из-за гордыни своей непомерной. Вернулся притихшим, но полным энтузиазма, взявшись благоустроить своё гнездышко. Вопросов: «Как ты меня ждала?», «Как честь мужнюю берегла?» – не задавал. Себя, видно, берёт. Или не спешил порадовать сельчан, оттягивая удовольствие.

А побить хотелось давно... Ведь два последних года, пока он отсиживал, куролесила Ленка с молодыми парнями, желая наверстать упущенное да на будущее прихватить. Знала, если не прийдёт, то весёлые деньки закончатся раз и навсегда.

Как в воду глядела, батрачила на него с утра до ночи. Угождала как могла. Но от мужа доставались ей лишь упрёки и вечно недовольный взгляд.

Работы было непочатый край: то хозяйство разводили, то сад садили, то дом взялись перестраивать.

Вот со строящегося дома Ленка и свалилась нечаянно. Долго лежала в больнице. И всем приходившим рассказывала, как она, неловко повернувшись, плюхнулась – и об угол.

Только чем больше она рассказывала-доказывала, что сама упала, что муж здесь ни с какого бока, тем сильнее согласно кивали головами односельчане. И, сделав вывод: «Побил наконец!», деревня успокоилась. От сердца отлегло у всех.

– Ну всё по-человечески, как у людей...

А то об угол... Сама... Чего только жена не придумает, чтобы честь мужнюю сберечь!

Андрей ПЯТАК

МАРШ-БРОСОК

Рассказ

Это было давно, лет двадцать назад. Я служил ещё тогда в Советской армии. И не где-нибудь на периферии, а в центре Европы – в Германии, в той её части, которая называлась ГДР. Берлинская стена ещё была нерушима, и Эрих Хонеккер белозубо улыбался из чёрно-белых экранов допотопных «Рекордов» и «Изумрудов». Стояло жаркое лето восемьдесят девятого года.

Наш особый батальон связи располагался где-то в центре Дрездена. Из окон спальных кубриков были видны полуразрушенный костёл и трамвайные столбы, между которыми, похожие на игрушечные, проскакивали составы, – когда из двух, когда из трёх вагонов.

Выйдя за ворота КПП и перейдя улицу, можно было наткнуться на ещё одни железные ворота со звёздами дивизионного полка связи. Со стороны стадиона был низкий забор, наполовину каменный, наполовину деревянный, а за ним, пустырь. Там, где кончалось поросшее неизвестной травой поле, виднелась недостроенная, с десяток этажей, высотка.

В части я особыми качествами не выделялся и, как большинство механиков-радиорелейщиков, раз в три дня заступал в суточные наряды то по роте, то по столовой. Иногда со мною происходили невероятные казусы. Очередной мой наряд по столовой подходил к концу, и тут меня вызывает к себе начальник гарнизонной столовой прапорщик Малышев, просит помочь убрать посуду со свадебного стола в ДОСе* и унести всё в офицерскую столовую.

Я был, конечно, рад стараться в надежде перехватить лишний кусок колбасы или сыра. Но, когда я увидел белые шёлковые скатерти, заставленные грязными тарелками, настроения как-то поубавилось. Единственное, что я нашёл из съестного в холодильнике, была нарезка шикарного свадебного торта и две бутылки тёмного саксонского пива.

И тут я, что называется, добрался до бесплатного... Торт был бисквитно-кремовым с кофейной пропиткой. Но пиво оказалось слишком плотным и горьким. Поэтому торта я съел два куса, а пиво выпил только одно.

Когда я с хозяйственной сумкой, полной чисто вымытых тарелок и шёлковых штор вышел из подъезда, меня окрикнул сослуживец Вовка Кравцов:

– Признавайся, Андрюха, что стибрил?

– Да ничего я, Вова, не тибрил, видишь, посуду несусь в столовую.

– А-а... Тогда живей, а то ужин скоро.

Я пулей проскочил мимо тучной Вовкиной фигуры. И только тут до меня дошло, что я немного подшофе. В голове шумело, ноги заплетались. А если прямо сейчас экстренное построение по тревоге? «Нет, нет, нет», – я отмёл эти бредовые мысли. И неспешным шагом направился к столовой. Солдатская и офицерская столовые находились в одном здании, слепленном из дерева и профнастила. Их отделяла друг от друга лишь тонкая фанерная перегородка. Я без труда нашёл кабинет с табличкой на двери «Начальник столовой» и молча передал хозяйственную сумку Александру Сергеевичу.

На этом, как я думал, моя эпопея закончилась... Но по прибытии в казарму я узнал, что все свободные от нарядов военнослужащие должны пройти трёхкилометровый марш-бросок в ОЗК** на время. И тут мне стало дурно...

Немецкое солнце в тот год светило неизменно зло: двадцать пять градусов в тени. В каптёрке нам выдали эти самые ненавистные костюмы химзащиты и противогазы. Командир взвода лейтенант Зайченко приказал строиться в колонну по двое на улице. Затем наш взвод – пятнадцать душ, в линялых хэбэ и пыльных кирзовых сапогах, неровным строем направился в сторону стадиона. По бедру били сразу два подзума: один – противогазный, другой – с ОЗК. Стадион представлял из себя что-то типа школьного двора: беговая дорожка, футбольные ворота и полоса препятствий.

А у меня тем временем в животе началась настоящая революция. Жирный сладкий торт никак не хотел мирно сосуществовать с пенным горьким пивом в одном желудке. Была дана

* ДОС – дом офицерского состава.

** ОЗК – общевойсковой защитный костюм.

команда надеть ОЗК и противогазы. Я слышал её как бы в полусне. Но всё-таки кое-как напялил поверх гимнастёрки и сапог комбинезон «Радость рыбака» (резиновый плащ, резиновые сапоги и даже рукавицы резиновые). И это всё в такую жару. Пробежав один круг, я почувствовал, что меня сейчас стошнит прямо в противогаз. Перед глазами поплыли белые круги. А до финишных трёх километров оставалось ещё целых пять кругов ада.

И тут я, некрещённый и неверующий человек, начал (про себя) просить Бога о помощи: что, если доберусь до финиша живым, никогда не буду совать в рот что попало. Потом моё сознание выключилось. Я не помню, как преодолел последний круг и упал на траву. Помню только, что когда снимал эту ненавистную «резиновую кожу», в ней что-то по-лягушачьи хлюпало, а капли стекали за воротник гимнастёрки. Вот так, с помощью молитв и хорошего потоотделения, я избавился от хмеля в голове и неминуемой физиологической катастрофы. И я в тот день впервые в жизни задумался о возможном существовании Бога. И мне вдруг стало страшно...

177

Борис УСТИНОВ

В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ

*А нынче парк уже в снегу,
Шуга шуршит на берегу,
И пары бродят спозаранку.
Обзора колесо скрипит,
И дятел важное стучит,
А на катке – примёрзли санки.*

*Аттракционам вышел срок,
А детворе и невдомёк,
Что сани мастерятся летом.
И ёлка ёжится в лесу,
Под стать обзора колесу,
С непредсказуемым сюжетом.*

*Таких красавиц – не найдёшь.
Топор, пила, и ствол – под нож,
А на полянах – пни-колоды,
И лишь смолистая слеза
Сверкнёт, как чудо в образах,
Под шум весёлых хороводов!*

*Туман над Томью поредел,
Базар вороний погалдел,
Свет в гололёде отразился,
И сквозь небесное окно
Уже чуть-чуть сквозит весной.
И день как будто бы приснился!*

СЕДОЙ ПОЭТ

*Я, убелённый сединой,
На склоне лет пошёл в поэты:
Вдруг потянуло на куплеты.
А мне пора бы в мир иной.*

*Но я упрямо гну своё,
Мараю белую бумагу,
Как будто снова дал присягу,
Сжимая хладное цевьё!*

*Я понимаю молодых,
И все их творческие планы,
И поэтические раны:
Какие планы у седых?*

*Идти вперёд, заре навстречу,
Всё, что успею, то – моё,
Я не спешу – ещё не вечер.
Что возраст? Ерунда! Враньё!*

Юлия СЫЧЁВА

* * *

*Если пахнет палый лист
терпко
и неясная тоска
гложет,
значит, время убирать
репку
и вершки и корешки
тоже.*

*Время сосчитать цыплят
стайку,
журавлиному махнув
клину,
лету подвести черту
тайно
и загадывать себе
зиму.*

* * *

*Не хуже многих: кров есть, хлеб есть,
но упрекнуть не премину:
по временам впадаю в ересь
и прежде чтимое клянчу.*

*Как рыба, что идёт на нерест
не по теченью – противу,
ещё дышу, люблю, надеюсь –
живу!*

* * *

*между полем, между лесом,
между ангелом и бесом,
между Сциллой и Харибдой,
между правдой, между кривдой
междометий, междустрочий,
многоточий, между прочим,
где-то меж душой и телом
мухой муза пролетела!*

Григорий РОМАНОВ

ЗЕМЛЯ ИНСКАЯ

*Рубится, крошится кровельно
Мир безоглядно живой.
Берег касательный профильно,
Топот коней столбовой.*

*Жеучие кисти рябины,
Клён стороной – молодой,
Гривы – овражные спины,
Лебедя крик над водой.*

*Небо нет-нет да уронит
Дождь переспелый, грибной,
Лес под завязку наполнен
Сонной калиной хмельной.*

*Скоро кончается месяц –
Долгие вёрсты домой.
Вот уж колёса и рельсы,
Поезд, разъезд грузовой...*

ГРАМОТЕИНО

*Ветер в тучах вихрастый, задиристый
Иву клонит и клёна листву,
Петуха будит вновь голосистого,
Чтобы небу вознёс он хвалу.*

*Здравствуй, здравствуй, моё Грамотеино,
Принимай вновь меня на постой!
Отдохну я душой незатейливо,
Сладких ягод пригубив настой.*

*Над порогом крыльца хороводится
Равнодушная в небе луна –
Серебристая линия сходится
На комоды сквозь стёкла окна.*

*Отгорают зарницы заветные,
За мостом гром вечерний в дали,
В небесах зажигаются летние
Звёзды нашей таёжной земли.*

Максим ВЕРЕМЕЙЧИК

ВОЛКИ

*Что вы, волки, так жалобно воете,
В снег колючий роняя слюну.
Словно Бога о милости молитесь,
За икону принявши луну.*

*К небу морды задрали унылые,
Растревожили звуками ночь.
Костерите морозы постылые
Да судьбу, что нельзя превозмочь.*

*Ваша боль, ваша скорбь и отчаянье
Стылым ветром разносятся в даль,
Возбуждая собачье лаянье
И рождая на сердце печаль.*

*Знаю, вы по натуре бесстрашные,
Но порой к вам приходит тоска.
И слезятся глаза ваши влажные.
Снег картечью сечёт вдоль виска.*

*На рассвете замолкнете, скроетесь,
Уведут вас тропинки в леса.
Только чудилось мне, что вы молитесь,
Надрывая во мгле голоса.*

В ДЕТСТВО

*В летний, жаркий и солнечный день
Я решил заглянуть в своё детство.
Путь мой шёл между двух деревень
К лесу, соснам, реке по соседству.*

*А в лесу запах хвойный, трава,
Вдоль деревьев кусты и коряги.
Лентой вьётся меж сосен тропа
В пионерский заброшенный лагерь.*

*Я к центральному входу пришёл,
Приминая зелёные стебли.
А вокруг лишь кустов частокол,
Непролазно-ветвистые дебри.*

*Впереди лес враждебный, густой,
Будто не было в лагерь здесь входа.
Заросло всё по пояс травой,
Потрудилась на славу природа.*

*Я пробрался сквозь чащу вперёд,
А вот тут был когда-то бассейн.
Нынче густо крапива растёт
Да ветрами шиповник посеян.*

*Где забор, турники, корпуса?
Всему срок свой – так было и будет.
Рыжей тенью мелькнула лиса.
Потрудились ударно здесь люди.*

*Там гоняли до ужина мяч
И играли азартно в «Зарницу».
А теперь белки носятся вскачь,
Напугав задремавшую птицу.*

*В моей памяти лагерь ожил.
Здесь я с вами, ребята, со всеми:
Лёха, Саня, Серёга, Кирилл...
Хорошо потрудилось тут время.*

Анатолий КАСАТКИН

* * *

*Телевизор замолчал,
Время первобытно.
Тишиною дом скучал
Под луною сытно.
Тишиною разлеглось
Время.
Щиплет капля.
За секундой погналась
Маятника цапля.
Величава тишина,
Ах, Её Величество!
В темноте квадрат окна...
Час без электричества.*

* * *

*К перекрёстку на колёсиках
Меж машин, что в три ряда,
Инвалид спешит с вопросиком:
«Не найдётся ль три рубля?».*

*Меж рядами, меж «колёсиков»,
Рёв машин – стоять нельзя,
Здесь с наездами вопросики:
«Не найдётся ль три рубля?».*

*Нефтепроводы по просекам,
Банки, биржи – злоба дня...
И к России есть вопросики:
«Не найдётся ль три рубля?».*

Екатерина КРАСНОВА

ПРОШЛОГОДНИЙ ЛИСТ

Оттаял прошлогодний лист,
И на тропинке перелеска,
Не зелен и не золотист,
Весну встречает с интересом.

Он воздух пьёт и ветру рад,
Ручью, что дарит неизвестность,
И ощущает дождь и град,
Пытаясь заново воскреснуть.

В снегу изношен, волокнист
Его наряд неповторимый,
И принимает старый лист
Как дар судьбы неотвратимой

И вербы цвет, и синеву,
И солнца луч неукротимый,
И прошлогоднюю листву –
В ней видит свет неугасимый.

СЕГОДНЯ

Нам утро нарисует облака,
Летящее небесное пространство
И лета разноцветное убранство
В густом тумане цвета молока.

Кофейной пены терпкий аромат
На кухню манит прикоснуться к счастью,
Оставьте режиссёрам телестрасти,
Про завтра сериал ещё не снят.

Сегодня слушай птичьи голоса,
Сегодня оглянись на быстротечность,
Сегодня превратится завтра в вечность,
Сегодня посмотри на небеса.

Юрий КЛИМАНОВ

* * *

Как жизнь крута! Как пахнет керосином!
Как весело у спички на краю
Танцует огонёчек арлекином,
Как чудно проживает жизнь свою!

С тобой пылаю, воздух ртом хватаю
И дёргаюсь в такт звону бубенца,
Я зажигаю, кислород сжигаю,
У спички не предчувствую конца.

Чуди, чади, насмешник, нюхай серу,
Кривляйся пожелтевшим языком.
Как жить ещё на погорелье сером,
Не замечая пустоты кругом?

И кажется, что жизнь взята в кавычки,
А может, я за скобкой – не пойму.
Танцует арлекин по краю спички,
И умирать не хочется ему.

* * *

Когда ты не чувствуешь, кто ты такой,
И не понимаешь, что делать,
И нужен болезненной мысли покой –
В покое нуждается тело.
Но нет, не уходит расплывчатость слов,
Сумбурность, бездейственность мыслей,
Бездумные образы слов – как ослы,
Бредущих одной вереницей,
бредущих на бойню – баранов, коров! –
И мысль – мертвецами заполненный ров,
тогда не отделишь
будней от снов.

Но! Станут действительны вдруг миражи,
И преобразуется тление,
И точно, и явственно видится жизнь
В ритмичности стихотворения.

Владимир КОНЬКОВ

ОН ПРИШЁЛ

Трёхлинейной винтовки истлевший приклад,
Каска острым осколком пробита...
Вот и всё, с чем пришёл неизвестный солдат
На поверку ребят-следопытов.

Кем он был в том далёком жестоком бою,
Почему до сих пор не схоронен?
Что за взвод выполнял здесь задачу свою:
Шёл в атаку или был в обороне?

По останкам, изъеденным влажной землёй,
Молодое представилось тело,
И почудилось, будто бежит рядовой,
Пригибаясь от взрывов умело!

И как будто бы снова в одной из атак
Вдруг его взрывом мины скосило,
И от этого взрыва припомнить никак
Даже имя своё он не в силах!..

Потому, знать, в краю неизвестных солдат,
Где уже не убить и не ранить,
Ни имён, ни фамилий, ни званий, ни дат,
А лишь взрывом затёртая память.

Там лежит трёхлинейки истлевший приклад,
Рядом каска, осколком пробита,
Там ведёт разговор безымянный солдат
С группой юных ребят-следопытов!

Юрий ДУБАТОВ

ОТЕЦ ДМИТРИЙ

Курит Митрич, глаз тоскливый синий
Смотрит исподлобья на меня.
А другой на площади в Берлине
Выбит до Победы за два дня.
Батины военные рассказы
Наизусть я выучил давно.
Не одернул я его ни разу
И гляжу задумчиво в окно.
Пусть он травит байки фронтовые,
Глаз скосив в пустеющий стакан.
Знаю точно: если б не такие,
До Урала б шёл Гудериан.

* * *

Владивосток от нас далеко,
но ведь это город-то нашенький.
В. И. Ленин

На окраине русской державы,
Там, где флот наготове стоит,
Там, где слёзы смешались со славой,
Там, где сопки и серый гранит,

Где дорога сползает великая
Анакондой в седой океан
И природы тоска полудикая
Льётся в душу, как водки стакан,

За Андреевский флаг наш военный!
На закуску – муссона глоток...
Здравствуй, город ты мой незабвенный.
Город нашенький – Владивосток!

Виктор КИСЕЛЁВ

* * *

А искусство для нас было светлым началом.
Только вот по сегодняшним чётким каналам
Не увидите умных и чистых актрис...
Вам покажут ту сторону ярких кулис,
Что никто никогда не показывал залу:
Ту изнанку – простите! – чужого белья,
Мол, смотрите – не ангелы! – ходим помалу...
Восхищаемся мы приклатнённым вокалом
И все принципы жизни берём у зверья.
...Жаль, гуманность не стала для вас идеалом,
Пустоту воспеваете ради рубля.
Я из тех, кто не видит одежд короля,
И я тихо живу в общежитии старом.
...Будет вечер. И дочь мне приткнётся в плечо:
«Что ж ты, папа, замолк?
Почитай мне ещё!»
Улыбнётся...
Не всё стало в мире товаром!
И я снова читаю ей Гоголя.
Даром.

ИРЕ, ДЕВУШКЕ ИЗ МАРИИНСКОЙ ТАЙГИ, ПРИЕХАВШЕЙ ЖИТЬ В БОЛЬШОЙ ГОРОД

Тебя погубит, Ира, город –
Здесь башню сносит не шутя.
Не надо даже лить за ворот,
«Чтоб сбиться с верного пути»,

Как говорит Дубатов Юра...
Тебе же нет и тридцати.
С твоей красивою фигурой,
С твоей доверчивой натурой –
Тебе здесь счастья не найти.

Тебе бы на завод пойти.
Там есть к тому же кавалеры,
Но ты не хочешь на галеры,
Другого ищешь ты пути.
А по-другому как? Гетерой?
Без чести, без любви, без веры?
И мотыльком лети, лети...

С тобой мы из одной тайги,
Но возраст мой диктует темы.
Решение иной проблемы
Выносит старые мозги.
Нет инсулина третий месяц,
За всё плати, плати, плати...
Льют бесконечные дожди.
Как выжить – Господи, прости! –
От безнадёги не повесись?!
...Как Иркут, дурочку, спасти?

Галина ЧЕРВОВА

ЛИСТОЧЕК КЛЁНА

Смотрю в окно, саднит простуда,
С погодой мне не повезло.
Листочек клёна, ты откуда
Прилип на мокрое стекло?

И вижу, как в осеннем свете,
С лучами солнца в вышине,
Тебя сорвал залётный ветер
И преподнёс в подарок мне.

Кружатся в парке листьяв стаи,
Верша стремительный полёт.
Мы все куда-то улетаем,
Когда приходит наш черёд.

Ах, листик мой! Целебной силой
Пошли мне радости подъём.
Побудь со мной не в луже стылой,
А на стекле в окне моём!

Михаил СТРЕЛЬЦОВ

АНКА

Растоптав навсегда Ростроповича виолончель,
Завывает январь, перевязанный лентой
пихтовой.

Мне милее забава: на Волге уселся на мель
Полукатамаран, возглавляемый смелой
Орловой.

Воздвижение храма достойно восторженных од,
Если не замечать куполов однобокого злата.
И как весело, бойко, ритмично стучит
пулемёт –

По-стахановски Анка работает не за зарплату.

Это постреализм, это пьяный январь СНГ,
Полоумный стажёр перепутал, спеша,
киноленты.

Сотрясение храма и ангел, висящий в петле,
В повторенье своём отчего-то уже
неприметны.

Все хороним кухарок рядком у кремлёвской
стены.
Надо меньше ломать или строить побольше
и выше.

179 Анке хватит патронов в загашнике вплоть
до весны.

И она только ждёт, когда
подойдём мы
поближе...

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ХАЛЕВИНСКОГО

Забирают ветерана пьяного
Мальчики безмозглые – менты.
Что он сделал? Просто пел Фатьянова
Да из Бийска ехал до Инты.

За Победу честно выпив стопочку,
В честь ребят, не взявших высоту,
Умолял: «Отдайте, парни, соточку,
Мне же надо ехать на Инту.

Там дружочек, выбрались с которым мы
Под обстрелом к стынувшей реке.
Написали: увозили «скорыми»,
Он полвека вкалывал в Инте».

Автоматно матом в спину – практика;
Стопку засчитали за вину.
Вытрезвитель ожидал солдата,
Грудью защитившего страну.

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

* * *

*У небесных судов крылья рвёт,
А от водных скрывает фарватер.
Где-то рядом он с нами живёт,
Людоед – человеческий фактор.*

*Этот новый серийный кощей
Ни в какое яйцо смерть не прячет.
Добры молодцы, видит злодей,
Нынче, кажется, вымерли напрочь.*

*Потому, кровь пустие у высот,
В предвкушении спускается в шахту.
Порождающий вдов и сирот
Душегуб – человеческий фактор.*

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

*В прошлом веке, в столетье великом
Наш учитель любил задавать
Сочинение после каникул,
Как легко его было писать.
Вот и ныне голов поседелых
Не спасёт юбилейный обед.
На доске педагог вывел мелом:
«Тема: «Как я провёл сорок лет»».*

В ЛИФТЕ

*Гладких стен с нетерпением снова дождусь,
Гладких стен, что в автографах звучных,
И в объятии их, как всегда, прокачусь –
Ездить грамотным в лифте нескучно.*

*Благо времени воз – так высок мой этаж.
И, как будто филолог капризный,
Изучаю соседей словарный багаж,
Весь их минимум, нужный для жизни.*

*И казалось, что фразам мертвящим, пустым
Ни конца уже нет и ни края...
Этажом перед пятым, а может, шестым
Строчка в самом углу оживает...*

*Словно в знойной пустыне глоток ключевой
Предложили испытать мне водицы –
Нацарапан призыв чьей-то детской рукой:
«Мух не бейте, они ведь как птицы!»*

Елена ЕЛИСТРАТОВА

* * *

*Птицы живут под крышей.
Птицам под крышей слышно,
Как завывает ветер
Полночью в феврале,
Как разбудить берёзы
Тщётно стремится ветер,
И до утра берёзы
Мечутся в страшном сне.*

*Птицы живут под крышей,
И с высоты им видно,
Как замирает город
Полночью в феврале,
Только метель урюмо
Свищет по переулкам,
Рыщет по подворотням,
Взяв одинокий след.*

*Птицам тепло под крышей.
Мчатся в тоннеле ночи,
Птицы под крышей знают:
Скоро забрезжит свет
И на балкон хозяйка
Выйдет, платок набросив.
Будет опять в кормушке
Птицам насущный хлеб.*

* * *

*...И вижу, что кончается зима.
И впавшие в беспамятство деревья
Уже не так зловеще проступают
На фоне замороженных небес.*

*И город, отложив свои дела,
Рябиной кормит шумных свиристелей,
Как прогулявший физику подросток,
Скитающийся по чужим дворам.*

*И где-то за пределами всего,
На грани помутнения рассудка,
Звучит определённой с каждым часом
Предчувствие прозрений и начал.*

*Лети, душа, как бабочка на свет,
На этот звук легко и безмятежно –
Ещё одна весна в твою копилку,
Ещё один в гербарий первоцвет.*

Алексей БУРКО

* * *

Усталый зной отыгрывал назад,
Циклон сменял наскучившее ведро,
Под страшный дождь, точнее, дождепад
Я подставлял пластмассовые ведра.

Напор воды к бесчинствам призывал,
Манил фантомом праздничного буйства,
Катил огромный, как девятый вал,
Бурлящий ком неслыханного чувства.

Но этот монстр был непосилен нам,
И эта служба втрое непосильна:
Нести любовь, в тот час, когда она
Вдруг снизойдет с небес дождем обильным.

Порывы ветра тайну унесли,
Наплыв безумства прекратился скоро.
Я прочитал по радуге вдали,
Что солнце убивает сизый морок.

И понял вдруг, увидев влажный луч,
Что, бессердечной совестью ограблен,
Начну стыдиться уходящих туч
И собирать оставшиеся капли.

* * *

Вен. Ерофееву

Я резво шёл, я смело мыслил,
я супермаркет покорил,
я под сияньем летней выси
над всеми дерзко воспарил.
Пушай умолкнут злые толки,
меня в объятьях крепких вин
ждут поцелуи комсомолки
и вечнопахнущий жасмин.
Поэт – звенящей предан лире,
доисторический реликт.
Пребудет с нами в тряском мире
свободный гений Венедикт.
Как ни крути, как ни планируй –
тот был таким, тот был таков –
мы в равной мере пассажиры
до лучших, горних Петушков.
Под перестук колёс вагонный
вольготно чувствую и уму.
Таланту автора покорный,
я уподобился ему.
Я так же спорил вдохновенно,
я так же загадычно пел,
на полустанке вождественном
я так же выйти не успел.

Виктор КАЛЬСИН

* * *

Осень в озябшем К.
Видимость перспективы.
Однообразная, как река,
жизнь течёт без мотива.
Полдень катится под уклон,
редок суетный ряд калашный,
кто-то брякает за углом
старомодный танец, сухой, как кашель.
Чебуреками пахнет парк,
дождь накапал на полстакана.
Вышел из дому Пастернак,
крошки вытрусил из кармана.
Отплясал балаган-мангал,
послесловие после свадьбы.
Наскакавший, как монгол,
город спешился – где поспать бы.
Успокоилась карусель,
перекрыли фонтану краник,
в листьях рыскает спаниель,
чуя косточку или пряник.
Пробирает, скребёт тоска,
обернёшься, как будто звали.
Показалось. Зима близка,
что синоптики ни сказали б.

151

* * *

Провинция, сто жизней до Москвы,
мостов, вокзалов, перелетов...
Накачиваем спины шеи, морщим лбы,
но дешёв этот труд и фиолетов.

С кем, бабушка, живёшь? Как, дедушка, табак?
Скажите штатному разине
про кислую капусту в погребах,
китайские матрёшки в магазине.

Вдогон слова и семечки хрустят,
идёт футбол в пыли за гаражами,
и с нежностью утопленных котят
глазеют с подоконников герани.

Ирина ТЮНИНА

* * *

*А весну я люблю всякую!
Даже если по лужам хлябаю,
Даже если в носу хлюпает
И гудит голова глупая!*

*Я готова болеть гриппом,
В мутных лужах удить рыбу,
С малышами играть в песочнице –
Пусть только зима кончится!*

БАЛЛАДА О СЕМЕЙНОМ ДОМЕ

*Чай незаметно становится облачно-серым,
Втиснутым в чашку, дрожащим осенним
солнцем.*

*Пахнет заварка венниками и сеном,
Чем-то промозгло-горклым – в общем,
не пьётся.*

*Чайник шипит, но ссора ещё не вызрела.
В тёмном нутре не грозища, а так – брожение.
Каждый на что-то уставился в телевизоре –
Видно, давно уже ищет своё отражение.
Дом осыпается пылью, бьётся в конвульсиях.
И раздаёт привычно многоэтажность
Роли влюблённых, но разница наших пульсов –
Может, ударов сто или больше даже.
Время стекает заученно с телеэкрана –
Помер сосед, и мы так неожиданно невечны:
Сначала уходит любовь, потом – тараканы,
А после и люди начнут собирать вещи.
Будет слоняться ветер запойным пьяницей,
Чайник прольёт, телевизор и прочую рухлядь,
Взвоят с тоски и сгинет, а пыль останется,
Даже когда стены вокруг рухнут.
Сумрачный рай для оглохших ушных перепонок –
Старый семейный дом, где дышать нечем;
До исступления тесный, и наш ребёнок
Пальцем в пыли рисует знак бесконечность.*

Дмитрий МУРЗИН

* * *

*Снимается наш Афоня на фоне левиафана
То трезвый, то в шлемофоне, то, извините,
пьяный.*

*Снимается наш Афоня, да там этих снимков –
с горкой,
В Берлине и на Афоне,
да в Пальма-де-блин-Майорке.*

*Афоня дерзит – но в меру, Афоня наш меру
знает,
Терпеть не может премьера, но Путина –
уважает.*

*Афоня такой спокойный, Афоня такой
понятный,
Откроет окно Овертона, потом закроет
обратно.*

*Афоня будильник вертит, ему на работу рано...
Пройдут и левиафаны, Афоня и не заметит.*

* * *

*Накосячил наш конь с бороздой.
Накосячил со щукой Емеля.
Поманило нас небо звездой –
Вот и цель. Ну а кто мы без цели?*

*А куда нам без цели? Куда?
Лишь на кладбище либо к острогу...
Путеводная светит звезда,
Освещающая, к примеру, дорогу,*

*По которой – ни славы, ни mzды,
По которой шагаем повзводно
Мы на свет путеводной звезды.
Биполярной звезды путеводной.*

Ольга ЯКОВЛЕВА

«...И СЧАСТЛИВЫХ ТВОРЧЕСКИХ... ВИБРАЦИЙ!»

(Заметки пародиста о стихах,
опубликованных в журнале
«Огни Кузбасса» в 2017 г.)

Наш известный кузбасский поэт и литератор
Валерий Зубарев когда-то, в первом номере за
2012 год, лукаво-озорно написал:

**Пусть поэт почешется,
Пусть народ потешится.**

И словно выполняя пожелания Валерия Федоровича, в 2017 году журнал «Огни Кузбасса» опубликовал интересные пародии (также стихи и басни) **Николая Башева**.

А кроме того, строчками для пародий поразовали и некоторые авторы журнала.

В первом номере опубликованы стихи **Игоря Тюленева** (г. Пермь):

**...Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой – классиков тома...
«Ты гений?» – «Нет!» Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен...**

От обиды за классиков, чьи тома сошедший с ума от русской речи автор назвал чтивом, и появилась эта пародия:

*Пишу стихи, а думать нечем, –
весь разум выпал мне на плечи
и гениальности дал крен.
Безумье столь красноречиво,
что классиков назвал я чтивом, –
я ж в русской речи нихт ферштейн.*

Также в первом номере журнала есть подборка стихов кемеровчанки **Елены Елистратовой**, которая пишет:

**И мысли на квадратики крою,
Чтоб с ними примириться и ужиться.**

Как было не спародировать данные строчки?!

*Я целой мысли хода не даю,
иначе за неё не зацепиться,
я мысли на квадратики крою –
им в клетках мозга легче угнестись.*

*Читатель, знай, поэт не виноват,
коль сплёлся стих заумно-непонятно,
ведь автор вместо мысли брал квадрат,
а с ним на всё, и на стихи, –
вообще квадратно!*

Также Елена провозглашает следующее:

**И радостно, свободно, просто жить,
Как будто до конца одна минута.**

Столь непонятный оптимизм перед собственным концом дал повод для следующей пародии:

*Обрадуйся тому, что до конца
осталась у тебя одна минута,
не прячь от вечности счастливого лица,
не суицидник ты, – твоё веселье круто.*

*Кончаясь, очень радостно живи,
в агонии будь счастлив и свободен,
но только стих мой бредом не зови,
для мазохистов он вполне себе пригоден...*

В этом же номере журнала представлены стихотворения **Елены Берсенёвой** из Новосибирска, одно из которых смело называется «Ода русскому языку», однако больше похоже на насмешку над оным:

**Когда застукан мужем
С подругой в уголке –
Оправдываться нужно
На русском языке!**

На что Елене Берсенёвой хочется ответить так:

*Да будь ты хоть немой арабом,
не в свой проникнувшим гарем,
когда с чужой застукан бабой, –
болтай на русском без проблем!*

*И эмиг закрыта будет тема,
и ты спасёшься невредим:
шок свалит с ног хозяина гарема, –
наш русский ведь и здесь непобедим!*

Также в первом номере журнала опубликована подборка стихов новосибирчанки **Юлии Федорищевой**, где встретились такие строчки:

*...Я верю в то, что солнце греет землю...
...Я верю в мёд и яблочную мякоть...*

А это пародия:

*Я верю в то, что есть зима и даже лето,
я верю в ломтик помидора и в бульон,
мне также верится, что вертится планета
и что крупнейшее из всех животных – слон.*

*Я помню, в школьные года имела веру
в экватор, суффиксы и правила сложения.
И даже сделала отличницы карьеру,
уверовав в таблицу умножения.*

*Ещё я удивляла всех нередко
своею верой в знаки препинания,
но... детям ставили за знания отметки,
а мне – за истовую веру в эти знания...*

В этом же номере опубликована подборка стихов **Тамары Сагатовой** из Междуреченска, у которой в прекрасном стихотворении есть очень неожиданная концовка:

*Ах, какое утро роскошное!
Синее небо. Жаркое солнце пустыни.
И повсюду розовый свет
От розовых перьев фламинго,
Как всё это сберечь...
«Надо сберечь», – утверждает с неба
Сенкевич.*

Этот глас в пустыне не мог остаться без ответа:

*Грядку сажала – со мною общался Мичурин,
а поливала – Колумб бороздил воду в бочке.*

*Жучку погладила – Павлов пришёл ставить
опыт,
Рук не помыла – Чуковский привёл
Мойдодыра.*

*К дому пошла – архитектор Растрелли
со мною,
Мне бы в пустыню, а там с неба вторит
Сенкевич...*

В четвёртом номере журнала обилием строчек для пародий потряс петербуржец **Виктор Тихомиров-Тихвинский**, хотя он и подчёркивает своё стихотворное трудолюбие:

**Этот стих пишу. Стараюсь!
Жду похвал, а не хулы!**

Но как не откликнуться пародией на следующие строки этого автора:

**А рядом лес таинственно молчит,
Как будто бы снотворным накачали...**

*Был тихий лес вполне здоров на вид:
с хорошим сном и жизнью без печали,
но как-то он болезненно молчит,
всё ясно: клофелином накачали.*

*Лишь дятел нарушает тишину
(забыл про отдых – жертва амнезии),
так бьётся головёнкой о сосну,
видать, под местной он анестезией.*

*Ослабленно бредёт бедняга ёж,
как будто витаминов не додали.
Спрошу его: «Здорово ли живёшь?»
Ответит хмуро: «Здоровей выдали...»*

*В кустах лиса листочком шебуршит,
от диареи ищет пятый угол,
от съеденных мышей живот болит, –
плутовке нужен активированный уголь.*

*А волку бы помог валокордин,
за сердце держится своей когтистой лапой, –
недавно посетил в селе овин,
но после вил уже не станет папой...*

*Стоп. Я допил из фляжки свой нарзан,
поправил тёплый шарфик от бронхита,
от колик принял внутрь эспумизан
и сел под ёлку дочитать про Айболита.*

Удивил Виктор и странной для него тишиной на кладбище:

**На кладбище кладбищенский сторож
не спит
И такая стоит тишина,
Будто нет здесь людей, будто каждый убит
И осталась лишь память одна.**

На что хочется коротенько ответить:

*На кладбище обычно галдёж и гульбище,
я не раз принимал в них участие сам.
Непривычна мне лишь тишина на кладбище,
и... она так мешает дремать сторожам.*

В пятом номере опубликованы стихи нашего известного поэта **Сергея Донбая**. У Сергея Лаврентьевича заинтересовали следующие строки:

**Мысль выступает в голове
Без всякого порядка <...>
Гуляли мысли в голове.
Как клёны, в два обхвата <...>**

И, наконец:

Какое хрупкое занятие – думать...

А это пародия:

*Я хрупко думать не рождён,
в том мысли виноваты, –
все прут толстенные, как клён,
кто – в два, кто – в три обхвата.*

*Пытался их нумеровать,
чтоб шло мышление гладко,
но мысли лезут выступать
без всякого порядка.*

*От наглой мощи их ослаб,
жду музу, как награду,
она пришла – как баобаба,
и... всё срослось как надо!*

На этой высокой ноте хотелось бы закончить пародийный обзор, но в шестом номере журнала нельзя не обратить внимание на подборку стихов известного поэта **Светланы Кековой**. Меня заинтересовали следующие строчки Светланы:

**В Саратове по улице Советской
я шла в толпе, орех сжимая грецкий
в своей руке, и думала о том,
что вот – вокруг меня – чужие люди...**

А это пародия, в которой, подражая автору, хочется развить тему простого рифмования названий орехов и улиц, например:

*Когда иду по улице Советской,
в руке орех сжимаю только грецкий.
Когда бреду по улице Центральной,
в руке уже зажат орех миндальный.
Когда бегу по улице Садовой,
орешек в кулаке держу кедровый.
Когда спешу по улице Матросова,
потяжелей беру орех – кокосовый.
Когда ж сверну я в переулок вдруг,
вообще в руке окажется фундук.*

Также в шестом номере есть публикация стихов **Александра Паксиваткина**, у которого нашлись инженерно-новаторские строчки:

**Я кричу высоким журавлям:
«В добрый путь! Счастливых вам инерций.
Через степи, горы и моря!..»**

155 Чего только не желали поэты улетающим журавлям, но, думаю, ещё никто не пожелал им счастливых инерций. И потому пародия:

*Очень я механику люблю,
термины её ласкают сердце,
даже вслед желаю журавлю
счастья в виде множества... инерций.*

*Через реки, горы и поля –
путь его вдоль разных территорий.
Я б ещё желал для журавля
счастья в смысле чётких траекторий.*

*Я себе хотел бы пожелать
(ведь и физик я, и лирик, братцы!)
строки поладнее выверять
и счастливых творческих... вибраций!*

Юлия ЛАВРЯШИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ ДОНБАЯ

Моё знакомство со студийцами «Притомья» обернулось настоящей трагедией. Сейчас это, конечно, кажется забавным, но тогда, поверьте, было не до смеха...

Мне было немногим больше двадцати, и я верила, что моё призвание – это поэзия. Но написанное я никому не решалась показать, кроме моего мужа Артура, который и привёл меня на занятие «Притомья» буквально за руку. Ребята там в конце 1980-х собирались жёсткие, и от моей рукописи не оставили камня на камне. Правда, потом один из участников разгрома уверял, что стихи им понравились, и они всего лишь пытались разозлить меня, чтобы я начала писать ещё лучше. Но я не разозлилась, а прорыдала всю ночь, решив, что на моей мечте придётся поставить крест. К слову, стихов я после этого не писала лет десять...

Зато удивительным образом родились сразу несколько рассказов, один из которых я считаю знаковым. «Весёленький денёк» должен был стать моей первой публикацией, но поскольку речь в рассказе шла о конфликте старшеклассника с комсомольской организацией, его запретили к публикации в газете «Комсомолец Кузбасса» и взяли другой рассказ. А я страшно гордилась тем, что начала как автор, запрещённый по политическим соображениям!

А «Весёленький денёк» всё равно ждала счастливая судьба: Сергей Донбай, в то время руководивший не только работой «Притомья», но и журналом «Литературный Кузбасс», взял этот рассказ. Потом он был опубликован в коллективном сборнике, и потому его название я дала и своему первому персональному сборнику.

Признаюсь, если бы не Сергей Донбай я, наверное, не решилась бы снова появиться в «Притомье». Но Сергей Лаврентьевич – не только талантливый поэт, но и человек, наделённый отменным литературным вкусом и потрясающей интуицией. Меня всегда поражало, как точно и тактично он сходу комментирует написанное на-

ми, и находит слова, которые совсем необходимо указывают слабые места рукописи и вместе с тем вдохновляют на работу. Благодаря его чутью и повесть «Лэрис, Принцесса и Ланселот» наполнилась трагической силой, которой я испугалась вначале. Решила, что ещё не готова подняться на такой уровень. Но Донбай уверенно сказал: «Ты сможешь», и я поверила.

Сергей Лаврентьевич выступил и редактором моих первых книг, поэтому неудивительно, что в моей душе – самые тёплые чувства к этому человеку. Как может отблагодарить писатель? Книгой. В романе «Прощай, КоБра!» (изд. «Аквилегия-М»), действие которого происходит в моём родном городе Кемерово, описывая литературную студию, я отчасти воссоздала атмосферу «Притомья», только в книге ребята помладше – подростки. А Сергей Донбай стал прототипом руководителя студии, тоже поэта с греческими корнями – Никиты Паппаса.

К нему и приходит со своими сказками тринадцатилетняя Настя Ильина: «Эту девочку Никита Паппас не сразу и разглядел среди рослых ребят литературной студии, занятия которой вёл в последний будний день, и потому часто в шутку называл себя греческим Робинзоном, у которого целое племя Пятниц. Дожидаясь руководителя, талантливые дикари толкались возле Дома литераторов, двери которого выходили прямо на центральную улицу города – Советский проспект.

Прохожие обходили стайку подростков с понатной опаской, хотя юные поэты всю агрессию вкладывали в обсуждение рукописей друг друга. Иногда дело едва не доходило до потасовки, но на то и существовал Никита Паппас, чтобы вовремя развести бойцов по углам ринга (читай – кабинета). Он учил их говорить по делу, не переходя на личности. Сперва похвалить, потом делать замечания. Предлагать свои варианты исправления отдельного эпизода или всей сюжетной линии. И, главное, искренне радоваться удачам друг друга!

– Ругать проще простого, у вас у всех ещё – поле непаханное для критики, – внушал Никита Матвеевич студийцам. – А вот найти, за что похвалить начинающего автора, порой задача посложнее...»

В «Огнях Кузбасса» журнальный вариант романа публиковался под названием «Серебряный ключ». Это моя дань памяти «Притомью», времена которого я вспоминаю с нежностью...

Александр КАРМАНОВ

ОТРАД ДУШИ

*Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила,
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!*

М. Исаковский

Следуя зову души и сердца, светлой памяти, хочу рассказать о тяжёлой судьбе моей бабушки, Гусевой Аграфены Николаевны, в девичестве Калининой, рождённой в 1897 году в большом селе Курганы, расположенном на левом берегу Кургановской протоки реки Томи. На правом берегу Томи, напротив Курган, находилось селение Шахта. На берегу в горе была штольня, где вручную добывался уголь, который по рельсам вывозился на «дневную поверхность» вагонетками, обычно с помощью лошадей, а то и без них.

В юности бабушки Курганы были местом сбора жителей окрестных деревень, где после уборки урожая отмечались светские и религиозные праздники. Готовились к ним основательно. Собирали продукты на продажу и обмен, снаряжали обоз в Томск «по рыбу». Гости – родственники и знакомые – привозили с собой замороженные пельмени, мясо, диски молока, домашнее пиво и медовуху в жбанах и лагушках.

Люди живо общались, гуляли, ходили в гости. Молодёжь знакомилась друг с другом, нередко игрались свадьбы. Физически развитый народ устраивал состязания, поднимая гири, борясь на поясах, выявляя победителей в скачках на лошадях.

При церкви в селе работала воскресная церковноприходская школа. Груня окончила в ней четыре класса, умела бегло читать по-старославянски, знала счёт. Уже будучи взрослым, я удивлялся, как это она помнит наизусть длинные молитвы – на все случаи жизни. В доме хранились и почитались намоленные старинные иконы, восковые свечи, лестовка (чётки), книги на старославянском языке в кожаных переплётах с тиснением, происхождение которых уходило в XVII век. Как и большинство жителей села, родители Груни были староверами. О них известно мало: отца звали Николай, маму Елизавета. Груня звала их маменькой и тятей.

По сибирским меркам семья бабушки жила в достатке: большой деревянный дом, заимка (земля в тайге по праву первозанятости и на ней дом), пасека на 250 пчелосемей с омшаником (строением для зимовки пчёл), просторный хлев. Держали скот, птицу, выращивали злаки, овощи, охотничали, шишкарлили, собирали грибы, ягоды, целебные травы. Мастерили сани, гнули дуги, дубили корьём шкуры и шили из них сапоги... Повзрослев, я спрашивал бабушку, как они жили раньше?

– До переворота? Работали много, но было сытно и весело...

Жили в основном пасекой, которая требовала большого труда и умения.

– А как весной ходили проверять пчёл? Ведь снег, дороги нет...

– Дак по гарыму.

Ходили до рассвета, пока мартовский наст держал, на охотничьих лыжах, подбитых камусом (шкуркой с ног лося).

В 1917 году Груня вышла замуж за Гусева Ивана Николаевича, 1896 года рождения, участ-

ника Первой мировой войны. Жили дружно, но приключилась беда: мальчик-первенец умер. Вторым ребёнком была наша с братом мама – Гусева Валентина Ивановна. Она родилась в 1919 году после переезда её родителей в деревню Берёзово. Там одиноко проживала мама Ивана, моя прабабушка Гусева Евдокия Михайловна.

Чугунным катком прошлись по жизни бабы Груни сталинские годы. Первым пострадал её отец.

Председатель комбеда (комитета бедноты) села Курганы предложил:

– Давай, Николай, сдавай имущество и будем работать вместе.

Мой прадед возмутился:

– Ты чё, паря, сшилел (ошалел)? Окстись! Да ежли будешь робить без своо куска хлеба, дня через три околешь!

Для староверов характерно отношение к труду как способу спасения души... В итоге у прадеда отобрали всё имущество и сослали его в Нарымский край.

У бабушки было четыре брата и две сестры. Братьев Кирилла и Георгия по ложным доносам объявили врагами народа и расстреляли.

Баба Груня тяжело переживала ссылку отца на гибель и расправу над братьями, плакала, молилась:

– Ну когда же мне будет отрад души?

Её младший брат Калинин Иван Николаевич, почувствовав внимание к себе злопыхателей, успел скрыться. Когда за ним приехал чёрный воронок, его и след простыл. Но и там, во Владивостоке, его забрали в трудовую армию. Трудармейцы жили в зоне, работали по 10–12 часов в день, а кормили их скудно. За год из двух тысяч выжили лишь восемьсот человек. Ивану повезло. Собрали всех, кто владел плотницким инструментом, и дали задание сделать за определённое время деревянную бочку. Многие сделали что попало, а Иван успел сработать две штуки, и не корявые, а как игрушки. Его назначили бригадиром, потом замначальника цеха. Так и выжил. В 1960-х годах он вернулся в Кемерово, работал на заводе «Кузбассэлектромотор», часто бывал у нас и успокаивал сестру, когда она плакала, молясь за родственников.

Другого младшего брата Груни, Карпа, задержали на базаре. Он из деревни Шахта приезжал в город по зимнику, спрямляя путь по льду Томи, чтобы продать кедровые орехи, молоко, деревянные лопаты, мётлы, мёд и купить соль,

спички, порох, гильзы, одежку. Допрос вели двое. Выяснили фамилию, имя-отчество, место проживания. А раз живёт в деревне, то колхозник ли? Получив отрицательный ответ, один из следователей начал орать на Карпа и материть его. Вынул наган из кобуры.

– Повернись спиной!

– Моя спина ничего не скажет! – нашёлся Карп.

– Подожди ты! – осадил коллегу второй следователь. – А где же ты, если не в колхозе?

– Я работаю шахтёром в артели.

– Ну-ну, подойди ближе, покажи руки.

Следователи посмотрели, переглянулись, помолчали.

– Свободен, – заключил один.

– Пошёл отсюда на ...! – заорал другой.

Загонять в колхозы нежелающих стали долго до официального постановления о коллективизации сельского хозяйства Западной Сибири, которое датируется 1930 годом. Обстановка в деревне Берёзово была тревожно-опасной. Отговорок, что, дескать, ещё подумаю о вступлении в колхоз, уже не принималось. И труженик Иван решил, что ему не по пути с лодырями, пьяницами и разгильдяями, видя их отношение к обобществлённому животному, обречённому на падёж по условиям содержания, и к добру, которое растаскивалось. Он разобрал дом, соорудил плот и сплавился по Томи до Щегловска, переименованного вскоре в Кемерово.

Вместе с семьёй Иван привёз свою маму Евдокию Михайловну. На окраине города он поставил дом, получивший номер 115 на улице Угловой. Устроился на работу возчиком, грузчиком, экспедитором в одном лице, возил в различные организации на дровнях бочки с минеральным маслом.

Баба Груня занималась домашним хозяйством. Мама, окончив восемь классов, поступила в Кемеровское педагогическое училище на курсы подготовки учителей и закончила обучение на хорошо и отлично. В 1938 году она работала учителем литературы и русского языка в пятых классах средней школы.

Дом Гусевых стоял в пятистах метрах от аэроклуба ОСОАВИАХИМа, где после службы лётчиком в РККА работал наш будущий отец, следуя сталинскому призыву: «Молодёжь – на крылья!». По пути на работу и обратно 26-летний лётчик-инструктор Пётр Изосимович Карманов часто встречал юную и хорошенькую девушку

Валю. Познакомились, подружились, и Пётр сделал ей предложение. В этом браке родились я (1940) и мой брат Евгений (1942). С 1938 года до войны семья жила благополучно. Тёщу и тестя отец называл мамой и папой.

В сентябре 1942 года лейтенант Карманов получил назначение на Ленинградский фронт. Он командовал звеном штурмовиков Ил-62. Был награждён медалью «За оборону Ленинграда», орденом Великой Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. Последний боевой вылет совершил 6 марта 1944 года и погиб в небе над Эстонией в возрасте 30 лет.

Горе и беда не покидали нашу семью. Мамин папа, наш дед Гусев Иван Николаевич, призванный на фронт в 1943 году, когда ему было 46 лет, воевал в пехоте и погиб 21 января 1945 года, освобождая Варшаву.

Страдали все. Мы с братом плакали, глядя на взрослых, а они, мама и бабушка, просто выли, ревели и причитали навзрыд... И наконец-то наступил день гордости и скорби, «праздник со слезами на глазах», День Победы.

Тяжкая доля потерять родных усугублялась условиями жизни. Ни денежная реформа, ни снижение цен на 20 процентов не привели к росту благосостояния населения. К сталинскому «Жить стало лучше, жить стало веселее» народ не без юмора добавил: «Шея стала тоньше, но зато длиннее».

Сельским труженикам послевоенные годы не принесли особого облегчения. Колхозники работали по 10–12 часов. Им за это ставили трудодень, прозванный в народе «палкой». На сумму «палок» начисляли натуроплату, как правило, зерном или другими продуктами. Паспорта селянам не выдавались, дабы они не сбежали в город.

Карточная система для горожан на минимум продуктов была отменена в 1945 году, а на сахар в 1947 году. После отмены карточек установилась пайковая норма – отпуск в одни руки. Чтобы купить продуктов на семью побольше, баба Груня брала меня в магазин с собой. Не понаслышке знаю, что такое давка в очередях – порой до потери сознания.

Переживая огромное общее горе, народ был терпелив и готов нести тяготы и дальше. С уст не сходило оправдание всему, как заклинание: «Лишь бы не было войны... Лишь бы не было войны...».

До семи лет я и брат посещали детсад. В причесмотре за нами дома помогала бабушка Евдокия Михайловна. Средств на жизнь не хватало, и баба Груня устроилась на дезостанцию дезинфектором. Иногда меня брала с собой. Работа заключалась в прожарке одежды военнопленных в термокамерах с целью избавления от вшей. Сдав одежду, люди мылись в душевой.

Там-то я впервые увидел иностранцев: немцев и японцев. Немцы не смущались женского персонала станции и не стеснялись наготы. Японцы же наматывали на бедра белую ткань, очень ловко делая это вдвоём. Один прижимал материю сантиметров сорок шириной и длиной метра два к поясу и начинал вращаться. Другой держал ткань, расправляя по ширине. Конвоир рассказывал, что у японцев сохранилась служебная субординация, причём они говорили: «Мы не в плену, а по просьбе Сталина восстанавливаем разрушенное войной хозяйство».

Практически весь центр Кемерово в послевоенное время был построен военнопленными. Архитекторы говорят, что некоторые здания имеют нотки японской архитектуры.

По своему профессиональному статусу наши родители были обязаны пропагандировать атеизм, поэтому наше крещение исключалось.

— Вот ведь нехристями растут, грех это!.. — сетовала глубоко верующая баба Груня.

И всё же, как выяснилось позже, когда мы пошли в школу, от скверны лукавого нас защищали крестики, но не на гайтане (шнурочке), а скрытно зашитые в воротники-стойки рубашек-косовороток.

Однажды, мне уже было лет двенадцать-тринадцать, баба Груня уговорила меня поехать в Берёзово и покреститься. Необходимости этого я тогда не осознавал, а прельщало то, что за моё согласие бабушка пообещала купить много пряников. Мы с ней пошли на окраину города, за речку Искитимку (сейчас на этом месте цирк), сели в кузов машины-полупотурки и, трясясь на ухабах, поехали в Берёзово. Там батюшка, одетый в белые кальсоны и рубаху, завёл меня в водоём, где поглубже, и, не предупредив, трижды, творя молитву, запихнул под воду. Нахлебался я тогда...

По принятии таинства обряда Крещения меня нарекли Симеоном в соответствии с датой святого по юлианскому календарю. Имя сие означает: «Бог услышал». Не исключено, что благодаря этому имени мне удалось провести лукавого и умиловить судьбу. Брата Евгения баба Груня покрестила позже, его нарекли Иоанном (по-гречески — «дар Бога»).

В питании нам помогал огород. Но особой проблемой был сахар. Наша детская потребность в нём зашкаливала. Кроме того, на зиму требовалось сварить варенье. В магазине продавался сахар-песок или прессованный, головкой. В магазины сахар поступал не всегда, да много не купишь, денег не хватало. Бабушка выходила из положения «паренками». В чугушке парила репу, морковь, свёклу, вялила их в духовке нарезанными полосками.

Чай изредка пили с плиточной байховой заваркой. Чаще заваривали морковь, мелиссу, кипреем, мятой, листьями малины, смородины. Позже в продаже появилась фруктовая заварка — жжёный сахар со жжёными фруктами. Мы, дети, с удовольствием её грызли.

Память детства сидит во мне более глубоко, чем даже такое событие, как Олимпиада с её грандиозным фейерверком (мне посчастливилось побывать на Олимпиаде-80 в Москве). Вспоминаю по контрасту с фейерверком: мы сидим за ужином в потёмках (экономили на электричестве), бабушка, обернув тряпицей зубья вилки, литой ручкой колет сахарную головку. Рясно (густо) вылетают бело-голубые искры...

Сладкое от нас прятали, но иногда я находил в укромном месте баночку с вареньем и торопливо поглощал его.

Застигнув меня за пакостью, баба Груня срамила:

— Сашка, как тебе не стыдно?! Один, хлебальной ложкой, без хлеба! Оставь к опослему!

Соседки часто обращались к ней за кулинарными рецептами. Мне хорошо помнятся её пироги с солёной капустой и картофелем кубиками, горбуша в тесте, курники, шаньги, блины. А ещё — квас и морс. Всё это было нечасто, но нашей большой радостью.

Иногда я вступал в споры с бабой Груней, она возмущалась:

— Саша, пошто ты такой поперечный! С тобой говорить — надо крест, пояс снимать! Ну чё ты лязгаешь!

То есть разговаривать со мной ей придётся как с бесом. Речью она говорила особенной, какую сейчас нигде не услышишь. Если посуда какое-то время была не закрыта крышкой, баба Груня высказывалась, что кастрюля «стояла пастью», и содержимое выбрасывалось. Но если поверх посуды положить весёлку (лопатку для замесов), нож, вилку, ложку, причём с молитвой, то всё в порядке. Посуду и полотенце она держала свои, личные.

Тряпицу, которой баба Груня сметала сор с печи, она называла «малкой». Сейчас – у неё «теперича», напрягаешься, силишься – «кожилишься», услада – «отрада», красиво – «баско», почему – «пошто», словесно повторяешься – «тростишь»...

– Сашка давно ушёл? – спрашивали друзья, не застав меня дома.

– Да уж дивно, – отвечала бабушка.

Она была любознательным и наблюдательным человеком и щедро делилась впечатлениями с нами, внуками. Видя какую-нибудь необычную собачку, говорила с восторгом:

– Парнишки, гляньте, какая скульная (смешная) собачка! Ну чисто Трататан!

167

Все забавные собачки непременно именовались у неё Трататанами. Бывало, наступит в тесной кухоньке коту на лапу, он блажно орёт. Баба Груня осаживала его:

– Чё мявкаешь? Не ходи босиком!

Случался с бабушкой конфуз – пукала. И тут же винилась, дескать, простите, ребятишки, «негаданка» вышла. Творила молитву:

– Господи Иисусе Христе, без числа согрешила, прости и помилуй!

Шла к рукомойнику и мыла руки с мылом.

Занимаясь с нами, она читала сказки Андерсена, толстую книгу с картинками, подарок отца. Растолковывала нам смысл пословиц и поговорок. До сих пор помню её загадку: «Я в лесу это нашла, хотя и не искала, я домой это принесла, потому что в лесу не нашла».

Мама работала, а всё домашнее хозяйство и мы находились в ведении бабы Груни. Закупка угля и перенос его в ларь, доставка воды, огород, уход за животными, пошив одежды, стирка, готовка, поддержание тепла в доме. По осени вокруг избы делали земляную завалинку, а по весне, наоборот, землю отбрасывали, чтобы нижние венцы сруба не подгнивали. Летом и осенью пальцы бабы Груни настолько становились заскорузлыми, что она голой рукой брала тлеющий уголёк, выпавший из печи, и забрасывала его обратно в топку. Работы по дому было много...

После смерти Сталина начали приходить документы о реабилитации репрессированных родственников. Бабушка расстраивалась и плакала от горя, обиды и унижения, молилась.

В 1954 году свалилась очередная беда: нашей маме поставили страшный диагноз – онкология. До 1960 года она перенесла четыре операции.

Баба Груня была как в трансе, страдала, плакала, молилась:

– Ну когда мне будет отрад души?

В 1960 году меня через военкомат вызвали с армейской службы проститься с мамой. Но беда отошла, горе сменилось надеждой и радостью, мама выжила, жуткий диагноз ушёл на ремиссию. И далее мама жила со второй группой инвалидности, но диагноз у неё, слава Богу, больше не проявился.

Брат Евгений после школы два года отработал на заводе «Кузбассэлектромотор» и поступил в мединститут. В то время, чтобы подать документы в вуз, необходимо было быть либо медалистом, либо отслужившим в армии, либо

целинником, либо отработать два года на предприятии. Вот такая действовала идущая сверху дурь. Ну зачем юноше, бредившему медициной, тратить два года, собирая электроплитки?

Получив диплом врача, Евгений окончил аспирантуру, защитил диссертацию и стал кандидатом наук.

У меня судьба сложилась иначе. Из школы меня отчислили в девятом классе, чем я очень огорчил родных.

Баба Груня жалела и укоряла меня:

– Вот ведь неслух непутёвый!

Но на следующий же день я был принят в мехцех завода «Коксохим» учеником токаря и три года отработал токарем-универсалом. Затем три года службы в армии старшим механиком-водителем танка Т-34. После увольнения в запас поступил в Новосибирский техникум физической культуры и спорта. И далее – диплом выпускника Омского института физической культуры. Бабушка Груня очень гордилась нами – своими внуками.

Маме, можно сказать, повезло, она встретила хорошего одинокого человека, Паньшина Петра Дмитриевича, и в 1970 году вышла за него замуж. Евгений женился и переехал на другую квартиру. Мы жили с бабушкой, всё было хорошо, материальное положение улучшалось. Но в 1978 году непоправимое несчастье свалилось на нас. Баба Груня заболела, ей как приговор был поставлен диагноз: рак поджелудочной железы. Её пытались спасти, брюшную полость вскрыли и... зашили – неизлечима. Больно было видеть, как родной человек, ещё крепкий духовно и умственно, угасал прямо на глазах...

Дословно, побуквенно привожу последнее, неотправленное письмо бабы Груни в Междуреченск подруге детства – Нехорошевой Федоре:

«Добрый день дарагая подруженька Федора Кондратьевна сприветом ктебе Аграфена Н. посылаю тебе большой привет желаю хорошега здаровья и долгих лет жизни дарагая моя подруженька стала совсем плохая 4 месяца ба-лею была на операцые и мало хорошего живу тока на уколах и замной надо ходить спасибо Вали что ни бросает миня ходит за мной брата похаранили Карпа Фиклинья тоже давно померла ей было 54 г. Лиза тоже давно померла о стались пако вдвоём сбратом Ваний но я ни много так наживу подошла старость и болезнь свалила прошла наша жизнь чежолая мала видали хорошего всё нада было пережить милая подруженька извини миня что мала написала уже устала»...

Сохранились ещё два листка молитв на светском и старославянском языках «Живый в помочи». Через два месяца, 25 ноября 1978 года, бабушки не стало... Всё понимая, под конец жизни на уколах, даже в бреде баба Груня всё время думала о нас, делала наставления, давала советы. Ей всегда была присуща чистота помыслов и поступков. Так почему же, к глубокому сожалению, только в зрелом возрасте начинаешь понимать, что этот святой человек отдал нам всё: душу, сердечность, здоровье и жизнь. А мы недодали, проявили так мало внимания, заботы, тепла и любви!

Огромная благодарность, светлая память тебе, наша любимая баба Груня, от внуков Александра (Симеона), Евгения (Ивана). Родная, крепко надеемся, что помимо редких радостных эпизодов и мы всё же были «отрадой твоей души»...

Минуло более сорока лет, а душа всё ещё не на месте.

30-летию НОВОКУЗНЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

Мы одна из молодых общественных организаций в составе ВТОО «Союз художников России» – самого масштабного и массового объединения художников страны и зарубежья. Родословная отделения ведется от Кемеровского областной организации с 1989 года. Процесс ее становления на территории Кузбасса и Новокузнецка описан членами нашего отделения – искусствоведами: В. А. Панжинской-Откидач; Л. Г. Даниловой, системно изучившей историю художественной жизни города; Т. М. Высоцкой, автором-составителем юбилейных альбомов и каталогов; в информации издателя справочников и альбомов О. М. Галыгиной.

Избранность профессии «художник» в том и состоит, что память о нем сохраняется не только в фотографиях и сердцах близких. Она остается в холстах и графических листах, в памятниках, созданных скульпторами и монументалистами; в альбомах и каталогах, написанных искусствоведами; на страницах журналов и газет, воспетая журналистами – преданными поклонниками местной творческой среды. «Память эпох и поколений» хранится в фондах городского художественного и краеведческого музеев, музеев Сибири и России, в общественных зданиях, в городской среде, в частных собраниях, воспоминаниях коллег и современников.

Поэтому в раздел юбилейной выставки, по традиции, включена экспозиция произведений мастеров, ушедших из жизни, чье творческое наследие находится в собрании НХМ. Второй раздел составили произведения современных мастеров искусства. Третью часть – коллекция картин и графических листов, подаренных авторами своему отделению, которая была систематизирована, оформлена и впервые обнародуется в залах Дома творческих Союзов.

У выставки, как у произведения искусства, должно быть имя для ее идентификации в истории. Пять лет назад мы многообещающе провозгласили: «25 лет Новокузнецкому отделению СХ России: продолжение следует». Поэтому и нынешнее образное название – «Новые горизонты» – символично и оправдано. На наш взгляд, оно отвечает чувству подъема, который пережи-

вает коллектив после успешного проведения межрегиональных проектов «Сибирь-12», «Сибирь. Регионы»; перспектив выставочной деятельности по реализации художественного проекта «Форма», который включит молодых и зрелых художников трех Федеральных округов: «Урал–Сибирь–Дальний Восток»; в виду открытия в Новокузнецке Сибирского Центра Современного Искусства.

«Горизонт», как известно, – это линия, визуально разделяющая небо и землю, у нее нет края и до нее нельзя добраться, но на ней есть точка схода. У каждой творческой личности есть своя «линия горизонта», а у всех нас общая точка схода – «Союз художников России». И, конечно, наше родное отделение, которое объединяет, поддерживает, стимулирует и представляет искусство Новокузнецка на разных выставочных площадках сибирского и всероссийского масштаба.

Ну чем не горизонты, расширившиеся до огромного культурного пространства?! Безусловно, многие из нас и ранее были участниками или инициаторами проектов, конкурсов, научных конференций регионального и российского уровня по линии НХМ, региональных организаций СХ, галереи «Сибирское искусство», по личной инициативе А.В. Суслова в работе с творческой молодежью города и региона. Теперь же стратегия нашего городского отделения стала программной не только для художественной жизни Новокузнецка, Сибири, но и России, фокусом творческих событий. Ощущение, что «продолжение следует» возникло и благодаря успехам молодых художников, недавно принятых в Союз, но имеющих огромный послужной список выставок регионального и российского уровня, отмеченных высокими наградами и поддержанных со стороны СХ России стипендиями и премиями (Екатерина Чепис, Илья Храбрый, Ярослава Хмель, Всеволод Суслов, Илья Ключников)... Это поколение, родившееся в восьмидесятые годы, местное, возвращенное в Новокузнецком колледже искусств, в Красноярской и Новосибирской школах.

К своему тридцатилетию, несмотря на преобладание «возрастных» членов СХ, мы не устали, а окрепли и оживились. Череду «весенне-осенних» экспозиций сменилась практикой выставок конкретизированных идей и темой, таких как «Тепло Кузбасса», «Продукт на экспорт», молодежный выставочный проект «Окна», «Белое крыло», «АРТ-форум художников – преподавателей Юга Кузбасса»; организацией индустри-

альных пленэров, конкурсными выставками «На встречу 400-летию града Кузнецкого», издательскими планами каталогов и альбомов...

На пустом месте ничто не вырастает: прежде нас жившие и творившие, старшие коллеги-современники своей творческой деятельностью подготовили и поддерживают прекрасную почву для полнокровной современной художественной жизни. Ретроспективная часть экспозиции – важный культурный срез эпохи и «портрет» личностей самих художников.

Свои «горизонты» у поколения пятидесятих-шестидесятых, которые были членами общей для Кузбасса организации СХ. Они просматриваются в листах С.А. Бачевского, А. С. Холодова, в картинах Ю. Г. Лобузова, в скульптуре А. И. Брагина, отразивших позитивное мироощущение и дух романтического отношения к реальности. Для того поколения главным предметом художественного осмысления были заводы и шахты, магистрали и линии высоковольтных передач, портреты типичных тружеников Кузбасса. Графические листы Холодова, мастерски исполненные в индустриальном жанре, – эти знаки эпохи «соцреализма», остались непревзойденными по символической силе образов. Галерея портретов А. И. Брагина так же обладает весомостью образов и вещностью формы.

Живопись И.А. Лебедева и Г.И. Елина из фондов НХМ являет образцы новых принципов художественной образности семидесятых годов, стилистически более смелой и декоративной. Произведения из ретроспекции художественной жизни того периода отразили осмысление современности, полное надежд и свершений, память о времени, когда человек человеку был товарищ и брат, а мироощущение было едва ли не общим для всех. Впрочем, на каждом временном отрезке местной истории искусства выделялись художники-лидеры, определявшие творческие ориентиры и атмосферу жизни коллектива.

В экспозиции представлены произведения из объемных авторских коллекций тогда еще молодых художников Новокузнецка: Александра Бобкина, Николая Мигулина, Виталия Карманова, Николая и Людмилы Статных, Ивана Шмидта – «формалистов», транслирующих другое ощущение времени в экспериментально смелых художественных высказываниях. Ретроспекция экспозиции показывает, насколько современники, но не сверстники, были людьми разных эпох, какой ярко выраженной образно-пластической

системой и сугубо индивидуалистской, критической или оппозиционной, вплоть до отторжения от реальности, они обладали и обладают.

Достаточно вспомнить творчество Виталия Карманова – экспериментатора формы, язвительно разоблачающего идеологию «совка» и пародирующего темы «соцзаказа». Насколько разные художественные реакции у них возникали в условиях вялотекущих процессов и последующего за ним хаоса. Тогда «горизонты» казались закрытыми, а численность отделения составляла менее 30 человек.

Но следующая за ними группа художников, рожденных на рубеже шестидесятых: А. Гаврилов, А. Архиповский, А. Попов, А. Брызгунов, С. Шаталов, А. Храбрый, Е. Гаврилова – формировались в среде, едва ли не самой свободной по критериям новой художественности 1990-х и «нулевых» годов. Отметим, что наше местное сообщество художников отличалось благожелательностью к формальным экспериментам своих коллег, оставаясь достаточно строгим на выставках.

В целом, этот период изобразительное искусство Сибири характеризуется многообразием художественных стилей и эстетических концепций. Одни пережили увлечение этноархаикой (А. Суслов, О. Комаров, Спесивцевы, А. Архиповский, Л. Арбачакова). Другие ушли в переоценку опыта русского и зарубежного авангарда начала XX века: в неодекоративизм (Н. Мигулин, Е. Сиротюк, А. Думлер, А. Архиповский, С. Соломатин, Е. Гаврилова); в русло экспрессивно-живописного и абстрактного направлений (Н. Ротко, А. Попов, В. Спесивцев (в графике), Е. Чепис. Менялись, искали и находили для себя новые «горизонты» в разных и даже противоположных пластических системах, но большинство предпочло язык экспрессий. Не прямого отражения реальности, но арсенал экспрессивных средств – интерпретирующей функции искусства как более действенной формы репрезентации новых смыслов.

Обратимся к современной части экспозиции. Здесь экспонируются работы зрелых и молодых членов новокузнецкого отделения, определяющих ныне основные художественные направления в творческой среде, часть из которых имеет полувековой стаж работы в изобразительном искусстве. Некогда «молодое» поколение как-то незаметно перешло в ранг «старших»: Е. П. Башарина, И. Б. Бессонов, Н. А. Ротко, А. В. Суслов, П. П. Решиков, А. М. Гаврилов. Оставаясь

тем не менее в творческом активе, в который на рубеже девяностых и «нулевых» вписались младшие современники: Анатолий Думлер, Архиповские, Елена Гаврилова, Спесивцевы, Якунины, Руслан Высоцкий, Анатолий Храбрый. Эти «свободные художники» до сих пор не позволяют себе простое, обладают огромной рабочей самодисциплиной. Они выпускники разных школ: от Харькова до Иркутска – непохожие, противоположные по мироощущению и пластическим средствам, работающие без оглядки на авторитеты. (Как это бывает, когда в среде количественно преобладают коллеги одной-двух школ).

Творческое кредо ныне активно действующих художников: П. Рещикова, Е. Башариной, В. Пешкова, В. Васильева, С. Стрыгина, А. Архиповского, А. Ковригина, А. Храброго состоит в продолжении классических традиций российской школы, в стремлении к объективному отражению и поэтичному воспеванию природы. Эта линия следования есть в тонкости акварельных разработок пейзажного жанра Е. Гавриловой и А. Суслова; в мастерстве и профессиональной культуре В. Спесивцева, Я. Хмель, С. Стрыгина, Т. Никулиной. Была она в пейзажном жанре В. Лукьянчикова и А. Брызгунова. Словом, есть это крепкое крыло традиций в изобразительном искусстве Новокузнецка.

Есть и крыло диаметрально противоположных авторов, чье мироощущение оказалось более восприимчивым к жесткой детерминации социальными и идеологическими бурями. Оно в той или иной мере наблюдается у старших и младших, предпочитающих язык стилизаций, обобщений и экспрессий.

Для И. Б. Бессонова отстраненность от дисгармонии социума выразилась в уходе во внутреннюю жизнь, погружение в жизнь моделей и героев композиций, исполненных в оттенках печали, к сфере духовной в евангельских композициях. Границы формы, абрисы и колорит со временем у него станут все более эфемерными, ибо он пишет хрупкий мир, как бы держась от реальности на расстоянии вытянутой руки.

Для Александра Суслова формой отстранения стал уход в неосимволистскую эстетику с надмирными символами и знаками. В воплощение сверхчувственных и интеллектуальных идей о единстве современности с евразийской историей и культурой, в кодировку смыслов, изобретение собственного художественного языка, более того, новой формы.

Более прочные связи с предметным миром отмечаются в пейзажах А. Храброго, А. Архиповского, А. Гаврилова, демонстрирующих ту меру и силу экспрессии, которая преображает натурные виды в формат «пейзаж-картина».

В русле тезиса «искусство как форма познания действительности и способ ее отражения» приглядимся к творчеству следующего поколения современников. Оно демонстрирует иную шкалу реакций, достаточно широких: от насмешливого, порой язвительного отношения к явлениям общества средствами смыслового и пластического гротеска (С. Шаталов, А. Гаврилов, А. Брызгунов) до ухода в мир иллюзорных образов красоты (Н. Спесивцева). Или в упоение живописной декоративностью пластики и цвета (Е. Гаврилова, А. Думлер, Н. Спесивцева, В. Федоров).

После А. Бобкина и В. Карманова эту линию по своему продлил А. Гаврилов, с его склонностью к иронической отстраненности к персонажам в графических притчах, выполненных в гротескных формах, в сюжетах «ню»; в знаковой форме избыточных по набору натюрмортов. В теплом юморе прикладников А. Архиповской, О. Комарова, Р. Багаутдинова, С. Петриной, в интерьерных натюрмортах В. Спесивцева, использующих средства народной культуры, фольклорных представлений о красоте, опять же экспрессивных в абрисах, ритмах, фактурах и цвете. В иронически-сочувственном отношении к «шахтерской» теме, некогда главной в искусстве Кузбасса, в пластических интерпретациях А. Богданова, нагруженных смысловым подтекстом.

Некая отстраненность от сиюминутного усматривается в ряде произведений Е. Зерфус, в пластике куц деревьев и садов, в замкнутости на себе моделей ее портретов. Для Никиты и Ильи Ключниковых, Ярославы Хмель искусство – сфера прекрасного, идеального. Они воспроизводят миры, зачастую не имеющие прямого отношения к реальности. Неоромантическая культурная традиция в творчестве этих молодых художников обращена к мифологии, образам «сада», Эдема. Герои Ключниковых – условны, у Ярославы – предметно убедительны и даже фотореалистичны. Но суть общая – оторванность от земного, противопоставление ему высших сфер, образов духовного и фантастического.

Среди молодых отметим трех-четырех авторов, чье творческое сознание обращено к реальности и даже к ретроспективному пересмотру фундаментальных ценностей местной социаль-

ной и техногенной истории: В. Суслова, И. Храброго, А. Богданова. Тему главного продукта Кузбасса (уголь и металл), осознаваемую под знаком «плюс», художники решают в романтическом и эпическом ореоле средствами резких цветовых контрастов, ракурсов, смещенных планов и акцентированных ритмов. Оценка экологических последствий индустриализации Кузбасса у Е. Чепис напротив – со знаком «минус» (серия листов и ряд картин).

Прикладное искусство сосредоточено в руках всего нескольких художников. Двадцать лет назад в новокузнецкое сообщество влились известные к тому времени мастера объединения «Прокопьевская береста» под руководством Е. Животова. Их творческие открытия возможностей бересты как материала стали чрезвычайно успешным опытом синтеза традиций российской народной культуры и школы профессионального мастерства. За ними в СХ пришли станковисты, укрепившие позиции художников в творческой среде Прокопьевска и внесшие разнообразие в общую картину творческих концепций, жанровых и видовых категорий изобразительного искусства Новокузнецкого отделения. Да так, что экспозиции декоративно-прикладного искусства теперь демонстрируют разные возможности и техники: в гобеленах Л. Якуниной и А. Архиповской, в знаковых аппликациях А. Архиповской, в керамической скульптуре А. Богданова и панно А. Добровольской, в берестяной пластике Р. Багаутдинова и О. Комарова, в туссах В. Шмидта и В. Федорова.

За тридцать лет деятельности Новокузнецкого городского отделения ВТОО «Союз художников России» произошла смена поколений, выросла численность организации, объединяющая 56 профессиональных мастеров искусства: живописцев, графиков, скульпторов, монументалистов, художников декоративно-прикладного искусства, искусствоведов. Четверо удостоены почётного звания «Заслуженный художник России», двое – «Заслуженный работник культуры РФ», один – научного звания «Член-корреспондент Российской Академии художеств», четверо – «Народный мастер России», двое «Народный мастер Кузбасса». За последние пять лет в члены ВТОО «Союз художников России» принято 19 человек, организовано объединение молодых авторов и кандидатов для подготовки и приема в «СХ». Увеличилось число

участников региональных, российских и зарубежных проектов.

Наряду с творческой деятельностью тринадцать человек преподает на художественных отделениях Детских школ искусств и Областного колледжа. Наши мастера многосторонне умелы, могут работать как в станковых формах, так и в прикладных. Группа художников под руководством Л. И. Ключникова занимается храмовым искусством – фресковой живописью и иконописью; П. П. Сиротюк – храмовой росписью. Работают в традициях художественной росписи по металлу (О. Ротко), в технике бересты (В. Шмидт, Р. Багаутдинов, В. Федоров), гобелена и батика (Л. Якунина, А. Архиповская, Г. Назарова); эмали (П. и Е. Сиротюк). Умеют создавать скульптурные памятники и мозаики, разрабатывать художественные проекты, проекты музейных экспозиций и арт-объекты (В. Ерофеев), вести декоративно-монументальные росписи стен и реставрационные работы, иллюстрировать печатные издания. И много чего еще, что может быть востребовано современным обществом и на что может откликнуться художник, знающий, что такое труд и постоянное напряжение физических и интеллектуальных сил.

Время уходит – память остается... Среди нас нет уже 17 товарищей, оставивших огромное художественное наследие. Добрая память и светлая печаль обо всех ушедших и безвременно покинувших этот мир.

В моей благодарной памяти хранятся воспоминания о частых встречах в мастерских, шумных спорах о политике и искусстве, о всеобщем дружеском расположении. Как жили бурно, с безразличием к благополучию, ощущая свою личную свободу и личное пространство творчества как самую высшую ценность. Но, не смотря на безрассудное порой к себе отношение и некоторое пренебрежение к житейскому, здесь в мастерских, за темными окнами которых пролетает жизнь, художники успевают жить полнокровно, заполняя стены, ниши и антресоли картинами и графическими листами, периодически извлекая их на свет, и доставляют их на выставки: от городских до всероссийских; разрабатывают художественные проекты.

Тамара ВЫСОЦКАЯ,
заслуженный работник культуры РФ,
член ВТОО «Союз художников России».

ЛИТЕРАТУРА?.. СТОЙ НЕКОЛЕБИМО, КАК РОССИЯ

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...*

А. Пушкин

Владимир Маяковский, как известно, мечтал, чтобы Госплан «потел» над планом для него на год. Легче, видимо, было бы «каплей литься с массами». Однако мечты и реальность не всегда совпадают. Над «планами» для советских писателей «потел» не Госплан, а идеологический отдел ЦК КПСС.

Вячеслав Огрызко, публицист, историк, главный редактор «Литературной России», посвятил волнуемую пишущую братию теме «Власть и писатели» историко-литературное исследование «Охранители и либералы в затянувшемся поиске компромисса» (Кн. I и II. М., 2015).

Термин «охранители» не самый, может быть, удачный, поскольку из XIX века пришло и закрепилось за ним какое-то пренебрежительное значение, а имеющие тот же смысл слова «консерваторы» или «патриоты» были бы в книге более уместны. Зато общий замысел исследования вполне удачен.

Еженедельник «Литературная Россия» и предшествующая газета «Литература и жизнь» – дитя оттепели. Издание правления СП РСФСР и правления Московского отделения СП РСФСР появилось в конце 1950-х годов по предложению Никиты Сергеевича Хрущева. Автор исследования на обширном архивном материале из РГАЛИМ и частных коллекций через историю ЛР осмысливает общественно-политическую и литературную жизнь России конца 1950-х, 1960-х и начала 1970-х годов.

Выставка художников в Манеже по своей негативной популярности уступает только «Бульдозерной выставке» в Лианозове, где картины авангардистов сгребли с тротуара ножом бульдозера. Почему был такой идеологический надзор за литературой и искусством? Партийная номенклатура боялась крамолы со стороны творческой интеллигенции. Кроме того, подсказывает читателям В. Огрызко, под видом борьбы с инакомыслием раскручивалась интрига и провокация ради личной карьеры, как это сделал Ильичев в Манеже: Хрущёв чуть ли не топал ногами от негодования на «подставленных» абстракционистов.

На самом деле крамола пришла от номенклатуры, развалившей СССР.

Естественно, возникает вопрос: какова ситуация между властью и литературой сегодня?

Ответы прямо противоположны. Например, Алина Чадаева в заметке «Остается пожелать...» (ЛР. 2016. № 1) размышляет: «Материалы, добытые ав-

тором в анналах ЦГАЛИ и в других, в том числе и частных источниках, воскрешают противоречивую, сложную эпоху тоталитарного соцреализма, когда писательские качества – «ум, честь и совесть» вынуждены были «прогибаться вместе с линией компартии». Судьбы «прогнущихся» и судьбы противостоящих, вызволенных из архивного безмолвия, заговорили о проблемах, которые чуть видоизменились сегодня, но не канули в литературную Лету». Сказано красиво, но не соответствует истине. Раньше писатель только чихнул – и тут же эхо в ведомстве Суслова. Следили за творцами, как за шпионами или за инопланетянами. Ольгу Берггольц после предложения на собрании, дескать, пора отменить постановление Жданова о ленинградских журналах, довели до покаяния! Но ведь, кроме «кнута», были и «пряники» – огромные тиражи книг, государственная поддержка литературных журналов, газет и тех же издательств. А нынче?! Литература стала бесхозной. В целом по России, по мнению тех, кто высказался об итогах Года литературы (2015), не то что о пряниках – о чёрствой булочке не приходится мечтать. Вот бы пером Владимира Маяковского об этом «во весь голос» высказаться.

Может быть, теперь измором писателей гнобят? Это, конечно, шутка. Но Год литературы не прошёл, а проплёлся, и осталась наша любимица, наша русская современная литература бесхозной, как падчерица в народной сказке. Она, не сомневаюсь, выстоит, как и падчерица из фольклора, потому что её корни уходят в народ. Жаль, что столичные власти не включились в проблему. Но всё встанет на свои места. Таким бодрим духом пропитано исследование Вячеслава Огрызко.

ИСТИНЫ РАДИ

ПЕРЕФРАЗИРУЯ ОПЯТЬ ЖЕ В. МАЯКОВСКОГО, О ТРУДЕ ИСТОРИКА МОЖНО СКАЗАТЬ: ДЕСКАТЬ, ИЗВОДИТ ЕДИНОЙ ИСТИНЫ РАДИ ТОННЫ АРХИВНОЙ РУДЫ. ЗАТО РЕЗУЛЬТАТ ВПОЛНЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПОСЛОВИЦЕ: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным». Например, загадочной фигурой в 1960-е и 1970-е годы был для нас Михаил Суслов. Автор исследования в очерке «Вмешательство Старой площади, или Тайные роли Михаила Суслова» пишет, что у главного идеолога КПСС была репутация ортодокса. Я бы добавила («голос из народа») расхожее мнение о нём: серый кардинал. Тормозит, мол, прогресс и за всё устаревшее держится. Однако в этом объёмном очерке на сотню страниц любимец или авторитетный теоретик у Сталина, у Хрущёва, а затем у Брежнева вырисовывается совсем в ином свете. Он был именно той личностью, кто уравнивал в литературе и вообще в культуре две противоборствующие группировки – патриотов и западников.

Просто удивительно, мысли Михаила Суслова соответствуют нынешней ситуации в литературе, а ещё

больше в СМИ и на ТВ. Не пожалеем места на обширную цитату: «На что надеялся Суслов, когда через своего помощника Владимира Воронцова давал верным ему людям – заведующему отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Николаю Казьмину и председателю Союза писателей России Леониду Соболеву – команду продвинуть кандидатуру Полторацкого на пост главного редактора новой газеты «Литература и жизнь»? Во-первых, он хотел получить ещё один важный источник информации о настроениях в провинции. Во-вторых, ему нужны были дополнительные рычаги, способные влиять на формирование общественного мнения, причём не столько в Центре, а прежде всего в провинции. И был ещё третий момент: возможность через газету оказывать давление на ту часть либеральной интеллигенции Москвы, которая, полностью ориентированная на Запад, совершенно игнорировала традиционные ценности своей Родины и своего народа. Провинция должна была периодически как бы одёргивать зарвавшихся прогрессистов».

Не поэтому ли М. Суслов неожиданно умер в 1980 году? Чтобы не мешал перестройке («катастрофке», по А. Зиновьеву). Не хватает Суслова нам. В том смысле, что не хватает сейчас сбалансированной политики в области культуры, литературы и искусства. На «Народном радио» 1 фев-раля 2016 года эфир заканчивался программой «На переправе», в которой, как всегда по понедельникам, делался обзор важнейших событий минувшей недели. На этот раз программа посвящалась информационным полям – СМИ, ТВ, Интернету и т. д. – с отражением событий. В обобщении прозвучал актуальный термин: неолиберальная модель, которая, дескать, захватила преимущество в СМИ, властвует на ТВ, а также в литературе, в искусстве и вообще в культуре. Совершенно точно.

А вот М. Суслов стремился уравновесить взаимоотношения либералов и консерваторов – «Либеральное крыло» и «Охранительное крыло» по наименованию В. Огрызко – и таким образом сбалансировать политику в культурной сфере. Суслов мог защитить либералов от репрессий (например, Илью Эренбурга), но в то же время не давал им, так сказать, разгуляться и захватить главные позиции.

Игорь Золотусский в статье «Прощай, XX век» (Наш современник. 2015. № 12) пишет: «Поэтому, прощаясь с двадцатым веком, мы должны поклониться ему и сказать спасибо. Спасибо, что он был».

А если говорить о литературе, поскольку наша лекция литературная, последняя литературная лекция, то появление этих блистательных имён, которые я называл: Шукшин, Абрамов, Распутин, Астафьев и так далее – это был золотой финал двадцатого века. Когда русский язык, вся русская культура снова поднялась наверх, и оказалось, что она жива, что она хранит русский язык, продлевает ему жизнь. Это был великий взлёт нашей русской литературы».

«Финал» по времени как раз и пришёлся на тот примерно период, когда Суслов сбалансированно рулил культурой. Совсем в другом тоне пишет Золотусский о нынешней эпохе «неолиберализма»: «Я много дней провёл, изучая современных писателей. Вышел из этой работы больным человеком. Было и больно, и страшно, и противно, и жалко, жалко...». Критик назвал пришедших писателей «детьми распада», их ценности ниже «ватерлинии».

Прозаик Виктор Лихоносов нашёл очень точное слово для определения сути политики в области литературы, культуры «неолибералов». В статье «Мы не нужны» (Литературная Россия. 2015. № 46) он пишет: «И всё чаще расставляют в людных местах занятые жанровые скульптурки, оплаченные миллионами рублей. Это и есть заведённая либералами игра на понижение. Собачки, кошечки, гости-туристы на чемоданах, знакомые фигурки по кинофильмам... Героизм? А зачем?! Не будем, дескать, шовинистами. Достаточно закона «О патриотическом воспитании в Краснодарском крае».

Эта реплика из статьи краснодарского писателя звучит в унисон с негативной оценкой произведений Улицкой, Славниковой и другим московским критиком Золотусским: «Сейчас мы имеем засилье отрицательной и глумливой иронической литературы». И вот ещё интересный поворот мысли у Игоря Петровича: «В чём разница между декадансом начала двадцатого века и декадентами его конца, и начала века двадцать первого? За декадентами Серебряного века – а мы знаем, что Толстой причислял к ним даже Чехова, – стояла огромная культура. За ними стояла неумирающая, всё время ищущая русская жизнь и мысль. А за этими стоит пустота».

Золотусский вспомнил, как в «Литературной газете» с его помощью была напечатана статья В. Ерофеева «Поминки по советской литературе», имевшая скандальный успех. «Но теперь-то, – переключается на жгучую современность, – настало время писать статью «Поминки по антисоветской литературе». Время поминок не за горами».

Словом, архивные лабиринты, по которым проводит читателей автор историко-литературного исследования Вячеслав Огрызко, заставляют их размышлять и сравнивать «век нынешний и век минувший». Поработать собственными извилинами истины ради. Значит, историк своей цели достиг.

«Автобиография» еженедельника «Литературная Россия», сосредоточенная в двух объёмистых томах по 700 страниц, оказалась крепким орешком, над которым полезно потрудиться молодым литераторам и окунуться в XX век.

РОДНАЯ ГЛУБИНКА НЕ СДАСТ

О литературоцентризме можно сказать словами Геннадия Шпаликова, предсказавшего в стихотворении свою кончину: «Страна не зарыдает обо мне».

Зато мои товарищи заплачут». Действительно, «товарищи» как из числа почвенников, так и либералы оплакивали и до сих пор оплакивают почивший в бозе литературоцентризм. Не выдержал бедолага конкуренции ТВ вкупе с интернетом. Вольно было товарищу Сталину заявлять, мол, «других писателей у меня нет», а те, что в боевом строю, были надёжной опорой агитпропа (смотри статью из книги II «На фоне процесса над Синявским: Комсомол против «Юности», или Почему Борис Полевой и Константин Симонов объявили войну защитнику охранителей Сергею Павлову»). В 90-е годы бурного XX века исчез агитпроп и потянул за собой литературоцентризм: ни тиражей, ни гонораров, ни государственной книжной торговли. Успокойтесь, господа-товарищи, смахните слёзы с ресниц. Свято место пусто не бывает. Так оно и есть. Литературоцентризм заменил анекдотоцентризм и подхватил, как выпавшее знамя, традиции критического реализма, выпестованные русской классикой. Газеты пестрят заголовочками типа «Пятёрка одесских анекдотов». Ох уж эта голь, на выдумки хитра. «Тихий Дон» не задался, так анекдотом шарханут. Здравоохранение? Пожалуйста! Женщина купила лекарство и читает о побочных явлениях: судороги, нервное истощение и т. д. Десять! Дочитала и думает: «Может, плюнуть на насморк? Ладно уж...» Образование? Пожалуйста! В Лувре наш соотечественник стоит перед скульптурой Венеры Милосской и восклицает с удивлением: «Шо за товар она продавала, что его оторвали у неё вместе с руками?»

Насчет анекдотоцентризма – это, конечно, шутка. Если же серьёзно вернуться к литературоцентризму, то Вячеслав Огрызко, возможно, прав, утверждая, что компромисс и уравниновность двух группировок – западников и почвенников – создавали литературоцентризм и стабильность в обществе.

Справедливость этой мысли подтверждает критик Игорь Золотусский в статье «Прощай, XX век». О минувшем веке, где либералы и консерваторы не могли одолеть друг друга, критик пишет как о великом взлёте нашей литературы.

И вот что он говорит о современной, так сказать, победившей либеральной словесности, отнюдь не изящной: «Так пишут наши мальчишки, наши бедные дети распада. Иначе их не назовёшь, ибо, как в физике распад часто связан со смертоносными послед-

ствиями, так и в жизни, и в литературе – эффект тот же. Распад – это отпадение от всего, это, естественно, и разрушение целого и это отравление воздуха, воды и духовной пищи».

Такое совпадение неслучайно, а обусловлено историческими реалиями. Историк В. Огрызко пришёл к этому выводу над документами общественной и литературной жизни, поработав в архивах. Критик И. Золотусский с болью в душе констатировал результат – распад целого и отравление духовной пищи.

К счастью, этот результат литературного противоборства ещё не окончательный. Согласно популярному афоризму историка Василия Ключевского: «Центр России – на периферии». В современной литературе этот афоризм подтверждается. В регионах сейчас создаётся настоящая литература России. Чтение литературных журналов, например, Сибири и Дальнего Востока даёт ощущение бодрости, укоренённости писателей в народной жизни.

Кстати, этот же афоризм Ключевского, если слегка перефразировать (дескать, центр литературы – на периферии), можно считать девизом газеты «Литература и жизнь».

Вот небольшая цитата из статьи «Прорезавшиеся зубки» в книге II: «На очередном заседании секретариата Союза писателей России 18 ноября 1965 года в редколлегия ЛР включили Г. Радова и Г. Троепольского. Здесь же главный редактор «Литературной России» Константин Поздняев отчитывался за минувшие два года и доложил: «Напечатали 407 поэтических подборок, из которых москвичам принадлежат 127, а немосквичам – 280». В прозе также мчалась впереди провинция: «В 1964 году опубликовано 120 рассказов и отрывков из повестей и романов, 40 принадлежат москвичам, а 88 – писателям, живущим вне Москвы».

Так что, воспользовавшись словами Гоголя из «Тараса Бульбы», со всей убеждённости и ответственностью следует сказать: есть ещё порох в пороховницах у русской литературы. Рано Игорь Петрович Золотусский опечалился. Ему теперь для подъёма духа надо почитать сибирские литературные журналы.

Руслана ЛЯШЕВА, г. Москва

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

9 июня в Ростове подведены итоги литературного конкурса «Степные всполохи». Первое место в молодёжной категории в номинации «Поэзия» заняла Ольга Хапилова с циклом стихотворений «Хлебозоры».

17 августа в Лесной Поляне прошёл фестиваль авторской песни «Зори над Томью», в котором принял участие поэт Б. Бурмистров.

18 августа поэт Б. Бурмистров прочитал свои духовные стихи перед крестным ходом «Крест над городом»

21 августа в библиотеке им. В. Фёдорова состоялся вечер, посвящённый Дню шахтёра, и представление книги «Шахтёрская доля такая». Приняли участие Б. Бурмистров, И. Куралов.

22 августа в Кузбасском центре искусств, на Советском, 40, прошёл вечер, посвящённый Дню флага России. Гостями были воспитанники детского дома № 2, в мероприятии приняли участие поэты В. Шумилов, И. Фролова, В. Феданов, Б. Бурмистров.

24 августа в центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской состоялся традиционный поэтический конкурс им. Н. И. Попова. Первое место занял А. Абушаев, второе – В. Шастов, третье – А. Карновский.

24 августа в городе Таштаголе прошёл поэтический фестиваль «Спасский самородок». Во встрече участвовали Б. Бурмистров, С. Донбай, И. Куралов, Э. Вистерман, О. Максимов и местные литераторы.

26 августа в школе искусств № 22 города Гурьевска прошла встреча с членом Союза композиторов России Николаем Бирюковым, уроженцем Гурьевска. Прозвучали премьеры трёх песен на стихотворения Михаила Небогатова: «Далеко ты, милая, далеко...», «Что сравнится с тобой...», «Письмо с фронта». На встрече были исполнены романсы на стихи Бориса Бурмистрова «Какая благодать...», «Я не знаю, что будет со мною...», «Белый ветер», «Поплачь душа...», выступил и сам поэт Борис Бурмистров, который сказал, что его стихи в музыкальном исполнении «получили второе рождение».

29 августа 2019 года в центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской состоялось представление первого номера литературного альманаха «Образ» за 2019 год.

5 сентября в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова прошёл вечер памяти известного прозаика и публициста Владимира Фёдоровича Куропатова, посвящённый 80-летию со дня его рождения. О личности и творче-

стве В. Ф. Куропатова высказались те, кто знали писателя лично: члены Союза писателей России Б. Бурмистров и В. Фёданов, историк-краевед В. Сухацкий, С. Мазаева, модератор «Литературной карты Кузбасса» В. Лаврушкина, литературовед Г. Карпова. Вечер организовала дочь писателя Елена Владимировна Трофимова.

19-22 августа 2019 года в селе Новопичугово Новосибирской области состоялось Третье региональное совещание молодых сибирских авторов. По традиции его организаторами выступили Министерство культуры Новосибирской области и редакция журнала «Сибирские огни». В этом году на новосибирской земле встретились фантасты, публицисты и критики. Все кандидаты прошли серьёзный предварительный отбор: из 237 заявок, присланных в приёмную комиссию, были одобрены 29. На совещание приехали талантливые литераторы из Абакана, Ангарска, Барнаула, Иркутска, Искитима, Кемерово, Омска, Новосибирска, Новокузнецка, с. Новобибеево и Киевки, р.п. Краснозерского. Кемеровское отделение Союза писателей России представляли Д. Мурзин и Е. Трухан, ставшие участниками направлений «Критика» и «Публицистика». Семинары вели А. Кирилин из Барнаула, М. Щукин, Г. Прашкевич, А. Шалин, В. Шалыгин, И. Маранин и М. Хлебников из Новосибирска, К. Комаров из Екатеринбурга. Кроме семинаров молодые авторы получили возможность пообщаться с более опытными, прослушать лекции, поучаствовать в поэтических слэмах.

170

3 сентября в филиале кемеровской средней школы № 50 имени Бабенко А.А. состоялся урок русской словесности «Александр Сергеевич Пушкин: путь к Православию». На встречу с учениками начальных классов о творчестве великого поэта из цикла «Русский миръ» пришли протоиерей Евгений Сидорин, победитель городского конкурса «Лучший. Пушкин» в 2018 году М. Логунов, руководитель воскресного клуба «Соотечественники» Ю. Малышев, участник литературной студии «Белый квадрат» М. Фёдорова и др. Дети и взрослые читали стихи. Традицию Пушкинских уроков в храме преподобного Сергия Радонежского в день рождения А.С. Пушкина с 2009 года возрождали священники Алексей Попов, Евгений Сидорин, поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, В. Ерёмченко, А. Иленко, А. Катков, А. Пятак.

с 9 по 24 сентября в Новосибирской области три этапа прошла духовно-просветительская и социально-благотворительная акция «Автопоезд «За духовное возрождение России», организованная Правительством НСО, Новосибирской Митрополией Русской Православной Церкви. С 16 по 19 сентября к работе подключились представители соседних регионов: Дмитрий Мурзин, поэт, ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса» (Кемерово) и Алексан-

дра Малыгина, поэт, представитель журналов «Алтай» (Барнаул). Совместное представление журналов «Сибирские огни», «Алтай» и «Огни Кузбасса» в Доволенском, Здвинском и Кочковском районах.

12-14 сентября в Новосибирске в ГПНТБ СО РАН прошёл международный фестиваль «Книжная Сибирь». Кузбасс представлял поэт Д. Мурзин. В рамках фестиваля прошло представление журнала «Огни Кузбасса» в котором приняли участия поэт и прозаик А. Кердан (Екатеринбург), прозаик А. Шалин и поэт М. Рантович (Новосибирск). 13 сентября состоялась встреча с поэтами М. Шереметева (Санкт-Петербург), С. Михеевой (Иркутск) и Д. Мурзиным (Кемерово).

Призёрами конкурса «Книга года: Сибирь–Евразия–2019» стали два кемеровских издания: серия книг ведущих поэтов Сибири, изданная в рамках проекта «ЛитерА, Советский 40 – адрес сибирской поэзии», издательств журнал «После 12» и «Кузбасский центр искусств» (автор проекта Н. Ибрагимова) и серия книг «Молодые поэты Кузбасса», изданная «Кузбасским центром искусств» и «Творческой мастерской «А3».

16 сентября в Центральной городской детской библиотеке им. Н. Островского г. Сочи прошла встреча с детской писательницей Верой Лавриной. Отдыхая в Сочи, Вера Леонидовна не смогла отказаться себе в удовольствии пообщаться с местными школьниками. После встречи писательница дала короткое интервью газете «Новости Сочи».

27 сентября в селе Кузедеево состоялись «Куропатовские чтения», посвященные 80-летию со дня рождения Владимира Куропатова. Односельчане вспоминали о Владимире Федоровиче с теплом. Марина Черноскутова считает его литературным отцом – еще будучи девчонкой показала ему свои стихи, и он помог ей выйти на поэтическую стезю. Школьники прочитали отрывки из рассказов Куропатова. Выступила поэт из Новокузнецкого района Вера Полянская. Дочь писателя Елена Владимировна Трофимова подготовила выставку из семейного архива – документы, рукописи, дневники. Некоторые вещи она оставила библиотеке для постоянно действующей экспозиции о писателе, подарила участникам книги отца.

27 - 29 сентября VII Всероссийский литературный фестиваль имени Михаила Анищенко прошёл в Самарской области. Гостями и руководителями семинаров стали писатель и литературовед Павел Басинский, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, председатель Самарской областной писательской организации Александр Громов, писа-

тель-фантаст Дмитрий Емец и др. Кузбасс представляли в качестве руководителей семинаров поэты Дмитрий Мурзин и Д. Филиппенко.

2 октября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление 4-го номера журнала «Огни Кузбасса». Б. Бурмистров почитал стихи В. Брюховецкого. Д. Мурзин рассказал о прозе Д. Орлова и А. Кирилина, прочёл стихи Г. Михалёва. Со своими стихами выступил А. Бурко. О своих публикациях поведали Т. Коняева, Б. Дюкин, Л. Чидилян, Е. Трухан, С. Старовойтова, Г. Карпова, Е. Тюшина. Автора Светлицы Марию Дорохову представила её педагог М. Цыпайкина.

Б. Бурмистров объявил имена вновь принятых членов Союза писателей России: Юрий Дубатов, Юрий Матвеев, Екатерина Тюшина, Елена Трухан, Юлия Сычева, Ольга Комарова. Писательские билеты нового образца были вручены В. Коврижных, С. Улановой, И. Фроловой, А. Ярошуку и др. Вёл вечер главный редактор журнала, поэт Сергей Донбай.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

«Наш современник» в 8 номере за 2019 год дал рассказ **Агаты Рыжовой** «Я здесь живу» и рассказы **Виктории Сагдиевой**.

В сборнике памяти Николая Коняева «Благовест книжного слова» напечатаны воспоминания **Сергея Донбая** «Встретились взглядами».

В газете «Аргументы и факты в Кузбассе» № 39 вышло интервью с поэтом **Д. Мурзиным** «Казаться поэтом – не значит быть им!»

«Сибирские огни» в №8 за 2019 год дал репродукции кемеровского художника **Н. Шемарова** и сопроводительную статью искусствоведа «Николай Шемаров. Верность традиции»

ВЫШЛИ КНИГИ:

Священник Сергей Адодин. Книжка для своих. Смоленск: Свиток, 2019. 264 с. : ил.

Гулевич Г. И. Одной судьбой с Отечеством живу: Сб. стихов. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2019. 84 с.

Коняев В. Запах жареной совести: Статьи. Кемерово: Скиф, 2019. 548 с.

Светлая даль: Сборник поэзии творческого объединения «Литературный салон» при Центральной библиотеке им. М. А. Небогатова Гурьевского района Кемеровской области. СПб.: МедиаЛира, 2019. 140 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».**

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 5. Дата выхода в свет: 10.11.2019

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 197. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор: **Е. В. Фефелова**

Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**